

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ОДИННАДЦАТЫЙ

МОСКВА
2018

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ОДИННАДЦАТЫЙ

МОСКВА
№ 3/2018

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 г.

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ОДИННАДЦАТЫЙ

МОСКВА
№ 3/2018

УДК 33
ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

УДК 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2018
© The Free economic society of Russia, 2018

ISBN 978-5-94160-209-4
ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов ВЭО России

БОДРУНОВ С.Д. Президент ВЭО России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

Редакционный совет Научных трудов ВЭО России

АСАУЛ А.Н. Член Президиума ВЭО России, директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

ГЕОРГИЕВ Р.М. Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария).

ГЛАЗЬЕВ С.Ю. Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ГРИНБЕРГ Р.С. Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ГРИШИН В.И.

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ДАВЫДОВ В.М.

Член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иberoамериканского мира, заместитель Председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ДЫНКИН А.А.

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ИВАНТЕР В.В.

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Координационного совета Международного Союза экономистов, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ЛЕМЕЩЕНКО П.С.

Член Международного комитета ВЭО России, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор, (г. Минск, Республика Беларусь).

ПЕТРИКОВ А.В.

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А.Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ПОРФИРЬЕВ Б.Н.

Член Президиума ВЭО России, и.о. директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

САМЕДЗАДЕ З.А.

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Союза экономистов Азербайджана, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, промышленности и предпринимательству, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика).

СИЛИН Я.П.

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, руководитель ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

СОРОКИН Д.Е.

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

- ЭСКИНДАРОВ М.А.** Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).
- ЯКУТИН Ю.В.** Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).
- ГЭЛБРЕЙТ ДЖ.** Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса (США).
- НОЛАН П.** Член Международного комитета ВЭО России, профессор, директор Центра развития Кембриджского университета (Великобритания).

Редакционная коллегия Научных трудов ВЭО России

- АЛЕКСЕЕВ А.В.** Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия).
- БОБИНА А.В.** Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия).

БАРСУКОВ И.Е.

Член Правления ВЭО России, декан факультета управления ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), ученый секретарь экспертного Совета ВЭО России по программе «Независимая оценка качества экономического образования», к.э.н. (г. Москва, Россия).

ВЕРЕНИКИН А.О.

Член Правления ВЭО России, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ГОЛОВ Р.С.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Производственный менеджмент и маркетинг» Института инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ДЗАРАСОВ Р.С.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия).

ЗОЛОТАРЕВ А.А.

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития им С.Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия).

МАНЮШИС А.Ю.

Член Правления ВЭО России, первый проректор Международного университета в Москве, председатель экспертного Совета ВЭО России по программе независимая оценка качества экономического образования, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор. (г. Москва, Россия).

РАТНИКОВА М.А.

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия).

Editor-in-Chief of Transactions of the Free Economic Society of Russia

BODRUNOV S.D. President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

Editorial Council of Transactions of the Free Economic Society of Russia

ASAUL A.N. Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at Autonomous Non-Profit Organization Institute of Economic Revival Problems, Honorary Scientist of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economic, Professor (Saint Petersburg, Russia).

GUEORGUIEV R.M. Vice-president of the International Union of Economists, Deputy Dean of the Faculty of Economics and Business Administration at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria).

GLAZIEV S.Yu. Vice-president of the VEO of Russia, adviser to the President of the Russian Federation, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

GRINBERG R.S.

Vice-president of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

GRISHIN V.I.

Vice-president of the VEO of Russia, Rector at Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

DAVYDOV V.M.

Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

DYNKIN A.A.

Vice-president of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice-president of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium of the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

- IVANTER V.V.** Full member of the Senate at the VEO of Russia, Academic Adviser at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Deputy Secretary-Academician, Head of Economic Section at the Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).
- LEMESHCHENKO P.S.** Member of the International Committee at the VEO of Russia, Head of the Theoretical and Institutional Economics Department at the Belorussian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus).
- PETRIKOV A.V.** Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russia Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).
- PORFIRIYEV O.N.** Member of the Presidium of the VEO of Russia, Acting Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).
- SAMEDZADE Z.A.** Vice-president of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan).

SILIN Ya.P.

Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia).

SOROKIN D.Ye.

Vice-president of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice-president of the International Union of Economists, Academic Adviser at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

ESKINDAROV M.A.

Vice-president of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

YAKUTIN Yu.V.

Vice-president of the VEO of Russia, Academic Adviser of the «*Ekonomicheskaya Gazeta*» Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

GALBRAITH J.

Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the University of Texas (USA).

NOLAN P.

Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University (United Kingdom).

Editorial Board of Transactions of the Free Economic Society of Russia

- ALEXEYEV A.V.** Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at «Mir Peremen» International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia).
- BOBINA A.V.** Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Academic Conferences and Nationwide Projects at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia).
- BARSUKOV I.Ye.** Member of the Board of the VEO of Russia, Dean of the Management Faculty at the Academy of Public Administration, Academic Secretary of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia).
- VERENIKIN A.O.** Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Postgraduate Education at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).
- GOLOV R.S.** Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Production Management and Marketing Department at the Institute of Engineering Economics and Humanities of the Moscow Institute of Aircraft Engineering, member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Editor-in-Chief of «Economics and Management in Machine-Building» journal, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

DZARASOV R.S.

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia).

ZOLOTAREV A.A.

Vice-president of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg and Leningrad Region interregional organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Executive Vice-president of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of Saint-Petersburg, Candidate of Economics (Saint-Petersburg, Russia).

MANYUSHIS A.Yu.

Member of the Board of the VEO of Russia, First Vice Rector at the International University in Moscow, Chairman of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

RATNIKOVA M.A.

Vice-president of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice-president, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia).

Содержание

- 27**   **НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**
Научно-практическая конференция «Российская промышленность на фоне мировой»
- 29**   *С.Д. Бодрунов*
Российская промышленность на фоне мировой
- 36**   *О.Н. Смолин*
Образование и кадры для новой индустриализации
- 73**   *В.И. Катенёв*
Промышленность в современной экономике:
отечественная продукция и ее производство
- 78**   *С.Г. Митин, Т.В. Панова, Г.В. Сысоев*
Модернизация российского агропромышленного
комплекса: проблема и перспективы развития
- 95**   *М.В. Ершов*
Промышленная политика в условиях кризисов и санкций
- 108**   *Р.С. Голов*
Энергетический сервис как экономический драйвер
развития высокотехнологичной промышленности
- 120**   *Г.Н. Цаголов*
Реформа базиса необходима
- 126**   *Н.М. Абдикеев, Ю.С. Богачев*
Выбор стратегических направлений повышения
конкурентоспособности промышленности
и совершенствование механизмов государственного
регулирувания
- 146**   *О.В. Лосева, Н.М. Абдикеев, А.С. Диденко*
Ранжирование и кластеризация регионов по уровню
эффективности научно-инновационной деятельности
- 162**   *Е.Л. Морева, Л.В. Оболенская*
Уроки для России: проблемы политики развития
обрабатывающей промышленности в США

- 181 **И.Г. Тютюнник, Е.П. Симаева**
Правовое регулирование применения информационно-коммуникационных технологий в промышленной политике
- 191 **Л.В. Оболенская, Е.Л. Морева**
Панель управления инновациями в российском контексте: проблемы и решения
- 210 **Т.В. Погодина, Н.М. Абдикеев**
Особенности реализации промышленной политики в условиях цифровизации экономики России
- 229 **С.А. Толкачев, Ю.А. Романова, Д.Е. Морковкин**
Анализ международного опыта развития цифровой экономики и формирование предложений по его адаптации в промышленности России
- 246 **А.В. Шаркова**
Повышение конкурентоспособности социально-экономических систем
- 261** **КООРДИНАЦИОННЫЙ КЛУБ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ**
Четырнадцатая экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России на тему: «Население России: каким оно будет?»
- 264 **А.И. Антонов**
Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения РФ
- 275 **Р.С. Голов**
Развитие реиндустриализации экономики России в контексте актуальных демографических проблем
- 285 **М.В. Ершов, А.С. Танасова**
Высокотехнологичные рабочие места: механизмы стимулирования

- 294 **А.Е. Городецкий**
О социомедицинских факторах демографического развития и безопасности
- 322 **В.В. Елизаров**
Целевые показатели демографического развития России на 2024 год: поможет ли опыт недавнего прошлого в их достижении?
- 351 **А.И. Антонов**
Экспертное заключение
- 361** **МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ**
- 363 **Международный Мемориум Вольного
экономического общества России,
посвященный 200-летию со дня рождения
Карла Маркса**
- 367 **С.Д. Бодрунов**
К. Маркс. Четвертая технологическая революция.
Ноономика
- 390 **Р.С. Гринберг**
Когда Маркс возвращается
- 401 **А.В. Бузгалин**
Марксистская политическая экономия в XXI веке:
производительные силы, производственные
отношения, человек
- 428 **Я.А. Пляйс**
Величие марксизма и императив исторической
реальности

- 461** АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
- 462 *Э.Р. Закирова, А.Е. Галинурова, В.В. Казанцева*
Меры государственной поддержки агропромышленного комплекса: единая региональная субсидия
- 471 *Н.А. Истомина*
Эволюция подходов к бюджетному планированию
- 481 *Л.М. Капустина, О.Д. Фальченко, А.А. Древалев*
Влияние экономического цикла на конъюнктуру мирового рынка меди
- 498 *Е.А. Корсакова*
О предмете истории и методологии экономической науки
- 514 *А.Е. Плахин, Е.С. Огородникова*
Асимметрия распределения дохода стейкхолдеров в рамках парковых структур
- 525 *Я.П. Силин, Е.Г. Анимица, Н.В. Новикова*
Уральский макрорегион в эпицентре российских индустриальных модернизаций
- 548 *С.Р. Царегородцева, И.С. Кондратенко*
Объективные и субъективные предпосылки для роста отрасли птицеводства на Урале
- 559 *Т.Л. Маркова, И.В. Первухина, С.Г. Пьянкова*
Взаимосвязь мегатрендов, перспектив развития рынка труда и системы высшего образования: зарубежный и отечественный аспект
- 582 *Р.С. Голов, А.В. Мыльник*
Ключевые тенденции развития маркетинга в промышленности в контексте парадигмы «Индустрия 4.0»
- 592 *В.П. Бауэр, Г.Л. Подвойский, Н.А. Никитин, В.Ю. Чайкин*
Повышение эффективности энергопоставок из возобновляемых источников энергии с помощью smart-grid

- 609 ***В.В. Шеховцов, А.С. Плотников, О.В. Фетисова***
Взаимодействие ВолгГТУ с предприятиями реального сектора экономики в сфере дополнительного профессионального образования
- 630 ***О.С. Сухарев***
Промышленная политика: проблема технологического обновления
- 660 **Требования к научным статьям для публикации**

Contents

- 27**   **SCIENTIFIC DISCUSSIONS**
Scientific and Practical Conference «Russian industry against the background of a global one»
- 29**   ***S.D. Bodrunov***
Russian industry against the background of a global one
- 36**   ***O.N. Smolin***
Education and human resources for the new industrialization
- 73**   ***V.I. Katenev***
Industry in the modern economy: national product and its manufacture
- 78**   ***S.G. Mitin, T.V. Panova, G.V. Sysoev***
The improvement of russian agro-industrial complex: problems and development prospects
- 95**   ***M.V. Ershov***
Industrial policy in crises and sanctions
- 108**   ***R.S. Golov***
Energy service as an economic driver for the development of high-tech industry
- 120**   ***G.N. Tsagolov***
The reform of basis is necessary
- 126**   ***N.M. Abdikeyev, Yu.S. Bogachev***
The choice of strategic directions of increase the competitiveness of industry and improvement of mechanisms of state regulation
- 146**   ***O.V. Loseva, N.M. Abdikeyev, A.S. Didenko***
Ranking and clustering of regions by the level of efficiency of scientific and innovative activity

- 162 ***E. L. Moreva, L.V. Obolenskaya***
Lessons for Russia: the problems of the development policy
in manufacturing of the United States
- 181 ***I.G. Tyutyunnik, E.P. Simaeva***
Legal framework for the use of information and
communication technologies in the industrial policy
- 191 ***L.V. Obolenskaya, E.L. Moreva***
Innovation scoreboard in the Russian context:
problems and solutions
- 210 ***T.V. Pogodina, N.M. Abdikeev***
Features of realization of industrial policy in the era of
digitalization of the Russian economy
- 229 ***S.A. Tolkachev, Yu.A. Romanova, D.E. Morkovkin***
Analysis of international experience in the development
of the digital economy and formation of proposals on its
adaptation in Russian manufacturing
- 246 ***A.V. Sharkova***
Increasing the competitiveness of socio-economic systems
- 261** **COORDINATING CLUB OF RUSSIAN VEO**
14th Russian VEO Coordinating club expert session
on the topic: «Russian population:
what it will be like?»
- 264 ***A.I. Antonov***
The goals of the active family-demographic policy in
connection with population dynamics in Russian Federation
- 275 ***R.S. Golov***
Development of the reindustrialization of the Russian
economy in the context of current demographic problems
- 285 ***M.V. Ershov, A.S. Tanasova***
High-tech jobs: how to stimulate their growth

- 294 **A.E. Gorodetsky**
Socio-medical factors of demographic development and security
- 322 **V.V. Elizarov**
Targets Russia's demographic development, 2024: will recent experience in achieving them?
- 351 **A.I. Antonov**
Expert analysis
- 361** **RUSSIAN VEO INTERNATIONAL COMMITTEE**
Memorial of Russian VEO dedicated to the 200th anniversary Karl Marx's birth
- 365 Karl Marx 200th anniversary international memorium held by the Free economic society of Russia
- 367 **S.D. Bodrunov**
K. Marx. The fourth technological revolution.
Noonomy
- 390 **R.S. Grinberg**
When Marx returns
- 401 **A.V. Buzgalin**
Marxist political economy in the 21st century: productive forces, production relations, man
- 428 **Ya.A. Plyais**
Grandeur of marxism and imperative of historical reality
- 461** **ANALITICAL ARTICLES**
- 462 **E.L. Zakirova, A.E. Galinurova, V.V. Kazantseva**
Measures of state support of the agroindustrial complex: unified regional subsidy

- 471 **N.A. Istomina**
Evolution of approaches to budget planning
- 481 **L.M. Kapustina, O.D. Falchenko, A.A. Drevalov**
Influence of the economic cycle on the world copper market situation
- 498 **E.A. Korsakova**
On the subject of history and methodology of economic science
- 514 **A.D. Plakhin, E.C. Ogorodnikova**
The asymmetry of the income distribution of stakeholders within the park structures
- 525 **Y.P. Silin, Y.G. Animitsa, n.V. Novikova**
Ural macro-region in the midst of russian industrial modernizations
- 548 **S.R. Tsagegorodtseva, I.S. Kondratenko**
Objective and subjective background for growth of poultry industry in Urals
- 559 **T.L. Markova, I.V. Pervukhina, S.G. Pyankova**
Interactions between megatrends, labour market expectations and higher education: international and national aspects
- 582 **R.S. Golov, A.V. Mylnik**
Main marketing development tendencies of industry in the "Industry 4.0" Paradigm
- 592 **V.P. Bauer, G.L. Podvoyskiy, N.A. Nikitin, V.Yu. Chaikin**
Increase efficiency of energy supplies from renewable energy sources with smart-grid
- 609 **V.V. Shekhovtsov, A.S. Plotnikov, O.V. Fetisova**
Interaction of Volgograd state technical university with enterprises of the real sector of the economy in the sphere of additional vocational education

- 630 ***O.S. Sukharev***
Industrial policy: the problem of technological update
- 660 **Requirements for publication of academic papers**

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ФОНЕ МИРОВОЙ»

23 мая 2018 года в Доме экономиста состоялась научно-практическая конференция, посвященная российской промышленности.

Конференция была организована совместно Вольным экономическим обществом России и Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации.

Тема дискуссии была выбрана в связи с разработкой долгосрочной экономической стратегии России, ориентированной на исполнение указаний Президента РФ в сфере экономической политики государства.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров конференции.

РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ФОНЕ МИРОВОЙ RUSSIAN INDUSTRY AGAINST THE BACKGROUND OF A GLOBAL ONE

С.Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, Президент
Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

S.D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President
of the International Union of Economists,
Director of the Institute of the new industrial
development named after S.Y. Vitte, Dr. Sc.
Econ., Professor

АННОТАЦИЯ

Базируясь на данных промышленного производства в различных странах, а также на анализе последних мировых тенденций, в частности решоринга, автор говорит о том, что промышленность не только не утратила своей значимости в современной экономике, а напротив, эта значимость возросла. Несмотря на уменьшение доли промышленного производства в ВВП развитых стран, промышленность не исчезает — меняется ее качество. По мнению автора, в будущем нас ждет вовсе не деиндустриализованное общество,

а «новое индустриальное общество второго поколения». Для перехода к этому новому, прогрессивному типу общественного устройства, к новой структуре экономики, новому технологическому укладу нам требуется реализация активной и целенаправленной промышленной политики. А для этого необходимо изучение и развитие, насыщение новыми формами, способами, инструментами влияния на промышленность.

ABSTRACT

On the basis of data dealing with industrial production in different countries, as well as analysis of the latest global trends, reshoring in particular, the author asserts that industry has not lost its importance for modern economy. Moreover, its significance has increased. Though industrial production accounts for a smaller share of GDP in developed countries today, one cannot say that industry is fading away. It is that its quality is changing. According to the author, deindustrialized society is not the formation that we should expect in the future. On the contrary, we are moving towards «a new industrial society of second generation». The transition to this new and progressive type of social order, new economic structure and technological setup requires active and targeted industrial policy, which should be studied, developed, as well as enriched with new forms, methods and tools of economic influence.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Промышленное производство, конкурентоспособность, рещоринг, новый технологический уклад, промышленная политика, постиндустриальное общество, новое индустриальное общество.

KEYWORDS

Industrial production, competitive ability, reshoring, new technological setup, industrial policy, postindustrial society, new industrial society

Проблемы промышленной политики как никогда актуальны в современных условиях. Началась новая индустриальная революция. В официальном российском лексиконе до последнего времени вообще отсутствовал сам термин «промышленная политика». Промышленность была, некая экономическая политика государством проводилась, но промышленной политики как таковой не было. И только три с небольшим года назад, а именно 31 декабря 2014 года, в России был принят Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

С чем это связано? Здесь есть два аспекта.

Первый. В основе российской (и не только российской, такая же ситуация была свойственна многим странам мира) экономической политики до недавнего времени лежала либеральная экономическая доктрина, зачастую низводящая роль государства в экономике до положения «ночного сторожа», ориентированная на представления об исключительно высокой эффективности рыночного саморегулирования. Но жизнь показала, что эти представления, к сожалению, далеко не всегда соответствуют действительности.

Второй. Теоретической предпосылкой, которая послужила свертыванию в нашей стране в последние десятилетия промышленной политики, являлась концепция так называемого «постиндустриального общества». Сделав акцент на чисто количественных изменениях в структуре производства, многие авторитетные экономисты, а вслед за ними и политики, пришли к выводу о том, что промышленность изжила себя.

Действительно, доля промышленного производства в современном выпуске снижается. Например, в европейских странах доля промышленного производства в ВВП в 2015—

2016 г. колебалась в диапазоне от 11,6 (Греция) до 32,4% (Норвегия и Чехия). В России на так называемую традиционную промышленность приходится 26,7% ВВП, в Израиле — 18,3, Китае — 36,9, Японии — 20,4, США — 16,6% и т.д. При этом с течением времени эта доля имеет тенденцию к уменьшению. Постиндустриалисты, используя эти данные, сделали вывод о том, что промышленный сектор — не прогрессивный, «исчезающий» и потому не заслуживающий внимания со стороны государства.

Это заблуждение. Теоретический миф о постиндустриальном обществе получил очень широкое распространение не только в теории, но и в практике государственного управления. Однако он неверен. Вот пример — сельское хозяйство. Его доля в ВВП еще ниже, чем промышленности. Например, в США на сельское и лесное хозяйство, охоту и рыболовство приходится всего 1,4% ВВП, в России — 4,7, во Франции — 1,7%. Это не значит, что количественные изменения в структуре выпуска ведут к тому, что люди стали питаться воздухом или услугами, а продовольствие утратило свое значение как стратегический, критически важный для обеспечения национального суверенитета товар. Не случайно, например, в рамках ВТО аграрное производство и торговля продукцией сельского хозяйства выделены в отдельное направление регулирования. Сходная ситуация с регулированием этого сектора экономики складывается и при формировании региональных торговых и экономических союзов (ЕС, ЕАЭС и др.).

Нечто похожее можно сказать применительно и к промышленности. Как показано в наших многочисленных исследованиях, выполненных Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, в течение последних лет

промышленность не только не утратила своей значимости в современной экономике, но, напротив, эта значимость возросла. Причем существенно. Хотя доля промышленности в ВВП снижается.

Здесь нет никакого противоречия с развитием сервисного, информационного, виртуального и иных секторов экономики, на которые указывают сторонники доктрины постиндустриального будущего человечества. Подобно тому, как жизнедеятельность человеческого организма требует пищи, которую, в конечном счете, поставляет сельское хозяйство, так и жизнедеятельность современной экономики и общества в целом требуют развитой промышленности. Именно промышленная продукция служит той материальной основой, которая определяет сегодня уровень жизни населения, качество этой жизни, конкурентоспособность на национальном, региональном и корпоративном уровне.

На самом деле промышленность не исчезает — меняется ее качество. По нашей оценке, изложенной в ряде книг и статей, в будущем нас ждет вовсе не деиндустриализованное общество, а новое индустриальное общество второго поколения, мы называем его сокращенно НИО.2. И его основа — развитое, современное, высокотехнологичное и экономически эффективное промышленное производство.

Для перехода к этому новому, прогрессивному типу общественного устройства, к новой структуре экономики, новому технологическому укладу нам требуется реализация активной и целенаправленной промышленной политики.

Необходимость активизации промышленной политики сегодня признается не только в России, но и в ведущих странах мира. Вопросам технологического, индустриально-го лидерства много внимания уделяется в стратегиях и про-

граммах, разрабатываемых и реализуемых в ЕС, США, Китае, Японии и т.д.

Мы являемся свидетелями глобальной исторической хозяйственной трансформации — смены технологического уклада.

Контроль за новыми технологиями и выпуском новой техники на их основе станет ключевым фактором конкурентоспособности в современном мире, механизмом экономического влияния на мирохозяйственные и даже политические процессы.

И еще один важный аспект. Именно в момент перехода к новому технологическому укладу шансы разных игроков, в том числе лидеров, уравниваются. В этой ситуации важно «нащупать» магистральные направления будущего индустриального развития и своевременно поддержать их опережающее развитие. Именно на решение этих задач, по нашему мнению, и должна быть ориентирована современная промышленная политика.

Можно обратиться к свежим примерам. Например, желание Д. Трампа осуществить рещоринг, т.е. не только формальный возврат под юрисдикцию США, но и физическое перемещение промышленных производств из развивающихся стран (прежде всего из Азии) в Америку. Эта концепция диаметрально противоположна реализовывавшейся ранее стратегии офшоринга. Во многих странах Запада, а не только в США, в этой связи возрастает практический интерес к активной промышленной политике.

По оценкам The Boston Consulting Group (BCG), более половины крупных американских производственных компаний планируют перенос производства из Китая в США или рассматривают такую возможность.

Что даст это глобальное перемещение промышленности?

Помимо роста ВВП и общего экономического оживления, рещоринг создаст 2,5—5,0 млн новых рабочих мест в американской экономике к 2020 г.

Понимаем ли мы, что и у нас будут аналогичные последствия реиндустриализации? Безусловно, столь масштабные процессы требуют адекватной государственной поддержки, которая должна осуществляться в рамках промышленной политики. В связи с этим требуется изучение и международного, и отечественного опыта реализации промполитики, ее развитие, насыщение новыми формами, способами, инструментами влияния на экономику.

Таковыми обстоятельствами определяется важность и значимость рассматриваемой нами проблематики, не только с научных, теоретических позиций, но и с позиций практических, прикладных. Ведь от того, насколько успешными и эффективными окажутся выбираемые сегодня модели промышленной политики, зависит то, насколько конкурентоспособными, даже скажем так — жизнеспособными, будут национальные экономики уже в ближайшем будущем.

ОБРАЗОВАНИЕ И КАДРЫ ДЛЯ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

EDUCATION AND HUMAN RESOURCES FOR THE NEW INDUSTRIALIZATION

О.Н. СМОЛИН

д.ф.н., академик РАО,
первый заместитель председателя Комитета
Государственной думы по образованию
и науке, член Президиума ВЭО России

O.N. SMOLIN

Prof., Dr. of Philosophy, Principal Deputy of
the Chairman of the State Duma C ommittee on
education and science, Member of the Presidium
of VEO of Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам кадрового кризиса в современной России и задачам кадрового обеспечения новой индустриализации страны.

Главную причину кадрового кризиса автор видит в системных проблемах отечественного образования, особо отмечая среди них:

- хроническое недофинансирование;
- низкий статус педагогического работника;
- бюрократизацию образовательных отношений;

- псевдооптимизацию сети образовательных организаций.

Автор предлагает пути решения названных системных проблем, которые были предложены в многочисленных законодательных инициативах, подготовленных с его участием, включая проект федерального закона «Об образовании для всех».

ABSTRACT

The article is dedicated to the problems of human resources crisis in nowadays Russia and to the tasks of staff support for the new industrialization of the country.

The author regards the key causes of the staff crisis in the system problems of the national education, in particular:

- chronicle lack of finance;
- low status of pedagogical worker;
- bureaucratization of educational relations;
- pseudooptimisation of the net of educational institutions.

The author proposes the ways of solving aforementioned system problems that have been offered in the numerous legislative initiatives which having been prepared with his participation including the project of the Federal law «On education for all».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новая индустриализация, кадровый кризис, стагнация экономики, системные проблемы образования, хроническое недофинансирование, статус педагогического работника, бюрократизация образования, псевдооптимизация образовательной сети, справедливое распределение, развитие человеческого потенциала.

KEYWORDS

New industrialization, staff crisis, economic stagnation, system problems of education, chronicle lack of finance, status of pedagogical worker, bureaucratization of educational relations, pseudooptimisation of the net of educational institutions, just distribution, development of human potential.

Идея новой индустриализации объединяет в России самые разные политические силы — от Союза промышленников и предпринимателей до левой оппозиции. И это не случайно: по данным научного руководителя Института экономики РАН Р.С. Гринберга, доля машиностроения и металлообработки в России в 1990 г. составляла 28%, в настоящее время — 12%. А по оценкам вице-президента нанотехнологического общества Г.Г. Малинецкого, количество инноваций по сравнению с советскими временами сократилось приблизительно в 5–7 раз. Объем такого рода тревожных данных можно без труда увеличить в десятки раз. За исключением оборонно-промышленного комплекса и некоторых немногочисленных отраслей народного хозяйства, деиндустриализация налицо.

Особенно ярко проблему высветили международные санкции, показавшие слабость реального сектора экономики в стране. Правда, правящая элита вместо новой индустриализации предложила стране эвфемизм «импортозамещение». Однако курс на импортозамещение явился ответом на внешние санкции, тогда как новая индустриализация — это, прежде всего, внутренняя потребность страны.

Признание необходимости новой индустриализации неизбежно приводит к постановке задачи ее кадрового обеспечения. Опыт XX века убедительно доказывает: все без исключения «экономические чудеса» сопровождались (нередко с опережением) наращиванием инвестиций в образование. Так было в послевоенной Германии, Японии, позднее в Южной Корее, но еще раньше — в СССР.

В СССР уже в 1930-х затраты на образование рассматривали не как «бремя государства» (как говорят современные системные либералы), но как инвестиции в будущее. Тогда

еще не были известны работы экономистов — нобелевских лауреатов, включая Василия Леонтьева, Эдварда Денисона и др., которые полностью это подтверждают. Но на уровне здравого смысла власть это прекрасно понимала.

Данными о доле государственных расходов на образование в 1930-х не располагаю, но только с 1933 по 1937 гг. расходы на школы увеличились в 3,5 раза. В 1950-х они составляли 10–12% от ВВП; в 1970-м, по данным Мирового банка, —7%.

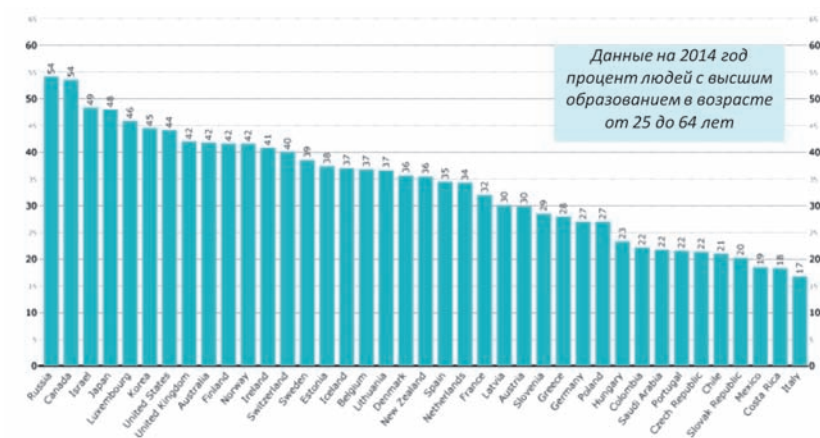
После решения ЦК и Правительства в 1930 г. о введении в стране обязательного начального образования в школах появилось 10 млн новых учеников и 60 тысяч новых учителей. В 1933–1937 гг. в стране было построено почти 19 тысяч новых школ, в т. ч. более 15 тысяч на селе. Одновременно в 1930-х было открыто почти 400 новых вузов.

Современная же ситуация в России характеризуется следующим парадоксом: наряду с Канадой страна является мировым лидером по доле граждан в возрасте от 25 до 64 лет с высшим образованием (см. рис. 1) и при этом испытывает острый кадровый кризис.

Что касается кадрового кризиса, отметим лишь следующее¹.

В советское время любой учитель, врач или управленец повышал квалификацию не реже одного раза в пять лет. С тех пор скорость устаревания знаний резко выросла. Будучи президентом, Д. Медведев признавал, что в развитых странах 60–70% населения повышают квалификацию ежегодно, а в России — лишь около 10% (по другим данным, около 5%).

¹ Подробнее см.: Смолин О.Н. Русь, куда ж несешься ты? (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы) // Философские науки. 2013. № 12. С. 5–19.

Рис. 1. Количество людей с высшим образованием в различных странах мира (по данным Организации экономического сотрудничества и развития)

Иностранные фирмы, работающие на территории России, в последнее время с тревогой (разумеется, не о России, но о собственных доходах) отмечают утрату страной одного из главных ее конкурентных преимуществ — высококвалифицированной рабочей силы.

Невозможно отрицать, что деквалификация и падение профессионализма — реальная и весьма серьезная угроза для модернизации и национальной безопасности России.

В данном случае любимые вопросы русской интеллигенции стоит перефразировать: в чем причины кадрового кризиса и как его преодолеть?

На взгляд автора, корни кризиса следует искать не в частных, но в системных проблемах отечественного образования.

ПОНЯТИЕ СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМ

Системные проблемы российского образования имеют по меньшей мере четыре признака:

- охватывают образовательную систему в целом или большинство ее элементов;
- проявляются на всех уровнях образования или большей их части;
- имеют межведомственный характер, требуют совместных усилий нескольких структур законодательной и исполнительной власти;
- как правило, не могут быть решены исключительно средствами политики в области образования, но требуют решений на уровне образовательной политики в целом.

При этом автор различает политику в области образования и образовательную политику.

Политика в области образования — комплекс мер, принимаемых либо программируемых органами власти и местного самоуправления различных уровней, политическими партиями и общественными объединениями в отношении образования как социального института (системы образования).

Государственная образовательная политика — одно из ключевых направлений внутренней политики государства, имеющее целью создание экономических, институциональных и духовно-идеологических условий для осуществления основных функций образования, включая формирование определенного типа (или типов) личности, воспроизводство кадрового потенциала общества и воспитание граждан государства в соответствии с принятой системой ценностей.

К системным проблемам образования можно отнести следующие:

- 1) ценности образовательной политики, ее идеологию;
- 2) финансирование (точнее, недофинансирование) образования;
- 3) статус педагога — от воспитателя детского сада до профессора;
- 4) статус учащегося — от дошкольника до аспиранта;
- 5) содержание образования — чему учить;
- 6) в многонациональных странах — проблему языков обучения, соотношения общегосударственных и этнокультурных компонентов в содержании образования;
- 7) управление образованием — проблема деbüroкратизации;
- 8) развитие сети образовательных организаций, в т. ч. определение их оптимального размещения;
- 9) современные образовательные технологии — электронное обучение;
- 10) здоровье учащихся;
- 11) образование лиц с ограниченными возможностями здоровья — инклюзивное и (или) коррекционное;
- 12) главный итог — воспитание, формирование личности.

Остановимся лишь на некоторых системных проблемах современного отечественного образования, порождающих кадровый кризис.

Недофинансирование

Много лет я нахожусь в состоянии, скажем мягко, творческой дискуссии с коллегами — системными либералами из Высшей школы экономики. Но при этом внимательно

смотрю их данные. Давайте откроем последний справочник «Вышки».

1. С 2000 по 2015 г. государственные расходы на образование в России выросли примерно с 215 млрд до 3,035 трлн руб., т. е. приблизительно в 14 раз. Казалось бы, гигантский рост.

2. При этом доля расходов на образование в консолидированном бюджете по отдельным уровням образования почти не изменилась, а в целом даже уменьшилась. Конкретно это выглядит так:

а) суммарные расходы на образование от валового внутреннего продукта в консолидированном бюджете в 2006 г. составляли 3,9%, в 2015 г. — 3,6%;

б) в 2016 и 2017 гг. государственные расходы на образование росли медленнее официальной инфляции, следовательно, их доля от валового внутреннего продукта даже с учетом его уменьшения снижалась.

Другими словами, государство сэкономило на образовании в 1990-е, на рубеже 2000-х — и продолжает экономить сейчас.

3. По доле расходов на образование в консолидированном бюджете среди стран Организации экономического сотрудничества и развития Россия занимает 22-е место из 33 стран, по которым есть данные (см. табл. 1)².

4. По доле расходов на образование от валового внутреннего продукта место нашей страны еще хуже — 29-е из 33 (см. табл. 2)³.

² Доля расходов на образование в России и странах ОЭСР в процентах от общих государственных расходов за 2015 г. (по зарубежным странам данные за 2013 г.). Индикаторы образования: 2017. Статистический сборник (Высшая школа экономики). М. 2017. С. 303.

³ Государственные расходы на образование в России и странах ОЭСР в процентах к ВВП 2015 г. (по зарубежным странам данные за 2013 г.). Индикаторы образования: 2017. Статистический сборник (Высшая школа экономики). М. 2017. С. 302.

Таблица 1

Доля расходов на образование в России и странах ОЭСР от общих государственных расходов за 2015 г. (по зарубежным странам данные за 2013 г.), %

Место	Страна	Всего	Высшее образование
1	Новая Зеландия	18.4	4.5
2	Мексика	17.3	4.0
3	Чили	15.4	4.2
4	Швейцария	14.9	4.1
8	Норвегия	13.0	4.3
10	Республика Корея	12.8	2.7
12	США	12.2	4.0
13	Великобритания	12.1	3.0
15	Израиль	11.5	1.6
18	Латвия	11.1	2.2
21	Польша	10.3	2.8
22	Россия	10.2	1.7
33	Венгрия	6.8	1.7

Слабым утешением может служить тот факт, что, по данным Высшей школы экономики, в 2011 г. по этому показателю Россия занимала предпоследнее место среди стран ОЭСР.

Таблица 2

Государственные расходы на образование в России и странах ОЭСР к ВВП 2015 г. (по зарубежным странам данные за 2013 г.), %

Место	Страна	Расходы
1	Норвегия	6.2
2	Дания	6.1
3	Финляндия	5.6
7	Великобритания	5.2
8	Португалия	5.1

Место	Страна	Расходы
10	Эстония	5.0
13	Израиль	4.8
17	Канада	4.6
18	Польша	4.4
20	Турция	4.3
21	США	4.2
23	Латвия	4.0
26	Германия	3.7
29	Россия (в 2011 г. занимала предпоследнее место)	3.6
33	Япония	3.2
34	Венгрия	3.1

5. Но самое интересное — измеренные Высшей школой экономики расходы на образование в постоянных ценах, где за 100% приняты расходы в ценах 2006 г.⁴ (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика расходов на образование в реальном исчислении с учетом инфляции, %

Год	Всего	Государственные расходы	Расходы за счет внебюджетных источников
2010	144	161	94
2011	142	160	88
2012	159	180	95
2013	155	178	85
2014	141	162	78
2015	132	149	78

⁴ Расходы на образование в Российской Федерации в постоянных ценах. Индикаторы образования: 2017. Статистический сборник (Высшая школа экономики). М. 2017. С. 72.

Из таблицы видно, что государственные расходы на образование в России с 2012 по 2015 г. сократились больше чем на 30%. Подчеркну специально: речь идет именно о государственных расходах, а не обо всех расходах на образование.

В 2016 и 2017 гг. в реальном исчислении расходы на образование в стране снижались, ибо их номинальный рост был ниже темпа официальной инфляции. В 2018 г. как минимум на федеральном уровне запланирован некоторый рост расходов на образование: они должны вырасти с 595 до 663,6 млрд руб., т. е. примерно на 11% при плановой инфляции в 4%. Однако в итоге эти расходы в реальном исчислении в лучшем случае приблизятся к уровню 2015 года.

Еще хуже обстоят дела с перспективами финансирования науки. Согласно федеральным законам о федеральных бюджетах на соответствующие годы, в 2017 г. из федерального бюджета на гражданскую науку выделялось 439,4 млрд руб., а на 2019 г. запланировано 324,4 млрд руб., т.е. на 115 млрд руб. меньше⁵. При этом общеизвестно: наука — основа новых технологий, без которых невозможны ни промышленность, ни медицина, ни оборона. Один из парадоксов современной России состоит в следующем: президент требует обеспечить новый прорыв в экономике, а правительство вместе с большинством Государственной думы и тем же президентом, который подписывает федеральные законы о бюджете, планируют деградацию! В XXI веке в стране, остро нуждающейся в модернизации и обложенной международными санкциями, иначе оценивать сокращение расходов на науку нельзя.

---

⁵ Тодосийчук А. О бюджетном финансировании науки и инноваций в среднесрочной перспективе // Экономист. 2017. № 2. С. 45.

Остановимся лишь на одной составляющей потерь от экономики на науке. Это потери кадровые. По данным экспертов РАН⁶, количество высококвалифицированных работников науки за послесоветское время сократилось в 2,7 раза. При этом в 2013 г. за рубеж уехали 20 тысяч таких специалистов, а в 2016 г. — 44 тысячи!

Напомню в этой связи известное высказывание Г.О. Грефа на Гайдаровском форуме 15 января 2016 г.: «Самый страшный наш экспорт, и самый большой наш экспорт, который надо остановить, — это экспорт мозгов. Мы не считаем, сколько мы экспортируем в год, но это, я боюсь, по объему потерь самое большое количество того, чего мы экспортируем. Экспортируем безвозвратно, к сожалению»⁷.

При этом вывоз капитала из России за послесоветские годы, по данным Global Financial Integrity (GFI), за 1994–2012 гг. составлял в среднем 70 млрд долларов в год, т. е. более 1,341 трлн долларов⁸. А с учетом предшествующих и последующих лет за весь послесоветский период — не менее двух трлн долларов. Соответственно, по мнению Г.О. Грефа, потери от вывоза капитала человеческого этот показатель превышают. И это лишь часть цены, которую страна платит за стремление правительства сэкономить на человеке, включая науку.

На рубеже 2017–2018 гг. активно обсуждалось предложение Центра стратегических разработок (ЦСР) о так называемом бюджетном маневре. Согласно

⁶ В РАН заявили о возросшей в два раза за три года «утечке мозгов». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/03/2018/5abcc9f59a7947e576977387>. (Дата обращения: 28.05.2018).

⁷ Греф: России нужно быстро бежать, чтобы не остаться в дауншифтерах. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20160115/1360222849.html>. (Дата обращения: 28.05.2018).

⁸ Из России за 19 лет незаконно вывели более \$1,3 трлн. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/09/2015/560264189a7947501326fc58>. (Дата обращения: 13.04.2018).

обнародованному экспертному докладу ЦСР и Высшей школы экономики под названием «12 решений для нового образования»⁹, предусматривались три основных варианта:

- оптимальный — увеличение расходов на 1,2% ВВП;
- базовый — их рост на 0,8% ВВП;
- инерционный, позволяющий лишь не ухудшить ситуацию в образовании, — 0,4% ВВП.

Отвечая на вопрос автора этих строк о судьбе 12 образовательных проектов ЦСР, 21 мая 2018 г. А.Л. Кудрин высказался в том смысле, что правительство согласилось с бюджетным маневром, но по минимальному варианту. И потому невозможно прогнозировать, какие именно из проектов и в каком объеме удастся реализовать.

Напомню: оптимальный вариант в стратегии ЦСР предполагает увеличение расходов на образование в России лишь до средних по странам Организации экономического сотрудничества и развития (4,7% от ВВП), тогда как модернизирующимся странам необходим значительно больший объем инвестиций в человеческий потенциал.

При всех моих расхождениях с лидером либерального направления в образовательной политике Ярославом Кузьминовым, один из пунктов, по которому мы сходимся много лет, состоит в следующем: для модернизации страны расходы на образование необходимо повышать как минимум вдвое — до 7% от валового внутреннего продукта. Именно эта позиция была заложена в проекте федерального закона «Об образовании для всех».

⁹ Экспертный доклад «12 решений для нового образования». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/news/ekspertnyj-doklad-12-reshenij-dlya-novogo-obrazovaniya/> (Дата обращения: 13.04.2018).

НИЗКИЙ СТАТУС ПЕДАГОГА

В начале 2018 г. Правительство России отчиталось об исполнении майских указов Президента РФ 2012 г. на 94%. Оставим в стороне вопрос о том, каким образом содержание указов и их исполнение было измерено в процентах. Отметим лишь, что в части статуса педагогического работника отчет правительства не соответствует ни социологическим данным, ни даже собственной правительственной статистике.

Приведу данные, полученные в результате опроса пяти тысяч учителей заместителем председателя Комитета по образованию и науке Л.Н. Духаниной по линии Общероссийского народного фронта. Как известно, это организация не только не оппозиционная, но, напротив, созданная для расширения политической базы поддержки президента.

Согласно этим данным в 75 российских регионах из 85 майский указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 и, соответственно, закон об образовании в части оплаты педагогического труда не исполняются. А потому, если внутри полупустого школьного фонда оплаты труда перераспределить деньги от опытных учителей к начинающим, суть дела не изменится.

При этом, по данным ОНФ за 2015 г., средняя нагрузка российского учителя — 28 уроков в неделю, т. е. более 1,5 ставок. Более того, по данным РАНХиГС, количество учителей, работающих на две ставки (36 часов в неделю и более), с 2015 по 2017 г. увеличилось почти вдвое — с 7 до 14%¹⁰. И это, среди

¹⁰ Мониторинг эффективности школы «Что изменилось в работе учителя за последние годы (2014–2017 гг.)». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-04/25-04-2018-1-monitoring-otchet.pdf> (Дата обращения: 25.04.2018).

прочего, — результат неправильно сформулированных показателей в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597.

Разрыв в оплате труда учителей по регионам — 4,8 раза: от 20 085 руб. в Алтайском крае до 96 220 руб. в Ямало-Ненецком автономном округе.

А вот данные доклада «Последствия введения новой системы оплаты труда в среднем образовании. Как обеспечить учителям достойную зарплату?», полученные в результате анализа официальной статистики экспертным центром Конфедерации труда России и профсоюза «Учитель»¹¹: в 2014 г. средняя заработная плата учителя составляла 30 015 руб., а средняя заработная плата по РФ равнялась 32 495 руб. В 2015 г. это соотношение составило 32 044 руб. к 34 030 руб., а в 2016-м — 34 434 руб. к 36 709 руб. Следовательно, пункт майских указов о доведении заработной платы педагогов до средней зарплаты в регионе до сих пор не выполнен.

Для сравнения приведу данные по заработной плате учителей в некоторых странах мира (курс доллара 65 руб., 2015 г.)¹² (см. табл. 4).

Эти данные нуждаются в комментариях.

Во-первых, они не пересчитаны по паритету покупательной способности, и, соответственно, соотношение реальной заработной платы в разных странах может оказаться несколько иным, хотя вряд ли рассчитанные в долларах цены в Греции выше российских.

¹¹ Профсоюз «Учитель» представил Совету по правам человека при Президенте РФ экспертный доклад о зарплатах педагогов. [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagog-prof.org/stati/1274-profsoyuz-uchitel-predstavil-sovetu-po-pravam-cheloveka-pri-prezidente-rf-ekspertnyj-doklad-o-zarplatakh-pedagogov> (Дата обращения: 25.04.2018).

¹² Education at a Glance 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://download.ei-ie.org/docs/webdepot/eag2015_en.pdf (Дата обращения: 09.10.2017).

Таблица 4

Зарплата учителей в некоторых странах мира

Страна	Зарплата в долла-рах в год	Зарплата в долла-рах в месяц	Зарплата в руб-лях в месяц
Мексика	68 343	5695	375 830
Германия	61 317	5110	337 191
США	42 695	3558	234 787
Испания	40 752	3396	224 101
Австралия	39 125	3260	215 155
Нидерланды	38 473	3206	211 569
Франция	30 651	2554	168 557
Южная Корея	29 252	2438	160 860
Англия	27 768	2314	152 704
Япония	27 627	2302	151 927
Греция	17 760	1480	97 663
Россия	5724	477	31 477

Во-вторых, приведенная статистика имеет выборочный характер, и реальное место России по уровню заработной платы среди других стран мира несравненно ниже двенадцатого.

В-третьих, совершенно очевидно: не существует прямой корреляции между заработной платой педагогических работников и качеством образования в стране. Финансирование определенного уровня заработной платы — условие, необходимое, но не достаточное для образовательного прорыва. Однако нет сомнений в справедливости лозунга, с которым профсоюзы работников образования регулярно выходят на первомайские и иные массовые акции: «Нищий учитель — страна без будущего!».

Ситуация в высшем образовании не лучше. Пять лет назад в США было проведено исследование заработной платы

профессоров в 28 странах. Как вы думаете, какое место занял российский профессор? 27-е, т. е. предпоследнее, причем его зарплата оказалась ниже, чем в Нигерии и Эфиопии! Думаю, с тех пор ситуация улучшилась. Однако до стран с примерно таким же уровнем экономического развития, как Россия, нам по-прежнему далеко.

Например, в Турции, где автору довелось побывать в университете Анатолу, своему профессору платят 5 тысяч долларов, приглашенному — 3 тысячи долларов. Разумеется, российский профессор с удовольствием поедет в Турцию: ведь его зарплата на родине, за исключением Москвы, вряд ли превышает тысячу долларов, т. е. в пять раз ниже турецкой.

Неслучайно возникла грустная студенческая шутка: если преподаватель требует от вас деньги за зачет или экзамен, знайте: по совету Председателя Правительства он ушел в бизнес!

Способы, с помощью которых власть пытается «втереть очки» народу и самой себе, подтасовывая статистику, весьма разнообразны. Вот один из них, примененный в передовом федеральном вузе в г. Москве (информация из первых рук).

Преподаватель (доцент, профессор), оформленный на полную ставку, переводится на четверть ставки с исчислением зарплаты в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597. Остальная нагрузка оформляется дополнительным соглашением, оплата по которому к указу не имеет никакого отношения. Таким образом, работник получает столько же, сколько и прежде, но для отчета указ исполнен!

В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 показатели в отношении оплаты педагогического труда отсутствуют.

При этом, согласно полученной автором конфиденциальной информации, при подготовке указа заместитель Председателя Правительства О.Ю. Голодец и министр образования и науки О.Ю. Васильева пытались включить в него положение, согласно которому средняя заработная плата учителей должна была быть не ниже полутора средних размеров заработной платы по региону. Один из аргументов: майские указы 2012 г. фактически приравнивали учителя к среднему медицинскому персоналу.

Однако, на взгляд автора, более правильным был бы иной путь: приравнивать зарплату педагогических работников дошкольного, общего и дополнительного образования детей к средней по региону (но не ниже средней по стране) за одну ставку. В противном случае новая норма привела бы к еще большему увеличению нагрузки, при которой о качестве образования пришлось бы забыть.

Отметим в заключение, что правительство имело все возможности действительно исполнить указ от 7 мая 2012 г. № 597 в части оплаты педагогического труда, как и труда иных работников в бюджетной сфере. Согласно изменениям в бюджет 2018 г., которые были приняты Думой в первом чтении 7 июня 2018 г., дополнительные доходы бюджета определяются в объеме 1,815 трлн руб. При этом на цели развития страны из этой суммы выделено лишь 62 млрд руб. Остальные доходы будут направлены в Фонд национального благосостояния, который в действительности к благосостоянию граждан имеет весьма отдаленное отношение.

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ

Автор концепции рациональной бюрократии Макс Вебер в свое время доказывал: попытка сверхрационализации

приводит к иррационализации. И был прав. Отечественная реальность XXI века вообще и отечественная образовательная политика этого периода в особенности убедительно подтверждают мысль немецкого социолога.

В последнее время по своим разрушительным последствиям бюрократизация отечественного образования вполне сопоставима с другой системной проблемой — недофинансированием. Занимаясь образовательным законодательством в восьми российских парламентах почти 30 лет, убеждаюсь все более и более: образовательные отношения по своей природе преимущественно не формально-юридические, но нравственно-психологические. А потому бюрократизация здесь вредна вдвойне по сравнению с другими сферами общественной жизни, например, сферой экономических отношений.

В последние годы по проблеме бюрократизации:

— выпускались специальные поручения Президента РФ по результатам общения с активистами Общероссийского народного фронта 15 декабря 2014 г. Пр-2876. Пункт 6а (Министерству образования и науки Российской Федерации совместно с высшими органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации:

а) принять меры по оптимизации системы отчетности в сфере образования, в том числе путем формирования единого перечня обязательной информации, подлежащей представлению образовательными организациями, и опубликования в открытом доступе отчетов образовательных организаций.

Доклад – до 1 июля 2015 года);

в Комитете Государственной думы VI созыва по образованию под руководством его председателя В.А. Никонова (ав-

тору этих строк довелось быть заместителем председателя) создавалась специальная рабочая группа, которая выработала рекомендации по этому вопросу.

Однако, несмотря на все это, на взгляд автора, процессы бюрократизации намного опережают отдельные меры по ее уменьшению. Она, как раковая опухоль, тяжело поражает процесс обучения, а воспитание просто губит.

Выступая на совете по образованию и науке при Председателе Государственной думы VI созыва С.Е. Нарышкине, Н.И. Булаев, в то время координатор «Единой России» по вопросам образования, заявил, что после ознакомления с докладом комитета его первым желанием было «этот доклад закрыть». И неслучайно: в докладе сообщалось, что ежегодно в среднем каждое отечественное образовательное учреждение заполняет 300 отчетов приблизительно по 11 700 показателям. Прибавлю к этому, что согласно сравнительным международным исследованиям Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) российский учитель стал мировым рекордсменом по количеству времени, которое затрачивается на отчеты, документацию и иные бюрократические процедуры, — более 4 часов в неделю.

Недавно на прием к автору пришла делегация руководителей школ Омского района Омской области во главе с бывшим начальником районного управления образованием и, как водится, членом «Единой России». Говорили в первую очередь о деньгах и специально просили не обращаться на региональный уровень, но поднимать проблемы на уровне федеральном.

Вот некоторые фрагменты того, что довелось услышать.

Денег, которые выделяются сельской школе, катастрофически не хватает. Необходимо либо резко поднять цену

оплаты за класс/комплект, либо вернуться к единой тарифной сетке.

Стимулирующий фонд в школе составляет 18%. Из него оплачивается:

- классное руководство;
- работа с кабинетами;
- отпускные тем, кто заочно учится;
- до конца календарного года — повышение минимальной заработной платы технического персоналу; и т. д. и т. п. Собственно на стимулирование практически ничего не остается.

Оклад учителя — около 8000 руб. Чтобы при таком окладе заработать положенные ему 24 тысячи, необходимо, чтобы сам учитель и его ученики участвовали в конкурсах и олимпиадах. Тех и других физически не хватает!

Чтобы учитель мог получить первую категорию, он должен участвовать в мероприятиях областного уровня. Таких мероприятий тоже не хватает.

Второй по остроте омские педагоги назвали проблему бюрократизации. Директор школы, которая в прошлом была студенткой автора этих строк, воспитанная еще в духе советской творческой педагогики, с ужасом говорила, что ей совершенно некогда работать с детьми — весь «пар» уходит в бумаги, отчеты и совещания.

Ученики перегружены общественными делами. Органы молодежной политики работают в основном со школьниками. Ученикам приходится одновременно быть юными пожарными, юными «гибэдэдэшниками», юными банкирами, не говоря уже о спорте и искусстве. Учеников регулярно снимают с занятий. Учеба у детей и дети у педагогов — по остаточному принципу!

Что касается профессионального и высшего образования, то в мае 2018 г. от имени ведущих вузов с критикой бюрократических процедур лицензирования и аккредитации в образовании выступил ректор Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов, фактически поддержанный помощником Президента РФ А.А. Фурсенко.

В соответствии с упомянутыми выше рекомендациями комитета разработанный автором и внесенный группой депутатов Государственной думы от политической оппозиции проект закона «Об образовании для всех» содержал два важных требования:

1) запрет для управленческих структур всех уровней запрашивать у образовательных организаций информацию, которая согласно законодательству должна размещаться на их сайтах;

2) проведение не более одной проверки в год накануне нового учебного года (в настоящее время число проверок в высших учебных заведениях измеряется десятками).

Псевдооптимизация

Как было отмечено выше, советская индустриализация 1930-х гг. среди прочего характеризовалась «взрывным» расширением сети образовательных учреждений всех уровней, особенно школ и вузов. Напротив, постсоветская деиндустриализация наряду с другими признаками характеризуется массовым сокращением этой сети. Применительно к школам это выглядит следующим образом (см. табл. 5).

Другими словами, в «лихие 90-е» было закрыто около одной тысячи школ, остальные — в процветающие двухтысячные!

Таблица 5

Количество общеобразовательных школ в России

Год	Количество школ	Количество сельских школ
1990/1991	69,7 тыс.	
1995/1996	70,2 тыс.	
2000/2001	68,1 тыс.	
2005/2006	62,5 тыс.	40,6 тыс.
2006/2007	60,3 тыс.	
2007/2008	57,3 тыс.	
2008/2009	55,1 тыс.	
2009/2010	52,4 тыс.	
2010/2011	50,1 тыс.	
2011/2012	47,7 тыс.	
2012/2013	46,2 тыс.	
2013/2014	44,7 тыс.	
2014/2015	44,1 тыс.	
2015/2016	43,2 тыс.	26,1 тыс.
2016/2017	41,8 тыс.	

Напоминаю: в 1930-х гг. в СССР было открыто около 25 тысяч новых школ, в большинстве сельских.

Проект федерального закона «Об образовании для всех», подготовленный автором, содержал следующие специальные предложения в целях сохранения сельских школ и дошкольных образовательных организаций на селе:

1) финансирование организаций независимо от количества детей, получающих образование;

2) запрет ликвидации и (или) реорганизации школы (детского сада) без согласия схода граждан.

Динамика свертывания сети профессиональных учебных заведений, включая бывшие учреждения начального профессионального образования, переименованные в на-

стоящее время в учреждения среднего профессионального образования, выглядит следующим образом (см. табл. 6).

Таблица 6

Число образовательных учреждений начального профессионального образования (с 2015 г. профессиональных образовательных организаций, реализующих программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих) и среднего профессионального образования

Годы	НПО	СПО	Итого
1990	4328	2603	6931
1995	4166	2612	6778
2000	3893	2589	6482
2005	3392	2905	6297
2010	2356	2850	5206
2015	686	2909	3595

Как видим, и в данном случае большая часть учебных заведений была потеряна не в кризисных 1990-х, но в относительно благополучных нулевых. Это еще раз доказывает, что ключевая проблема — не недостаток средств, но избранный курс образовательной политики.

Особого внимания заслуживает ситуация с высшими учебными заведениями. Приведем данные об их численности (см. табл. № 7).

Таблица 7

Количество учреждений высшего образования (на начало учебного года)¹³.

Годы	Количество
1914	72
1917	150
1927	90
1940/1941	481

¹³ Российский статистический ежегодник 2016 // Росстат, 2017.

Годы	Количество
1960/1961	430
1990/1991	514
1995/1996	762
2000/2001	965
2005/2006	1068
2008/2009	1134
2011/2012	1080
2012/2013	1046
2013/2014	969
2014/2015	950
2015/2016	896

Наряду с представлениями о бесчисленной армии студентов, роняющей качество и престиж отечественного образования, одна из главных идеологов официальной образовательной политики заключается в том, что падение этого качества — результат прежде всего роста числа вузов. При этом парадокс состоит в том, что фактические противники советской системы образования ищут аргументацию своей позиции именно в советском опыте!

Как известно, одним из первых идею резкого сокращения числа отечественных высших учебных заведений летом 2008 г. высказал министр образования и науки А.А. Фурсенко. Тогда он заявил, что в современной России насчитывается более тысячи вузов, а должно остаться 150–200, включая около 50 университетов¹⁴.

Автор ответил депутатским запросом, исполненным по всем правилам для документов данного типа, однако позволил себе озаглавить его перефразированной цитатой из

¹⁴ Согласно информации с официального сайта Министерства образования и науки РФ, на совещании по созданию научно-образовательных центров в Российской Федерации, которое провел 24 июля 2008 г. Президент Д.А. Медведев.

Д.А. Медведева: «Не надо кошмарить образование!». Вот лишь несколько вопросов, заданных мною тогда министру и, увы, не утративших актуальности:

1. Кому принадлежит эта радикальнейшая идея, многократно превосходящая аналогичные предложения Е. Гайдара в начале 1990-х гг.? Назовите авторов поименно, ибо народ должен знать своих «героев».

2. С каких пор оценка работы вузов производится по их конкурентоспособности (*теперь это называется эффективностью*. — Автор), если Законом РФ «Об образовании» установлено, что главная цель образования — удовлетворение потребностей личности, общества и государства?

3. Кем и на основании каких критериев была измерена так называемая конкурентоспособность?

4. Где будет реализовывать свое конституционное право на высшее образование большая часть молодежи, в особенности из регионов России?

5. Приведите примеры государств, в которых реализованы аналогичные «реформы», и анализ их результатов.

На официальный депутатский запрос из Минобрнауки был получен ответ в духе известной песни «Хорошо, все будет хорошо!»¹⁵.

В содержательном плане наиболее интересной частью ответа было заявление о том, что идея многократного сокращения числа российских вузов опирается на опыт таких стран, как Бразилия или Китай.

В Бразилии не был, но, насколько могу судить, уровень квалификации ее рабочей силы и индекс развития чело-

¹⁵ См. об этом в книге О.Н. Смолина Образование — для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. 1120 с., 16 с.: цв. ил.

веческого потенциала пока существенно уступают российским. Не очень понимаю, почему избран именно этот пример.

Что же касается Китая, то университеты в этой стране действительно крупные, однако, в отличие от искусственно созданных российских ФУ (федеральных университетов), как правило, однопрофильные. Например, в год олимпиады (2008) в Пекинском лингвистическом университете насчитывалось около 25 тысяч студентов, однако все они учились на лингвистов. Другими словами, российское Минобрнауки либо избрало странные примеры для подражания, либо базировалось на ложной информации.

Между тем опыт наиболее «продвинутых» в образовательном отношении стран демонстрирует тенденцию, противоположную российской. Так, Норвегия недавно объявила, что нашла, наконец, свою национальную идею: Норвегия открывает университеты! Аналогичная ситуация в США: по данным национального центра образовательной статистики, в стране на конец 2010 г. существовало 4495 университетов, институтов и колледжей, не считая филиалов. Как видим, количество университетов в пересчете на количество населения США примерно вдвое выше российского.

Что же касается статистики советского периода, то стоит напомнить: с тех пор, как был разрушен СССР, прошло более 25 лет, и постиндустриальные тенденции в мире проявились гораздо ярче. Ссылаться же на опыт советской эгалитарной (построенной по принципу «образование — для всех») системы в обоснование необходимости построения системы элитарной (основанной на принципе «качественное образование — для избранных») оригинально и изобретательно, но противоестественно.

Несмотря на отсутствие рациональных аргументов в пользу укрупнения и закрытия нормально работающих вузов, несмотря на обилие аргументов против, такая политика не только не меняется, но, напротив, становится более жесткой. Доказательства тому — Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р.

Цитирую документ: «Предполагается скорректировать типологию и структуру вузовской сети в целом с оптимизацией количества филиалов вузов в сторону их сокращения (сокращение филиалов до 80 процентов). Будет сокращено общее число вузов (до 40 процентов) при условии увеличения численности студентов, получающих качественное высшее образование с использованием современного лабораторного оборудования в федеральных и национальных исследовательских университетах».

Другими словами, если в апреле 2014 г. на правлении Российского союза ректоров министр Д.В. Ливанов говорил о том, что мониторинг призван отделить 30% слабых вузов (предназначенных к закрытию), то к концу года «приговорили» еще 10%!

Исследования и расчеты, на основе которых вынесены оба «приговора», автору не известны и публично никогда не обсуждались. Вполне вероятно, что в данном случае была применена известная формула: «пол — потолок — палец»!

Что же касается 80% филиалов, то в дополнение к прежней аргументации хочу заметить: в свое время Минобрнауки проводило курс на создание так называемых вузовских комплексов и призывало региональные власти отдавать небольшие вузы и колледжи под эгиду крупным универ-

ситетам, как правило, московским или петербургским. Это касалось и учебных заведений с серьезной историей и хорошей академической традицией. Ныне же они ликвидируются в массовом порядке.

Подводя итоги сказанному в этом разделе, отметим следующее.

1. Насколько известно автору, Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 гг., утвержденная Распоряжением Правительства от 29 декабря 2014 г. № 2765-р, — едва ли единственная в мире, где под развитием подразумевается массовая ликвидация элементов системы.

2. Реализация программы началась досрочно — в 2014 г. вместо 2016-го. Это доказывает, что в реальной политике не действия осуществляются в соответствии с планами, но планы формируются в соответствии с действиями.

3. «Пятилетка качества» не только началась досрочно, но и была досрочно завершена — в четыре года! Однако и после этого массовое закрытие вузов и филиалов продолжается (см. табл. 8).

Таблица 8

Сеть вузов и их филиалов в России (по данным Рособнадзора)

Вузы	Январь 2014 года	Январь 2018 года	Сокращение
Государственные вузы	567	484	на 17 %
Филиалы государственных вузов	908	428	2,1 раза
Негосударственные вузы	371	178	в 2.1 раза
Филиалы негосударственных вузов	422	81	в 5,2 раза

4. В процессе формирования программы произошла подмена тезиса: повышение качества образования подменено

сокращением количества учреждений. Реализация программы также достигалась формальным путем: закрывались не те вузы, которые плохо готовили студентов, но те, которые плохо оформляли документацию. В итоге, как и во всех подобных случаях, потери превысили достижения.

РАЗМЕР — ГАРАНТИЯ КАЧЕСТВА?

Другой, на взгляд автора, ложный тезис, положенный в основу современной отечественной политики в области высшего образования, состоит в том, что более крупные университеты гарантируют и более высокое качество обучения а, следовательно, вузы необходимо укрупнять, создавая большие учебные комплексы¹⁶.

Еще 25 июля 2012 г. эта тема стала предметом дискуссии между Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым и автором этих строк. Тогда я пытался убедить руководителя федеральной исполнительной власти в том, что не существует прямой связи между величиной вуза и качеством даваемого им образования. В обоснование привел зарубежный опыт, где ведущие места в рейтингах занимают обычно элитные вузы средних размеров (Массачусетский технологический институт, Гарвард, Оксфорд и т.п.), тогда как наиболее крупные вузы, как правило, ориентированы на массовое образование обычного качества. В ответ председатель правительства заметил, что это соображение справедливо для зарубежного образования, но не для российского, по той простой причине, что в России более крупные вузы — это, как правило, вузы государственные, с давней академической традицией.

¹⁶ Подробнее см.: Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социс. 2015. № 6. С. 91–101.

Как видим, и в данном случае происходит подмена тезиса: качество образования действительно связано с наличием у вуза академических традиций, но богатство этих традиций отнюдь не обязательно прямо пропорционально размерам университета. И тем более непонятно, зачем в России сплошь и рядом принудительно объединяют по несколько давно существующих вузов с богатыми академическими традициями?

Между тем отечественная политическая и управленческая элита настолько убедила себя в очевидности тезиса о связи размеров вуза с качеством образования, что этот вопрос публично практически не дискутируется. Так, выступая в дискуссии на Селигере в августе 2014 г., Н.И. Булаев, экс-глава Рособразования и один из лидеров думской «Единой России», утверждал, что хороший университет должен иметь не менее 10 тысяч студентов приведенного контингента. При этом, как и во всех подобных случаях, аргументов и расчетов приведено не было. Остается только гадать, почему именно 10, а не 5, не 15 или 20? Не потому ли, что цифра 10 самая круглая и удобная?

Более того, первая идея, которая возникает при мониторинге вузов в случае выявления так называемой неэффективности, — с кем бы «неэффективный» вуз соединить! Позитивные последствия считаются очевидными, тогда как на самом деле никто и никогда не приводил серьезных доказательств такого позитива с точки зрения повышения качества образования.

Реальный же смысл такой политики может заключаться лишь в так называемой оптимизации, включая:

- сокращение бюджетного набора по родственным специальностям;

- увольнение части преподавателей;
- «уплотнение» использования аудиторного фонда и других площадей с потенциальным высвобождением отдельных зданий. При этом различные целевые показатели реформы столь плохо скоординированы между собой, что последняя задача (рациональная с точки зрения управления имуществом, но не образованием) противоречит установкам авторов мониторинга на увеличение количества квадратных метров в расчете на одного студента.

Напротив, опыт показывает, что именно с позиций качества образования принудительное объединение вузов способно вызвать очевидные отрицательные последствия. В их числе:

- ликвидация различных (в т. ч. соперничающих) научных школ и направлений при объединении нескольких кафедр в одну;
- обострение внутривузовской борьбы за административный ресурс (должности проректоров, деканов, заведующих кафедрами и т. п.) В первые годы после объединения эта борьба постоянно отвлекает коллективы от научной и преподавательской работы;
- снижение управляемости вновь созданными гигантами и усиление действия законов Паркинсона. Их суть, напомним, состоит в том, что чем крупнее социальная система, тем менее она работает на общественные цели и тем более — на самое себя.

Когда в свое время мы спрашивали наших коллег — управленцев из США, почему в Америке довольно много крупных университетов, как правило, получали следующий ответ:

- таким университетом труднее управлять;

- он не обеспечивает сокращения управленческих расходов по сравнению с вузом средних размеров;
- не обеспечивает и более высокого качества преподавания;
- в США нет общенациональных образовательных стандартов, и потому нескольким крупным университетам легче о них договориться, чем большому количеству университетов малых и средних.

Как видим, при наличии единых образовательных стандартов в России ситуация прямо противоположная, да и в США, как уже отмечалось, за последние полтора десятилетия количество университетов значительно выросло.

За последние пять лет наиболее важными, а вместе с тем наиболее сомнительными с точки зрения эффективности управления представляются два решения.

Первое: включение в состав Крымского федерального университета Крымского государственного медицинского университета (КГМУ) против воли его коллектива. В результате под письмом на имя Президента России было собрано более 10 тысяч подписей протеста, а студенты, преподаватели и выпускники пошли на митинги.

Известные автору аргументы сторонников самостоятельности КГМУ имели по преимуществу образовательный и экономический характер:

- в рамках объединенного университета медицинское направление окажется на втором плане, а это потенциально понизит качество подготовки врачей;
- КГМУ — это бренд, известный в Европе и на Ближнем Востоке. Потеря бренда понизит статус университета и уменьшит его финансирование из внешних источников;

- в частности, значительная часть иностранных студентов, которые уже поступили или намеревались поступить в КГМУ, отказались учиться в Крымском федеральном университете, что угрожает потерей до четверти бюджета вуза.

Отметим: все три негативных прогноза вполне подтвердились. Более того, выход университета из системы Минздрава породил ряд межведомственных проблем, которые прямо сказались на качестве образования.

Напротив, аргументы сторонников принудительного объединения имели по преимуществу политический характер и были направлены не на содержание предмета, но на дискредитацию противников:

- выступая против объединения, руководство КГМУ стремилось скрыть собственные экономические злоупотребления. Однако, чтобы эти злоупотребления выявить, университеты вовсе не обязательно соединять — достаточно поменять руководство вуза либо просто направить в него прокуроров и следователей. Кстати, проведенное расследование особых злоупотреблений не выявило;
- протесты организовывались на украинские деньги. Достоверной информацией по этому поводу автор не располагает, однако гораздо важнее другое: в период воссоединения Крыма с Россией университет выступил за такое воссоединение. Надо было очень постараться, чтобы спровоцировать в нем акции протеста.

Отметим, кстати, что Минздрав России всегда выступал против принудительного включения КГМУ в состав Крымского федерального университета и неофициально поддержал решение парламентских слушаний Комитета Го-

сударственной думы по охране здоровья от 7 декабря 2015 г. о восстановлении его самостоятельности: «Правительству Российской Федерации... проработать вопрос о реорганизации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского путем выведения из его состава Медицинской академии им. С.И. Георгиевского и образования в ведении Минздрава России отдельной образовательной организации — Крымского государственного медицинского университета им. С.И. Георгиевского»¹⁷.

Второй абсурдный пример бюрократической «оптимизации» — присоединение Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) к Российскому экономическому университету (РЭУ) им. Г.В. Плеханова в рамках задуманного, но не реализованного проекта формирования единственного супервуза на базе экономических университетов Москвы.

Автору, что называется, из первых рук известно, что за этим решением стояли личные мотивы министра образования и науки Д.В. Ливанова. Однако официальное обоснование было иным, а именно:

- согласно официальному министерскому рейтингу МЭСИ с большим отрывом занимал лидирующее положение среди всех вузов страны в области электронного обучения;
- высокопоставленными сотрудниками министерства было заявлено, что объединение двух вузов имеет целью внедрение электронного обучения в объединенном университете и его превращение в этом смысле в образцовый.

¹⁷ См. рекомендации Парламентских слушаний «Медицинское образование в межвузовском пространстве России: прошлое, настоящее, будущее».

Итог:

- подавляющее большинство специалистов МЭСИ, включая ректора и научного руководителя, ушли либо в другие вузы, либо в IT-компании;
- лидер электронного обучения в стране прекратил свое существование, а РЭУ им. Плеханова никаких преимуществ, кроме увеличения размера, не получил;
- электронное обучение, которое во всем мире признается ключевым направлением образовательной политики в технологическом плане, в России отброшено назад как минимум на десятилетие.

Такова цена синтеза двух системных проблем российско-го образования: бюрократизации и псевдооптимизации.

***

Суммируя все сказанное, необходимо отметить, что решение проблемы кадров для новой индустриализации предполагает во многом иной, чем проводимый в настоящее время, курс образовательной политики, в т. ч.:

- радикальное улучшение финансирования системы образования: как минимум до средних показателей по странам ОЭСР (4,7% от ВВП), а в идеале — до 7% от ВВП, как это имело место во всех странах, переживавших ускоренную модернизацию;
- повышение статуса педагогического работника, ориентирами которого могли бы стать показатели, предусмотренные Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597, за норму выполненной работы, равную одной ставке;
- радикальная дебюрократизация управления образованием, включая всю систему законодательства, контроля и надзора, независимо от ведомственной принадлежности;

- прекращение т. н. оптимизации сети образовательных организаций и ее восстановление, в т. ч. в малых городах и сельской местности;
- решение иных системных проблем образования из числа сформулированных в начале этой статьи.

Очевидно: без соответствующего кадрового обеспечения новая индустриализация состояться не может.

Литература

1. Индикаторы образования: 2017. Статистический сборник (Высшая школа экономики). М. 2017.
2. Мониторинг эффективности школы «Что изменилось в работе учителя за последние годы (2014–2017 гг.)». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-04/25-04-2018-1-monitoring-otchet.pdf> (Дата обращения: 25.04.2018).
3. Российский статистический ежегодник 2016 // Росстат, 2017.
4. Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социс. 2015. № 6. С. 91–101.
5. Смолин О.Н. Образование — для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. 1120 с., 16 с.: цв. ил.
6. Смолин О.Н. Русь, куда ж несешься ты? (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы) // Философские науки. 2013. № 12. С. 5–19.
7. Тодосийчук А. О бюджетном финансировании науки и инноваций в среднесрочной перспективе // Экономист. 2017. № 2. с. 45.
8. Экспертный доклад «12 решений для нового образования». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/news/ekspertnyj-doklad-12-reshenij-dlya-novogo-obrazovaniya/> (Дата обращения: 13.04.2018).
9. Education at a Glance 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://download.ei-ie.org/docs/webdepot/eag2015_en.pdf (Дата обращения: 09.10.2017).

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРОДУКЦИЯ И ЕЕ ПРОИЗВОДСТВО INDUSTRY IN THE MODERN ECONOMY: NATIONAL PRODUCT AND ITS MANUFACTURE

В.И. КАТЕНЕВ

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, доктор экономических наук, член Правления ВЭО России

V.I. KATENEV

Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the seventh convocation, Doctor of Economics, Member of the Board of VEO of Russia

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает понятие «отечественная продукция» и меры государственной поддержки, которые должны лечь в основу российских производств. Освещается актуальность работы проектных институтов, затрагивается проблема изготовления контрафактной продукции.

ABSTRACT

The author considers the term «national product» and measures of government support which should provide the basis for the Russian industry. The paper covers the relevancy of work of design institutes and touches upon the problem of counterfeit products.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Отечественная продукция, патриотизм, российские технологии, промышленный редевелопмент, проектный институт, контрафактная продукция

KEYWORDS

National product, patriotism, Russian technology, industrial redevelopment, design institute, counterfeit product.

Я хочу поблагодарить коллег за формулировку повестки сегодняшней конференции. Перед выступлением я специально нашел определения отечественной продукции и слова «отечество». В «Википедии» «отечество» обозначает страну предков, а также имеет эмоциональный подтекст, подразумевающий, что некоторые испытывают к отечеству особые чувства, которые сочетают любовь и чувство долга, патриотизм.

В этой ситуации возникает вопрос. Есть отечественная продукция, а есть продукция, произведенная на территории РФ, соответствующая российской стране происхождения, экспертизу которой делают торгово-промышленные палаты регионов России. В Государственной думе пользуются машинами BMW калининградской сборки и Ford сборки Ленинградской области. В связи с этим возникает вопрос: можно ли назвать эти машины отечественными? Вызывают ли они чувство патриотизма? Чувство самоудовлетворения,

комфорта, роскоши есть, а патриотизма — нет. Недаром лидеры мировых держав ездят на национальных машинах, отменно, что и для президентского парка сделали российский «Кортеж».

Что такое отечественная продукция в нашем старом понимании? Машины «Волга», «Москвич», «Жигули», автомат Калашникова, зерно и картошка — вот это отечественная продукция, которая действительно вызывает эти чувства. Мы должны все-таки понять, чего мы хотим: поддержать отечественную продукцию или от этого термина уйти.

Недавно в Ленинградской области была сделана газовая турбина Siemens на новом современном заводе, общем с компанией «Силовые машины». Экспертиза подтвердила, что эта турбина российского происхождения по степени добавленной стоимости, по переработке и т.д. Но эти турбины получили запрет с немецкой стороны для поставки в Крым.

В этой ситуации первый тезис моего выступления — в основе государственной поддержки должна лежать поддержка российских технологий, начиная от проекта, авторских прав, станкостроения. И первым звеном поддержки могут быть проектные институты. Я сам был директором института энергетического машиностроения.

Многие институты оказались невостребованными, превратились в бизнес-центры. Испытательные лаборатории на многих заводах закрылись по причине отсутствия финансирования. Может быть, «Сколково» является тем проектом, который должен стать национальной технологической площадкой.

Мы должны вселять оптимизм в собственников промышленных компаний. Всегда возникает вопрос: что выгоднее? Развивать этот бизнес, уходить в риски налоговые, конъюк-

турные или сделать промышленный редевелопмент, жилой, или торговый комплекс?

В итоге абсолютное большинство предприятий в историческом центре Санкт-Петербурга прекратили свое существование. В принципе, это жизнь, но в этой ситуации о промышленной политике нужно говорить не с наемным персоналом, а с владельцами этого бизнеса.

Еще один важный вопрос: при вложении средств в строительство заводов нужно инвестировать приличные деньги, купить оборудование, землю, нанять людей и нести, вплоть до уголовной, ответственность за своевременную выплату заработной платы. Дальше, при создании промышленной базы, со всего этого отчисляются налоги. Пока продукция не производится, деньги начинают таять. В такой ситуации многие надеются на господдержку. В частности, был создан Фонд развития промышленности. Идея хорошая, но единственная суть этого фонда — снизить кредитную ставку по банку. Дали бы возможность всем промышленникам получать посильный кредит, возможно через Внешэкономбанк, институциональный банк. Получается, что этими мерами поддержки мы охватываем очень узкую категорию, меньше 1% предприятий, и пытаемся что-то на них построить.

Крупный бизнес и ведущие заводы страны сегодня принадлежат госкорпорациям или находятся в банковском управлении: кредит взяли, отдать не смогли, банк забрал активы. У банков другая задача, они не занимаются промышленным производством.

Остро стоит вопрос изготовления контрафактной продукции в легкой и пищевой промышленности: 30% коньяка на прилавках — контрафактные. Возможно ли вывести из тени подобные компании и заставить их не нарушать пра-

ва других компаний и платить налоги? Такое положение на рынке создает дополнительные проблемы для добросовестных игроков.

Я обеспокоен вопросом кадров, в частности, привлекательностью работы в сфере промышленности в сознании молодого поколения. Ребята будут выбирать, куда им пойти. Надеть спецовку — и в семь утра на завод? Или в офис с вкусным кофе? Выбор за ними.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE IMPROVEMENT OF RUSSIAN AGRO- INDUSTRIAL COMPLEX: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

С.Г. МИТИН

Доктор экономических наук, профессор, член
Правления ВЭО России,
заместитель председателя Комитета Совета
Федерации Федерального Собрания РФ по
аграрно-продовольственной политике

S.G. MITIN

Dr. Sc. Econ., professor, member of the Board of
the VEO of Russia,
Deputy Chairman for agro-industrial policy at
the Federation Council of the Federal Assembly
of the Russian Federation.

Т.В. ПАНОВА

Кандидат экономических наук,
Зам. зав. Международного Центра развития
конкуренции МНИИПУ,
доцент кафедры гос. политики ф-та
политологии МГУ им. М. Ю. Ломоносова

T.V. PANOVA

PhD in Economics,
Associate Professor at the Department of
State Policy, Faculty of Political Science of
M.V. Lomonosov Moscow State University

Г.В. СЫСОЕВ

Руководитель направления партнерского
взаимодействия ТОЧКА ПАО Банк
«ФК Открытие», член городского совета при
Общественной палате Н. Новгорода

G.V. SYSOEV

Head of partnerships TOCHKA Public
Joint-Stock Company «Bank Otkritie
Financial Corporation», member of the
City Council of the Public Chamber of
Nizhny Novgorod.

АННОТАЦИЯ

Технологическая модернизация в экономике сегодня направлена прежде всего на внедрение высоких и прогрессивных цифровых технологий в производственный процесс. АПК России относится к наиболее социально значимому сектору российской экономики. Доля с/х в ВВП в 2016 году составила 4,7%, наблюдается стабильный рост российского агропромышленного комплекса. Но несмотря на положительную динамику, российские предприятия агропромышленного комплекса характеризуются отставанием уровня вне-

дрения технологической базы от аналогичных предприятий стран ЕС и США. Глубина переработки сельскохозяйственного сырья не превышает 60%, количество предприятий, внедряющих научные разработки и инновации, составляет не более 9%, что снижает конкурентоспособность продукции национальных производителей на мировых рынках агропромышленной продукции. Сложившаяся проблема во многом объясняется низким уровнем инвестиций как в сельскохозяйственное производство, так и в производство машин и оборудования. Решением этой проблемы может стать широкое развитие форм и моделей государственно-частного партнерства. Диверсификация сельскохозяйственного производства, в том числе посредством внедрения высокотехнологичных, инновационных технологий глубокой и комплексной переработки продовольственного сырья, позволит выйти АПК России на новый, современный уровень развития.

ABSTRACT

Nowadays the process improvement in the economy is mainly focused on the production process digitalization through the most advanced high-tech solutions. The agrarian business of Russia is considered to be the most socially significant sector of the Russian economy and currently it is going through the sustainable growth stage. However, regardless of the upward trend, the Russian agrarian enterprises lag behind their EU and US competitors in terms of technologies implementation level. The processing depth of the Russian agricultural products is as high as 60%, while the number of enterprises implementing innovative R&D is as small as 9%, which makes the Russian products much less competitive in the international agrarian markets. The problem in question is mostly explained by the low level of investments both into the agricultural sector and the machinery production. The possible solution to this problem can be found in the extensive development of different forms of public

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Технологическая модернизация, агропромышленный комплекс, государственно-частное партнерство, инновационные технологии глубокой переработки продовольственного сырья, «цифровое сельское хозяйство», инвестиции.

KEYWORDS

Technological modernization, agro-industrial complex, public-private partnership, innovative technologies for deep processing of food raw materials, “digital agriculture”, investments.

Низкие темпы экономического роста, замедление динамики роста доходов населения, сокращение притока инвестиционных ресурсов, низкий уровень производительности труда и инновационного развития не приемлемы для современной России. Только высокие темпы роста производства могут обеспечить модернизацию и качественные перемены в экономике.

В современных условиях экономический рост становится инновационным, что предопределяет новый курс технологической модернизации национальной экономики.

Технологическая модернизация в экономике сегодня направлена прежде всего на внедрение в производственный процесс высоких и прогрессивных цифровых технологий, позволяющих увеличить объемы и качество производства, на развитие человеческого капитала.

Агропромышленный комплекс России (АПК) относится к наиболее социально значимому сектору российской экономики. Так, доля сельского хозяйства в ВВП в 2016 году составила 4,7%, отрасль с/х стала локомотивом экономического роста в 2017 году, сбор зерна достиг объемов в 134,1 млн

тонн¹. «...Уже в течение несколько лет наш аграрный сектор стабильно растет. Россия вернулась в число самых главных аграрных стран мира»².

Как не раз отмечалось в директивах Президента и Правительства, рекомендациях научного и экспертного сообщества, основной задачей, стоящей в настоящее время перед российской экономикой, является обеспечение устойчивого роста.

Проведенный анализ различных секторов отечественной экономики позволяет сделать вывод, что за последние 15 лет наблюдается стабильный рост российского агропромышленного комплекса.

В свою очередь, динамика развития отраслей экономики во многом определяется наличием рынков сбыта, определяющих спрос на продукты и услуги отрасли.

При этом следует отметить, что мировой и внутренний рынки сельскохозяйственного сырья и продовольствия, неразрывно связанные между собой, имеют огромные перспективы. Уже сейчас стоит проблема обеспечения населения Земли продовольствием, по данным ряда экспертов³, только 1/3 населения Земли обеспечена калорийным и рациональным питанием. С каждым годом ситуация будет только обостряться. По некоторым оценкам, к 2050 году население Земли увеличится на 1,5 млрд человек и составит около 10 млрд человек. Уровень производства продуктов питания должен быть увеличен на 60%. Это во многом опре-

---

¹ <http://www.gks.ru>

² Российская газета: Неделя. 05.10.2017. Выступление премьер-министра Дмитрия Медведева на открытии выставки с/х «Золотая осень».

³ Боева Н. Д. Доклад на круглом столе по теме: «Законодательные аспекты развития и повышения эффективности перерабатывающих отраслей АПК», ГД Федерального собрания Российской Федерации, Комитет по аграрным вопросам, май 2018.

делит динамику развития агропромышленного комплекса всех стран мира.

Указом Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴ развитие отечественного агропромышленного комплекса вошло в число приоритетных направлений развития страны, наряду с таким направлениями, как повышение продолжительности жизни населения до 78 лет; самообеспеченность страны продовольствием; общее повышение благосостояния граждан и, как следствие, обеспечение населения здоровым питанием; рост экспорта продовольствия на мировые рынки до уровня 45 млрд долл., прежде всего — товаров высокого передела.

Безусловно, с учетом особенностей развития мировой экономики и современной геополитики, внедрением результатов 4ПР — четвертой промышленной революции, сельское хозяйство не может являться локомотивом экономического роста страны с развитой рыночной экономикой. Но высокий и стабильный уровень продовольственной безопасности⁵ страны в условиях нестабильной геополитической ситуации система отраслей АПК обеспечить сможет, на что указывает положительная динамика развития отраслей агропромышленного комплекса в сравнении с предыдущими годами.

Сложно не согласиться с мнением Зельднера А.Г. об актуальности оценки перспектив развития АПК России с учетом современных вызовов мировой экономики: «...исключитель-

⁴ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297452/

⁵ Порог продовольственной независимости считается нарушенным, если годовое производство основных продуктов питания составляет менее 80% годовой потребности населения в соответствии с нормами питания.

ную важность приобретает объективная оценка сложившегося экономического положения отраслей АПК без конъюнктурного подхода, только при таком подходе (с учетом санкций и антисанкций) возможно полное осознание происходящих процессов и, как следствие, выработка путей обеспечения продовольственной безопасности России»⁶.

Россия, в свою очередь, обладает огромными преимуществами перед другими странами — богатейшие запасы пресной воды, обширные территории с плодородными почвами, территориальная близость к крупнейшим центрам потребления.

Так, по площади пашни Российская Федерация занимает 3-е место — 123,1 млн га (после США — 152,2 млн га, Индии — 156,5 млн га)⁷, но возделывает по состоянию на 2017 год только около 80 млн га имеющихся площадей⁸.

Необходимо отметить, что российский уровень урожайности зерна составляет всего 26 ц/га, что на порядок ниже аналогичного показателя многих развитых стран (в странах Евросоюза — 40 ц/га, в Китае — 56 ц/га, в США — 60 ц/га)⁹.

Отставание происходит и по показателям эффективности затрат, производительности труда в сельскохозяйственном секторе, определенных уровнем внедрения инновационных технологий.

Проиллюстрируем ситуацию на примере молочной отрасли агропромышленного сектора России (табл. 1).

⁶ Зельднер А.Г. Экономический механизм обеспечения продовольственной безопасности в условиях инвестиционных ограничений: опыт и проблемы: монография. ИНФРА — М, 2018.

⁷ «О долгосрочной стратегии развития агропромышленного комплекса Российской Федерации» (материал подготовлен по итогам заседания научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, 19.04.2018)//Аналитический вестник. № 10 (699). С.80

⁸ <http://mcx.ru>. Отчет Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

⁹ http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=322

Таблица 1

Производительность труда в странах Европы и России¹⁰

	В странах Европы	В России
Среднегодовой надой	7–10 тыс. кг/гол.	3,5–5 тыс. кг/гол.
Нагрузка на одного работника фермы	35–40 коров	13–16 коров
Производство молока на 1 работника фермы в год	250–320 т	60–80 т
Затраты труда на производство 1 ц молока	0,6–0,8 чел/часов	2,5–3 чел/часов
Расходы корм на производство 1 ц молока	0,8–0,9 корм. ед.	1,1–1,3 корм. ед.

К 2017 году российский агропромышленный комплекс лишь незначительно превысил уровень 1990 года (101,9%), несмотря на сложившийся за последние пять лет (2012–2017 гг.) 15-процентный рост российского сельскохозяйственного производства (что в 3 раза выше уровня прироста ВВП страны)¹¹. Что дает возможность определить динамику развития аграрного сектора как восстановительную.

Отстает от рекомендуемых общемировых норм и потребление важнейших продовольственных продуктов населением России. Так, по данным за 2014 г., среднедушевое потребление составило: молока и молокопродуктов — 244 кг (при норме 320–340 кг), фруктов и ягод — 64 кг (при норме 90–100 кг), овощей и бахчевых культур — 111 кг (при нор-

¹⁰ См.: Материалы круглого стола на тему: «Законодательные аспекты развития и повышения эффективности перерабатывающих отраслей АПК», Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. Комитет по аграрным вопросам, май 2018.

¹¹ «О долгосрочной стратегии развития агропромышленного комплекса Российской Федерации» (материал подготовлен по итогам заседания научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, 19.04.2018). Аналитический вестник № 10 (699). С.17

ме 120–140 кг), мяса и мясопродуктов — 74 кг (при норме 70–75 кг)¹².

Несмотря на снижение доли импортных продовольственных товаров в последние годы (составила 30%), расходы на питание у среднестатистического россиянина составили около 1/3 потребительского бюджета, в то время как в европейских странах этот показатель в два раза меньше.

В 2017 году экспорт продукции российского агропромышленного комплекса впервые достиг уровня в 20,7 млрд долл., что в разы отстает от показателей основных мировых экспортеров агропромышленной продукции.

Вышеперечисленные показатели отчетливо показывают особенности развития мирового и национального рынков сельскохозяйственного сырья и конечной пищевой продукции, определяя перспективы для дальнейшего развития российского агропромышленного комплекса.

Основу структуры российского экспорта составляет переработанное сельскохозяйственное сырье. Доля России в мировом экспорте в 2016 году была представлена следующими показателями: пшеница — 11,6% (пшеничная мука — 1,5%), мороженая рыба — 9,3% (рыбное филе — 1,3%), мясо и субпродукты из птицы — 0,5%, сыры и творог — 0,2%¹³.

Решением этой проблемы может стать диверсификация сельскохозяйственного производства, в том числе посредством внедрения высокотехнологичных, инновационных технологий глубокой и комплексной переработки продовольственного сырья, что позволит наполнить внутренний рынок качественными продуктами питания, обеспечить

¹² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128940/

¹³ Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / Минсельхоз России; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ — М., 2017

увеличение экспорта готовой продукции с высокой добавленной стоимостью.

Необходимость дальнейшей ускоренной модернизации российского агропромышленного комплекса доказывает и тот факт, что, по данным Всемирного банка, темпы прироста добавленной стоимости в сельском хозяйстве в 2012—2016 гг. в среднем по миру составили 2,5%, а в России — 2,2%, в США — 2,9%, в Китае — 3,9%¹⁴.

На сегодняшний день российские предприятия агропромышленного комплекса характеризуются отставанием уровня внедрения технологической базы от аналогичных предприятий стран ЕС и США. Глубина переработки сельскохозяйственного сырья не превышает 60%, что влечет к образованию побочных продуктов — более 55 млн тонн ежегодно. Количество предприятий, внедряющих научные разработки и инновации, составляет не более 9%, что снижает конкурентоспособность продукции национальных производителей на мировых рынках агропромышленной продукции.

Крупные российские компании в целом предъявляют спрос на иностранное оборудование (в том числе бывшее в использовании), располагая для этого финансовыми ресурсами. Учитывая высокий уровень конкуренции на рынке пищевых продуктов, производители ориентированы на максимально высокий уровень качества собственной продукции, поэтому основным критерием выбора оборудования являются его технико-технологические характеристики. Основными потребителями российского оборудования во многих сегментах пищевой промышленности являются

¹⁴ «О долгосрочной стратегии развития агропромышленного комплекса Российской Федерации» (материал подготовлен по итогам заседания научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, 19.04.2018). Аналитический вестник № 10 (699). С.80

малые и средние предприятия, чаще использующие более доступное по цене оборудование. Большая часть технологического оборудования, предназначенного для глубокой переработки сельскохозяйственного сырья и продовольствия на отечественных предприятиях, не выпускается; так, по разным оценкам, из 6500 тысяч видов технологического оборудования отечественной промышленностью выпускается не более 2000 тысяч наименований. Доля импортного оборудования в отдельных отраслях перерабатывающей промышленности доходит до уровня более 90%, тогда как в большинстве развитых стран этот показатель не превышает 20%¹⁵.

Сложившаяся проблема во многом объясняется низким уровнем инвестиций как в сельскохозяйственное производство, так и в производство машин и оборудования. Инвестиции — это единственный источник, как показал мировой опыт, позволяющий обеспечить процесс расширенного воспроизводства, модернизацию и инновационное совершенствование базовых факторов производства на платформе 4 ПР (табл. 2).

Как следует из приводимой таблицы, перераспределение инвестиций в пользу добывающих отраслей привело к опережающему развитию и стагнарованию несырьевых отраслей экономики¹⁶.

Сегодня государство планирует на финансирование всего агропромышленного комплекса за 2017—2019 гг. потратить

¹⁵ <http://minpromtorg.gov.ru/docs/#145220>. Стратегия развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. Аналитический центр при Правительстве России.

¹⁶ Зельднер А.Г. Экономический механизм обеспечения продовольственной безопасности в условиях инвестиционных ограничений: опыт и проблемы: монография. ИНФРА — М, 2018.

608 млрд руб., что на 37% меньше, чем планировал Минсельхоз России¹⁷.

Таблица 2

Изменение удельного веса инвестиций в основной капитал по отдельным видам экономической деятельности за 2000–2015 гг., в %¹⁸

	2000	2010	2015
Добыча полезных ископаемых	18,1	13,6	18,5
Производство машин и оборудования	3,1	0,7	0,8
Сельское хозяйство	3,0	3,3	3,7
Пищевая промышленность	2,7	1,9	1,9
Строительство	6,4	3,7	3,1

Согласно данным Минсельхоза России, по объему инвестиций, направляемых в инновационные проекты, агропромышленный сектор занял второе место в России по итогам 2016 года. Так, на 1000 человек, работающих в сельском хозяйстве, приходится 5 IT-специалистов, в то время как в Европе эта цифра в 5 раз больше. Подобное соотношение и в инвестициях в цифровые технологии. Технологически развитые предприятия инвестируют не менее 350–500 руб./га, в то время как среднее предприятие — не более 10 руб./га¹⁹.

Решением этой проблемы может стать широкое развитие форм и моделей государственно-частного партнерства. Государственно-частное партнерство (ГЧП) в сельском хозяйстве представляет собой долгосрочный союз между государством и бизнесом, целью которого является реализация инновационных проектов в аграрном секторе экономики

¹⁷ Эксперт. №13. 2017.

¹⁸ Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2016.

¹⁹ http://soyanews.info/news/rossiyskomu_apk_neobkhodima_programma_tsifrovoymodernizatsii-minselkhoz.html

на основе объединения ресурсов и распределении рисков и расходов.

В свою очередь, разработка, производство и использование инновационного, сверхсовременного технологического оборудования, принадлежащего к более высокому технологическому укладу, неизменно приведет к производству более современных предметов потребления.

Это может рассматриваться как возможность технологического скачка, драйвера развития не только агропромышленного комплекса, но и российской экономики в целом.

Характерным примером является диверсификация экспортной продукции за счет высокотехнологичной переработки зерна. Производство крахмала и его производных (глюкоза, модифицированные крахмалы, мальтодекстрины, полиолы, аминокислоты), белковых композитов в разы увеличивает экспортную выручку за счет высоких цен на продукты глубокой переработки.

Вышеизложенные факты показывают государственную важность указанной проблемы и необходимость ее решения в среднесрочной перспективе ввиду санкционных рисков. На уровне законодательной и исполнительной власти страны реализуется целый комплекс мер, направленный на модернизацию отечественного агропромышленного комплекса: утверждена и реализуется федеральная научно-техническая программа развития агропромышленного комплекса²⁰, внесена на утверждение в Правительство РФ «Стратегия развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности», проводится комплекс мер государственного субсидирования отечественных производителей

²⁰ Указ Президента от 21 июля 2016 года № 350 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства».

машин и оборудования для пищевой и перерабатывающей отраслей²¹.

В 2017 году в АПК РФ заработал новый механизм льготного кредитования, позволяющий крестьянам получать в банках льготные кредиты, ставка по которым не превышает 5%, а субсидии государство направляет напрямую в банки. Благодаря льготным кредитам в 66 млрд рублей будет построено 90 молочных ферм, что позволит увеличить производство молока на 0,5 млн тонн. Овощеводы получили льготных кредитов на 118 млрд рублей, что даст возможность построить 50 тепличных комплексов и собрать дополнительно 480 тыс. тонн овощей. На 72 млрд рублей одобрено кредитов на переработку сельхозпродукции, а на покупку сельхозтехники отведено 115 млрд рублей²².

До конца 2018 года Минсельхоз России рассчитывает утвердить на уровне правительства программу «Цифровое сельское хозяйство» для ее включения в программу «Цифровая экономика». Предлагаемая программа рассчитана на 6 лет — до 2024 года и включает множество мероприятий. С учетом того, что Россия находится в индексе развития ИКТ на 45-м месте, для внедрения ИТ в АПК критически важным является существенное ускорение проникновения информационных технологий в сельскохозяйственную отрасль. Одним из важнейших шагов в этом направлении является массовая подготовка специалистов по цифровым технологиям для сельского хозяйства. Только в этом случае

²¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 10 мая 2017 г. № 547.

Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2017 г. № 634.

Постановление Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2017 г. № 488.

Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2016 г. № 1388.

Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1312.

²² <http://www.interfax.ru/business/593508>).

российский АПК сможет достойно конкурировать на глобальных рынках²³.

Понимая важность и перспективность развития агропромышленного комплекса в целом и отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности в частности, Постановлением Совета Федерации было принято решение создать Временную комиссию по законодательному обеспечению развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности²⁴. Основной задачей Временной комиссии должна стать законодательная поддержка развития высокотехнологичных, современных, экспортоориентированных отраслей агропромышленного комплекса, способных привести к экономическому росту страны.

Инвестиционная политика государства должна быть направлена на привлечение инвестиций в АПК за счет совершенствования бюджетной и правовой систем, налоговых и кредитных льгот, амортизационной политики, за счет использования механизма ГЧП. Система кредитования должна строиться на доступно низкой процентной ставке, способствующей долгосрочному кредитованию. Государству с целью поддержки спроса производителей с/х продукции и населения необходимо на постоянной основе закупать мясо, овощи и другую продукцию, а не только зерно для товарных интервенций.

Итак, Россия при системном подходе и консолидации интересов государства, бизнеса и институтов гражданского общества вполне может стать мировым лидером в производстве и экспорте продуктов питания.

²³ <http://www.tadviser.ru/index.php>

²⁴ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 14 февраля 2018 года № 56-СФ.

Библиографический список

1. Зельднер А. Г. Экономический механизм обеспечения продовольственной безопасности в условиях инвестиционных ограничений: опыт и проблемы: монография. ИНФРА-М, 2018.
2. Российская газета: Неделя. 05. 10. 2017. Выступление премьер-министра Дмитрия Медведева на открытии выставки с/х «Золотая осень».
3. Боева Н.Д. Доклад на круглом столе по теме: «Законодательные аспекты развития и повышения эффективности перерабатывающих отраслей АПК», ГД Федерального собрания Российской Федерации, Комитет по аграрным вопросам, май 2018.
4. «О долгосрочной стратегии развития агропромышленного комплекса Российской Федерации» (материал подготовлен по итогам заседания научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, 19.04.2018). Аналитический вестник. № 10 (699). С.80
5. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / Минсельхоз России; Нац.исслед. ун-т «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ — М., 2017.
6. Материалы круглого стола на тему: «Законодательные аспекты развития и повышения эффективности перерабатывающих отраслей АПК», Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. Комитет по аграрным вопросам. Май, 2018 г.
7. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2016.
8. Эксперт. №13. 2017.
9. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 14 февраля 2018 года № 56-СФ.
10. Указ Президента от 21 июля 2016 года № 350 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства».

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 мая 2017 г. № 547.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2017 г. № 634.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2017 г. № 488.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2016 г. № 1388.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1312.
16. <http://www.gks.ru>
17. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/
18. <http://mcx.ru>. Отчет Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.
19. <http://minpromtorg.gov.ru/docs/#!43220>. Стратегия развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. Аналитический центр при Правительстве России.
20. http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=322
21. <http://www.interfax.ru/business/593508>
22. http://soyaneews.info/news/rossiyskomu_apk_neobkhodima_programma_tsifrovoymodernizatsii-minselkhoz.html

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСОВ И САНКЦИЙ INDUSTRIAL POLICY IN CRISES AND SANCTIONS

М.В. ЕРШОВ

Член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н.

M.V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, managing director for financial research of the «Institute for energy and finance», Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Dr.Sc.Econ.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются отдельные меры, которые планируются для достижения целей, поставленных в указах Президента РФ, в части повышения роли обрабатывающих производств в экономике. Делается вывод о том, что ряд этих мер могут затруднить решение поставленных задач. Также указывается о наличии в РФ больших неиспользуемых возможностей для реализации денежно-промышленной политики, которая будет способствовать росту ее независимости, а также улучшению качества роста экономики.

ABSTRACT

The article reviews the measures which are planned to achieve the targets that were set by the President of Russia – to increase the role of manufacturing industries. As the analysis shows some of them may have the negative effect. The author suggests that there exist big potential for Russia to implement monetary-industrial policy (mondustrial policy) which decrease dependence on international conjuncture and will improve the quality of growth as well.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

промышленная политика, денежно-кредитная политика, денежно-промышленная политика, центральный банк, длинные деньги, эмиссия.

KEY WORDS

industrial policy, monetary policy, mondustrial policy, central bank, long money, money emission.

В послании к Федеральному Собранию (март 2018 г.) и в своих майских указах Президент РФ Путин В.В. поставил задачу удвоить объем несырьевого, неэнергетического экспорта за шесть лет¹. Об этом Президент также неоднократно говорил и ранее².

Очевидно, что решение столь сложных и разноплановых задач предполагает использование всего комплекса механизмов и подходов, которые позволят эти цели достичь. В условиях санкций против России такие механизмы являются еще более востребованными.

Укажем, что на выполнение новых майских указов Президента РФ Путина В.В., по официальным данным, потребуется минимум 8 трлн руб. Объем средств для реализации

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

² Например, см. «Ведомости» от 30.01.2012.

всех поставленных задач составит 25 трлн руб. Часть денег предполагается получить в результате ускорения роста экономики, повышения госдолга, расходов средств из Фонда национального благосостояния, перераспределения расходов внутри бюджета, а также реформы налогообложения. Поэтому мобилизация финансовых ресурсов из всех имеющихся источников является крайне важной на данном этапе.

В то же время некоторые из предлагаемых мер, которые направлены на формирование дополнительных финансовых ресурсов, как представляется, решая одни проблемы, могут создавать при этом другие. Речь, в частности, идет о реформах налогообложения, в т.ч. повышении НДС и увеличении для нефтяной отрасли НДСПИ, которое сейчас активно обсуждается.

Эти меры также, по сути, являются частью промышленной политики, т.к. действительно оказывают влияние на структуру и характер экономического развития. В то же время будет ли использование этих мер стимулировать экономический рост и повышать его качество? Это представляется неоднозначным — ведь очевидно, что повышение ставки НДС сократит внутренний спрос и может повлечь замедление темпов роста экономики. Более того, ухудшится качество такого роста, поскольку основную нагрузку от роста НДС будут нести отрасли с высокой добавленной стоимостью, которые замедлят свой рост сильнее, чем отрасли, где добавленная стоимость невысока. Другими словами, сырьевые отрасли будут находиться в более благоприятных условиях, чем отрасли с более высокой добавленной стоимостью. В результате развитие последних затормозится сильнее, и их вклад в экономический рост уменьшится. Как следствие, вновь возрастет сырьевой профиль экономики.

Однако это не будет способствовать реализации задач, поставленных Президентом, которые предполагают отход российской экономики от сырьевой направленности, а также задач, закрепленным в ФЗ «О промышленной политике в РФ»³. И хотя абсолютная роль сырьевых отраслей в российской экономике будет многие годы оставаться важной, хотелось бы, чтобы роль отраслей с высокой добавленной стоимостью начала расти более быстрыми темпами.

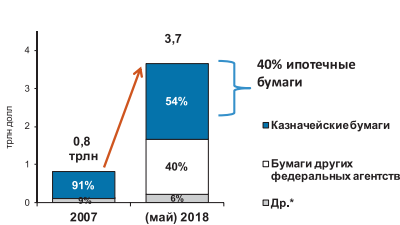
О МЕЖДУНАРОДНОМ ОПЫТЕ

Механизмы стимулирования промышленности активно применяются в развитых странах. При этом значение промышленной политики особенно повышается в периоды финансово-экономических кризисов. Мировой кризис 2007–2009 гг. — наглядное тому подтверждение. Так, в период кризиса по сути возникли новые измерения самой денежно-кредитной политики. Целевое предоставление средств конкретным компаниям и банкам — что масштабно происходило в период кризиса — фактически являло собой элементы промышленной политики. В этой связи осуществление денежно-кредитной политики в увязке с антикризисными мерами в развитых экономиках заставило в полной мере говорить о формировании своего рода **«денежно-промышленной»** политики (monustrial policy), которая означала реализацию денежно-кредитных подходов в увязке с промышленными приоритетами — ее отраслевыми и корпоративными элементами.

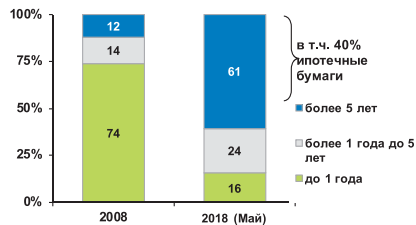
³ Федеральная закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

По мнению М. Боскина (быв. председателя Совета экономических советников при президенте США в период, когда президентом был Буш-старший), «хотя некоторый уровень промышленной политики присутствовал в предыдущих администрациях всегда, пусть и на низком уровне, администрация Обамы масштабнo расширила ее размеры и объем»⁴.

Действительно, целевая эмиссия доллара резко возросла в условиях борьбы с кризисом (рис. 1). Так, за полтора года денежная база доллара выросла в 4 раза. Причем существенно возрос ее длинный компонент (рис. 2).

Рис. 1. США: денежная база доллара по инструментам (трлн долл.)

Рис. 2. США: денежная база доллара по срокам (%)

Источник: рассчитано по данным ФРС США.

Для снижения долгосрочных процентных ставок и оживления конкретных секторов, в частности, ипотеки, которая играет важную роль в экономике США и экономическом росте, начала осуществляться т.н. программа «Operation Twist». Она предполагала упор на целевую долгосрочную эмиссию со стороны ФРС на основе покупки национальных госбумаг.

⁴ Economist, Aug. 7–13, p. 55.

Итоги программы были признаны успешными. В результате произошло:

- Насыщение экономики длинными деньгами;
- Оживление ипотечного рынка;
- Снижение ипотечных ставок с 5,5% до 3%.

Все это сыграло важную роль в создании условий выхода экономики США из кризиса.

О РОССИЙСКИХ ПОДХОДАХ

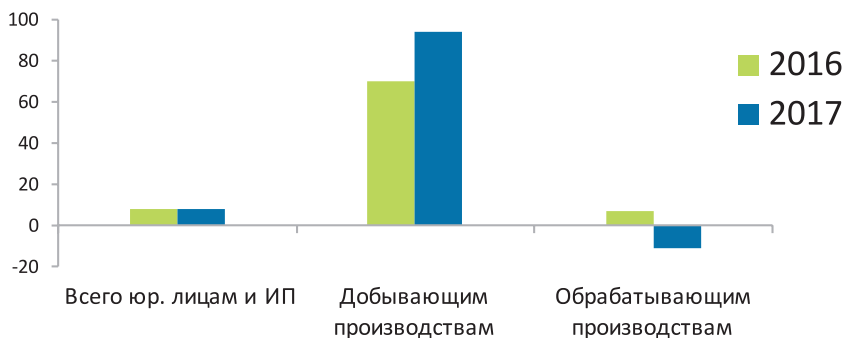
Очевидно, что в России, особенно в условиях антироссийских санкций, крайне важно повысить опору развития экономики на внутренние источники и рычаги. При этом указанная цель также как и задачи модернизации страны напрямую связаны с промышленной политикой, которая должна формировать устойчивые внутренние основы экономического развития.

Поддержка приоритетных отраслей со стороны государства с помощью различных комплексных механизмов особенно необходима в условиях, когда доступ к внешним финансовым ресурсам ограничен, а условия на внутреннем финансовом рынке не стимулируют развитие промышленности и особенно ее обрабатывающих производств.

В частности, последние два года прирост объема рублевых кредитов, выданных банками обрабатывающим производствам, имеет показатели ниже, чем весь объем выданных рублевых кредитов для всех юридических лиц, особенно для добывающих компаний (рис 3). По оценкам МЭР, кредитование нефинансовых организаций сегодня является «фактором поддержания производственной деятельности, а не ее расширения»⁵.

---

⁵ МЭР РФ. Картина экономики. Май 2018 г.

Рис. 3. Рост выданных российскими банками рублевых кредитов юрлицам и индивидуальным предпринимателям (ИП), г/г, %

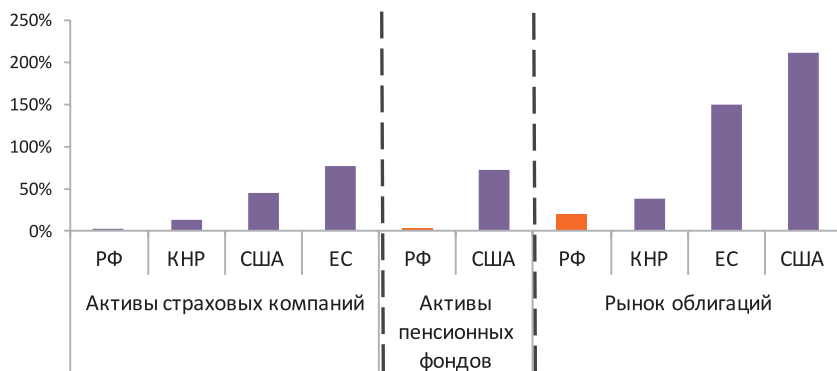
Источник: рассчитано по данным ЦБ РФ.

Также отметим, что традиционные источники длинных денег для экономики, к которым относятся средства пенсионных фондов и страховых компаний, в России также незначительны и существенно меньше, чем в других странах. Рынок облигаций в РФ в последнее время начинает играть все более заметную роль, но его масштаб пока остается небольшим (рис. 4)

Реализация полномасштабной промышленной политики затрудняется также запланированным сокращением расходов Федерального бюджета РФ (рис. 5).

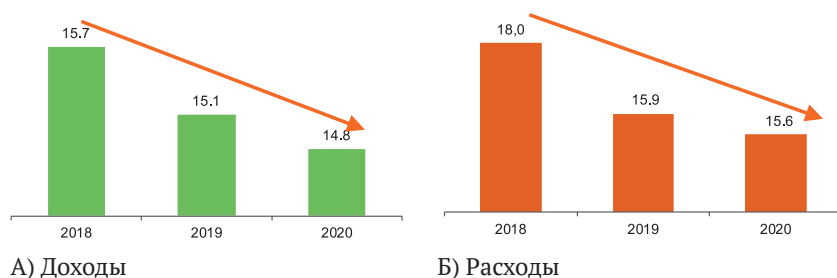
Попытка расширить доходную базу посредством увеличения НДС и НДПИ, (как уже говорилось выше), затормозит рост экономики в целом и ухудшит его качество, спровоцировав сдвиг в структуре экономики от перерабатывающих отраслей в сторону добывающих.

Есть еще рычаг, который применяется для повышения доходов бюджета и который также будет приводить к ухуд-

Рис. 4. Масштабы рынка страхования, пенсионных фондов и рынка облигаций в ряде стран, % к ВВП

Источник: по данным национальной статистики.

А) Доходы

Б) Расходы

Рис. 5. Расходы и доходы Федерального бюджета РФ (% ВВП)

Источник: Минфин РФ.

шению качества роста экономики. Ситуация, когда осуществляется обесценение рубля (или его устойчивое сохранение на уровне, который существенно занижен относительно курса по ППС), очевидно, ведет к стимулированию экспорта и увеличению рублевого эквивалента экспортной выручки. И, как следствие, действительно повышаются экспортные поступления и налогооблагаемая база экспортеров. В то

же время будет существенно затруднено технологическое обновление (что, в первую очередь, крайне необходимо обрабатывающим секторам), т.к. многие технологии производятся за рубежом, и их импорт будет более дорогим, что также в целом затруднит осуществление промышленной политики на должной технологической основе. В результате торможения высокотехнологичного развития, их доля в ВВП соответственно уменьшится.

В данной проблеме присутствует и другой — более системный — аспект, носящий уже геоэкономический характер. Более дешевый рубль существенно ограничивает системное участие российского бизнеса в экономиках других стран (т.к. иностранные активы для российских покупателей становятся более дорогими), сохраняя при этом нашу роль в мировой экономике лишь как поставщика сырьевых ресурсов. И в целом это не дает возможность участникам российской экономики стать системообразующими инвесторами в мировой экономике, а также быть значимыми инвесторами для экономик других стран.

Кроме того, ухудшаются позиции России в системе международного разделения труда, поскольку искусственное удешевление национальной валюты вызывает занижение оценки сравнительных трудозатрат (между нами и другими странами). Это в итоге ведет к неэквивалентному участию в международном разделении труда и необоснованно заниженной оценке места России в мировой экономике. В свою очередь, это также искусственно создает неоправданные преимущества развитым экономикам, способствуя их экономически необоснованному превосходству.

Также отметим, что к доступу в свои реальные активы другие страны относятся крайне чувствительно (понимая

стратегическую значимость такого доступа). Напомним, запрет покупки американских портов в США инвесторами из стран Арабского Востока (2006 г.); запрет покупки Дойче-банка со стороны «Сити-груп», когда совет директоров немецкого банка выступил против широкого доступа иностранцев в крупнейший финансовый институт страны (2004 г.); запрет Сбербанку купить компанию «Опель» (2009 г.).

Еще напомним, что иностранные инвестиции, притекающие, в частности, в Соединенные Штаты Америки, регулируются Комитетом по иностранным инвестициям, в состав которого наряду с четырьмя экономическими министрами в преддверии последнего финансового кризиса также входили: министр обороны, министр национальной безопасности, генеральный прокурор, директор национальной разведки, государственный секретарь. Это показывает, с каким вниманием регулируются такие стратегически важные вопросы в ведущих экономиках мира (причем в тех, которые принято считать «открытыми»).

В свою очередь, более дешевый рубль также упрощает вход иностранных инвесторов в российскую экономику. Конечно, в условиях глобальной экономики мы не можем ограничивать промышленную политику только рамками «национальной территории». Очевидно, могут сказать, что наше участие в мире, в первую очередь, в качестве поставщика сырья и, в свою очередь, допуск иностранных участников в качестве важных инвесторов, владеющих и управляющих российскими активами, — это тоже, по сути, промышленная политика⁶. Другое дело, правильна ли такая

---

⁶ Отметим, что, по оценкам, в настоящее время почти 50% российской промышленности имеет нерезидентский характер, а ряд традиционных российских брендов уже принадлежат иностранным инвесторам.

политика и такую ли промышленную политику мы считаем оправданной? Соответствует ли она статусу экономики, рассчитывающей на системообразующую роль в мире?

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В РФ: ЧТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ?

Необходимо помнить, что состояние промышленности во многом определяет положение страны в целом. Для того чтобы России «вписаться» в быстроразвивающуюся мировую экономическую и промышленную среду, акцент должен делаться на развитии инновационной экономики, производстве продукции, требующей высококвалифицированного труда и основывающейся на энерго- и материалосберегающих технологиях.

Важен комплексный подход к решению проблемы. Перечень мер должен включать:

- рычаги по формированию внутреннего спроса, обеспечивающие стимулирование приоритетных направлений развития (налоговые стимулы, бюджетная политика);
- обеспечение необходимых объемов финансирования по приемлемой цене (весь круг вопросов, связанных с механизмами рефинансирования, процентной политикой, доступностью финансовых ресурсов в целом);
- подходы, направленные на решение проблемы уменьшения и распределения кредитных рисков (механизмы гарантий, софинансирования, правовые аспекты и др.);
- формирование длинных ресурсов для осуществления долгосрочных инвестиций (денежно-кредитные и бюджетные механизмы, налоги и т.д.);

- механизмы территориального управления финансовыми потоками (региональные программы, нормативы и стимулы для финансового сектора и т.д.).

В зрелых экономиках именно национальные денежные власти и на основе национальных приоритетов развития формируют основу всей денежной системы своих стран. Так, согласно балансам ФРС США и Банка Японии, вся денежная база (эмиссия) их национальных валют на 80–90% была сформирована под приоритетные для их экономик задачи и была осуществлена посредством размещения национальных госбумаг (в первую очередь — длинных, 30–40 лет) на балансе национального центрального банка.

Подобные подходы, по сути, свидетельствуют о полномасштабной денежно-промышленной политике в указанных странах, где вся монетизация определяется приоритетными экономическими задачами. Причем применяют такие подходы две наиболее зрелые экономики мира, где денежно-промышленная политика составляет основу их финансовых систем. И именно такие подходы позволяют этим странам сохранить финансовое лидерство и снизить свою зависимость от внешних рисков.

В то же время в России доля национальных госбумаг в денежной базе рубля составляет менее 5%. Это является следствием политики, унаследованной из 90-х годов, когда все рублевая ликвидность в стране создавалась на основе притока внешних займов и экспортной валютной выручки, что и было причиной уязвимости от мировой конъюнктуры и санкций.

Столь низкая доля госбумаг в эмиссии рубля свидетельствует о большом потенциале по формированию основ промышленной политики страны, позволяя превратить ее

в полномасштабную денежно-промышленную политику, которая будет основываться на национальных приоритетах развития и создаст условия для устойчивого экономического развития. Такие подходы фактически сделают российскую финансовую систему суверенной и смогут обеспечить рост экономики в условиях внешних ограничений.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕРВИС КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ENERGY SERVICE AS AN ECONOMIC DRIVER FOR THE DEVELOPMENT OF HIGH-TECH INDUSTRY

Р.С. ГОЛОВ

Член Президиума Вольного экономического общества России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», д.э.н., профессор

R.S. GOLOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Head of the Department «Management and Marketing of High-Tech Industries», FGBOU VO «Moscow Aviation Institute (National Research University)», Dr. Sc. Econ, Professor

АННОТАЦИЯ

Исследование автора посвящено развитию концепции практического применения энергетического сервиса как важного экономического драйвера развития высокотехнологичной промышленности. Автор анализируется энергоёмкость отечественной промышленности, проводится сравнительный анализ ее показателей с аналогичными показателями ряда других государств. Рассматривается сущность энергосервиса как уникального механизма энергосбережения, не требующего никаких вложений от предприятия. Анализируются преимущества энергосервиса для заказывающих его проведение промышленных структур, определяются основные законодательные барьеры на пути его развития.

ABSTRACT

The author's research is devoted to the development of the concept of practical application of energy service as an important economic driver for the development of high-tech industry. The author analyzes the energy intensity of the domestic industry, compares its indicators with those of a number of other states. The essence of the energy service as a unique mechanism of energy saving, which does not require any investments from the enterprise, is considered. The advantages of the energy service for ordering industrial structures are analyzed, and the main legislative barriers to its development are identified.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Энергоэффективность, высокотехнологичная промышленность, энергетический сервис, инновационно-инвестиционная деятельность, импортозамещение, подготовка кадров.

KEYWORDS

Energy efficiency, high-tech industry, energy service, innovation and investment activity, import substitution, training.

Современный период истории России можно охарактеризовать как время кризисов, высокой экономической турбулентности и неопределенности. Режим санкций, введенный западными странами, усложнил и без того непростой сценарий ее развития, требуя от нас максимально быстрой адаптации к изменяющимся внешнеэкономическим условиям. Один из векторов этой адаптации — системная модернизация экономики, призванная трансформировать ее с учетом имеющегося у России инновационного и промышленного потенциала. Кризис открывает новые возможности для такой трансформации, стимулируя участников рынка к поиску новых путей развития и устранению от привычных стагнационных сценариев.

И здесь возникает важнейший вопрос: как решить столь масштабную задачу, связанную с коренными экономическими преобразованиями, в условиях серьезных ресурсных ограничений? Где найти необходимые для модернизации инвестиционные средства, когда западные инвесторы настроены по отношению к России крайне скептически? Наиболее щедрым источником столь ценных сегодня инвестиций является эффективное использование энергии.

Наличие у России существенных объемов энергоресурсов долгое время позволяло ей расходовать энергию без строгого учета и контроля, щедро направляя ее потоки многочисленным потребителям, среди которых — оснащенные устаревшим энергоемким оборудованием предприятия, городские микрорайоны с изношенной инженерной инфраструктурой, тысячи государственных объектов и т.д. Одним из негативных результатов подобного отношения к энергии стал рост энергоемкости ВВП, уровень которого уже сейчас превышает среднемировой в два с половиной раза.

Еще один факт — по уровню эффективности использования энергии в промышленности наша страна находится лишь на 108 месте из 132 стран. Сюда же можно добавить рост тарифов на услуги ЖКХ, составляющий в среднем порядка 7–8% в год.

Но главный показатель, который привлекает к себе внимание экономистов, знакомых с проблематикой энергетической отрасли, — это тот колоссальный потенциал энергосбережения, количественное значение которого равняется 420 миллионам тонн условного топлива. Если сравнить этот объем с годовым потреблением энергоресурсов всей нашей экономикой, то он составит его половину. Реализация этого потенциала позволит высвободить столь значительные инвестиционные ресурсы, которые смогут обеспечить модернизацию целого ряда отраслей экономики, что само по себе будет означать возвращение России лавров сверхдержавы, утерянных ею в результате распада СССР. И путь к этим лаврам открывает энергосбережение.

Совокупный потенциал энергосбережения российской экономики оценивается в 138 млн тонн условного топлива, из них на долю промышленности приходится 73,2 млн тонн условного топлива. Когда мы говорим про промышленную политику России и повышение конкурентоспособности отечественных товаров, естественно, мы должны понимать, что современная промышленная политика должна быть энергоэффективной, другого пути нет. В сравнении со странами — в частности, это страны БРИКС, — существует такой показатель — интенсивность использования энергии на единицу ВВП, кг нефтяного эквивалента на доллар США. Среди всех стран БРИКС у нас этот показатель самый высокий — 0,34, Китай — 0,23, Индия — 0,14, Бразилия — 0,11, Южная

Африка — 0,25. В промышленно развитых странах этот показатель составляет до 0,15.

Существенную роль в развитии энергосбережения в России играет 261-й закон «Об энергосбережении и повышении энергоэффективности...», который регламентирует весь процесс повышения энергетической эффективности экономики РФ. Есть механизмы — они современные, проверенные временем, — которые позволяют в условиях ограничения финансов мероприятия по энергосбережению попытаться сделать нашу промышленность более энергоэффективной. Одним из таких инструментов, который себя хорошо зарекомендовал в Европе и в Америке, является механизм энергосервиса, когда к реализации проектов по повышению энергоэффективности, энергосбережению в промышленности привлекаются сервисные компании.

Энергетический сервис представляет собой особую форму энергосбережения, в которой затраты на реализацию мероприятий берут на себя не собственники, а энергосервисная компания. Для этого она заключает с собственником особую форму договора — энергосервисный контракт, в котором определяются перечень внедряемых энергосберегающих мероприятий, сроки окупаемости проекта, целевая величина экономии энергетических ресурсов и условия распределения дохода от экономии между заказчиком и энергосервисной компанией.

Составление перечня энергосберегающих мероприятий проводится на основе предварительно проводимого энергетического обследования, в процессе которого определяются общее техническое состояние энергетических коммуникаций здания, основные источники утечек энергии, а также динамика энергопотребления. Энергетическое

обследование позволяет специалистам энергосервисной компании очертить основную проблемную область, выделив наиболее серьезные «бреши» в энергосистеме здания и рассчитав тот потенциальный эффект (величину экономии), который может быть получен при их устранении. От масштаба величины экономии ресурсов зависит срок окупаемости проекта — чем он выше, тем меньше потребуются времени на достижение компанией точки безубыточности и возмещения вложенных в проект средств. В начале проекта специалисты энергосервисной компании определяют базовую линию — уровень энергопотребления до внедрения энергосберегающих мероприятий. С понятием базовой линии связан термин «базовый год» — тот год, который предшествует внедрению соответствующих мероприятий. От этого уровня производится расчет экономии, достигнутой при реализации проекта.

Осуществляя энергосберегающие мероприятия, компания возвращает вложенные инвестиции на основе получения определенной доли от достигаемой экономии энергоресурсов (к примеру, 80% от совокупности сэкономленных средств) на всем протяжении действия энергосервисного договора (как правило, от 3 до 5 лет). Собственники же в период действия договора по-прежнему оплачивают полную стоимость энергоресурсов без учета достигаемой экономии, чтобы обеспечить тем самым возврат вложенных средств компании. По истечении этого срока и окупаемости вложенных инвестиций владельцы помещений начинают платить меньшую сумму, учитывающую полученную экономию.

Важным качеством энергетического сервиса, снижающим до минимума риски заказчика, является то, что энер-

госсервисная компания получает возмещение за понесенные затраты только в том случае, если была достигнута запланированная экономия. В противном случае, если она не выполнила своих обязательств по договору, заказчик также обладает правом не выплачивать оговоренные в договоре платежи. Тем самым энергосервисная компания в значительной степени берет на себя ответственность за достижение целевых показателей энергетической эффективности.

Одним из важных направлений энергетического сервиса выступает коммерческий учет энергоресурсов, проводимый на основе установки на коммуникациях собственников общедомовых и квартирных приборов учета воды, тепла, электричества и газа. Их применение позволяет отслеживать и анализировать в режиме реального времени как текущее энергопотребление, так и уровень экономии по сравнению с аналогичным периодом базового года. Благодаря использованию подобных технологий компания за короткий период времени выявляет избыточное и нецелевое энергопотребление, контролируя при этом объемы и качество поставляемых собственникам энергоресурсов. Таким образом, энергосервис становится ключевым инструментом защиты прав потребителей энергоресурсов, обеспечивая их объективной технической информацией о реальных объемах энергопотребления. Основывая свою работу на открытых для всех участников договора данных энергочета, компания наглядно доказывает полученную за счет проведенных энергосберегающих мероприятий экономию энергоресурсов.

Реализация энергетического сервиса позволяет получить целый ряд ценных для государства, собственников и бизнеса эффектов. Среди них можно назвать следующие.

Кардинальное сокращение расходов собственников на оплату потребляемых энергоресурсов. В непростых экономических реалиях расходы на энергоресурсы составляют значительную часть расходов большинства предприятий. Проведение комплексного энергетического сервиса позволяет сократить эти расходы по различным видам энергии в среднем на 20–30%. Для большинства физических лиц подобная величина является существенной, и ее достижение будет способствовать повышению финансовой стабильности и экономического развития промышленных структур.

Соблюдение количественных и качественных параметров поставляемых энергоресурсов. Внедрение современных систем коммерческого учета энергоресурсов позволяет эффективно контролировать количественные показатели, в результате чего предприятия получают ровно те объемы воды, тепла, газа и электричества, которые определены договорами с поставщиками энергетических ресурсов. Не менее важным является и их качество. Так, одной из распространенных проблем в промышленной сфере является несоблюдение температуры подаваемого теплоносителя. Систематическое нарушение поставщиком температурного режима теплоносителя в перспективе способно приводить к его перерасходу на отопление и водоснабжение корпусов предприятия, что ведет к избыточным для него затратам. Энергетический сервис качественно решает эту проблему, предоставляя в распоряжение предприятия объективные и информативные сведения о качестве приобретаемых энергоресурсов, не оставляя поставщику лазеек для различных технических махинаций с их параметрами.

Развитие мотивации к энергосбережению у предприятий. Энергосервис является одним из наиболее действенных

инструментов для выработки у руководства и сотрудников предприятия инициативы и мотивации к экономии энергии. Когда они получают в свое распоряжение исчерпывающую информацию об объемах потребленных энергоресурсов, у них формируется четкое понимание взаимосвязи размера оплаты за топливно-энергетические ресурсы и установленных режимов энергопотребления в рамках реализации всех технологических процессов. Осознание того, что предприятие платит только за те ресурсы, которые оно реально потребило, делает для них очевидным факт: повышение энергоэффективности и развитие у сотрудников энергосберегающего поведения приведет к реальной экономии их финансовых ресурсов. А в условиях экономического кризиса это действенный стимул к тому, чтобы они начали конструктивную работу по энерго- и ресурсосбережению.

Модернизация технических и энергетических коммуникаций здания. Реализация энергосервиса, в зависимости от типа проекта, предполагает проведение модернизации системы теплоснабжения, водоснабжения, освещения, устранение выявленных утечек энергии. Эти задачи решаются путем замены труб, оборудования, внедрения более совершенных технических систем управления энергопотребления. Таким образом, энергетический сервис способствует обновлению, совершенствованию соответствующих коммуникаций здания, внедрению высокотехнологичных энергоэффективных материалов. Это позволяет снизить затраты предприятия на проведение капитального ремонта за счет включения подобных работ в перечень мероприятий в энергосервисном контракте.

Повышение уровня энергетической безопасности России. Энергетическая безопасность определяет защищенность го-

сударства от угрозы дефицита топливно-энергетических ресурсов. С одной стороны, она достигается благодаря наличию достаточных объемов топливно-энергетических ресурсов на соответствующих энергетических рынках, а с другой — эффективностью потребления энергоресурсов на всех уровнях. И если наличие свободных энергоресурсов зависит от текущей макроэкономической конъюнктуры, то энергоэффективность экономики — тот комплексный показатель, на который мы способны влиять. Прежде всего — при помощи системной реализации энергосервисных мероприятий, позволяющих реально повысить уровень энергетической эффективности промышленных предприятий, являющихся стратегически важными для России участниками экономической деятельности и т.д. Универсальность энергетического сервиса делает его наиболее оптимальным подходом к комплексному энергосбережению в различных отраслях народного хозяйства, укрепляя тем самым энергетическую стабильность всего государства.

Проблема в том, что, несмотря на широкое распространение энергосервисной деятельности в мире, у нас в России существуют определенные барьеры на законодательном уровне. В частности, возврат инвестиций прописан крайне расплывчато, поэтому мы в рамках ВЭО эту проблему обсуждали, мы дальше будем этой проблемой заниматься. На наш взгляд, необходимо внести поправки в ФЗ № 261. Возможно, это мнение экспертного сообщества, которое занимается данной проблематикой, но необходима разработка полноценного Федерального закона об энергосервисной деятельности, который позволит эти механизмы энергосервисного контракта у нас в России успешно реализовывать.

Будучи представителем одного из ведущих технических университетов, я хочу сказать несколько слов о подготовке кадров для реализации новой промышленной политики. Здесь прозвучало мнение о том, какую работу выберут нынешние студенты, будущие выпускники. Существующие тенденции цифровизации экономики позволяют сделать вывод о том, что значительная часть «офисных» профессий в скором времени будет автоматизирована, и место клерков из банковской, финансовой, юридической сфер займут высокотехнологичные машинные системы, использующие искусственный интеллект. Эксперты отмечают, что серьезные изменения могут произойти в экономике уже в 2025 году. В этом контексте значительные возможности для профессионального развития молодых специалистов открываются в области высокотехнологичного промышленного производства, для работы в котором требуются как инженеры и конструкторы, так и специалисты инженерно-экономического профиля, способные с высоким уровнем эффективности управлять финансовыми и материальными ресурсами предприятия, а также реализуемыми им инновационно-инвестиционными проектами.

Мы как эксперты, представители промышленности и сферы образования и науки должны создавать для этого необходимые условия: обеспечивать интеграцию предприятий и ведущих вузов, создавая тем самым возможности как для реализации совместных инновационно-инвестиционных проектов, так и для привлечения на предприятия талантливых выпускников, стремящихся к построению карьеры на высокотехнологичных предприятиях. Только подобная синергия науки, образования и промышленности позволит нам в полной мере решить задачи импортозамещения

и снижения безработицы, раскрыть имеющийся у России инновационный потенциал и обеспечить ей лидирующие позиции на мировом рынке.

Библиографический список

1. Агарков А.П., Голов Р.С. Проектирование и формирование инновационных промышленных кластеров. М.: ИТК «Дашков и К». 2016. 288 с.
2. Башмаков И.А. Повышение энергоэффективности в российской промышленности. ЦЭНЭФ, 2013.
3. Голов Р.С., Мыльник А.В. Инновационно-синергетическое развитие промышленных организаций. М.: ИТК «Дашков и КО», 2012. 420 с.
4. Голов Р.С., Мыльник А.В. Концептуальные основы формирования инновационно-инвестиционных кластерных сред в условиях модернизации экономики // «Экономика и управление в машиностроении», № 1, 2014. С. 32–38.
5. Голов Р.С., Мыльник А.В. Трансформация профессиональных функций человека в условиях формирования интегрированных автоматизированных информационных систем управления в промышленности // «Экономика и управление в машиностроении», № 1, 2017. С. 59–64.
6. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс. 2007. 454 с.
7. Cambridge Econometrics, 2015. Assessing the Employment and Social Impact of Energy Efficiency: Final Report.

РЕФОРМА БАЗИСА НЕОБХОДИМА THE REFORM OF BASIS IS NECESSARY

Г.Н. ЦАГОЛОВ

Действительный член Сената ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, академик Международной Академии менеджмента и Европейской Академии безопасности и конфликтологии, д.э.н.

G.N. TSAGOLOV

Member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, professor of the International University in Moscow, acting member of Senate of the VEO of Russia, member of the Union of writers of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Science, Dr. Sc. Econ.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные трактовки причин проблем в российской экономике и обосновывается необходимость реформирования ее базиса. В качестве примера приводится Китай, который провел преобразования, не разрушив социалистическое плановое хозяйство, но сумел дополнить его рыночно-капиталистическими ре-

гуляторами. Интегральная модель экономики Китая может и должна служить ориентиром для выхода России на траекторию устойчивого и гармоничного развития.

ABSTRACT

The article describes the different interpretations of the causes of the problems in Russian economy and explains the necessity of reformation of the basis. As example is tells about China which has realized the transformations without distractions of the planned system, but could added it by market-capitalist regulators. Integral model of the Chinese economy can and must serve orienter for exit of Russia on the trajectory of the stable and harmonic development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Реформы, планирование, рынок, Китай, планово-рыночная модель.

KEYWORDS

Reforms, planning, market, China, reforms, planned and market system.

Когда речь идет о государственном регулировании промышленного развития и повышении конкурентоспособности отечественной продукции, естественно, встает вопрос о компетентности руководства правительственных организаций, реализующих макроэкономическое управление. Отдельные критические замечания в эту сторону сегодня высказывались, и большинство из них — небезосновательно. От курса индустриальной политики и тех, кто его проводит, зависит очень многое. Не раз звучала и мысль о том, что идеологическая сфера нуждается в развитии, а та, что существует, требует наведения большего порядка. И с этим также не поспоришь.

И все же, оставаясь в этих плоскостях, думается, особых прорывов в решении поставленной проблемы не добиться.

Вопрос ведь стоит довольно остро — необходимо провести новую индустриализацию, сделать гармоничной, эффективной и, заметьте, более конкурентоспособной нашу экономику, хронически страдающую нефтегазовым и сырьевым флюсом. Чтобы докопаться до подлинных причин неурядиц, всегда важно найти основную причину, которая пусть и не единственная, но все же решающая. А это требует проведения глубокого анализа и установления точного диагноза имеющегося заболевания, если оно имеется. А в том, что оно наличествует, никто не сомневается.

При всех неурядицах было справедливо замечено, что у нас в последнее время имеются и немалые успехи. Возьмите недавно введенный в строй Керченский мост, новые станции московского метро, новые виды вооружений, о которых президент Путин рассказал в послании Федеральному собранию РФ. Они не могли быть созданы без наличия высокоразвитой научно-технической базы. Можно перечислить и достижения в других областях. Однако картина в целом не может нас удовлетворить. Несколько лет мы находились в кризисном состоянии, которое началось задолго до санкций. Если кризис 2008 г. был занесен к нам извне, то о последнем такого не скажешь — он рукотворный. Выход из него весьма вялый, сейчас наблюдаем 1,5% рост, далекий от желаемого, так как среднегодовые темпы роста мировой экономики — около 3,5%. Напомним, что за истекшие 27 пореформенных лет темп роста российской экономики в среднем за год не составлял и 1%.

Так в чем же состоит главный диагноз? Обратим внимание на то, что указанные выше недостатки касаются надстроечной сферы. Она важная, но не самая важная. Главные проблемы заключены в сложившейся системе экономиче-

ских отношений, в самом базисе. И как бы мы ни меняли людей в правительстве или ни совершенствовали идеологию, базисные отношения остаются главенствующими. Эта некогда открытая Марксом истина стала теперь общепризнанной, и забывать ее не стоит. А о ней чаще всего забывается, да и сегодня этому аспекту не было уделено заслуживающего того внимания.

Недавно мне довелось побывать в Китае и еще раз убедиться в справедливости вышесказанного. Невольно сравниваешь свежие впечатления с прежними. Непреложным остается факт постоянного и быстрого развития страны. Среднегодовой темп роста за последние 40 лет — 9%, хотя сейчас он слегка опустился — до 7%. Ссылки на цивилизационные особенности, трудолюбие китайского народа, древнюю культуру и пр. малоубедительны, так как те же самые люди в разные периоды своей истории показывали совершенно разные результаты. Было долгое время, когда Китай в области научных открытий, технического новаторства, повышения производительности труда занимал ведущее место и обладал самой мощной и развитой экономикой в мире. Еще 300 лет назад в сравнении с Китаем европейские страны в основном представляли аграрные территории. Но последовавшая промышленная революция и капитализм изменили картину. Запад, воспользовавшись плодами научных открытий, осуществил экономический взлет, а родина пороха и Конфуция сменила процветание на упадок и намного отстала от Европы и Америки.

И после прихода к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном периоды бурного развития сменялись полосами деградации. Насаждение военно-бюрократических методов организации труда в КНР в конце 1950-х не привело Китай

к намеченным целям. Провозглашенный лозунг «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья» потерпел сокрушительный провал. Промышленное производство к 1962 г. сократилось почти вдвое по сравнению с 1960 г., а сбор зерна стал ниже уровня 1952 г. Голод вкупе с природными катаклизмами свел в могилу десятки миллионов людей. Затем последовала «культурная революция», окончательно дезорганизовавшая социально-экономическую жизнь.

Стало быть, ссылки на национальные черты не выдерживают критики. Где были китайцы с их спецификой 50 лет назад? Почему позже отсталая аграрная страна с тем же народом совершила восхождение на мировой Олимп? Корни успехов или неудач тех или иных стран лежат в базисных пластах, в сформированных в них экономических отношениях и их соответствии уровню развития производительных сил.

В Китае это произошло благодаря грамотно проведенным экономическим реформам, начало которым положили Дэн Сяопин и состоявшийся 40 лет назад 3-й пленум ЦК КПК 11 созыва (18–24 декабря 1978 г.). Их суть свелась к использованию частной собственности, рынка и капитализма для строительства социализма. Симбиоз преимуществ обоих способов производства создал так называемую «двухколейную систему» и привел к благотворным результатам на пользу всей страны. Реальный производственный сектор Китая сегодня превосходит американский, а ВВП Китая по паритету покупательной способности с 2014 года — первый в мире. За истекшие четыре десятилетия Китай вывел из бедности и нищеты свыше полмиллиарда людей, а средняя продолжительность жизни превысила 76 лет. Достижениям Китая даются разные интерпретации. Лауреат Нобелевской премии Рональд Коуз

написал книгу под интригующим заглавием «Как Китай стал капиталистическим». Он ошибается. Китай, в отличие от нас, не отказался от социализма и плановой системы хозяйства, а дополнил их рыночными регуляторами.

Я согласен с теми, кто считает, что у нас самый главный порок состоит в том, что мы в начале 1990-х разломали хребет плановой системы, которая представляет собой эманацию социализма, и создали недееспособное рыночное хозяйство, которое у нас окрашено в бюрократическо-олигархические тона. В том, что у нас есть миллиардеры, нет ничего страшного. В Китае их больше, чем у нас, но они созидательные, так как создавали капиталы с нуля, а не как наши, «унаследовавшие» бывшую общенародную собственность, но не превратившиеся в «эффективных собственников».

Призывы к прорыву хороши, но необходимо видеть ориентиры и реальные средства совершить рывок. Без восстановления планово-рыночной экономики это вряд ли получится. Разговоры о необходимости перехода к стратегическому планированию временами ведутся, но затем замолкают. Об этом говорилось в выступлении Е.Б. Линчук. Просто о планировании же вообще слышать не желают. Считается, что это ошибка. Между тем, весь успешный экономический мир использует оба регулятора — рыночный и плановый.

Без реформирования базиса — включения в него планового регулятора и оздоровления рыночного компонента — вряд ли стоит ожидать прорыва в российской экономике.

**ВЫБОР СТРАТЕГИЧЕСКИХ
НАПРАВЛЕНИЙ
ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕН-
ТОСПОСОБНОСТИ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
МЕХАНИЗМОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**THE CHOICE OF STRATEGIC
DIRECTIONS OF INCREASE
THE COMPETITIVENESS
OF INDUSTRY
AND IMPROVEMENT
OF MECHANISMS
OF STATE REGULATION**

Н.М. АБДИКЕЕВ

Директор Института промышленной политики
и институционального развития Финансового
университета при Правительстве Российской
Федерации, доктор технических наук, профессор

N.M. ABDIKEEV

Director of the Institute of industrial policy and institutional development of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of technical sciences, Professor

Ю.С. БОГАЧЕВ

Главный научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор физико-математических наук

Yu.S. BOGACHEV

Chief researcher of the Institute of industrial policy and institutional development of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of physical and mathematical sciences

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является на основе анализа состояния конкурентоспособности отечественной промышленности определить стратегические направления ее повышения и систему мер и эффективных механизмов государственного регулирования промышленного развития. Экономика России характеризуется структурной несбалансированностью, и с этим связаны проблемы ее устойчивого развития. Для обоснования направлений устойчивого развития необходимо провести комплексную диагностику состояния экономики, структуру потребительского спроса и ресурсов развития. Необходимо одновременно решать такие проблемы, как отраслевая структурная перестройка

экономики для расширенного воспроизводства ресурсов, масштаб и качество которых соответствовали бы условиям формирования 6-го технологического уклада; развитие прорывных технологий с учетом потенциала конкурентных преимуществ на глобальном и национальных рынках.

ABSTRACT

The Purpose of the article is to determine the strategic directions of its increase and the system of measures and effective mechanisms of state regulation of industrial development on the basis of the analysis of the state of competitiveness of the domestic industry. The Russian economy is characterized by structural imbalance and this is related to the problems of its sustainable development. In order to substantiate the directions of sustainable development, it is necessary to conduct a comprehensive diagnosis of the state of the economy, the structure of consumer demand and development resources. It is necessary to simultaneously solve such problems as sectoral structural restructuring of the economy for the expanded reproduction of resources, the scale and quality of which would meet the conditions of the formation of the 6th technological structure; development of breakthrough technologies taking into account the potential of competitive advantages in the global and national markets.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конкурентоспособность промышленности, комплексная диагностика состояния экономики, структурная несбалансированность, регулирование промышленного развития, обрабатывающая промышленность.

KEYWORDS

Competitiveness of industry, complex diagnostics of the state of economy, structural imbalance, regulation of industrial development, manufacturing industry.

КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевым фактором обеспечения социально-экономического развития России является конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Поддержка мер повышения конкурентоспособности отечественной промышленности регулируется рядом нормативных документов, определяющих задачи развития высокотехнологичных производств и стратегию повышения их конкурентоспособности на мировом рынке высоких технологий:

- Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года (2011 г.),
- Закон «О промышленной политике в Российской Федерации» (31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ),
- «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (2016 г. № 642),
- Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (15 апреля 2014 г. № 328),
- Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (15 апреля 2014 г. № 316),
- Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

С 2014 года был запущен ряд механизмов по поддержке обрабатывающей промышленности. В частности, была разработана государственная программа «Развитие промыш-

ленности и повышение ее конкурентоспособности», но эти меры оказались не эффективны.

Анализ государственной программы и ее задач показывает, что она не носит комплексного характера. Среди целевых показателей реализации подпрограмм нет показателей, которые определяли бы оптимальный уровень обеспечения потребления продукции в том или ином сегменте внутреннего рынка отечественным производством.

В государственной программе много показателей, характеризующих динамику производства того или иного сектора промышленности, повышения производительности труда. Но это не основные показатели в решение проблемы конкурентоспособности отечественной продукции. Поэтому актуальным является *развитие системы мер по повышению эффективности механизмов государственного регулирования промышленного развития с целью повышения конкурентоспособности продукции отраслевых комплексов.*

Технологическая отсталость обрабатывающей промышленности возрастает. Увеличивается доля продукции, произведенной предприятиями сектора средних технологий низкого уровня и сектора низких технологий, достигнув 70%. При этом три отрасли (производство кокса и нефтепродуктов, металлургическая промышленность и производство пищевой продукции) производят 56,3% стоимости отгруженной продукции. Это говорит о низком уровне диверсификации обрабатывающей промышленности России. Причина этого кроется в отсутствии системной работы по созданию условий для устойчивого развития промышленности.

Основной причиной низкой конкурентоспособности отечественных предприятий на внешнем и внутреннем рынках является архаичная структура обрабатывающей промыш-

ленности России. Экспорт промышленной продукции падает, а импорт возрастает. Анализ статистических данных показывает, что продукция только 15 отраслей обрабатывающей промышленности из 83 конкурентоспособна на внутреннем рынке. Как следствие, по Глобальному индексу конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Россия занимает 32 место в мире, в то время как, например, Турция — 16 место, а Мексика — 8 место¹ [1].

СОСТОЯНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Проведенный экспертами стран ОЭСР анализ динамики экономик 9 развитых стран (США, Канада, Япония, Корея, Испания, Италия, Швеция, Финляндия, Австрия) за тридцатилетний период 1970–2003 гг. и Германии с 1990 года показал, что кризисные процессы в них обусловлены их структурной неустойчивостью и выявил закономерности структурных изменений, содействующие экономическому росту [2–5].

В таблице 1 представлены данные, характеризующие направления этих изменений в усредненной структуре экономик стран — членов ОЭСР.

Таблица 1

Средние значения отраслевой структуры ВВП развитых стран ОЭСР², в %

Отрасли	1970	2003	Темп роста
Сельское хозяйство	9,7	2,2	-7,5
Горнодобывающая промышленность	1,5	0,9	-0,6

¹ The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index Deloitte and US Council on Competitiveness, USA.

² Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO), 2015. «Отчет о промышленном развитии — 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии». Обзор. Вена.

Отрасли	1970	2003	Темп роста
Энергетика	2,1	2,5	0,4
Строительство	7,2	6,2	-1,0
Оптовая и розничная торговля, гостиничный сервис	14,5	14,0	-0,5
Транспорт, логистика, коммуникации	7,6	7,4	-0,2
Услуги индивидуальные, общественный, социальные	17,8	21,5	3,7
Финансы, бытовые услуги	14,3	25,5	11,2
Обрабатывающая промышленность	25,4	19,8	-5,6

КРИТЕРИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ. ОПТИМАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Обобщив результаты исследований, эксперты ОЭСР пришли к консенсусному соглашению по критерию устойчивого развития: структурное ядро оптимальной сбалансированной экономики устойчивого развития формируется обрабатывающей промышленностью (порядка 20%), сферами финансов (25%) и услуг (22%). Вклад обрабатывающей промышленности в ВВП России заметно меньше: например, в 2016 году — только 13,7%.

Авторами системных исследований в докладе Комитета по развитию промышленности при ООН за 2013 г. подчеркивается особая роль обрабатывающей промышленности в качестве локомотива роста национальной экономики [6]. Напротив, недооценка этой роли ускоряет кризисные процессы. Так, показано, что кризис экономики США в девяностых годах прошлого столетия обусловлен переводом промышленных предприятий за границу. В результате вклад обрабатывающей промышленности в ВВП страны уменьшился с 23,4% в 1970 году до 13,8% в 2003 году.

Значительную роль играет соотношение вкладов в ВВП в высокотехнологичных, среднетехнологичных и низкотех-

нологических секторах обрабатывающей промышленности. Принято считать оптимальным соотношения, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Оптимальная технологическая структура экономики развитых стран

Обрабатывающая промышленность	Доли ОЭСР, %	Доля России, % (2016 Росстат)
Высокотехнологичное производство	19	6,
Средневысокотехнологичное производство	28	17
ИТОГО:	47	23,6
Средненизкотехнологичное производство	21	50,1
Низкотехнологичное	32	20,7

Оптимально, когда высокотехнологичные производства составляют 50% в технологической структуре обрабатывающей промышленности, а вклад высокотехнологичного сектора в России составляет только 6,7%, а в инновационном секторе не превышает 11,7% (2015 г.).

Как следствие, большая часть производственных мощностей развитых стран формируют 5-ый и 6-ый технологические уклады. Так, в США на долю 5-го и 6-го технологических укладов приходится соответственно 60% и 5%, а в России — только 10% и 0,5% (по данным С.Ю. Глазьева).

Проведенный обзор свидетельствует о том, что структура экономики России не соответствует критерию устойчивого развития. Следует отметить, что в последние пять лет отмечается тенденция уменьшения доли обрабатывающей промышленности в ВВП.

СТРУКТУРНАЯ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ЭКОНОМИКИ

Таким образом, одной из основных проблем развития экономики России в целом является ее структурная несба-

лансированность³. Инструментом ее решения является повышение технологичного уровня отраслей экономики при условии опережающего развития высокотехнологичных секторов обрабатывающей промышленности.

Необходима стратегия развития страны на основе модели, определяющей приоритетные направления формирования конкурентных преимуществ отечественной промышленности в глобальной экономике в условиях формирования шестого технологического уклада. Для реализации стратегии нужны эффективные организационные, управленческие и финансовые механизмы воспроизводства и распределения ресурсов, необходимых для достижения стратегических целей развития.

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ведущую роль в обрабатывающей промышленности России играют среднетехнологичные и низкотехнологичные производства.

В связи с этим необходимо одновременно решать две функциональные проблемы:

1) отраслевая структурная перестройка экономики для расширенного воспроизводства ресурсов, масштаб и качество которых соответствовали бы условиям формирования 6-го технологического уклада;

2) создание 6-го уклада с учетом потенциала конкурентных преимуществ на глобальном и национальных рынках [7].

По нашему мнению, для решения этих задач с учетом специфики экономики России актуальной является пробле-

---

³ Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO), 2015. «Отчет о промышленном развитии — 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии». Обзор. Вена.

ма выбора на основе комплексной диагностики состояния экономики.

Диагностика состояния экономики

Для обоснования направлений устойчивого развития необходимо провести комплексную диагностику состояния экономики, структуру потребительского спроса и ресурсов развития [8].

В мировой практике принято оценивать качество жизни тремя параметрами: производство ВВП на душу населения, продолжительность жизни и уровень образования.

Мониторинг социально-экономического положения и эффективности управления начинается с оценки качества жизни населения.

Решается задача выявления факторов, влияющих на качество жизни населения (на ВВП, продолжительность жизни и уровень образования).

Определение факторов, влияющих на производство ВВП, позволит, с одной стороны, выявить возможности в соответствии с критериями экспертов ОЭСР обеспечить устойчивый характер развития экономики, а, с другой стороны, проиллюстрировать, насколько экономическая система эффективно использует человеческие ресурсы, занятые в экономике и основные фонды при сложившемся их распределении между разными экономическими видами деятельности. О наличии потенциала устойчивого развития свидетельствует структура вкладов в ВВП разных сегментов экономики, а об эффективности использования ресурсов — величина вклада ВВП на одного занятого в отрасли экономики и единица стоимости основных фондов в ней. Величина «разброса» этих величин по различным отраслям свидетельствует об уровне структурных диспропорций.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ

Разработаны методические положения и рекомендации проведения анализа социально-экономического состояния национальной экономики с позиции определения тенденций эффективного и устойчивого развития.

При проведении мониторинга социально-экономического развития с целью определения потенциала воспроизводства ресурсов устойчивого развития необходимо решить следующие задачи:

1. Соответствие структуры экономики критериям устойчивого развития ОЭСР и факторам, определяющим качество жизни населения.
2. Эффективность использования человеческого ресурса занятых в экономике.
3. Эффективность использования основных фондов.
4. Определение конкурентоспособности различных сегментов экономики на внутреннем рынке труда.
5. Определение структуры внешнеэкономического сотрудничества.
6. Определение структуры спроса населения.
7. Состояние инновационных секторов различных видов экономической деятельности.
8. Уровень развития здравоохранения.
9. Уровень развития малого предпринимательства.

Решение каждой из 9-ти задач мониторинга представляется в виде совокупности базовых показателей потенциала устойчивого развития национальной экономики.

Результаты решения рассмотренных задач могут использоваться для выработки стратегии устойчивого развития экономики, соответствующих программ ее реализации и дорожных карт.

Задачи государственного регулирования промышленного развития:

1. Формирование институтов, определяющих стратегические цели, концепции их достижения, дорожные карты их реализации и организационные формы государственного регулирования.

2. Разработка организационно-управленческих механизмов концентрации ресурсов для формирования условий опережающего развития высокотехнологичных производств отраслевых комплексов и продвижения продукции этих производств на мировые рынки в рамках промышленной политики.

3. Согласование денежно-кредитной и налоговой политики с приоритетами государственного заказа, формирующими условия модернизации промышленного производства как ключевого фактора повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

4. Совершенствование таможенной политики с целью создания благоприятных условий для экспорта отечественной продукции.

5. Создание системы устойчивого обеспечения производственных комплексов высококвалифицированными кадрами.

Ключевыми задачами являются: 1) *институциональное развитие* и 2) *модернизация производственно-технологической базы промышленных комплексов*.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

В настоящее время отсутствуют эффективные механизмы взаимодействия промышленного и научно-технического комплексов как между собой, так и с исполнительной властью. Следствием этого являются серьезные проблемы развития с учетом современных тенденций в ведущих в экономическом

отношении странах, стагнация промышленного производства из-за низкой конкурентоспособности продукции, сложное социально-экономическое положение научно-технического комплекса из-за невостребованности результатов исследований.

В связи с этим актуально решение проблемы создания эффективных организационных управленческих механизмов взаимодействия научно-технического, промышленного комплексов и исполнительной власти с целью:

- выявления приоритетных направлений научно-технологического развития;
- формирования научно-промышленных комплексов и консорциумов, действующих на сетевых принципах и обеспечивающих развитие по приоритетным направлениям;
- разработки комплекса программ, направленных на решение ключевых проблем формирования инвестиционной инновационной модели экономики;
- разработки программ по научно-технологическому международному и межрегиональному сотрудничеству.

Решение указанных проблем будет способствовать институциональному развитию государственного частного партнерства в соответствии с мировыми тенденциями, повышению масштаба, интенсивности и качества инновационной деятельности.

Методика оценки уровня структурной сбалансированности отраслей обрабатывающей промышленности

Для обоснования выбора механизмов совершенствования государственного регулирования отечественной промышленности необходима оценка ее структурной сбалансиро-

ванности. Для этих целей по результатам исследования была разработана «Методика оценки уровня структурной сбалансированности отраслей обрабатывающей промышленности».

Вводится система уравнений для расчета значений индикаторов, позволяющих определить экономическую значимость обрабатывающей промышленности, ее технологичную структуру и перспективы ее развития. При этом принимается во внимание, что в соответствии с данными Росстата структура промышленности России определяется тремя отраслями: добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, распределение электроэнергии, газа и воды.

Технологичная структура обрабатывающей промышленности определяется долей в общем объеме производства обрабатывающей промышленности определенного сектора производства: высокотехнологического, среднетехнологического высокого уровня и других.

В таблицах 3 и 4 приведены структура производств высокотехнологического и среднетехнологического высокого уровня обрабатывающей промышленности.

ЦЕЛЕВЫЕ ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ В СТРУКТУРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В качестве инструмента индикативного планирования повышения конкурентоспособности продукции отечественного производства на внутреннем и внешнем рынках предлагается использовать следующие индикаторы:

- доля стоимости отечественной продукции конкретной товарной группы в общей стоимости этой продукции, реализованной на внутреннем рынке;

Таблица 3

Структура высокотехнологического сектора обрабатывающей промышленности, %⁴

Высокотехнологические отрасли	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего, в том числе	6,0	7,0	6,9	6,6	7,1
1. Производство фармацевтической продукции	1,0	1,0	0,9	0,9	1,0
2. Производство офисного оборудования и вычислительной техники	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2
3. Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи	1,3	1,4	1,4	1,3	1,3
4. Производство медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний, оптических приборов, фото- и кинооборудования, часов	1,4	1,5	1,5	1,4	1,8
5. Производство летательных аппаратов, включая космические	2,1	2,8	2,8	2,8	2,8

- доля стоимости экспортной продукции конкретной товарной группы обрабатывающей промышленности в общей стоимости этой произведенной продукции;
- индекс внешнеторгового оборота отечественной продукции на внешнем рынке: отношение разницы стоимостей экспорта и импорта к объему товарооборота, характеризующему их суммой;

⁴ Таблица составлена авторами на основе данных: 1) Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 2) Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016; 3) Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник, 2018. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science).

- доля добавленной стоимости, созданной в высокотехнологических секторах обрабатывающей промышленности в общем объеме добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности в целом;
- доля стоимости продукции высокотехнологических секторов в общей стоимости экспорта.

Таблица 4

Структура среднетехнологичного высокого уровня сектора обрабатывающей промышленности, %⁵

Среднетехнологичные отрасли высокого уровня	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего, в том числе	24,0	23,0	21,9	19,5	19,5
1. Химическое производство	7,1	6,7	6,6	6,6	7,1
2. Производство машин и оборудования	5,3	5,1	5,3	4,5	4,0
3. Производство электрических машин и электрооборудования	2,1	2,1	1,9	1,8	1,8
4. Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	7,6	7,3	6,6	5,6	5,2
5. Производство прочих транспортных средств	1,9	1,8	1,5	1,0	1,4

На основе индикатора «Индекс внешнеторгового оборота отечественной продукции на внешнем рынке» разработан Классификатор товарных групп отечественной промышленной продукции. Данный классификатор позволяет в оперативном режиме оценивать уровень конкурентоспособности

⁵ Таблица составлена авторами на основе данных: 1) Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 2) Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016; 3) Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник, 2018. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science).

как всего промышленного комплекса российской экономики, так и отдельных его отраслей на внешнем рынке.

Таблица 5

Доля стоимости отечественной продукции в общей стоимости этой продукции, реализованной на внутреннем рынке по некоторым товарным группам (2011–2015), %

Продукция	2011	2012	2013	2014	2015
Продукция текстильной, швейной, кожевенной и обувной промышленности	29	27	28	28	27
Химическая продукция	51	51	50	49	48
Продукция металлургической промышленности	80	79	79	80	83
Машины, оборудование и транспортные средства	49	49	51	50	50

Таблица 6

Доля стоимости экспортной продукции отраслей обрабатывающей промышленности в общем объеме их производства, %

Высокотехнологичные отрасли	2014 г.	2015 г.
Всего	14	17
1. Производство фармацевтической продукции	8	8
2. Производство офисного оборудования и вычислительной техники	7	3
3. Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи	4	5
4. Производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования, часов	7	6
5. Производство летательных аппаратов, включая космические	26	33
Среднетехнологичные отрасли высокого уровня	2014 г.	2015 г.
Всего	16	19
1. Химическое производство	40	42
2. Производство машин и оборудования	5	6

Высокотехнологичные отрасли	2014 г.	2015 г.
3. Производство электрических машин и электрооборудования	4	4
4. Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	4	5
5. Производство прочих транспортных средств	5	4

Таблица 7

Классификация отечественных товарных групп промышленной продукции по уровню конкурентоспособности на внешнем рынке

№	Уровень конкурентоспособности на внешнем рынке	Кол-во товарных групп, %	Кол-во товарных групп, %	Кол-во товарных групп ВТП и СТПВУ	Кол-во товарных групп ВТП и СТПВУ к итогу, %
1	Неконкурентоспособная	32	39	10	53
2	Преимущественно неконкурентоспособная	16	19	3	16
3	Умеренно неконкурентоспособная	11	13	2	11
4	Умеренно конкурентоспособная	9	11	3	16
5	Преимущественно конкурентоспособная	5	6	0	0
6	Конкурентоспособная	10	12	1	5
7	ВСЕГО	83	100	19	100

Библиографический список

1. The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index Deloitte and US Council on Competitiveness, USA.
2. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO), 2015. «Отчет о промышленном развитии — 2016.

Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии». Обзор. Вена.

3. Kleinknecht, van der Panne. Who Is Right? Kuznets in 1930 or Schumpeter in 1939? / Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Ed. by T.C. Devezas. — Amsterdam.: IOS Press, 2006. P.118–127.
4. Rodrik, D. Normalizing Industrial Policy / Commission on Growth and Development. Working Paper. — Washington DC: World Bank, 2008.
5. McMillan, M., Rodrik, D., Globalization, Structural Change, and Productivity Growth / Making Globalization Socially Sustainable, eds. Bacchetta, M., and Jansen. — Geneva: International Labour Office and World Trade Organization, 2011.
6. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO), 2013. «Отчет о промышленном развитии — 2013. Устойчивый рост занятости: роль обрабатывающей промышленности и структурных изменений». Обзор. Вена.
7. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Лосев А.А. Концептуальные основы повышения конкурентоспособности промышленного производства в условиях цифровой экономики / Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система / Материалы VI Международного научного конгресса (24–25 мая 2018 года, г. Москва, Финансовый университет), с. 302–305.
8. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С. Диагностика структурной устойчивости экономики России / Вестник Финансового университета / Международный научно-практический журнал, № 3, 2017. С. 75–83.

References

1. The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index Deloitte and US Council on Competitiveness, USA.
2. Organizatsiya Obyedinenikh Natsii po promishlennomu razvitiyu (UNIDO), 2015. “Otchet o promishlennom razvitiu — 2016. Rol

technologiy i innovatsi vo vseokhvativayushem i ustoichivom promishlennom razvitii”. Obzor. Vena.

3. Kleinknecht, van der Panne. Who Is Right? Kuznets in 1930 or Schumpeter in 1939? / Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Ed.by T.C. Devezas. — Amsterdam.: IOS Press, 2006. P. 118–127.
4. Rodrik, D. Normalizing Industrial Policy / Commission on Growth and Development. Working Paper. — Washington DC: World Bank, 2008.
5. McMillan, M., Rodrik, D., Globalization, Structural Change, and Productivity Growth / Making Globalization Socially Sustainable, eds. Bacchetta, M., and Jansen. — Geneva: International Labour Office and World Trade Organization, 2011.
6. Organizatsiya Obyedinenikh Natsii po promishlennomu razvitiyu (UNIDO), 2013. “Otchet o promishlennom razvitii — 2013. Ustoichivi rost zanyatosti: rol’ obrabativayushei promishlennosti i strukturnikh izmenenii”. Obzor- Overview. Vena
7. Abdikeyev N., Bogachev Yu., Losev A.A. Kontseptualnyye osnovy povysheniya konkurentosposobnosti promyshlennogo proizvodstva v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki / Teoriya i praktika razvitiya predprinimatelstva: sovremennyye kontseptsii. tsifrovyye tekhnologii i effektivnaya sistema / Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa (24–25 maya 2018 goda. g. Moskva. Finansovyy universitet). s. 302–305.
8. Abdikeyev N., Bogachev Yu. Diagnostika strukturnoy ustoychivosti ekonomiki Rossii / Vestnik Finansovogo universiteta / Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal. № 3. 2017. S. 75–83.

**РАНЖИРОВАНИЕ
И КЛАСТЕРИЗАЦИЯ
РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
**RANKING AND CLUSTERING
OF REGIONS BY THE LEVEL
OF EFFICIENCY
OF SCIENTIFIC AND
INNOVATIVE ACTIVITY**

О.В. ЛОСЕВА

Доктор экономических наук, доцент, профессор
Департамента корпоративных финансов
и корпоративного управления Финансового
университета, г. Москва

O.V. LOSEVA

Doctor of economic sciences, professor of the
Department of corporate finance and corporate
management of the Financial University,
Moscow, Russia

Н.М. АБДИКЕЕВ

Доктор технических наук, профессор,
Директор Института промышленной политики
и институционального развития Финансового
университета, г. Москва

N.M. ABDIKEEV

Doctor of technical sciences, professor,
Director of the Institute of industrial policy
and institutional development of the Financial
University, Moscow, Russia

А.С. ДИДЕНКО

Кандидат экономических наук, советник при
ректорате Финансового университета,
г. Москва

A.S. DIDENKO

Candidate of economic sciences, Advisor to the
rector of Financial University, Moscow,
Russia

АННОТАЦИЯ

В статье предметом исследования выступают научно-инновационная деятельность (НИД) региона и инструменты ее оценки. Уровень эффективности НИД региона определен с позиции DEA-моделирования. Выделены критерии отбора показателей ресурсов и результатов НИД. Представлены результаты ранжирования и кластеризации регионов по уровню эффективности НИД. Рассмотрен подход к ранжированию и кластеризации регионов на основе учета энтропии показателей ресурсов и результатов НИД. Полученные результаты позволят органам региональной власти выявлять проблемные зоны инновационного развития и принимать обоснованные управленческие решения по его интенсификации.

ABSTRACT

The subject of the research is the scientific and innovative activity (SIA) of the region and the tools of its evaluation. The level of efficiency of the region's SIA is determined from the position of DEA modeling. The criteria of selection of indicators of resources and results of SIA are allocated. The results of ranking and clustering of regions by the level of efficiency of SIA are presented. An approach to ranking and clustering of regions based on the entropy of resource indicators and results of the SIA is considered. The results will allow the regional authorities to identify problem areas of innovative development and make informed management decisions to intensify it.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Научно-инновационная деятельность, эффективность, регион, ранжирование, кластеризация, алгоритм.

KEYWORDS

Methodology, assessment, scientific and innovative activity, efficiency, region.

Задача качественного прорыва во всех сферах экономики, модернизации и технологического перевооружения промышленности, поставленная Президентом Российской Федерации в ежегодном Послании Федеральному Собранию от 01.03.2018 [1], требует повышения эффективности инновационной деятельности социально-экономических субъектов всех уровней и совершенствования контроля за ее осуществлением. В контексте данной статьи речь пойдет об инновационной деятельности регионов, инструментах ее оценки и мониторинга.

Научная деятельность является необходимой составляющей эффективного инновационного процесса, определяя

качество кадрового потенциала и научных исследований региона, без которых невозможны генерация новых знаний, продуктивное создание собственных и использование готовых инноваций. В этой связи есть смысл говорить о научно-инновационной деятельности региона (далее — НИД) как о процессе, интегрирующем в себе все виды научно-исследовательской и инновационной деятельности, осуществляемых организациями и предприятиями на конкретной территории и направленных на создание и внедрение инноваций. Необходимость разработки методики оценки и инструментов мониторинга эффективности НИД региона вытекает из объективных потребностей органов государственной и региональной власти в выявлении слабых сторон ресурсной составляющей научно-инновационного потенциала и в контроле результативности инновационных процессов, протекающих в регионе.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ

Российские регионы представляют собой достаточно разнородную по своему социально-экономическому развитию систему субъектов, поэтому эффективность их научно-инновационной деятельности ($\mathcal{E}_{\text{НИД}}$) наиболее целесообразно определить как относительную величину, характеризующую уровень отдачи (полученные результаты НИД) от вложенных ресурсов (потенциал НИД) [2].

$$\mathcal{E}_{\text{НИД}} = \frac{Ri_{\text{НИД}}}{Pj_{\text{НИД}}} \quad (1)$$

где Ri — результаты НИД, $i=1..r$; Pj — потенциал НИД (ресурсы), $j=1..p$. В общем случае $r \neq p$.

Показатель эффективности целесообразно рассчитывать по совокупности регионов, представляющих собой систему $S=\{Rg, X\}$ из m -множества регионов Rg , обладающих n общими индикаторами X , характеризующими ресурсы и результаты НИД региона (2), которую можно задать в виде матрицы размерности $(m \times n)$:

$$S = \begin{pmatrix} P_{11} & P_{12} & \dots & P_{1p} & R_{11} & R_{12} & R_{1r} \\ P_{21} & P_{22} & \dots & P_{2p} & R_{21} & R_{22} & R_{2r} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ P_{m1} & P_{m2} & \dots & P_{mp} & R_{m1} & R_{m2} & R_{mr} \end{pmatrix} \quad (2)$$

где P_{ij} и R_{jk} — соответственно индикаторы потенциала и результатов НИД, которые можно рассматривать как своеобразные «входы» и «выходы» системы; $i=1..m$, $j=1..p$, $k=1..r$, $p+r=n$.

В качестве ресурсов следует рассматривать статистические показатели, характеризующие инфраструктуру, кадровый потенциал, затраты организаций на научные исследования и инновации, государственное финансирование региональных инновационных проектов. Отдача на вложенные ресурсы представляет собой достигнутые результаты НИД. Схема взаимосвязи ресурсов и результатов представлена на рис. 1.

В качестве основной методологии оценки эффективности НИД рекомендуется выбрать метод DEA-моделирования (Data Envelopment Analysis), основанный на построении границы эффективности в пространстве входных (ресурсных) и выходных (результативных) переменных. Граница эффективности используется в качестве эталона (точки от-

счета) для получения численного значения оценки эффективности каждого из субъектов в исследуемой совокупности регионов. Степень эффективности регионов определяется степенью их близости к границе эффективности, которая строится путем многократного решения задачи линейного программирования [3].

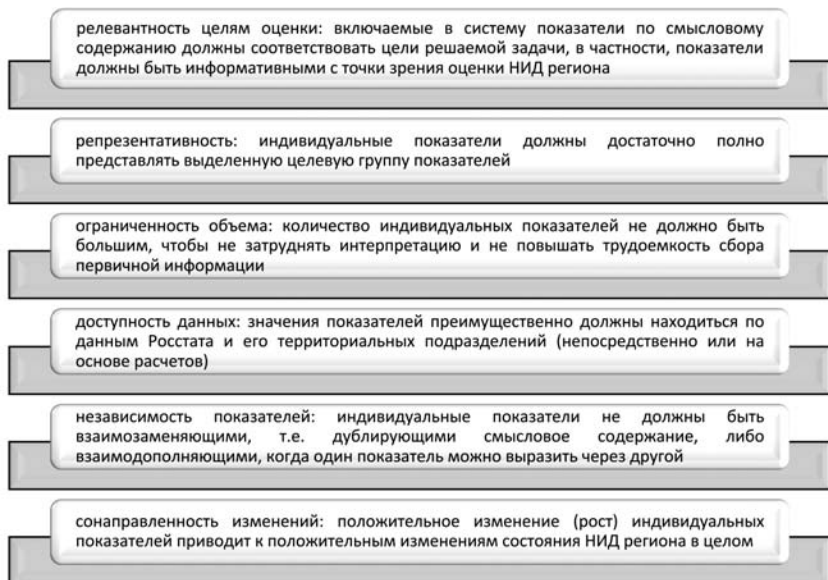

Рис. 1. Взаимосвязь ресурсов и результатов научно-инновационной деятельности региона

Источник: составлено авторами

Отбор конкретных показателей (индикаторов) ресурсов и результатов научно-инновационной деятельности регио-

нов должен осуществляться на основе следующих критериев (рис. 2).

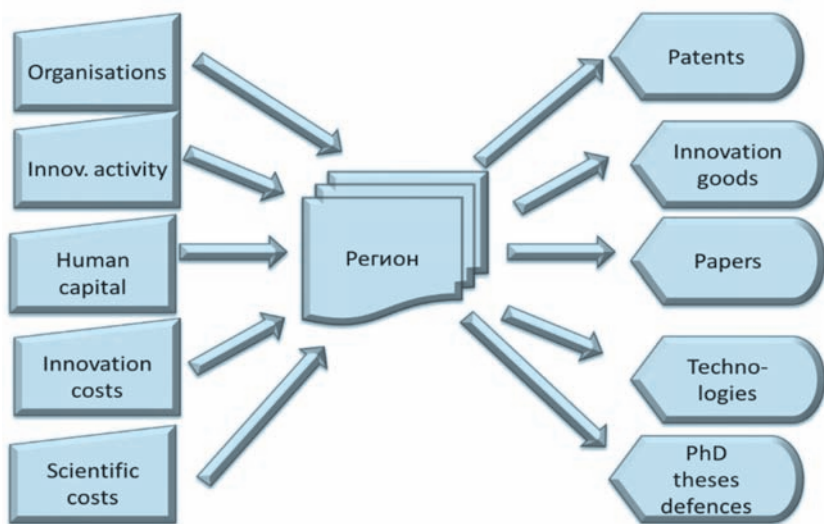
Рис. 2. Критерии отбора показателей ресурсов и результатов научно-инновационной деятельности региона

Источник: [4]

Пример системы показателей, характеризующих потенциал и результаты НИД, приведен на рис. 3.

На рисунке 3 «Входы»: число научно-исследовательских организаций; доля инновационно-активных организаций; численность персонала, занятого исследованиями и разработками; затраты на технологические, инновации; затраты на научные исследования и разработки. «Выходы»: число поступивших патентных заявок и выданных патентов; объ-

ем отгруженных инновационных товаров, работ и услуг; число публикаций в журналах, входящих в международную реферативную базу исследований; разработанные и используемые передовые производственные технологии; процент защитившихся аспирантов и докторантов из числа выпущенных.

Рис. 3. Показатели «входов» (ресурсов) и «выходов» результатов научно-инновационной деятельности региона

Источник: составлено авторами

Необходимо помнить, что увеличение числа показателей «входов» и «выходов» может привести к ситуации, когда за счет усреднения значений все регионы окажутся вблизи границы эффективности и выявить лидеров и аутсайдеров станет проблематично.

Логико-содержательное обоснование возможных вариантов показателей, отражающих инновационный потенциал и инновационные результаты НИД региона, рассмотрено в работе [5].

РАНЖИРОВАНИЕ И КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ НИД

Получив значения относительной эффективности научно-инновационной деятельности ($\mathcal{E}_{\text{НИД}}$) по каждому региону, можно проранжировать их по принципу «степень близости к 1». На рис. 4 отражены результаты ранжирования 83 субъектов РФ по показателю $\mathcal{E}_{\text{НИД}}$, для которого «входы» и «выходы» представлены на рис. 3. Их значения брались на официальном сайте Росстата [6].

Как видно из рисунка, в лидерах ($\mathcal{E}_{\text{НИД}} = 1$) оказались Москва, Татарстан, Саратовская, Белгородская, Воронежская, Орловская области и Ставропольский край. В десятку аутсайдеров вошли ряд северокавказских республик, регионы Крайнего севера и Дальнего востока, а также Республики Алтай и Тыва.

Все регионы можно разбить на 5 кластеров:

$\mathcal{E}_{\text{НИД}} = 1$ — регионы с высокоэффективной научно-инновационной деятельностью (лидеры);

$0,75 \leq \mathcal{E}_{\text{НИД}} < 1$ — регионы с эффективной научно-инновационной деятельностью (потенциальные лидеры);

$0,5 < \mathcal{E}_{\text{НИД}} \leq 0,75$ — регионы со среднеэффективной научно-инновационной деятельностью («средняки»);

$0,25 < \mathcal{E}_{\text{НИД}} \leq 0,5$ — регионы с низкоэффективной научно-инновационной деятельностью (потенциальные аутсайдеры);

$0 < \mathcal{E}_{\text{НИД}} \leq 0,25$ — регионы с неэффективной научно-инновационной деятельностью (аутсайдеры);

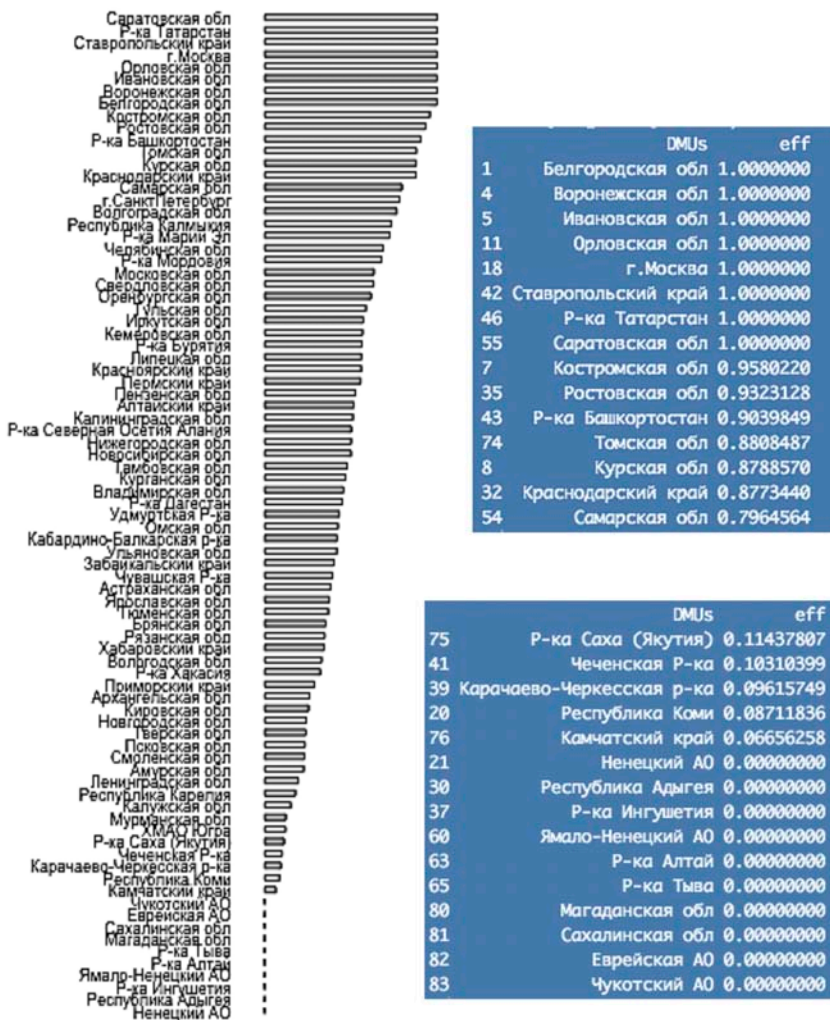

Рис. 4. Результаты ранжирования регионов в системе R-project по уровню эффективности научно-инновационной деятельности, 2017 г.

Источник: составлено авторами на основе расчетов

Предложенный вариант ранжирования и кластеризации на основе DEA-моделирования позволяет определить также эффективность отдельно научной или инновационной составляющей, изначально задавая соответствующие «входы» и «выходы». Однако остается не ясным, за счет чего регион попал в тот или иной кластер — высокого качества имеющихся ресурсов (потенциала) или прорыва в инновационных и/или научных результатов. Какие ресурсы в большей степени повлияли на результативность НИД?

Ответы на данные вопросы позволяет получить другой подход, основанный на сравнительной рейтинговой оценке регионов по различным частным показателям с учетом их энтропии. Алгоритм ранжирования будет выглядеть следующим образом.

1. Выбор базового критерия для сопоставления:

а) степень достижения наилучших в рамках исследуемых регионов или наиболее приемлемых значений частных показателей в рамках существующих объективных социально-экономических условий;

б) вероятность (частота) соответствующих значений индивидуальных рейтинговых оценок в системе регионов, представленной матрицей (2).

2. Формирование системы показателей ресурсов и результатов научно-инновационной деятельности, исходя из того, что глобальной целью региональной системы является успешное инновационное развитие, а локальной — оценка научно-инновационной деятельности как ключевого фактора, обеспечивающего данное развитие.

3. Определение интегрального показателя уровня развития научно-инновационной деятельности региона.

3.1. Переход от количественных значений показателей к их качественным аналогам. За норму качества предложено взять 10 качественных уровней, которые будут обозначать индивидуальный рейтинг показателя (Таблица 1).

Таблица 1

Качественная шкала рангов показателей (индикаторов)

Ранг	Атрибутивная оценка достигнутого уровня индикатора	Количественное выражение качественной оценки
10	Отличное, превосходное	5
9	Почти отличное	5-
8	Очень хорошее	4+
7	Хорошее	4
6	Среднее	4-
5	Ниже среднего	3+
4	Удовлетворительное	3
3	Допустимое	3-
2	Неудовлетворительное	2
1	Критичное, недопустимое	2-

Источник: составлено авторами

В итоге матрица (2) количественных значений показателей будет преобразована в матрицу их качественных аналогов (индивидуальных рейтингов):

$$S' = \begin{pmatrix} X_{11} & X_{12} & \dots & X_{1n} \\ X_{21} & X_{22} & \dots & X_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ X_{m1} & X_{m2} & \dots & X_{mn} \end{pmatrix} \quad (3)$$

3.2. Определение значимости каждого показателя на уровень развития НИД региона на базе принципа «чем больше

разброс качественных оценок показателя в системе регионов, тем больше его энтропия и тем выше, соответственно, значимость на данном этапе развития». Энтропия показателя определяется по формуле Шеннона [7]:

$$H_j = \sum_{i=1}^m p_{ij} \ln\left(\frac{1}{p_{ij}}\right) \quad (4)$$

где H_j — энтропия j -го показателя, p_{ij} — вероятность появления i -го значения j -го показателя в матрице (3), при этом сумма всех вероятностей i -ых значений показателя в каждом столбце матрицы равна 1.

3.3. Расчет сводного рейтинга региона с учетом энтропии частных показателей по формуле:

$$Sr(\text{НИД}_i) = \frac{\sum_{j=1}^n X_{ij} H_j}{\sum_{j=1}^n H_j}, \quad i = 1..m \quad (5)$$

где $Sr(\text{НИД}_i)$ — сводный рейтинг i -го региона по всем индивидуальным рейтингам показателей ресурсов и результатов НИД; H_j — энтропия j -го показателя, определяемая по формуле Шеннона; X_{ij} — качественный аналог j -го показателя у i -го региона; m — число регионов; n — число показателей.

Согласно данному алгоритму регионы, достигшие высоких значений по показателям с большей энтропией, будут иметь больший сводный рейтинг.

Рекомендуется находить по формуле (5) отдельные групповые рейтинги региона по ресурсам (P), результатам (R). Такое ранжирование позволит наглядно увидеть вклад на-

учной и инновационной составляющих в интегральный уровень развития НИД региона.

Таким образом, научная значимость исследования заключается в раскрытии сущности эффективности научно-инновационной деятельности региона с позиции DEA-моделирования, введения показателя относительной эффективности и разработки алгоритмов ранжирования и кластеризации регионов с учетом энтропии входящих в нее индикаторов. Данные инструменты могут быть использованы для мониторинга и диагностики НИД региона в интересах его конкурентоспособного развития и повышения инвестиционной привлекательности.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 17-02-00465 «Методология комплексной оценки эффективности научной и инновационной деятельности регионов».

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/
(дата обращения: 15.05.2018).
2. Лосева О.В. Методология оценки эффективности научной и инновационной деятельности региона / Лосева О.В., Абдикеев Н.М., Диденко А.С., Строев П.В. // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 7. Т. 1. С. 3–11.
3. Loseva O., Abdikeev N., Didenko A. Measuring efficiency of regional innovation system with DEA and PCA // IEEE 11th International Conference on Application of Information and Communication Technologies» Moscow, 20–22 September 2017. Proceedings.
4. Loseva O. Methods for Measuring of Regional Intellectual Capital / O. Loseva, M. Fedotova, N. Filimonova // Information/ 2016, Vol 19, № 6. P.1771–1784.

5. Лосева О.В. Развитие методологии оценки инновационного капитала региона // Инновационное развитие экономики. 2017. № 5. С. 27–35.
6. Официальный сайт Росстата. Наука и инновации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm (дата обращения: 15.05.2017).
7. Васильев В.И., Красильников В.В., Плаксий С.И., Тягунова Т.Н. Статистический анализ многомерных объектов произвольной природы. М.: Изд-во ИКАР, 2004. 382 с.

References

1. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 01.03.2018 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (data obrashcheniya: 15.05.2018).
2. Loseva O.V. Metodologiya otsenki effektivnosti nauchnoi i innovatsionnoi deyatel'nosti regiona / Loseva O.V., Abdikeev N.M., Didenko A.S., Stroev P.V. // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2017. № 7. Т. 1. S. 3–11.
3. Loseva O., Abdikeev N., Didenko A. Measuring efficiency of regional innovation system with DEA and PCA // IEEE 11th International Conference on Application of Information and Communication Technologies» Moscow, 20–22 September 2017. Proceedings.
4. Loseva O. Methods for Measuring of Regional Intellectual Capital / O. Loseva, M. Fedotova, N. Filimonova // Information/ 2016. Vol 19. № 6. P. 1771–1784.
5. Loseva O.V. Razvitie metodologii otsenki innovatsionnogo kapitala regiona // Innovatsionnoe razvitie ekonomiki, №5, 2017. S. 27–35.
6. Ofitsial'nyi sait Rosstata. Nauka i innovatsii. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm (data obrashcheniya: 15.05.2017).
7. Vasil'ev V.I., Krasil'nikov V.V., Plaksii S.I., Tyagunova T.N. Statisticheskii analiz mnogomernykh ob'ektov proizvol'noi prirody. M.: Izd-vo IKAR, 2004. 382 s.

Контактная информация:

Лосева Ольга Владиславовна

Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский
просп., 49

e-mail: OV Loseva@fa.ru

Olga V. Loseva

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993, GSP-3

e-mail: OV Loseva@fa.ru

Абдикеев Нияз Мустякимович

Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский
просп., 49

e-mail: n_abd@mail.ru

Niyaz M. Abdikeev

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993, GSP-3

e-mail: n_abd@mail.ru

Диденко Александр Сергеевич

Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский
просп., 49

e-mail: adidenko@fa.ru

Aleksandr S. Didenko

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993, GSP-3

e-mail: adidenko@fa.ru

**УРОКИ ДЛЯ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ
РАЗВИТИЯ
ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В США**

**LESSONS FOR RUSSIA:
THE PROBLEMS OF THE
DEVELOPMENT POLICY
IN MANUFACTURING
OF THE UNITED STATES**

Е.Л. МОРЕВА

К.э.н., заместитель директора
Института промышленной политики
и институционального развития, Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва

E. L. MOREVA

PhD (Econ), Deputy Director, The Institute of
Industry Policy and Institutional Development,
Financial University under the Government of
the Russian Federation, Moscow

Л.В. ОБОЛЕНСКАЯ

К.т.н., ведущий научный сотрудник
Института промышленной политики
и институционального развития, Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва

L.V. OBOLENSKAYA

PhD (Tech), Leading research associate, The
Institute of Industry Policy and Institutional
Development, Financial University under the
Government of the Russian Federation, Moscow.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам оценки государственной политики развития обрабатывающей промышленности в США в призме актуальных для России проблем сбалансированности и интегрированности политики в отношении сектора. Основное внимание уделено государственной политике администрации Б. Обамы и Д. Трампа. Выявляются причины снижения эффективности проводимой политики, в т.ч. связанные с недостаточной изученностью вопросов reshoring. На основе общенаучных методов системного и структурно-логического анализа сделаны выводы относительно недостатков основных принципов построения такой политики и предложения по их учету при проведении политики развития обрабатывающей промышленности в России.

ABSTRACT

The article is about the appraisal of the policy towards the manufacturing in USA in lens of the problems valuable to Russia of the balance and integration of the respective policy. The main object is the policy of B. Obama and D. Trump administrations. The authors reveal the causes to lower the efficiency of the policy realized, the insufficient analysis of reshoring included. Based on the methods of systemic and structural

analysis it was concluded about the shortcomings of the basic principles of such a policy and the proposal to consider them to execute the manufacturing development policy in Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Обрабатывающая промышленность, политика развития, государственное регулирование, перевод производства из-за рубежа, ниршоринг.

KEYWORDS

Manufacturing, development policy, state governance, reshoring, nearshoring.

Задачи создания в Российской Федерации конкурентоспособной и структурно сбалансированной промышленности, особенно обрабатывающей как ее драйвера, заставляют специально анализировать опыт такого рода усилий в странах, преуспевших в развитии сектора. В связи с этим особый интерес представляет практика стимулирования его развития в США — мировом лидере обрабатывающей промышленности, который, по мнению бизнеса и его аналитиков, в среднесрочной перспективе не только сохранит, но и с высокой вероятностью упрочит эти свои позиции (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг стран — лидеров мирового рынка обрабатывающей промышленности: оценки 2016 г. и на перспективу

Рейтинг	2016	Рейтинг	2020 (прогноз)
1	Китай	1	США
2	США	2	Китай
3	Германия	3	Германия
4	Япония	4	Япония

Источник: [1, 4].

Такие перспективы во многом связаны с местом и ролью отрасли в национальной экономике, которые в разных формах и по разным причинам увеличивались и росли и на протяжении 2-й пол. XX — начала XXI вв. Сектор всегда относился к числу наиболее крупных и перспективных. В нем сосредоточивалось 90% всех национальных патентов, осуществлялась основная часть всех коммерческих НИОКР, осваивалась большая часть основных передовых технологий, обеспечивая на 30% более высокую производительность, чем средняя по стране, как и примерно на 10% более высокую оплату труда [2]. Отрасль являлась признанным драйвером смежных отраслей. На 1 доллар вложений приходилось их увеличение на 1,35 доллара. Кроме того, она обеспечивала США большую долю ее товарного экспорта (86-88%), сглаживая тем самым дефицит платежного баланса и улучшая макроэкономические показатели.

Вместе с тем проблемы перехода к постиндустриальной экономике, усиливающиеся глобализация и международная конкуренция поставили отрасль перед серьезными вызовами. В ней требовалось форсировать инновации, находить для этого подготовленные кадры, внедрять новые управленческие технологии. Решение этих проблем оказывалось практически невозможно без участия государства.

Первые его попытки поддержать национальных производителей посредством протекционизма и политики *laissez-faire* были признаны неэффективными и потребовали поисков новых экономико-политических действий. Они касались не только поддержки фундаментальных исследований через их финансирование и другими способами, но и координации инновационной активности разных

стейкхолдеров. При этом речь шла о поддержке именно перспективных высокорентабельных организаций и проектов, а никак не о помощи слабым предприятиям.

Такие меры в поддержку обрабатывающей промышленности явились ключевым вектором экономико-политической стратегии администрации Обамы. Основные ее направления были сформулированы в Рамочной программе оживления американской обрабатывающей промышленности (2009 г.). Программа нацеливала на создание здоровой конкурентной среды и преодоление провалов рынка. Для этого в ней допускались возможность и целесообразность принятия государственных действий, влияющих на основные элементы издержек основных производственных процессов сектора.

Эти меры образовывали следующие основные направления:

1) обеспечение работникам обрабатывающих производств возможностей получить навыки для высокопроизводительного труда и производства конкурентной продукции: создание для этого специальных фондов (Completion Fund), использование средств прежних чрезвычайных антикризисных институтов (Recovery Act) и другие меры;

2) дополнительные инвестиции в разработку новых технологий и управленческих стандартов (особое внимание при этом уделялось передовым исследованиям с перспективой скорейшего практического освоения, в т.ч. благодаря партнерству с малым и средним бизнесом);

3) обеспечение стабильного доступа на эффективные рынки капиталов действующего и вновь созданного бизнеса, а также снижение его зависимости от поставок нефти (Advanced Vehicle Manufacturing Loan Program);

4) поддержка территорий, благоприятствующих развитию обрабатывающей промышленности, и их работников этих производств;

5) развитие передовой транспортной инфраструктуры (в т.ч. при помощи создания специального Банка развития национальной инфраструктуры, проекта инфраструктуры для чистых городов (Clean City Infrastructure), расширение доступа предприятий сектора к широкополосному телекоммуникационному оборудованию и другим средствам на основе ИКТ нового поколения);

6) обеспечение справедливой конкуренции американских обрабатывающих предприятий и зарубежных производителей в стране и за рубежом;

7) совершенствование бизнес-климата, в т.ч. в части законодательного обеспечения, налогообложения, административного регулирования и других областей.

В последующем в продолжение и развитие Рамочной программы, а также решения стратегических задач обеспечения устойчивого роста и занятости, была выдвинута инициатива «Сделай это в Америке» («Make it in America» agenda). Под ее эгидой обрабатывающая промышленность получала прямую поддержку, предназначенную для производства инноваций, увеличения занятости, стимулирования экспорта.

В 2010 г. с принятием Акта развития обрабатывающей отрасли (Manufacturing Enhancement Act) для предприятий сектора были снижены тарифы на сырье и материалы, увеличено субсидирование НИОКР, осуществлены инфраструктурные работы. Ориентируясь на принцип «Покупай американское» («Buy American»), администрация упростила доступ национальных компаний к государственным закупкам.

Начатый курс получил продолжение и развитие в докладе президентского совета 2011 г., когда для сохранения лидерства сектора на международной арене была подтверждена необходимость поддержки его производств, рекомендованы новые меры налогового стимулирования исследований и подготовки рабочей силы.

При этом фискальные методы дополнили инициативы по форсированию связей науки и промышленности на основе сетевых структур. В принятом в 2013 г. специальном Акте Revitalize American Manufacturing and Innovation Act предусматривалось создание специальной национальной сети институтов для распространения инноваций и цифровых преобразований в обрабатывающем секторе в целях повышения конкурентоспособности США на глобальных рынках.

При этом власти опирались на организационные и институциональные наработки прежних лет, полученные на основе решений об усилении связи между прикладными исследованиями и обрабатывающим производством (2011 г.) Для этого с 2012 г. в стране начали создавать специальные национальные институты по внедрению в секторе распределенных инноваций — региональные хабы, обеспечивающие доконкурентные этапы производства перспективных технологий. В них совместно действовали разные типы бизнеса, университеты и иные государственные, частные и общественные организации академического и производственного профиля. Предполагалось, что в дальнейшем эти организации перейдут на режим самофинансирования.

В силу специфики своего положения и состава участников они должны были обеспечить эффекты комплексного характера, проявляющиеся не только в технической сфере, но также в иных экономических и социальных областях.

К 2016 г. в стране действовало 7 таких институтов, и еще 2 находились на стадии формирования.

Создание институтов дополняли и другие национальные инициативы, нацеленные на обеспечение перспективных заделов развития обрабатывающей промышленности. Например, в рамках Передовой технологической инициативы (Advanced Technologies Initiative) национальные государственные лаборатории целенаправленно разрабатывали оригинальные технические/технологические направления новые для рынка и для основных тенденций его развития.

Помимо комплексных мер с участием разных государственных структур и обращенных к разным этапам инновационного процесса, свои инициативы выдвигали отдельные министерства и ведомства (Министерство энергетики, Национальный научный фонд и др.). Как правило, они реализовывались в форме государственно-частных партнерств, организованных в целях ускорения освоения новшеств передовыми сегментами американской обрабатывающей промышленности и повышения национальной конкурентоспособности.

Другим отдельным направлением стали меры по реализации предложений Исполнительного управления Президента США (2012 г.) в отношении развития наиболее перспективных проектов в обрабатывающей промышленности. К ним, например, относились предоставление грантов на разработку электрических батарей следующего поколения, программы кредитования производств передовых движущих средств, развитие промышленных нанотехнологий (Nano manufacturing), финансируемое из средств в рамках Нанотехнологической инициативы (National Nanotechnology Initiative).

Результаты этих действий было принято связывать с сохранением высокой эффективности американской обрабатывающей промышленности, ее инновационной активности и лидирующих позиций на международных рынках (Табл. 2).

Таблица 2

Индекс сравнительной промышленной эффективности

Год					2015	2014	2013	2012	2011	2010
СІР, место					4	3	3	3	3	3
СІР, балл					0.39	0.39	0.39	0.40	0.41	0.44
СІР, группа					Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор
Год	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000
СІР, место	3	3	3	3	3	3	3	3	2	3
СІР, балл	0.43	0.46	0.47	0.48	0.48	0.48	0.49	0.50	0.51	0.54
СІР, группа	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор
Год	1999	1998	1997	1996	1995	1994	1993	1992	1991	1990
СІР, место	2	2	3	3	3	3	3	3	3	3
СІР, балл	0.54	0.54	0.52	0.49	0.50	0.50	0.49	0.47	0.47	0.47
СІР, группа	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор	Тор

Источник: [3].

Помимо разного рода статистических и связанных с ними данных, подтверждением таких успехов могла служить и привлекательность сектора для возврата в страну ранее переведенных из него за рубеж американских произ-

водств. Ведь в самой стране с технологическими и другими инновациями связывали существенное снижение прямых затрат и повышение качества продукции; совершенствование управления и уменьшение сопровождающих их рисков; сокращение административных расходов (в т.ч. «скрытых» и связанных с коммуникацией, координацией и т.п.). Характерно, например, что под действием этих факторов с начала 1990-х и до начала 10-х гг. XXI в. на производстве транспортного оборудования трудоемкость снизилась примерно на 30%. Сходные эффекты вызывали и открывшиеся в США возможности увеличения добычи шельфовой нефти и, соответственно, снижения важной статьи расходов обрабатывающих производств. (Правда, помимо инноваций, использованию решоринга способствовали и другие факторы. К ним, например, относили рост издержек в прежних странах-реципиентах и слабость доллара. Свою роль играли и особенности обрабатывающих отраслей, не позволяющие отделять НИОКР от производства под угрозой ослабления и замедления инноваций.)

Под действием вышеуказанных обстоятельств Apple, General Electric, NCR, Ford Company и другие американские ТНК начали строить планы возврата в страну своих производств и предпринимать конкретные шаги в этом направлении.

Это, в свою очередь, также становилось предметом воздействия правительства, заинтересованного в укрупнении сектора, его росте и увеличении благодаря этому занятости. Решоринг стимулировали предложенные Белым домом в 2012 г. финансовая поддержка компаний (в т.ч. разного рода налоговые вычеты, кредиты и стимулы), жесткое торговое законодательство и развитая логистическая инфраструктура.

ра, Blueprint for an America Built to Last. Важную роль играла также поддержка бизнеса в рамках программ Manufacturing Extension Partnership для расчета расходов и обоснования размещения производства; Make it in America Again для финансовой поддержки проектам по переводу производственных мощностей и другие меры.

Как инструмент промышленного развития и активизации инноваций возвращение обрабатывающих производств привлекало спецификой субъектов, которых считали главными участниками этого процесса, и их отраслевой принадлежностью. Чаще других это были средние и крупные фирмы из высокотехнологичных производств (табл. 3, 4).

Таблица 3

Отраслевая структура рещоринга (2010–2015 гг.)

Отрасли	Доля, %
Электрическое оборудование, приборы и компоненты	16
Транспортное машиностроение	14
Производство одежды	12
Электронная промышленность	11
Производство пластмасс	8
Общее машиностроение	7
Металлообработка	4
Добыча неметаллических руд	3
Производство мебели	3

Источник: [4].

С активизацией рещоринга в стране также связывали создание общих благоприятных условий для инноваций:

увеличение производства; снижение темпов роста импортной продукции для внутреннего спроса; создание 2,5–5 млн новых рабочих мест (к 2020 г.); а также ниршоринг в Мексику, тесно интегрированную с США на основе общих рынков, других сфер общественной жизни и перемещения факторов производства.

Эти ожидания, однако, оправдывались далеко не всегда.

Таблица 4

Число компаний решоринга и созданных в них рабочих мест.

Отрасль	Число рабочих мест	Число компаний
Транспортное машиностроение	13823	33
Электротехническая промышленность	9240	58
Компьютерная и электронная промышленность	3483	25
Общее машиностроение	2850	25
Легкая и текстильная промышленность	2154	46
Металлообработка	1721	39
Пищевая промышленность	1628	10
Деревообработка	1028	18

Источник: [5, 9].

Правительственная политика не смогла предотвратить снижения более, чем вдвое, доли обрабатывающей промышленности в экономике с 60-х гг. XX в. до начала 10-х гг. XXI в. Удельный вес занятых в секторе в общей структуре занятых только за 1990–2016 гг. снизился примерно на треть [6]. По данным Института Гэллага, в нем острее, чем в других отраслях, ощущали нехватку высококвалифицированных специалистов.

Несмотря на инновации, радикального повышения производительности труда в обрабатывающей промышленности не происходило. По данным официальных и близких к ним источников, с 90-х гг. в целом она росла на уровне немногим более 2% в год [7].

Неоднозначными оказывались и оценки рещоринга. Ряд экспертов считал число возвращавших в страну компаний незначительным. В нулевых годах XXI в. потери от превышения объемов перевода мощностей за рубеж над их возвратом определяли в треть промышленного производства [8]. Америка теряла свои рынки стали, автомобилей, компьютерных чипов, цветных телевизоров и некоторые другие.

Не оправдывали себя и ожидания связанного с рещорингом изменения структуры производства. До начала текущего десятилетия рост такого рода инвестиций проходил преимущественно в низко- и среднетехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности, а затем распространился на сферу услуг.

Серьезные проблемы сохранялись и в сфере управления. Сам курс государства подвергался серьезной критике, в которой указывали на непоследовательность проводимой политики, недостаток интегрального подхода в ней, отсутствие долгосрочных, рассчитанных на 10 и более лет, стратегий развития.

Еще более системно подходили к ее оценкам аналитики из Гарвардской школы бизнеса. М. Портер и его коллеги отмечали необходимость сочетать отраслевую политику с развитием всей национальной бизнес-среды, интеграции макроэкономических усилий (довольно успешных при прежней администрации) и действий микроэкономического характера (им практически не уделяли внимания).

В связи с этим более строгие критики и вовсе ставили под сомнение состоятельность правительственных шагов. Они полагали, что достигнутые обрабатывающими производствами успехи фактически были результатом усилий самих предпринимателей, а потраченные на обрабатывающую промышленность государственные средства (разработка и реализация свыше 600 государственных актов на сумму порядка 743 млрд долл.) израсходовали впустую [9].

С приходом новой администрации в 2017 г. внимание к обрабатывающей промышленности стало усиливаться. Ее признали стратегически значимой для страны сферой, развитию которой правительство оказывало серьезную поддержку.

Новый президент заявил о снижении административного давления на сектор, поддержке укрепления его положения в цепочках создания стоимости, о внимании относящихся к нему малых и средних предприятий. Был провозглашен курс на системное укрепление производственной базы отрасли и обеспечение ее развития с привлечением к такого рода действиям разных министерств и ведомств. В целях совершенствования политики в отношении нее, стимулирования развития и обеспечения лидерства на международной арене весной 2017 г. было объявлено о создании в Белом доме специального управления по вопросам политики в сфере торговли и обрабатывающей промышленности.

Особый упор при этом делали на стимулировании инноваций в отдельных подотраслях (в т.ч. связанных с национальной безопасностью полупроводниковых производствах), а также изменении условий для их внешнеэкономических операций.

Сохранилось и усилилось внимание к решорингу. Новая администрация связывала с ним экономический рост и активизацию инноваций, рост экспорта, сокращение дефицита бюджета и платежного баланса, укрепление позиций сектора в международной конкурентной борьбе.

Вместе с тем, как и прежде, оправданность таких ожиданий была не очевидна. В некоторых сегментах обрабатывающей промышленности у решоринга вообще не наблюдалось никаких системных выгод (хотя их и продолжали рассчитывать при определении масштабов этого явления).

Там же, где они имелись, выделялись преимущественно экономия на потерях от снижения качества при изготовлении за рубежом, ухудшение способностей бизнеса гибко работать со спросом и преодолевать разные непредвиденные обстоятельства. Теснее же связанные с инновациями проблемы создания ноу-хау и повышения квалификации сотрудников не играли при этом существенной роли (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Факторы решоринга производства, 2010–2012 гг.

Источник: [10].

Указанные особенности решоринга во многом отличались от тех характеристик, с которыми стали связывать международную конкурентоспособность обрабатывающих производств.

Консалтинговая группа Делойта определяла их через 25 различных показателей, сгруппированных в группы от 10 до 12 (в зависимости от разных позиций исследователей), в т.ч.: квалификация персонала (талант) и производительность труда; общий уровень конкурентоспособных издержек; производственная и логистическая инфраструктура (цепи поставок, сети); общеэкономическое, финансовое и институциональное (правовое, нормативное, фискальное) окружение бизнеса; привлекательность региональных рынков; ресурсная инфраструктура (образование и здравоохранение); а также государственная политика в области инноваций, энергетики и собственно обрабатывающей промышленности.

Если допустить одинаковое влияние окружающей среды на действующие и возвращающиеся компании, то преимущества последних перед первыми в части факторов персонала и общего уровня издержек оказывались неочевидными.

Это позволило предположить, что решоринг мог способствовать развитию обрабатывающей промышленности в основном как фактор ее количественного увеличения. В качественном же плане эффекты пополнения обрабатывающей промышленности «решоринговыми» производствами означали увеличение доли предприятий, требующих существенной адаптации к новым условиям. Ведь при переводе производств в США компании теряли свои прежние конкурентные преимущества пониженных по сравнению с аме-

риканскими затратами на оплату труда, электроэнергию и газ (всего 96% в Китае против 100% в США) [11].

При этом они должны были приспособливаться к новым принципам производства, обусловленным переходом к новым технологиям. Ведь они делали его не только сравнительно более дешевым, но и более кастомизированным. Приоритеты фирм смещались с экономии издержек на работу с рыночными предпочтениями потребителей, их спросом. Отсюда — ценность поддержания хорошего качества продукции, которое не всегда выдерживали за рубежом, и связанной с ним репутации фирм.

В свою очередь, переориентация на потребителя меняла структуру основных статей экономии: вместо масштабов производства внимание все более смещалось в сторону использования его общих условий — состояния институтов защиты интеллектуальной собственности, человеческого капитала, инфраструктуры и др., а также работы со спросом.

Характерно в связи с этим мнение отечественных экспертов о том, что рещоринг обрабатывающих производств хотя и мог повысить значения показателей производительности труда, но не гарантировал общего снижения издержек компаний и роста их капитализации.

Перевод производства из-за рубежа, таким образом, не означал безусловного увеличения числа предприятий сектора, сопоставимых с действующими в нем инновационно активными производствами. Риски снижения общего уровня его конкурентоспособности и инновационной активности увеличивались.

Анализ американской политики развития обрабатывающей промышленности свидетельствовал о трудностях, с которыми сталкивается государство при решении сложных

задач развития крупных секторов экономики, в т.ч. в виде множественности сопровождающих их действия оценок и неоднозначности полученных результатов. Для снижения такой неопределенности требовалось следовать системному подходу — с учетом эффектов такого развития и воздействующих на него факторов, относящихся к разным уровням экономики. Американская практика также показала, что попытки массированных изменений в состоянии объекта посредством инкорпорирования в него производственных сегментов со стороны, например, в виде рещоринга производства, несут с собой риски рассогласования этих составляющих, затруднения и осложнения решения поставленных изначально задач развития.

Учитывая важность развития обрабатывающей промышленности в России, можно сделать вывод, что эффективная реализации подобного курса требует сбалансированного подхода не только в отношении разных экономических уровней, с которыми взаимодействует сектор, но и состояния других сегментов экономического пространства, которые могут быть привлечены в него для стимулирования развития.

Библиографический список / References:

1. The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index report, Deloitte Touche Tohmatsu Limited, Global Consumer & Industrial Products Industry Group, the Council on Competitiveness, USA.
2. Giffi C. National Competitiveness Forum Washington, 2015.
3. CIP 2017: <http://stat.unido.org/database/CIP%202017> (access 01.06.2018).
4. US Reshoring: Over Before It Began? A.T. Kearny, 2015, <https://www.atkearney.com/documents/10192/7070019/US+Reshoring.pdf> (access 01.06.2018).

5. The US Manufacturing Renaissance: Driving a Resurgence in Industrial Real Estate. NAIOP, Spring 2016 (access 01.06.2018).
6. <http://stat.unido.org/SDG/USA> (access 01.06.2018).
7. <https://fred.stlouisfed.org/series/MPU9900063>, (access 01.06.2018).
8. Dezhina I., Ponomarev A. (2014) Advanced Manufacturing: New Emphasis in Industrial Development. Foresight- Russia, vol. 8, No. 2, pp. 16–29.
9. Foroohar R. More co-operation between private and public sectors would reshape the economy <https://www.ft.com/content/9b6ed79a-318c-11e7-9555-23ef563ecf9a> (access 01.06.2018).
10. Dachs B., Zanker C. Backshoring of Production Activities in European Manufacturing. European Manufacturing Survey Bulletin, Number 3, December 2014.
11. Sirkin H. L., Zinser, Rose J. R. The shifting economics of global manufacturing http://image-src.bcg.com/Images/The_Shifting_Economics_of_Global_Manufacturing_Aug_2014_tcm27-185726.pdf (access 01.06.2018).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ¹

LEGAL FRAMEWORK FOR THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE INDUSTRIAL POLICY

И.Г. ТЮТЮННИК

Научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

---

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию по теме № 20 «Методы использования информационно-коммуникационных технологий в повышении эффективности промышленности при создании цепочек воспроизводства добавленной стоимости» Финансового университета за 2018 г.

I.G. TYUTYUNNIK

Research Fellow, Institute of Industrial Policy and Institutional Development, Financial University under the Government of the Russian Federation

Е.П. СИМАЕВА

Кандидат юридических наук, доцент
Департамента правового регулирования
экономической деятельности, Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации

E.P. SIMAEVA

Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования является правовое регулирование применения информационно-коммуникационных технологий в промышленной политике. Цель исследования достигается за счет выявления пробелов и направления совершенствования российского законодательства по вопросам применения информационно-коммуникационных технологий в промышленной политике. Информационно-коммуникационные технологии стремительно проникают во все области деятельности человека.

ABSTRACT

The subject of the study is the legal regulation of the application of information and communication technologies in industrial policy. The

goal of the research is achieved by identifying gaps and improving the Russian legislation on the application of information and communication technologies in industrial policy. Information and communication technologies are rapidly penetrating into all areas of human activity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовое регулирование, ИКТ, промышленная политика, цифровые технологии, информационно-техническое взаимодействие, промышленники.

KEYWORDS

Legal regulation, ICT, industrial policy, digital technologies, information and technical interaction, industrialists.

Отрасль информационных технологий — наиболее динамично развивающаяся как в мире, так и в России. Информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ) с каждым годом оказывают все большее влияние² на экономику страны в целом и повседневную жизнь людей (ее неотъемлемой частью уже стали общение и поиск информации в Интернете), открывают все более широкие перспективы для повышения эффективности бизнеса и качества жизни граждан.

Происходящие на современном этапе развития общества технологические, организационные и управленческие перемены тесно связаны со стремительным развитием и распространением ИКТ.

В своем ежегодном послании Президент России поставил перед исполнительной властью следующие задачи для обес-

² Саенко В.В., Куштапин С.А., Гарбуз В.В., Черных В.В., Зыбина Е.В. Основные направления развития информационно-коммуникационных технологий в таможенных органах Российской Федерации // Транспортное дело России. 2015. № 3. С. 111–116.

печения развития информационно-коммуникационных технологий Российской Федерации на период до 2024 года:

- обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономико-социальной сфере;
- создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней;
- формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков, включая овладение компетенциями в области цифровой экономики всеми желающими;
- внедрение новых технических требований и стандартов обустройства автомобильных дорог, в том числе на основе цифровых технологий, направленных на устранение мест концентрации дорожно-транспортных происшествий;
- создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий.

Выполнение поставленных задач невозможно без качественного и количественного статистического исследования использования ИКТ населением и организациями.

В соответствии с поставленными задачами были приняты необходимые документы: государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313, Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до

2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Их цель — получение гражданами и организациями максимальных преимуществ от применения инновационных технологий. Эта цель достигается за счет:

- предоставления гражданам современных и качественных услуг с использованием ИКТ;
- обеспечения прав граждан на доступ к информации;
- сохранения традиционных и привычных для граждан нецифровых форм получения товаров и услуг;
- развития технической и технологической основы становления информационного общества;
- обеспечения государственной защиты интересов российских граждан в информационной среде.

С 30 июня 2015 г. промышленников обязали представлять данные в государственную информационную систему промышленности (далее — ГИСП).

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.12.2017 № 1604 юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в сфере промышленности, представляют сведения для включения в ГИСП.

Указанным Постановлением Российской Федерации определены состав и порядок подачи субъектами деятельности в сфере промышленности и органами власти информации для включения в ГИСП³.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.12.2017 № 1604.

Также определен перечень информации данной системы, подлежащей обязательному размещению в сети «Интернет».

С 23 июня 2018 года компании в сфере промышленности предоставляют следующие сведения в ГИСП:

- данные об обязательных платежах; данные о себестоимости произведенной продукции, размере средней процентной ставки по действительным кредитам. Эти сведения будут подаваться в рамках информации о состоянии промышленности и прогнозе ее развития;
- информацию о самой компании: о производимой продукции и ее характеристиках;
- информацию о кадровом потенциале: о численности работников (без совместителей), потребности в кадрах, долгах по зарплате.

Правительство перечислило ряд других обязательных для представления в Минпромторг сведений.

Для направления конкретной информации установлена периодичность: раз в квартал, раз в год или всего один раз. Представители малого и среднего бизнеса, которые не получают мер стимулирования, будут направлять данные раз в пять лет.

К недостаткам моделей электронного правительства, особенно на ранних этапах его построения, следует отнести излишне «механический» способ перевода традиционных государственных и муниципальных услуг в электронный вид.

Перевод в электронный вид государственных услуг обычно не включает в себя выявление неэффективных и устаревших нормативных документов, осуществление мер по их отмене, коррекции и разработке новых законов, приказов и положений — так как это требует организации сложного

процесса координации экспертной работы и процессов нормотворчества и времени на эту работу. Рабочие группы по созданию электронного правительства в основном финансируются из бюджета, в них преобладают государственные служащие, и поиск компромисса с другими участниками экосистемы не предполагается или происходит с трудом. Такой технократический подход к автоматизации государственных услуг при несомненном повышении удобства их использования гражданами и организации в итоге существенно не улучшает деловой климат и не меняет содержание взаимодействия между субъектами. В процессе оказания ряда государственных услуг, ввиду невозможности нормативно отменить традиционный «бумажный» документооборот, происходит дублирование традиционного и бумажного документооборота, что ведет к повышению бюджетных затрат на поддержку обоих процессов и вызывает у экспертов вопросы об экономической эффективности и государственной целесообразности такого подхода к их автоматизации.

Поэтому процесс поиска новых моделей электронного правительства не прекращается, что находит отражение в появлении новых парадигм, таких, как информационное общество⁴.

Создание и функционирование систем безопасности должно быть направлено на обеспечение устойчивого функционирования значимых объектов критической информационной инфраструктуры при проведении в отношении них компьютерных атак. Системы безопасности создаются в от-

⁴ Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система: материалы VI Международного научного конгресса 24–25 мая 2018 г., г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации / под науч. ред. д.э.н. проф. А.В. Шарковой, к.ю.н. доц. О.Н. Васильевой, к.ю.н. доц. Б. Островой. — Часть 1. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. С. 357.

ношении всех значимых объектов инфраструктуры. По решению субъекта для одного или группы значимых объектов могут создаваться отдельные системы безопасности.

В письме ФАС России от 20.02.2018 № АК/11383/18 «Разъяснение по рынку рекламных услуг и рынку средств массовой информации» даны разъяснения о подходах ФАС России к оценке состояния конкуренции на рынках услуг по распространению рекламы и средств массовой информации.

Сообщается, что, по мнению ФАС России, услуги по распространению рекламы в различных сегментах рекламного рынка носят взаимозаменяемый характер. При оценке рынка услуг по распространению рекламы специалисты ФАС России исходят из того, что существует единый рекламный рынок, внутри которого рекламные бюджеты перемещаются между различными носителями в зависимости от задач рекламодателя, соотношения цены и качества, специфики рекламируемого товара, географического нахождения целевой аудитории и других факторов. Рекламодатель при выборе рекламоносителя заинтересован в получении контактов с потенциальной аудиторией, а не в покупке минут в теле- и радиоэфире, рекламных площадей и т.д.

Специалисты ФАС России не выделяют деятельность по теле-, радиовещанию, деятельность по изданию периодических печатных изданий, размещению информации в Интернете в самостоятельные рынки, а рассматривают деятельность хозяйствующих субъектов на рынке средств массовой информации в целом.

Таким образом, реализации информационно-коммуникативных технологий в промышленной политике способствует государственная информационная система промышленности (ГИСП), ключевыми сервисами

которой являются: сервисы финансовых услуг, сервисы мониторинга и анализа, сервисы трансфера технологий, а также сервисы закупочных процедур и проектного финансирования. Указанная система позволяет использовать унифицированные механизмы, обеспечивающие контроль и сопровождение жизненного цикла процессов проектов промышленников, обеспечить доступ в формате «Единое окно» для субъектов промышленности по получению мер государственной помощи с использованием удобных интерактивных сервисов. Вместе с тем, требуется предусмотреть техническую возможность систематического, оперативного обновления информации и данных системы, создание собственной платформы функционирования информационной системы, позволяющей избегать технических проблем различного рода. В целях систематизации правового обеспечения ИКТ и эффективной ее реализации в промышленной политике представляется целесообразным создание на базе платформы ГИСП государственной системы правовой информации. Правовая информатизация позволит унифицировать федеральные и региональные нормативно-правовые акты, составляющие основы правового регулирования, как использования ИКТ в промышленной политике, так и промышленного производства, включая отраслевое, в целом, в единую упорядоченную правовую систему.

Библиографический список

1. Саенко В.В., Куштапин С.А., Гарбуз В.В., Черных В.В., Зыбина Е.В. Основные направления развития информационно-коммуникационных технологий в таможенных органах Российской Федерации. // Транспортное дело России. 2015. № 3. С. 111–116.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.12.2017 № 1604.
3. Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система: материалы VI Международного научного конгресса 24–25 мая 2018 года. г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации / под науч. ред. д.э.н. проф. А.В. Шарковой, к.ю.н. доц. О.Н. Васильевой, к.ю.н. доц. Б. Островой. — Часть 1. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. — 395 с.

Контактная информация:

Тютюнник Игорь Георгиевич

115193, г. Москва, ул. 7-я Кожуховская, дом 10, корпус 1, кв. 34

E-mail: tytyunnik.igor@rambler.ru

Симаева Евгения Петровна

115193, г. Москва, ул. 7-я Кожуховская, дом 10, корпус 1, кв. 34

E-mail: e.simaeva@gmail.com

Tyutyunnik Igor' Georgiyevich

115193, g. Moskva, ul. 7-ya Kozhukhovskaya, dom 10, korpus 1, kv. 34

E-mail: tytyunnik.igor@rambler.ru

Simayeva Yevgeniya Petrovna

115193, g. Moskva, ul. 7-ya Kozhukhovskaya, dom 10, korpus 1, kv. 34

E-mail: e.simaeva@gmail.com

Почтовый адрес организации

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), Москва, 125993, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49.

ПАНЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ¹ INNOVATION SCOREBOARD IN THE RUSSIAN CONTEXT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Л.В. ОБОЛЕНСКАЯ

К.т.н., ведущий научный сотрудник
Института промышленной политики
и институционального развития, Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва

L.V. OBOLENSKAYA

PhD (Tech), Leading research associate, The
Institute of Industry Policy and Institutional
Development, Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету в 2018 г.

Е.Л. МОРЕВА

К.э.н., заместитель директора
Института промышленной политики
и институционального развития, Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва

E.L. MOREVA

PhD (Econ), Deputy Director, The Institute of
Industry Policy and Institutional Development,
Financial University under the Government of
the Russian Federation, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам формирования структурированной системы показателей, характеризующих достижения в инновационном развитии страны. Рассматривается последняя российская версия национальной панели управления инновационной деятельностью, включающей такой структурированный набор показателей. Выявляются проблемы, снижающие ценность панели как инструмента стратегического планирования. На основе методов системного и структурно-логического анализа разрабатываются предложения по решению выявленных проблем, в том числе: (1) по внесению структурных изменений и дополнений; (2) по перекомпоновке и коррекции показателей панели.

ABSTRACT

The article is devoted to the formation of the structured system of indicators that characterize achievements of the country's innovation development. The latest Russian version of the national innovation scoreboard is analyzed. It includes a structured set of innovation indicators. The purpose of the analysis is to identify problems that could reduce the value of such a strategic planning tool as the proposed board. It is shown that there are flaws affecting: the selection of the basic building blocks of the

board; degree of elaboration of their classification; names of structural blocks and indicators; selection of the place indicators in the structure. The proposals are being developed to address the identified problems. They include structural changes and some additions, reconfigure of the indicators, and correction their names. The research is based on the methods of system and structural-logical analysis taking into account foreign theoretical and methodological sources.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Панель управления, инновации, инновационная деятельность, структура, структурные блоки, классификация, показатели, факторы.

KEYWORDS

Scoreboard, innovations, innovative activity, structure, structural blocks, classification, indicators, factors.

Панели индикаторов, или структурированные системы показателей (Scoreboards), представляют собой современный инструмент стратегического планирования. Опыт практического применения данного инструментария на уровне крупных компаний освещается, например, в [1–3].

В документах «Национальный доклад об инновациях в России 2015» и «Национальный доклад об инновациях в России 2016»² [4–5], подготовленных Министерством экономического развития Российской Федерации совместно с открытым правительством и Российской венчурной компанией, предложена национальная версия панели индикаторов применительно к сфере инновационной деятельности. Разработку панели осуществила Бостонская консалтинговая группа [6].

² Далее для краткости — национальные доклады, доклады, Доклад-2015 и Доклад-2016.

Национальная панель управления инновациями определяется в Докладе-2015 как «структурированный набор показателей, характеризующих прогресс в инновационном развитии страны». Управленческое назначение данной панели индикаторов — отслеживание и оценка результативности государственной инновационной политики. Система индикаторов, имеющих сходное назначение, — это, прежде всего, ключевые показатели эффективности Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. (СИР-2020) [7]. Предложенная панель управления формируется, в частности, как перспективная индикативная база для развития набора показателей СИР-2020.

СТРУКТУРА И ПОКАЗАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАНЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ

Предложенная для России панель управления инновациями имеет в своей структуре три блока.

Самый верхний структурный блок включает один горизонтальный слой показателей, который назван «экономические последствия».

Средний структурный блок имеет вид двумерной матрицы.

По вертикали матрицы сверху вниз расположены 4 слоя показателей:

- результаты инноваций (первый слой);
- так называемые конверсии (второй слой);
- инновационная активность (третий слой);
- факторы (четвертый слой).

По горизонтали матрицы слева направо показатели расположены по стадиям инновационного процесса:

- идея/изобретение (первая стадия);

- коммерциализация (вторая стадия);
- инновация (третья стадия).

Под матричной структурой размещен еще один горизонтальный слой показателей, охарактеризованный в докладе как:

- конверсии.

Нижний структурный блок панели управления инновациями назван «обеспечение инновационной среды». Он включает пять горизонтальных слоев показателей, расположенных сверху вниз следующим образом:

- рынки (первый слой);
- инфраструктура (второй слой);
- культура (третий слой);
- знания (четвертый слой);
- институты (пятый слой).

Чтобы наполнить эту структуру, разработчиками панели было собрано в единую базу данных более 500 показателей-претендентов. Анализировались данные федерального статистического наблюдения, международный опыт и инновационные рейтинги. При отборе нужных показателей во главу угла были поставлены следующие критерии:

- показатель должен оценивать результативность, а не скорость ее изменения;
- регулярный характер мониторинга;
- возможности сопоставления позиций России с другими странами.

Всего для Доклада-2015 было отобрано 72 показателя. В Докладе-2016 в русле гармонизации с СИР-2020 было добавлено еще три показателя. Дополненную панель управления инновациями далее для краткости будем называть «панель управления — 2016».

Следует отметить, что показатели, привязанные к структуре панели управления, носят содержательный, или качественный, характер. Чтобы перейти к количественным оценкам, каждому такому показателю поставлен в соответствие конкретный количественный показатель — по сути, его измеритель. Например, показатель панели «Качество выданных патентов» измеряется количественным показателем «Цитируемость патентов». Или показатель «Исследовательская кооперация» измеряется количественным показателем «Средний балл ответов респондентов на вопрос: “Насколько активно в вашей стране сотрудничают бизнес и университеты в области исследований и разработок?”».

Чтобы различать две группы показателей, будем называть первую из них «исходные показатели», а вторую — «количественные показатели» или «показатели-измерители».

Обращение к лучшим зарубежным практикам, положенным в основу формирования национальной панели управления инновациями, на наш взгляд, является сильной стороной предложенного подхода. В то же время, проведенный нами анализ представленной версии панели управления показывает, что имеется ряд проблем, требующих устранения.

СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

Структурные проблемы анализируются ниже на примере верхнего и среднего блоков панели управления инновациями-2016.

Коррекция смысловой нагрузки верхнего структурного блока. Формулировка «экономические последствия» не вполне корректна, поскольку упускается из виду целевой характер

показателей самого верхнего слоя панели управления. Возможно, имеет место не вполне удачный перевод с английского языка. По смыслу здесь должны стоять не последствия, а результаты достижения общеэкономических целей, связанных с инновациями.

Для устранения данной проблемы предлагается переименовать данный блок, например, в «Общеэкономические результаты, связанные с инновациями».

Устранение противоречий за счет дополнения матричной структуры недостающим блоком «Исследования». Среди стадий инновационного цикла упущена из виду стадия «Исследования» (фундаментальные, ориентированные фундаментальные и прикладные). Отсутствие интереса к исследованиям обосновывается в докладах тем, что надо ориентироваться не на отдаленные инновационные перспективы, а на ближайшие. Не вступая в дискуссии по поводу данного тезиса, отметим следующее. Если обратиться не к заявленным намерениям, а к конкретному содержанию панели, то можно увидеть, что «избавиться» от стадии исследований не удалось. Можно насчитать, по крайней мере, 13 показателей, где встречаются термины «исследования», «НИОКР», «НИИ», «научный сотрудник», «ученый» и др. При этом попытка обойтись без стадии исследований, вынудившая к разбросу соответствующих показателей по разным местам панели, повлекла серьезные противоречия.

Первое противоречие состоит в нарушении основного принципа размещения показателей — в соответствии с причинно-следственными связями. Группа результирующих показателей оказалась размещена ниже факторных показателей. Так, факторные показатели, характеризующие ресурсы на входе в сферу исследований (расходы на

НИОКР, расходы бюджетного сектора на НИОКР, расходы бизнеса на НИОКР), размещены в средней части панели управления. В то же время, внутренние и выходные показатели (качество НИИ, научно-технические публикации, индекс цитируемости) попали в нижнюю часть панели управления — в блок, названный «Знания». Они расположены здесь бессистемно, вперемешку с разными показателями уровней образования.

Второе противоречие — разнесение двух аналогичных показателей (исследовательская кооперация и международное сотрудничество институтов) по разным местам панели управления. Первый показатель оказался в блоке «Инновационная активность», а второй — опять же, в блоке «Знания». Чтобы устранить выявленные противоречия, предлагается дополнить матричную структуру, расположенную в середине панели, стадией «исследования». В этот блок следует перенести показатели, относящиеся к исследованиям, из блока «Знание». Здесь их можно будет систематизировать аналогично тому, как это делается для остальных стадий инновационного цикла. В результате переноса и систематизации показатели исследований займут правильное место в причинно-следственной цепочке. Также предлагается скорректировать показатели, разделив научные исследования и опытно-конструкторские разработки (ОКР).

Устранение несоответствий, связанных с блоком «Результаты инноваций». В отношении блока «Результаты инноваций», структурированного по стадиям инновационного цикла, необходимо отметить два момента.

Первый. Если учитывать, что инновация — это новшество, получившее рыночное воплощение [8, 9], то показатели предшествующих стадий (идея/изобретение или

коммерциализация) неправомерно называть результатами инноваций. По месту в причинно-следственной цепочке такие показатели характеризуют факторы инноваций, а не их результаты.

Второй. Формулировка «результаты инноваций» допускает двусмысленность толкования. В узкой трактовке под результатами инноваций можно понимать непосредственные результаты инновационной деятельности, характеризующиеся выпуском инновационных товаров и услуг. В более широкой трактовке — общеэкономические результаты (включая отдаленные по времени), связанные с инновациями и не сводящиеся при этом к объемам выпуска инновационных товаров и услуг. Отметим, что для таких результатов уже отведено место в панели управления — самый верхний горизонтальный слой показателей.

Чтобы устранить выявленные несоответствия, предлагается заменить название «результаты инноваций» на «продукт стадии».

Устранение проблем, связанных с так называемым блоком «Конверсии». Рассматриваемый слой показателей на схеме панели не имеет названия. В тексте докладов он характеризуется как «Конверсии». Разъясняется, что сюда помещены показатели, характеризующие переходы между остальными блоками панели. Фактически слой «Конверсии» введен, чтобы найти место остаточным показателям, которые не удалось вписать в предложенную типологию. Нашлось 5 таких показателей.

Наш анализ этих показателей показывает, что им можно найти место в единой классификации. Для этого необходимо уйти от экзотичного названия «конверсии» и использовать принятые в экономической науке и в русском языке

(для обозначения подобных явлений) термины: эффективность, результативность, отдача, продуктивность, производительность и пр.

В конструктивном плане предлагается следующее. В-первых, следует соответствующим образом изменить название данного блока. Название «Эффективность и качество деятельности» позволит вписать его в вертикальную причинно-следственную цепочку. При этом удастся оставить здесь четыре показателя из пяти, включая «эффективность использования средств венчурных фондов» или «возврат на затраты на НИОКР». Кроме того, если структурировать горизонтальный слой «Рынки», то найдется место и для оставшегося показателя «Эффективность поддержки экспортирующих компаний». Он попадет в группу показателей «экспорт» внутри блока «Рынок товарной продукции».

Устранение несоответствий, связанных с блоком «Факторы». На наш взгляд, «Факторы» — неудачное название, не учитывающее относительность данного понятия. Оно применимо не только к этому блоку, но и к самым разным горизонтальным и вертикальным слоям панели. Например, факторами можно назвать показатели вышерасположенного горизонтального слоя «Инновационная активность», если рассматривать их по отношению к расположенному над ними слою «Результаты инноваций». В свою очередь, показатели этого слоя можно назвать факторами по отношению к расположенному над ними слою «Экономические последствия» и т.д.

Устранить выявленное противоречие можно, если перейти в этом месте панели от термина «факторы» к термину «ресурсы». Блок «Факторы» предлагается переименовать в «Уровень ресурсного обеспечения стадии».

Предлагаемые структурные изменения в национальной панели управления инновациями — 2016 сведены в табл. 1.

Таблица 1

Предлагаемые структурные изменения в национальной панели управления инновациями — 2016

Исходный вариант	Предлагаемый вариант
ВЕРХНИЙ СЛОЙ ПАНЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ	
Экономические последствия	Общэкономические результаты, связанные с инновациями
МАТРИЧНАЯ СТРУКТУРА ПО ГОРИЗОНТАЛИ (средние слои панели управления)	
СТАДИИ	СТАДИИ
	1 Исследования
1 Идея/Изобретение	2 Идея /Изобретение
2 Коммерциализация	3 ОКР, коммерциализация
3 Инновация	4 Инновация
МАТРИЧНАЯ СТРУКТУРА ПО ВЕРТИКАЛИ (средние слои панели управления)	
Результаты инноваций	Продукт стадии
Т. н. конверсии	Эффективность и качество деятельности
Инновационная активность	Активность, интенсивность деятельности на стадии
Факторы	Уровень ресурсного обеспечения стадии

Источник: разработано авторами.

Главные структурные изменения по сравнению с исходной версией панели управления инновацией состоят в следующем:

— переименованы некоторые горизонтальные слои в верхней части панели;

— подверглась изменениям матричная структура в средней части панели; изменения затронули число классификационных блоков и их смысловую нагрузку;

— отпала необходимость вынесения части показателей за пределы основной классификации (в так называемые «конверсии»);

— сгруппированы типологически схожие показатели, разнесенные в исходной версии панели по разным горизонтальным слоям.

Аналогичным образом можно провести структурно-логический анализ нижнего блока панели управления инновациями.

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ, И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

Ниже анализируются проблемы, связанные с исходными показателями панели управления инновациями — 2016. Анализ проводится на примере показателей, размещенных в верхней части панели. В ходе анализа используются данные о показателях-измерителях [4, стр. 128–144].

Устранение несоответствий, связанных с показателями «глобальное лидерство на высокотехнологичных рынках» и «высокотехнологичный экспорт». В приведенных формулировках показатели выглядят как дублирующие. Это осталось незамеченным, по-видимому, вследствие того, что они разнесены по разным местам панели.

Если обратиться к показателям-измерителям [4, стр. 128, 130], то видно, что один и тот же экономический результат — объем высокотехнологичного российского экспорта — отнесен к разным базам: к мировому высокотехнологичному экспорту (первый показатель) или к ВВП (второй показатель).

С учетом этого минимальная правка: компоновка двух показателей в один типологический блок и соответству-

ющая коррекция их названий с целью уточнения смысла и устранения дублирования.

Устранение неоднозначности толкования показателя «размер инновационной экономики». Название данного показателя допускает неоднозначность толкования. Ориентируясь на смысл, заложенный в показателе-измерителе (удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме, %), предлагается уточнить формулировку следующим образом: «Объем инновационной продукции».

Устранение противоречий, связанных с показателем «возврат на затраты на НИОКР». Название данного показателя вводит в заблуждение своей широтой. Обращение к показателю-измерителю «затраты на НИОКР на 1 полученный патент резидентами в стране и за рубежом, млн ППС долл./шт.» показывает, что фактически возврат учитывает только патенты. Кроме того, имеет место противоположность направлений действия исходного показателя (возврат на затраты) и его измерителя (затраты).

Эти противоречия необходимо устранить. Минимальная правка — коррекция формулировки исходного показателя с целью уточнения его смысла; использование обратного показателя-измерителя.

Коррекция показателя «число и структура занятых в НИОКР». Данный показатель по смыслу формулировки расходится с показателем-измерителем «затраты на НИОКР на 1 полученный патент резидентами в стране и за рубежом, млн ППС, долл./шт». Показатель-измеритель раскрывает долю работников сферы НИОКР в общей структуре занятых, а вовсе не структуру занятых в НИОКР.

Отмеченное противоречие необходимо устранить. Если ориентироваться на смысл, заложенный в показателе-из-

мерителе, то надо скорректировать формулировку исходного показателя следующим образом: «доля занятых в сфере НИОКР среди/в структуре всего работающего населения».

Устранение противоречий в показателях «исследовательская кооперация» и «международное сотрудничество институтов». Название первого показателя допускает неоднозначность толкования. Из него нельзя понять, идет ли речь о кооперации исследователей или же о кооперации любых субъектов экономики в сфере исследований.

Ситуацию проясняет показатель-измеритель, взятый в докладе из индекса глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) Всемирного экономического форума [10]. Данный показатель-измеритель представляет собой средний балл ответов респондентов на вопрос: «Насколько активно в вашей стране сотрудничают бизнес и университеты в области исследований и разработок?» (балл от 1 до 7). Однако бросается в глаза его узость, поскольку выпадают из рассмотрения все научные организации, кроме научных подразделений университетов. Это требует замены показателя-измерителя.

Название второго показателя «международное сотрудничество институтов» также допускает неоднозначность толкования. Нельзя понять, имеются в виду правовые, социальные институты или же научные организации.

Ситуацию проясняет показатель-измеритель «отношение количества публикаций в соавторстве с иностранными институтами к количеству всех публикаций авторов, сотрудничающих с иностранными институтами, %». Однако остается неясным, входит ли в замысел авторов охват также и вузов, имеющих научные подразделения, часто называемые институтами. Это следует уточнить.

Кроме того, в принятых формулировках рассматриваемые показатели существенно дублируются. Это осталось незамеченным, по-видимому, вследствие того, что данные показатели оказались в разных местах панели.

Чтобы решить выявленные проблемы, предлагается, во-первых, поместить оба показателя в один структурный блок, характеризующий активность, интенсивность деятельности на стадии исследований. Во-вторых, скорректировать названия показателей, например, следующим образом: «кооперация науки и бизнеса в сфере исследований» и «международное сотрудничество научных институтов/научных организаций».

Предлагаемые изменения в показателях сведены в табл. 2.

Таблица 2

Предлагаемые изменения в показателях национальной панели управления инновациями – 2016

Исходный вариант	Предлагаемый вариант
ВЕРХНИЙ СЛОЙ ПАНЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ	
	Высокотехнологичный экспорт (международный и национальный контекст)
Глобальное лидерство на высокотехнологичных рынках	Доля высокотехнологичного экспорта в мировом высокотехнологичном экспорте
Высокотехнологичный экспорт	Доля высокотехнологичного экспорта в ВВП
МАТРИЧНАЯ СТРУКТУРА (средние слои панели управления)	
Размер инновационной экономики	Объем инновационной продукции
Возврат на затраты на НИОКР	Патентная отдача затрат на НИОКР
Количество и структура занятых в НИОКР	Доля занятых в сфере НИОКР среди / в структуре всего работающего населения

Исходный вариант	Предлагаемый вариант
	Кооперация в НИОКР (национальная и международная)
Исследовательская кооперация	Кооперация науки и бизнеса в сфере исследований
Международное сотрудничество институтов	Международное сотрудничество научных институтов/организаций

Источник: разработано авторами.

Аналогично тому, как это было сделано для верхней части, можно выявить и устранить проблемы в показателях нижней части панели управления.

Таким образом, проанализирована национальная панель управления инновациями, включающая структурированный набор целевых показателей. Выявлены проблемы, затрагивающие: выбор базовых структурных блоков панели; степень их классификационной проработки; названия структурных блоков и показателей; выбор мест показателей в структуре панели. Разработаны предложения по решению выявленных проблем. В том числе:

- 1) по внесению структурных изменений и дополнений;
- 2) по перекомпоновке показателей и коррекции их названий.

Полученные в статье результаты могут использоваться в рамках национальной инновационной политики для совершенствования такого востребованного в мировой практике инструмента стратегического планирования, как панель целевых показателей.

Библиографический список

1. Уэйн У. Эккерсон. Панели индикаторов как инструмент управления. Ключевые показатели эффективности, мониторинг деятель-

- ности, оценка результатов / Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 396 с.
2. Каплан Роберт С., Нортон Дейвид П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию — 3-е изд., испр. и доп. / [Пер. с англ. М. Павловой]. — М.: Олимп-Бизнес, 2017. — 320 с.
  3. Каплан Роберт С., Нортон Дейвид П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты / Пер. с англ. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. — 512 с.
  4. Национальный доклад об инновациях в России 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b70/NROI_RVC.pdf.
  5. Национальный доклад об инновациях в России 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rvc.ru/upload/RVK_innovation_2016_v.pdf.
  6. BCG REVIEW. Обзорение. Февраль 2016. стр. 8–16 [Электронный ресурс]. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Review-February-2016_tcm27-157059.pdf.
  7. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/.
  8. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям / Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Третье издание. Пер. с англ. — М.: ЦИСН, 2010. — 107 с.
  9. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/.
  10. The Global Competitiveness Report [Электронный ресурс]. URL: http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/?doing_wp_cron=1528204775.8343579769134521484375.

References

1. Uehjn U. EHKkerson. Paneli indikatorov kak instrument upravljeniya. Klyuchevye pokazateli ehffektivnosti, monitoring deyatel'nosti, ocenka rezul'tatov / Per. s angl. — M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. — 396 s.
2. Kaplan Robert S, Norton Dejvid P. Sbalansirovannaya sistema pokazatelej. Ot strategii k dejstviyu — 3-e izd., ispr. i dop. / [Per. s angl. M. Pavlovoj]. — M.: Izdatel'stvo «Olimp-Biznes», 2017. — 320 s.
3. Kaplan Robert S, Norton Dejvid P. Strategicheskie karty. Transformaciya nematerial'nyh aktivov v material'nye rezul'taty / Per. s angl. — M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2005. — 512 s.
4. Nacional'nyj doklad ob innovacijah v Rossii 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b70/NROI_RVC.pdf.
5. Nacional'nyj doklad ob innovacijah v Rossii 2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.rvc.ru/upload/RVK_innovation_2016_v.pdf.
6. BCG REVIEW. Obozrenie. Fevral' 2016. str. 8–16 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Review-February-2016_tcm27-157059.pdf.
7. Strategiya innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda / Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 dekabrya 2011 g. № 2227-r [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/.
8. Rukovodstvo Oslo. Rekomendacii po sboru i analizu dannyh po innovacijam / Sovmestnaya publikaciya OEHSR i Evrostata. Tret'e izdanie. Peregovod s angl. — M.: CISN, 2010. — 107 s.
9. Federal'nyj zakon ot 23.08.1996 N 127-FZ (red. ot 23.05.2016) “O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoj politike” (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2017) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/.
10. The Global Competitiveness Report [EHlektronnyj resurs]. URL: 2017–2018 http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/?doing_wp_cron=1528204775.8343579769134521484375.

Контактная информация:

Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский
просп., 49
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации»

Contact Information:

Address: 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993, GSP-3, tel.:
8 (499)-943-93-00
E-mail: obolenskayalv@gmail.com, Морева

**ОСОБЕННОСТИ
РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ¹**
**FEATURES OF REALIZATION
OF INDUSTRIAL POLICY
IN THE ERA OF
DIGITALIZATION OF THE
RUSSIAN ECONOMY**

Т.В. ПОГОДИНА

Д.э.н., профессор Департамента менеджмента
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»

T.V. POGODINA

Doctor of Economics, Professor of the
Department of management of the Financial
University under the Government of the Russian
Federation

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания 2018 г. по теме: «Разработка комплекса показателей, комплексно (исчерпывающе) характеризующих инновационную деятельность в Российской Федерации».

Н.М. АБДИКЕЕВ

Д.т.н., директор Института промышленной политики и институционального развития ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

N.M. ABDIKEEV

Ph. D., Director of the Institute of industrial policy & institutional development IN research «Financial University under the Government of the Russian Federation»

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – выделить приоритетные направления и проблемы реализации промышленной политики в условиях цифровизации российской экономики. Методы исследования: сравнительный анализ, исторический, логический, коэффициентный, вертикальный и горизонтальный. В работе выделены ключевые положительные и отрицательные тенденции развития промышленного сектора экономики. Обоснована необходимость использования технологических платформ для реализации промышленной политики. Сделаны выводы о целесообразности определения на базе технологических платформ «умной специализации» регионов, которая определит приоритетные виды экономической деятельности для динамичного развития всей территории.

ABSTRACT

The purpose of the article is to highlight the priority directions and problems of industrial policy implementation in the conditions of digitalization of the Russian economy. Research methods: comparative analysis, historical, logical, coefficient, vertical and horizontal research methods. The paper highlights the key positive and negative trends in the development of the industrial sector of the economy. Positive trends are in increasing technology, reducing wage differentiation;

negative – in reducing the efficiency and financial stability of companies, the level of expanded reproduction. The necessity of using technological platforms for the implementation of industrial policy is substantiated. The leading technology platforms include Biotech 2030 and Photonics, the promising ones are the national software platform and the national supercomputer technology platform. Conclusions are made about the feasibility of determining on the basis of technological platforms “smart specialization” regions, which will determine the priority types of economic activities for the dynamic development of the entire territory.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Промышленная политика, цифровая экономика, технологические платформы, «умная специализация».

KEYWORDS

Industrial policy, digital economy, technological platforms, smart specialization.

Следует признать, что экономическая мощь любого государства определяется прежде всего его промышленным потенциалом. Именно от него во многом зависит авторитет страны в международном экономическом и политическом пространстве. Укрепление промышленного потенциала положительно влияет на развитие всех секторов и видов экономической деятельности в стране. Отсюда промышленную политику можно воспринимать как ведущее направление государственной политики, обеспечивающее широкомасштабное влияние на деятельность хозяйствующих субъектов относительно приобретения факторов производства, организации промышленного производства и реализации создаваемой продукции на

всех стадиях жизненного цикла компании и создаваемого ею продукта.

Как известно, характер и содержание промышленной политики в стране определяется преимущественно ее экономическим потенциалом. С учетом этого важного обстоятельства, промышленная политика России будет отличаться от промышленной политики стран ЕС, США, Японии и т.д. (табл. 1).

Таблица 1

Особенности реализации промышленной политики в России и других странах

Характеристики	Россия	США	Япония	Страны ЕС
Цель	Ускоренная инноватизация экономики	Поддержание глобального лидерства	Реиндустриализация на основе технологий четвертой промышленной революции	Реиндустриализация на основе энергоэффективности, экологичности и формирования «новаторского» общества
Основные рычаги и инструменты	Совершенствование антимонопольного регулирования, технического регулирования и страхования, управления государственным имуществом	Совершенствование рыночных рычагов и инструментов	Сочетание активных форм промышленной политики с инструментами налоговой, бюджетной и экспортной политики	Расширение государственного заказа для формирования новых возможностей компаний

Характеристики	Россия	США	Япония	Страны ЕС
Основные направления	Развитие отраслей ключевой инфраструктуры, науки и образования, оборонно-промышленного сектора, нано-, био- и ИТ-технологий	Производство только уникальных товаров, которые невозможно произвести в других странах; обеспечение равномерного развития промышленности в регионах	Зеленая энергетика, интеллектуальная робототехника, искусственный интеллект	Передовые производственные процессы, в том числе материало- и энергоэффективные, биотехнологии, «чистые» транспортные средства, устойчивые строительство и сырьевые материалы, «интеллектуальные» энергосистемы

Источник: составлено авторами.

Следовательно, в США целевой установкой в реализации промышленной политики является обеспечение и удержание мирового лидерства. США является лидером по обеспечению информационной инфраструктуры для реализации промышленной политики в условиях шестого технологического уклада. В Японии и странах ЕС — реиндустриализация, в России — ускоренная инноватизация экономики. В то же время, объединяющим началом при реализации промышленной политики в 21-ом веке становится цифровизация экономики и активное внедрение цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности общества.

В России цифровая экономика является приоритетным направлением стратегического развития. Цифровые техно-

логии планируется использовать по следующим ключевым направлениям: развитие *государственного регулирования*, которое предусматривает закрепление на законодательном уровне основных понятий, принципов регулирования цифровой экономики; формирование *информационной инфраструктуры*; обеспечение *кадрами и образованием*; совершенствование *информационной безопасности*, предполагающей развитие информационной культуры за счет повышения осведомленности работников и развития корпоративных служб по информационной безопасности; *государственное управление*, предусматривающее введение оцифрованного документооборота и его размещение на «облачных» серверах; становление *умных городов*, основанных на внедрении цифровых технологий управления энергетическими и водными ресурсами; активизация *исследований и разработок*, базирующихся на управлении развитием технологических платформ; формирование *цифрового здравоохранения*, уделяющего первоочередное внимание превентивной медицине [1, 2].

Промышленная политика России также должна способствовать реализации ключевых направлений цифровой экономики. Однако в настоящее время доля цифровой экономики в ВВП страны составляет, по разным оценкам, 4–5%, в то время как в Китае — более 30%. Таким образом, промышленная политика России не в полной мере соответствует стратегическим целям развития страны, что во многом является следствием фактического многолетнего, целенаправленного, деструктивного воздействия на ее промышленный потенциал [3]. Только начиная с 2000-х гг. происходит осознание ведущей роли промышленности в национальной экономике и поворот к активизации промыш-

ленной политики. Результаты развития промышленности в 2011-2016 гг. демонстрируют неоднозначную динамику, что отражено в табл. 2.

Таблица 2

Сбалансированная система показателей, характеризующая развитие промышленного комплекса экономики России в 2011-2016 гг.

Показатели/виды экономической деятельности	2011 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Показатели, характеризующие социально-экономическое развитие				
Добавленная стоимость на одного занятого, тыс. руб. (в сопоставимых ценах 2011 г.)				
1.1. Добыча полезных ископаемых	4661,0	5092,0	5154,1,3	4751,8
1.2. Обрабатывающие производства	679,4	806,1	782,5	756,4
1.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	895,5	901,9	875,0	884,2,3
Средний возраст машин и оборудования, лет				
2.1. Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды	13	12	12	12
Финансовое состояние				
Рентабельность активов организаций				
3.1. Добыча полезных ископаемых	14,2	12,1	11,7	9,9
3.2. Обрабатывающие производства	8,4	2,9	4,0	6,3
3.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,1	0,2	1,4	5,3
Коэффициент текущей ликвидности				
4.1. Добыча полезных ископаемых	1,51	1,52.	1,41	-
4.2. Обрабатывающие производства	1,46	1,31	1,43	-
4.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,29	0,91	0,99	-

Показатели/виды экономической деятельности	2011 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Конкурентоспособность				
Доля отгруженной инновационной продукции				
6.1. Добыча полезных ископаемых	0,067	0,072	0,037	0,040
6.2. Обрабатывающие производства	0,068	0,099	0,106	0,109
6.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,006	0,006	0,008	0,023
Технологичность				
6. Импорт технологий, млн долл.				
7.1. Добыча полезных ископаемых	445,9	1054,5	1562	815
7.2. Обрабатывающие производства	3063,3	4456,1	8342	7438
7.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	38,7	5,2	13,9	18,5
7. Экспорт технологий, ед. / млн долл.				
8.1. Добыча полезных ископаемых	21,7	10,0	15,6	16,6
8.2. Обрабатывающие производства	254,1	399,1	390	346
8.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,4	10,8	6,4	24113
Коэффициент технологичности				
9.1. Добыча полезных ископаемых	0,907	0,981	0,980	0,981
9.2. Обрабатывающие производства	0,847	0,836	0,911	0,911
9.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,755	-0,35	0,369	-0,998
Инвестиции				
9. Доля инвестиций в добавленной стоимости				
9.1. Добыча полезных ископаемых	0,318	0,344	0,330	0,388
9.2. Обрабатывающие производства	0,198	0,227	0,211	0,200
9.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,582	0,595	0,441	0,389

Показатели/виды экономической деятельности	2011 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
10. Уровень расширенного воспроизводства				
10.1. Добыча полезных ископаемых	0,182	0,188	0,167	0,204
10.2. Обрабатывающие производства	0,122	0,125	0,110	0,093
10.3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,398	0,339	0,203	0,139

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата [4].

Таким образом, по результатам табл. 1 можно выявить следующие положительные тенденции в развитии промышленного комплекса российской экономики:

- добавленная стоимость на одного занятого в 2011–2016 гг. устойчиво росла в обрабатывающих производствах;
- средний возраст активной части основных фондов (машин и оборудования) имеет хотя и небольшую, но, тем не менее, тенденцию к снижению с 13 лет в 2011 г. до 12 лет в 2016 г.;
- имеется устойчивая положительная динамика в доле отгруженной инновационной продукции на 4,1% в обрабатывающих производствах и на 1,7% в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды за 2011–2016 гг.;
- коэффициент технологичности, рассчитанный как отношение разницы стоимости импортируемых и экспортируемых технологий к их сумме, имеет устойчиво положительное значение в добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производствах;
- децильный коэффициент дифференциации заработной платы работников в 2011–2016 гг. снижался во всех обследованных видах экономической деятельности.

Наряду с положительными тенденциями, можно выделить и отрицательную динамику, в том числе:

- рентабельность активов значительно снизилась и составила 9,9% в добыче полезных ископаемых и 6,3% в обрабатывающих производствах в 2016 г.;
- коэффициент текущей ликвидности имел тенденцию к снижению в 2011–2015 гг. во всех рассмотренных видах экономической деятельности;
- коэффициент автономии имел тенденцию к снижению в 2011–2015 гг. во всех рассмотренных видах экономической деятельности, в том числе в обрабатывающих производствах в 2015 г. он составил менее критически важного значения — 0,5;
- уровень расширенного воспроизводства резко снизился в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (с 39,8% в 2011 г. до 13,9% в 2016 г.) и обрабатывающих производствах (с 12,2 до 9,3% соответственно).

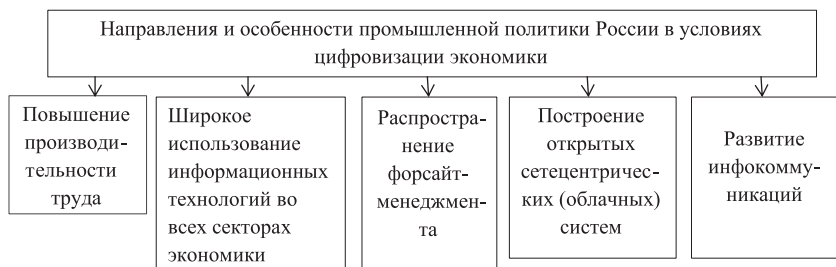
Следовательно, в ближайшей перспективе необходимо акцентировать внимание органов государственной власти на необходимости активизации промышленной политики, направленной на повышение инвестиционной и инновационной активности и технологичности и улучшение финансового состояния компаний.

На фоне индустриальных сдвигов экономически развитых стран в России имеются признаки деиндустриализации и примитизации, выражающиеся в снижении доли обрабатывающих производств в ВВП. Использование цифровых технологий позволит существенным образом преодолеть существующую негативную тенденцию и обеспечить реализацию промышленной политики, основанной на исполь-

зовании прогрессивных технологий 6-го технологического уклада.

Исследуем направления и особенности реализации промышленной политики в России в условиях цифровизации экономики и представим их на рис. 1.

Рис. 1. Направления и особенности промышленной политики России в условиях цифровизации экономики

Таким образом, «новая» промышленная политика России должна быть построена на информационно-технологической платформе, соответствовать неоиндустриальной модели и обеспечивать экспоненциальное повышение производительности труда. Основой для роста производительности труда может служить использование облачных сервисов, которые способствуют реализации принципов краудсорсинга для масштабного привлечения микропредприятий, индивидуальных предпринимателей и стимулируют развитие самозанятости населения. Современная промышленная политика должна быть осуществлена на основе парадигмы открытых бизнес-процессов, обеспечивающих взаимное согласование экономического, экологического и социального векторов развития России.

Необходимость ускорения темпов и качества промышленного развития требует активизации венчурного инвестирования. В России создана необходимая инфраструктура для развития венчурного инвестирования, ключевым звеном которой является ОАО «Российская венчурная компания». Однако венчурное инвестирование до сих пор не получило динамичного развития по ряду причин. Можно выделить следующие ключевые тенденции и проблемы венчурного инвестирования в нашей стране [5].

Во-первых, в России венчурное инвестирование осуществляется преимущественно на поздних стадиях жизненного цикла инновационных проектов, что существенно искажает непосредственно его смысл и целевое предназначение.

Во-вторых, крупные сделки объемом более 100 млн долл. США реализуются крайне редко (в 2016 г. вообще отсутствовали). Следовательно, потенциальный венчурный инвестор не готов к тому, чтобы инвестировать в крупные инновационные проекты, обеспечивающие реализацию стратегических целей промышленной политики.

В-третьих, наиболее активно венчурные сделки осуществляются в секторе информационных технологий (более половины всех сделок в 2015–2016 гг.), что свидетельствует об инновационно-инвестиционной привлекательности данного сектора экономики и соответствует стратегическим целям реализации промышленной политики в России.

В-четвертых, наблюдается положительная динамика венчурного инвестирования в секторе промышленных технологий, в то же время в секторе биотехнологий наблюдается тенденция к снижению. Однако именно в секторе биотехнологий венчурные инвестиции направлялись на ранние стадии инновационного процесса, что является существенной

поддержкой для предпринимателей и страховкой для ведения их бизнеса [5, 6].

Наиболее значимыми индикаторами успешности реализации промышленной политики в России стали инновационные проекты, реализованные в 2011–2017 гг., такие, как Государственная система «ЭРА-ГЛОНАСС» (ОАО «Навигационно-информационные системы»), создание на Дальнем Востоке внедоменного производства гранулированного чугуна по инновационной технологии японской компании Kobe Steel, создание вертолета МИ-38 и перспективного скоростного вертолета (ОАО ОПК «Оборонпром»), разработка Инвестиционной программы на 2009–2017 гг., включающей реконструкцию действующих ТЭЦ и строительство новых энергоблоков с использованием парогазовой технологии (ЗАО «Комплексные энергетические системы»), и др. [6]. Эти проекты свидетельствуют о возрастании роли промышленной политики в национальной экономике, в системе государственного экономического регулирования и стратегического планирования [7].

На государственном уровне промышленная политика в условиях цифровизации экономики должна использовать механизмы форсайт-менеджмента, включающего прогнозирование технологического развития. Форсайт, по существу, представляет собой своеобразный мост, обеспечивающий взаимосвязь между наукой, политикой и гражданским обществом, определяя приоритеты развития экономических систем. Особенно форсайт-менеджмент эффективен при реализации политики по управлению регионами, инновационного развития в рамках отдельных организационно-экономических форм предпринимательства (промышленных кластеров, технологических платформ и пр.).

Следовательно, опираясь на механизмы форсайт-менеджмента, можно обеспечить активизацию различных организационно-экономических форм предпринимательства. Например, целесообразно в качестве институциональной основы промышленного развития использовать сформированные на законодательном уровне в России технологические платформы. Технологические платформы представляют собой коммуникационный инструмент, обеспечивающий взаимодействие основных субъектов, заинтересованных в реализации промышленной политики. Это своеобразная площадка для обоснования стратегических приоритетов развития определенной отрасли экономики, в том числе промышленности.

В России сформировано около 30 технологических платформ, которые по уровню и темпам развития можно разделить на три группы. На рисунке 2 выделены технологические платформы промышленного сектора России, имеющие наиболее важное значение для технологического прогресса экономики и активного продвижения промышленной политики на федеральном и региональном уровнях.

В перспективе для реализации приоритетных направлений промышленной политики и ускоренного развития цифровой экономики необходима активизация деятельности технологических платформ — «Национальная программная платформа» (координатор ОАО Концерн «Сириус») и «Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа» (координаторы МГУ им М.В. Ломоносова, Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН, Ярославская область).

В целом, на базе технологических платформ целесообразно осуществлять конкретизацию промышленной политики

на региональном уровне через определение умной специализации конкретного региона. Содержание и характер «умной специализации» регионов представлены на рис. 3.

Рис. 2. Технологические платформы, обеспечивающие реализацию промышленной политики в России

Источник: составлено авторами по данным Российского фонда технологического развития (РФТР).

Рис. 3. Сущность и содержание «умной специализации» региона

Источник: составлено авторами.

Для дальнейшего обеспечения реализации промышленной политики в России целесообразно решить следующие ключевые задачи.

Во-первых, на базе технологических платформ и других организационно-экономических форм предпринимательства целесообразно обеспечить взаимодействие основных экономических субъектов, координацию их усилий для выработки стратегии технологического развития ключевых отраслей промышленности.

Во-вторых, целесообразно совместными усилиями всех заинтересованных сторон определять «умную специализацию» регионов, обеспечивающую развитие ключевых видов экономической деятельности и ускорение процессов цифровизации экономики, которые смогут дать импульс развитию всей территории и ее интеграции в мировую экономическую систему. В качестве таких видов экономической деятельности могут выступать промышленные предприятия региона. Это будет способствовать активизации промышленного развития и улучшению социально-экономического климата в России [8].

В целом, технологическое развитие промышленности в условиях цифровизации экономики невозможно без создания соответствующих финансово-экономических механизмов на федеральном и региональном уровнях. Основным предназначением финансово-экономических механизмов реализации промышленной политики является создание благоприятной среды для эффективного функционирования наукоемких производств внутри российской экономики на основе информационно-технологической платформы через внедрение горизонтальной и вертикальной интеграции, кооперации, распространения открытых бизнес-процес-

сов, направленных на повышение конкурентоспособности и инновационного потенциала экономики в условиях ее цифровизации.

Библиографический список

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] / <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
2. Асаул А.Н. Модернизация экономики на основе технологических инноваций / А.Н. Асаул и др. — СПб.: АНО ИПЭВ, 2008. — 606 с.
3. Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mon.gov.ru/files/materials/6333/09.11.11-bd-rus.pdf>
4. Российский статистический ежегодник. Росстат. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>
5. Обзор рынка венчурной индустрии России за 2016 год // Money Tree. Навигатор венчурного рынка / ОАО «РВК» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rvc.ru/upload/iblock/905/money-tree-rus-2016.pdf>
6. Крупнейшие компании России, реализующие инновационные проекты: ЭкспертРА [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gaexpert.ru/researches/expert-inno/part>
7. Топ «Инновационные» рейтинга «Техуспех» — 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ratingtechup.ru/rate/?BY=INNOVATION>
8. Sekerin V.D., Avramenko S.A., Veselovsky M.Y., Aleksakhina V.G. B2G Market: The Essence and Statistical Analysis / World Applied Sciences Journal. — 2014. — Т. 31. — N. 6. — P. 1104-1108.

Referenses

1. Programma «Cifrovaya ehkonomika Rossijskoj Federacii»[ehlektronnyj resurs]/ <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
2. Asaul A. N. Modernizaciya ehkonomiki na osnove tekhnologicheskikh innovacij A.N.Asaul [i dr.]---SPb. ANO IPEHV/ 2008/ 606 s/
3. Nacioalnaya innovacionnaya sistema i gosudarstvennaya innovacionnaya politika rossijskoj federacii. Bazovyj doklad k obzoru OEHSR nacionalnoj innovacionnoj sistemy Rossijskoj Federacii [ehlektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://mon.gov.ru/files/materials/6333/09.11.11-bd-rus.pdf>
4. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. Rosstat [ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.gks.ru>
5. Obzor rynka venchurnoj industrii Rossii za 2016 god money tree navigator venchurnogo-rynka / OAO «RVK» [ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rvc.ru/upload/iblock/905/money-tree-rus-2016.pdf>
6. Krupnejshie kompanii Rossii, realizuyushchie innovacionnye proekty. EhkspertRA [ehlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.raexpert.ru/researches/expert-inno/part>
7. Top«Innovacionny»rejtinga«Tekhuspek» –2016[ehlektronnyjresurs] – Rezhim dostupa: <http://www.ratingtechup.ru/rate/?BY=INNOVATION>
8. Sekerin V. D., Avramenko S. A., Veselovsky M. Y., Aleksakhina V. G. the B2G Market: The Essence and Statistical Analysis / World Applied Sciences Journal. –2014. – Vol. 31. – N. 6. – P. 1104-1108.

Контактная информация

Погодина Татьяна Витальевна: ФГОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49

TPogodina@fa.ru , pogodina15@yandex.ru

Pogodina Tatiana Vitalievna: FGOU VO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, 125993, Moscow, Leningradsky prospect, 49

TPogodina@fa.ru , pogodina15@yandex.ru

Абдикеев Нияз Мустякимович: ФГОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49

NAbdikееv@fa.ru

Abdikееv Niaz Mustakimov: FGOU VO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, 125993, Moscow, Leningradsky prospect, 49

NAbdikееv@fa.ru

**АНАЛИЗ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ОПЫТА РАЗВИТИЯ
ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И ФОРМИРОВАНИЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ПО ЕГО АДАПТАЦИИ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РОССИИ¹**

**ANALYSIS
OF INTERNATIONAL
EXPERIENCE IN THE
DEVELOPMENT OF THE
DIGITAL ECONOMY AND
FORMATION OF PROPOSALS
ON ITS ADAPTATION IN
RUSSIA MANUFACTURING**

---

¹ Статья выполнена в рамках НИР «Разработка модели конкурентоспособности социально-экономических систем в условиях цифровой экономики» по государственному заданию Фин-университета.

С.А. ТОЛКАЧЕВ

Д.э.н., профессор, первый заместитель руководителя Департамента экономической теории, главный научный сотрудник Института промышленной политики и инновационного развития ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
satolkachev@fa.ru

S.A. TOLKACHEV

Doctor of Economics, Professor, first Deputy head of the Department of economic theory, Senior fellow Institute of Industrial Policy and Innovation Development Financial University under the Government of the Russian Federation;

Ю.А. РОМАНОВА

Д.э.н., профессор Департамента менеджмента ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; главный научный сотрудник лаборатории «Стратегическое развитие АПК» ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»
ryulia1@yandex.ru

Yu.A. ROMANOVA

Doctor of Economics, Professor of management Department, Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief Researcher of the Institute for Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Д.Е. МОРКОВКИН

К.э.н., доцент Департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
DEMorkovkin@fa.ru

D.E. MORKOVKIN

Ph.D. in Economics, Associate Professor of
Department of Economic Theory, Financial
University under the Government of the Russian
Federation

АННОТАЦИЯ

В работе представлено исследование уровня цифровизации экономики ведущих стран мира и ключевых направлений цифровой модернизации российской промышленности. Оценен вклад цифровых технологий в ВВП России, сформулированы предложения по адаптации международного опыта развития цифровой экономики в России. Проведен анализ влияния цифрового бизнеса на формирование конкурентных преимуществ в социально-экономической системе в российской экономике. Обосновано положение о том, что существенно поддержать цифровизацию российской экономики и повысить конкурентоспособность ее социально-экономической системы могла бы разработка Правительством РФ долгосрочной стратегии модернизации промышленности страны на основе принципов «Индустрии 4.0».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровая экономика, социально-экономическая система, промышленность, конкурентоспособность, цифровой бизнес, Индустрия 4.0, цифровизация промышленности, инновации, цифровые технологии, промышленная политика.

ABSTRACT

The paper presents a study of the level of digitalization of the economy of the leading countries of the world and the key areas of digital modernization of the Russian industry. The contribution of digital technologies to Russia's GDP is assessed, and proposals for adapting international experience in the development of the digital economy in Russia are formulated. The analysis of the influence of digital business on the formation of competitive advantages in the socio-economic system in the Russian economy. The article substantiates the position

that the development of the Government of the Russian Federation long-term strategy of modernization of the country's industry on the basis of the principles of "Industry 4.0" could significantly support the digitalization of the Russian economy and increase the competitiveness of its socio-economic system.

KEYWORDS

Digital economy, socio-economic system, industry, competitiveness, digital business, industry 4.0, digitalization of industry, innovation, digital technology, industrial policy.

В современных условиях развития мирохозяйственных связей и нарастания глобальной конкуренции национальных социально-экономических систем существенный эффект от внедрения цифровых технологий на макроэкономическом уровне можно получить в обрабатывающей промышленности ввиду ее высокой трудоемкости и технологического лага России от передовых стран. Здесь серьезный прорыв в области прироста эффективности возможен на всех участках цепочки создания добавленной стоимости — от интенсификации разработки и вывода на рынок новых продуктов, синхронизации цепочки производства и поставок комплектующих до существенного повышения эффективности на каждом этапе производственного процесса от планирования, производства, контроля качества до уровня сервисного обслуживания конечной продукции. Благодаря модернизации российского машиностроения на основе принципов «Индустрии 4.0» можно существенно повысить в этой отрасли производительность труда, сократив отставание от наиболее промышленно развитых стран.

По мнению ряда ученых, цифровая экономика — это система социально-экономических, культурных и организационно-технических отношений, которые основаны на использовании цифровых информационно-телекоммуникационных технологий [1]. Понятие цифровой экономики было нормативно закреплено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, которая определила цифровую экономику как хозяйственную деятельность, важнейшим фактором в которой являются цифровые данные, обработка и использование больших объемов которых позволяет существенно повысить эффективность различных видов производства, хранения, продажи и доставки товаров и услуг по сравнению с традиционными формами хозяйствования с целью повышения уровня социально-экономического развития государства [2].

Российская экономика в целом пока существенно отстает по уровню цифровизации от развитых стран мира. По оценкам консалтинговой компании McKinsey, доля цифровой экономики в России едва достигает 4%, в то время как в США — 11%, Китае — 10%, странах ЕС — 8%, Чехии, Бразилии — 6%, Индии — 5,5%².

По уровню цифровизации сильнее всего от стран ЕС отстают важнейшие для России отрасли — добывающая, обрабатывающая промышленность и транспорт. Международный опыт показывает, что отстающим по уровню цифровизации отраслям сложно впоследствии преодолеть разрыв с ведущими отраслями. Это связано с тем, что компании с низкой цифровой культурой малопривлекательны для соответствующих специалистов. Кроме того, отстающие компании не обладают навы-

² <http://expert.ru/expert/2018/23/effekt-vendigo-ovladel-sberbankom/>

ками и достаточными ресурсами для разработки, внедрения и масштабного развертывания новых цифровых инструментов, продуктов и услуг, что снижает уровень их конкурентоспособности [3].

Можно назвать и успешные примеры внедрения передовых технологий промышленного производства в российском машиностроении. В частности, в авиационной и атомной промышленности достаточно широко распространены системы компьютерного проектирования и управления жизненным циклом продукции.

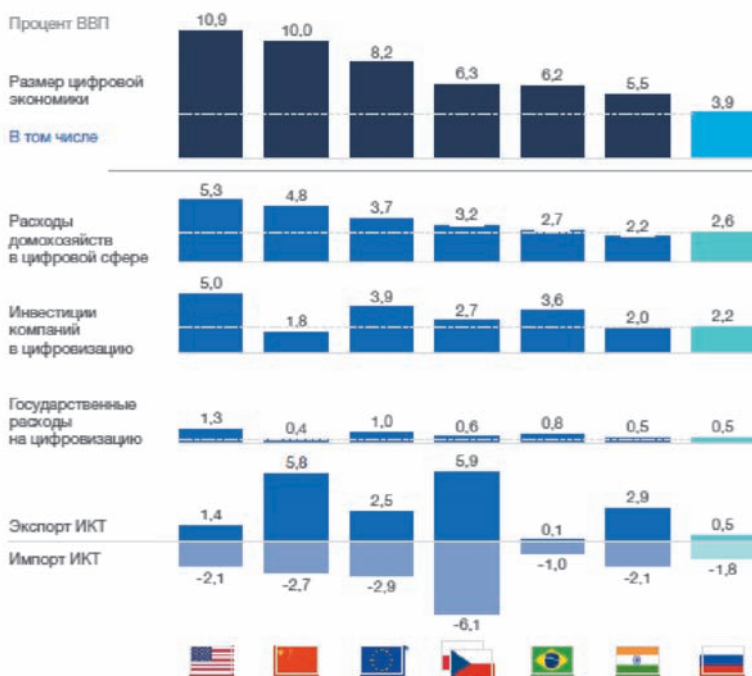
Рис. 1. Дифференциация в уровне цифровизации между Россией и Европой

Источник: Директ ИНФО; Росстат; IHS; EU KLEMS.

Россия все еще сильно отстает от европейских стран по уровню цифровизации базовых отраслей промышленности (рис. 1), что оказывает негативное влияние на производительность труда.

Анализ общего уровня цифровизации свидетельствует о том, что России удалось достичь определенных успехов

на пути развития цифровой экономики. В настоящее время страна входит в число лидеров группы «активных последователей» за счет инвестиций в расширение инфраструктуры ИКТ и внедрения цифровых технологий в государственных структурах, но значительно отстает от стран-лидеров, особенно по уровню цифровизации бизнеса.

Рис. 2. Вклад цифровой экономики в ВВП России и его составляющие в сравнении с другими странами

Источник: Международная федерация робототехники; Росстат; 451 Research; EIU; Euromonitor International; Gartner; ITC Trade Map; MAGNA; Ovum; Phocuswright Inc.; Strategy Analytics; UN Comtrade.

Для цифровой экономики России характерно так называемое «цифровое неравенство» — диспропорции в развитии ИТ-технологий между регионами. По оценке CNews Analytics, на Москву приходится 40%, а на 10 из 85 регионов — 80% совокупных государственных расходов на информационные технологии (ИТ). По уровню цифровизации Москву и Санкт-Петербург будет уместно сопоставить с мировыми лидерами, в то время как регионы больше сравнимы с государствами категорий «Активные последователи» и «Отстающие последователи». Цифровое неравенство, порожденное существующим экономическим и социальным разрывом между столицей и регионами, содержит в себе и возможности по его преодолению благодаря быстрому и относительно недорогому масштабированию, присущему цифровым решениям и услугам.

Цифровую модернизацию российских предприятий необходимо проводить сразу на нескольких уровнях: в части промышленного оборудования, ИТ-систем и внутренних бизнес-процессов. Согласно отчету Центра стратегических разработок «Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России», средний возраст мощностей в нефтепереработке составляет 19 лет, в металлургии — 17 лет, в химическом производстве — 14 лет.

Российские предприятия используют малое количество промышленных роботов для автоматизации производства: по статистике Международной федерации робототехники, в России на 10 тыс. рабочих приходится только 3 промышленных робота, тогда как в среднем по всему миру — 69, а в странах, лидирующих по уровню цифровизации, — более 100. Доля российского рынка промышленных роботов составляет всего 0,25% от обще-

мирового объема, а основными потребителями являются Китай (27%), Южная Корея (15%), Япония (14%) и Северная Америка (около 14%). Также отставание наблюдается по доле станков с числовым программным управлением (ЧПУ): в Японии к данному классу относятся более 90% станков, в Германии и США — более 70%, в Китае — около 30%, а в России в 2016 году доля станков с ЧПУ составляла лишь 10% с прогнозом роста до 33% к 2020 году.

Рис. 3. Сравнение индекса цифровизации России с мировыми экономиками

Источник: Всемирный банк; Всемирный экономический форум; Международный союз электросвязи; Digital in 2017 Global Overview by We Are Social and Hootsuite; EIU; Euromonitor International; MAGNA; McKinsey Global Institute; Networked Readiness Index 2016; Strategy Analytics; Thomson Reuters; UN E-Government Survey 2016

Доля России в общем объеме использования систем управления жизненным циклом продукта (PLM) примерно соответствует ее доле в мировом промышленном производстве и составляет приблизительно 2%. Этот показатель су-

щественно ниже, чем у ведущих промышленных стран, где доля использования PLM, как правило, превышает их долю в мировом промышленном производстве в 1,5–5 раз.

Для адаптации международного опыта развития цифровой экономики к социально-экономическим системам в России, по нашему мнению, необходимо:

- совершенствование нормативно-правовой базы;
- гармонизация развития цифровой экономики не только внутри отдельной страны, но и между членами интеграционных международных объединений (например, ЕАЭС);
- формирование логистической международной инфраструктуры;
- инвестирование в цифровую инфраструктуру;
- организация цифровых электронных зон для развития международного сотрудничества;
- формирование удобных сервисов для потребителей на цифровой платформе;
- развитие культуры предпринимательства в контексте цифровизации экономики;
- эффективное сотрудничество с цифровыми партнерами;
- осуществление эффективного трансграничного сотрудничества на основе ИТ-технологий между органами государственной власти и экономическими субъектами;
- формирование единого цифрового пространства для увеличения взаимного товарооборота с развитием электронной торговли;
- обеспечение технологической совместимости, интероперабельности и масштабируемости цифровых инфраструктур, платформ и решений, необходимых для

эффективной, инклюзивной и безопасной цифровой экономики;

- увеличение числа рабочих мест, занятых в цифровом бизнесе;
- подготовка кадров нового уровня, обладающих знаниями в области проблем цифровой безопасности, защиты от кибератак, борьбы с киберпреступностью;
- повышение общего доверия населения к цифровым экосистемам, лежащим в основе цифровой экономики, и др.

Анализ влияния цифрового бизнеса на формирование конкурентных преимуществ в СЭС в российской экономике

Цифровизация открывает перед бизнесом интересные перспективы повышения эффективности в сфере управления складскими запасами и логистическими процессами предприятия. Внедрение автоматизированных систем управления цепочками поставок позволяет добиться значительной оптимизации запасов готовой продукции, сырья, запасных частей, хранящихся на складах предприятия. Цифровые инструменты также сокращают логистические издержки, помогают эффективнее планировать маршруты, контролировать загрузку транспорта, точнее расставляют приоритеты логистических операций в масштабах всего предприятия.

Технологии «Индустрии 4.0» вносят существенный вклад в повышение безопасности производства и совершенствование охраны труда на предприятиях. Прежде всего, это касается возможности размещения датчиков на технике и персонале для автоматизированного мониторинга их пе-

ремещений по производственной площадке, анализа потенциально опасных действий, предотвращения травматизма и несчастных случаев на производстве.

Рис. 4. Ежегодный эффект от внедрения элементов «Индустрии 4.0»

Источник: Росстат; ЦБ РФ; IHS; IMF; The Internet of Things: Mapping the value beyond the hype, McKinsey Global Institute, июнь 2015 г.

Процесс разработки новых типов продукции также может быть улучшен с помощью инструментов «Индустрии 4.0». На основе анализа данных о фактическом использовании продукции клиентами может осуществляться разработка ее новых типов, а также повышение эффективности процесса предпродажной аналитики при выводе новых продуктов на рынок.

Внедрение отдельных элементов современных ИТ-систем также может позволить добиться улучшений в области производительности персонала. Современные системы с доступом к данным, поступающим с производственных линий,

позволяют сократить количество допускаемых сотрудниками ошибок за счет оптимальной подачи сырья, обеспечить более полную загрузку производственного оборудования и сократить количество отходов.

Первоочередной задачей цифрового бизнеса является определение перспективных областей применения технологий «Индустрии 4.0», а также разработка и реализация стратегии по их освоению. Для успешной реализации такой стратегии необходимо четко разъяснить преимущества применения цифровых технологий на всех уровнях управления, создать внутри компании цифровую культуру, поощряющую эксперименты и быстрое освоение новых технологий.

Наличие специалистов по цифровым технологиям в компании — важнейший фактор успеха цифровой стратегии, поэтому необходимо создание системы подбора и удержания таких кадров и обучения существующих и потенциальных сотрудников цифровым дисциплинам. Для этого необходимо совместно с технологическими компаниями, вузами и организациями профессионального образования разрабатывать образовательные программы, в том числе предусматривающие получение двойных специальностей и стажировку на предприятиях.

Развитие технологий «Индустрии 4.0» требует концентрации ресурсов, поэтому компаниям необходимо формировать отраслевые партнерства для совместного финансирования проектов, снижения рисков, взаимодействия с государственными органами, технологическими компаниями и исследовательскими центрами, в рамках которых создавать экспертно-консультационные центры, образцовые предприятия, разрабатывать отраслевые платформы, решения и стандарты.

Крупные компании могут наладить взаимодействие с технологическими предпринимателями и специалистами по цифровым технологиям путем формирования собственных венчурных фондов и бизнес-инкубаторов, специализирующихся на технологиях «Индустрии 4.0», а также в рамках технологических конкурсов, направленных на решение конкретных проблем и бизнес-задач.

Уже сейчас у России есть необходимый технологический задел для того, чтобы предложить отечественному рынку качественные решения в области технологий «Индустрии 4.0». На базе инновационного центра «Сколково» создан кластер информационных технологий, где сосредоточены компании, ведущие разработки и уже имеющие готовые продукты во всех сегментах «Индустрии 4.0»; сформированы два национальных консорциума интернета вещей — Российская ассоциация интернета вещей на базе «Сколково» и Национальный консорциум промышленного интернета, созданный «Ростелекомом». О стремлении работать на рынке промышленного интернета и создать собственную платформу также заявила компания Mail.ru. На предприятиях станкостроительной и аэрокосмической отраслей уже внедрена интегрированная платформа промышленного интернета вещей российского производства, относящаяся к технологиям «Индустрии 4.0». Более того, российское программное решение в области компьютерного проектирования используется компанией Airbus, а беспилотные системы для автопогрузчиков российской инновационной компании применяются на складах Volkswagen и Samsung.

Существенно поддержать цифровизацию российской экономики и повысить конкурентоспособность ее социально-экономической системы могли бы разработка Правительством

РФ долгосрочной стратегии модернизации промышленности страны на основе принципов «Индустрии 4.0» и использование финансовых и нефинансовых механизмов стимулирования спроса со стороны компаний на технологии такого рода. При этом важно мотивировать промышленный бизнес к привлечению именно российских поставщиков, инжиниринговых компаний и исследовательских центров для разработки и внедрения этих технологий. Благодаря такому подходу внутренний спрос станет локомотивом развития местных технологических компаний и платформ. В рамках реализации этой стратегии правительство могло бы разработать программы локализации передовых иностранных разработок [4], увеличить объемы государственного финансирования НИОКР в области цифровых промышленных технологий, субсидировать создание экспериментальных площадок для апробации российских технологий.

Важным элементом государственной политики будет являться подготовка кадров в области новых промышленных технологий, а также поддержка корпоративных и региональных программ переобучения и повышения квалификации, цифровой грамотности и освоения новых технологий персоналом российских промышленных предприятий.

Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства от 28 июля 2017 г. № 1632-р, определяет цели и задачи в рамках 5 базовых направлений развития цифровой экономики в Российской Федерации на период до 2024 года.

К базовым направлениям относятся нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов,

информационная инфраструктура и информационная безопасность [7].

На наш взгляд, вопросы модернизации промышленности в рамках данной Программы запланированы в недостаточном объеме и формате.

По направлению формирования экосистемы цифровой экономики, которое имеет ближайшее отношение к промышленности, намечено достижение к 2024 году следующих показателей: успешное функционирование не менее 10 компаний-лидеров (операторов экосистем), конкурентоспособных на глобальных рынках;

- успешное функционирование не менее 10 отраслевых (индустриальных) цифровых платформ для основных предметных областей экономики (в том числе для цифрового здравоохранения, цифрового образования и «умного города»);
- успешное функционирование не менее 500 малых и средних предприятий в сфере создания цифровых технологий и платформ и оказания цифровых услуг³.

Таким образом, в Программе запланированы результаты по строительству компаний платформенного типа и компаний-операторов экосистем, но совершенно не поставлены задачи по модернизации отраслевых промышленных компаний.

Модель конкурентоспособности национальной экономики РФ на основе цифровых технологий не может не базироваться на показателях цифровизации промышленности, особенно сегодня, в период развертывания Четвертой промышленной революции.

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», с. 16-17.

Библиографический список

1. Бабкин А.В. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития / А.В.Бабкин, Д.Д. Буркальцева, Д.Г. Костень, Ю.Н. Воробьев // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. — 2017. — Т.10. — № 3. — С. 9–25.
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы // Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/71670570/> (Дата обращения: 14.05.2018).
3. Повышение конкурентоспособности отечественной промышленности в условиях инновационного подъема. Коллективная монография / под ред. Ю.А. Романовой. — М.: Издательство «Научный консультант». — Финуниверситет, 2018. — 310 с.
4. Морковкин Д.Е. Стратегические факторы инновационного преобразования реального сектора экономики России в условиях импортозамещения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право». 2015. № 9–10. С. 19–23.
5. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (Дата обращения: 26.05.2018).
6. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: goo.gl/H2oKoR (Дата обращения: 16.05.2018).
7. Сорокин Д.Е., Толкачев С.А. Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4. С. 78–99.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУ- РЕНТОСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INCREASING THE COMPETITIVENESS OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

А.В. ШАРКОВА

Заведующий кафедрой «Экономика организации», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, д.э.н., профессор

A.V. SHARKOVA

Head of the Department «Economics of Organization», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные аспекты повышения конкурентоспособности социально-экономических систем. Дается понятие конкурентоспособности социально-экономической системы, отражены условия формирования конкурентоспособной экономики, конкурентные

преимущества страны, показатели конкурентоспособности социально-экономических систем. Предложены меры повышения конкурентоспособности социально-экономических систем.

ANNOTATION

The article deals with the main aspects of improving the competitiveness of socio-economic systems. The concept of competitiveness of socio-economic system is given, conditions of formation of competitive economy, competitive advantages of the country, indicators of competitiveness of social and economic systems are reflected. The measures of increasing the competitiveness of social and economic systems are proposed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конкурентоспособность, социально-экономическая система, промышленность, государственная политика.

KEYWORDS

Competitiveness, social and economic system, industry, state policy.

Конкурентоспособность становится базовым условием устойчивости функционирования социально-экономических систем, так как ускоренный экономический рост обусловлен формированием и развитием конкурентных преимуществ, что, в свою очередь, обеспечивает эффективное и рациональное использование ресурсного потенциала страны и повышение благосостояния населения. Развитие любой социально-экономической системы находится под воздействием различных экзогенных факторов, что обуславливает различие в эффективности функционирования самой системы.

Конкурентоспособность социально-экономических систем представляет собой их восприимчивость к изменениям во

внутренней и внешней среде, а также их способность адаптироваться к подобным изменениям. Также одним из актуальных вопросов повышения конкурентоспособности социально-экономических систем является их приспособление к существующим международным требованиям, новым условиям взаимодействия с некоторыми зарубежными партнерами.

Социально-экономическая система как совокупность взаимосвязанных и упорядоченных элементов, институтов и механизмов для принятия решений охватывает производство, доходы и потребления в рамках определенной территории. Социально-экономические системы можно рассматривать как хозяйствующий субъект, город, регион, отдельную территорию, так и страну в целом.

Российская экономика в последние годы демонстрирует устойчивые темпы роста. Однако в существенной мере благоприятная ценовая конъюнктура на мировых рынках энергоносителей обеспечивает рост, в свою очередь, экспорт обеспечивает страну значительным доходом в бюджет. Далее увеличиваются расходы бюджета, растут реальные доходы предприятий и населения. Но при этом увеличивается и доля импорта в удовлетворении растущего платежеспособного спроса на инвестиционные и потребительские товары. Одной из причин такой ситуации является низкая конкурентоспособность российских производителей на внутреннем рынке, не говоря уже о мировых товарных рынках. Экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью растет незначительно, а его доля в российском экспорте снижается. Констатация низкой конкурентоспособности не объясняет, что же не в порядке, поэтому следует разобраться в причинах низкой конкурентоспособности и проблемах повышения конкурентоспособности.

Формирование конкурентоспособной экономики — это необходимое условие ее дальнейшего роста. Стратегия совершенствования конкурентных отношений в современных условиях должна учитывать следующие значимые моменты (рис. 1) [5].

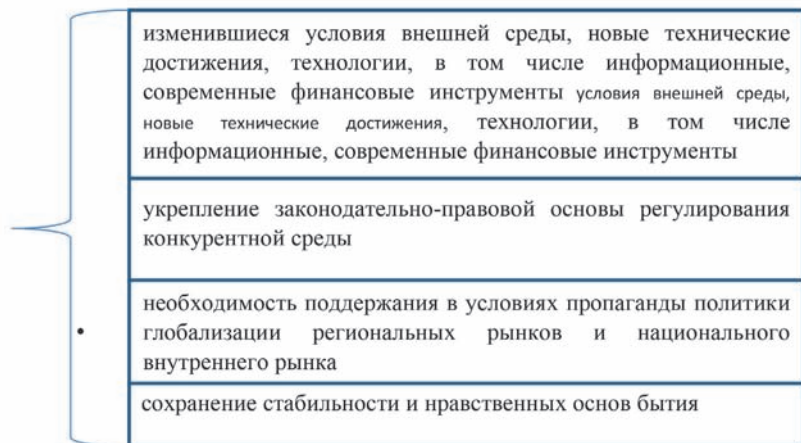

Рис. 1. Составляющие стратегии совершенствования конкурентных отношений

Конкурентоспособность социально-экономической системы с точки зрения страны можно трактовать как способность реагировать на экзогенные факторы, которые имеют различные характер и уровни воздействия. А также конкурентоспособность социально-экономической системы обусловлена адаптацией к изменению внешней и внутренней конъюнктуры, способностью адаптироваться к новым производственным условиям при сохранении высоких темпов экономического роста на основе внедрения инноваций и модернизации всей экономики. В условиях межстрановой

конкуренции к конкурентным преимуществам страны можно отнести следующие (табл. 1).

Таблица 1

Конкурентные преимущества страны

№	Наименование преимущества	Показатель, характеризующий конкурентное преимущество
1	Высокие расходы из госбюджета на НИОКР	доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП и в ВРП
2	Высокие расходы в развитие человека	реальные располагаемые денежные доходы населения
3	Стабильность политической и правовой системы страны	
4	Уровень ВВП	доля ВВП на душу населения
5	Высокая продолжительность жизни	продолжительность жизни
6	Высокая эффективность использования ресурсов	степень износа основных фондов
7	Оптимальный экспорт	внешнеторговый оборот
8	Низкая инфляция	уровень инфляции
9	Наличие природных ресурсов и благоприятный климат, выгодное географическое положение страны	экспертные оценки
10	Значительная доля конкурентоспособных организаций в стране	доля организаций, осуществляющих технологические инновации
11	Конкурентоспособность трудовых ресурсов	прирост числа высокопроизводительных рабочих мест
12	Гибкость финансовой системы страны	индекс денежной массы
13	Динамичность внутреннего рынка	экспертные оценки
14	Отсутствие государственной задолженности	внешний долг Российской Федерации, в том числе государственный внешний долг
15	Высокая образованность населения в стране	распределение численности занятых в экономике по уровню образования

№	Наименование преимущества	Показатель, характеризующий конкурентное преимущество
16	Высокая конкуренция во всех сферах деятельности	коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. чел. населения)
17	Открытость страны, высокий уровень международной интеграции и кооперирования	экспертные оценки
18	Высокое качество инфраструктуры рынков и регионов	уровень экономической интеграции субъектов Российской Федерации
19	Низкие налоговые и таможенные ставки	размер таможенных и налоговых ставок
20	Высокая культура бизнеса в стране	индекс предпринимательской уверенности предприятий
21	Высокий уровень информационного обеспечения управления страной	уровень цифровизации местной телефонной сети

В таблице 1 приведены конкурентные преимущества страны, а также показатели, характеризующие преимущества, которые были подобраны из данных Федеральной службы государственной статистики. Ряд конкурентных преимуществ носят глобальный характер, и предлагается оценить их путем экспертных оценок. Комплексный показатель, характеризующий конкурентные преимущества страны, определяется как совокупность представленных показателей.

$$K_{\text{КП}} = \sum_{i=1}^N K_i$$

K_i — показатели конкурентных преимуществ общим числом N .

На основе использования среднего взвешенного показателя единичных показателей комплексный показатель, характеризующий конкурентные преимущества страны, может быть рассчитан следующим образом.

$$K_{\text{КП}} = \sum_{i=1}^N W_i K_i$$

K_i — показатели конкурентных преимуществ общим числом N .

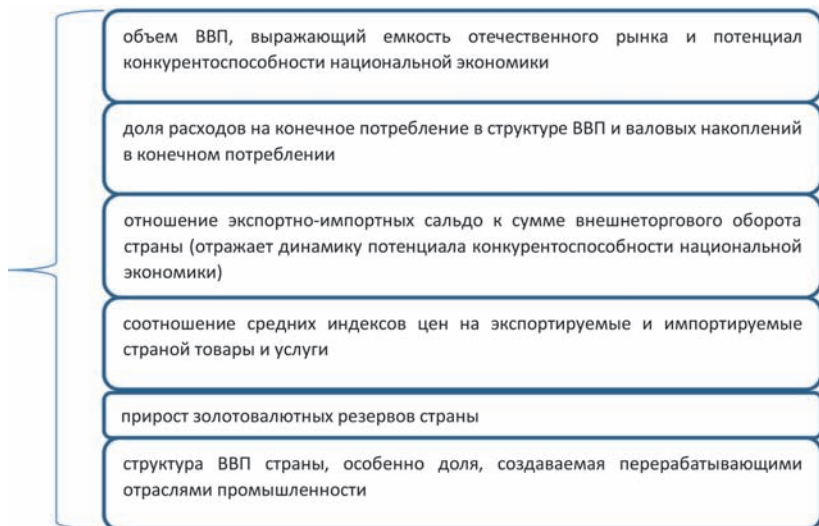
W_i — показатель значимости (веса) i -го единичного показателя.

В настоящее время среди наиболее используемых показателей для анализа конкурентоспособности экономики страны в российской и международной практике можно выделить следующие (рис. 2) [3].

На повышение конкурентоспособности той или иной страны оказывают существенное влияние способность промышленности страны вводить новшества и модернизироваться [4], различия стран в структуре экономики, культуре, образовании, в существующих институтах, историческом развитии. Ни одна страна не может быть во всем конкурентоспособной. В основном страна является наиболее конкурентоспособной в тех сферах и отраслях, где внутренние и внешние условия являются наиболее перспективными и благоприятными.

В настоящее время наиболее полным анализом конкурентоспособности экономики является ежегодник конкурентоспособности стран мира (WCY IMD), базирующийся из расчета 338 критериев измерения различных аспектов кон-

курентоспособности, который включает в себя такие группы факторов, как экономические показатели, эффективность правительства, эффективность бизнеса, инфраструктура. В методике составления интегрального показателя применяется следующее соотношение: это $2/3$ массива данных, отобранных из международных и национальных источников, и $1/3$ данные экспертных оценок общественного мнения различных представителей бизнеса. Согласно данной методике, конкурентоспособность страны — это способность ее экономики создавать, поддерживать конкурентную среду, где развивается бизнес.

Рис. 2. Показатели, используемые для анализа конкурентоспособности экономики страны

Исследование WCY IMD в 2017 году охватывало 63 стран. Результаты исследования показали, что Россия в рейтинге

занимает 46 место (1-е место — Гонконг, 2-е место — Швейцария, 3-е место — Сингапур, 4-е место — США, 5-е место — Нидерланды и т.д.) [6].

В рейтинге «Отчет по глобальной конкурентоспособности» GCR WEF за 2017 год Россия поднялась на пять строчек, тем самым занимая 38-е место из 137 стран (1-е место — Швейцария, 2-е место — США, 3-е место — Сингапур и др.). В отличие от WCY IMD, структура индекса глобальной конкурентоспособности включает в себя 3 группы факторов и 12 критериев.

Несмотря на неудовлетворительные результаты, по мнению зарубежных экспертов, конкурентными преимуществами России являются макроэкономическая стабильность, гибкость рынка труда, высшее образование, инновационный потенциал, емкость внутреннего рынка [3].

«Институт проблем естественных монополий» (ИПЕМ) опубликовал мониторинг состояния промышленности России по итогам 2017 года. По оценкам ИПЕМ, в промышленном производстве в связи со спадом добычи нефти и газа наблюдается существенное замедление роста, в то время как спрос на российскую промышленную продукцию был самым высоким за последние 5 лет.

Перспективы промышленного роста в 2018 году будут во многом определяться проводимой государством денежно-кредитной политикой. Индекс ИПЕМ-производство третий год подряд показал положительное значение: по итогам 2017 года его рост составил 0,9%. Скромный итоговый результат вызван спадом промышленного производства, наблюдавшимся с сентября (о методологии расчета индексов ИПЕМ — в справочной информации).

Индекс ИПЕМ-спрос в годовом исчислении стал самым высоким за последние 5 лет. В 2016 году он впервые по-

сле продолжительного падения вышел в плюс, а по итогам прошедшего года темп роста показателя ускорился в 8 раз и составил 2,4% относительно 2016 года. В течение года динамика спроса повторяла динамику производства: рост в первые 8 месяцев (пиковое значение зафиксировано в августе — +3,5% к январю-августу 2016 года) и дальнейшее снижение. В 2016 году промышленное производство снизилось под влиянием негативных факторов, включая высокий курс доллара и нестабильную конъюнктуру в нефтегазовой промышленности (рис. 3). Основным фактором замедления индексов стало снижение добычи нефти и газа в последние месяцы 2017 года.

Рис. 3. Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых [1]

Так, добыча нефти в сентябре-декабре 2017 года сократилась на 2,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Вслед за падением добычи сокращался и экспорт

(–2,4% за сентябрь-декабрь 2017 года). Данный спад в первую очередь связан с выполнением обязательств в рамках соглашения ОПЕК+ по сокращению добычи и мониторингу экспорта нефти. Действующая договоренность была продлена в ноябре на весь 2018 год. В конце 2017 года добыча газа существенно снижалась, тем не менее в целом за год фиксируется ее рост (+7,9% к 2016 году), что связано с ростом экспорта газа в дальнее зарубежье (+6,8%), а в направлении Европы в 2017 году достигнут новый рекорд экспортных поставок — 193,9 млрд куб. м (+8,1% к 2016 году).

Показатели топливно-энергетического комплекса поддержала добыча угля, рост которой составил 6,3% до 407,8 млн т. Значительную роль сыграл экспорт: так, экспортная погрузка угля на железнодорожном транспорте во внутреннем сообщении составила 13,8% (192,2 млн т против 168,9 млн т).

Что касается спроса в низкотехнологичных отраслях, то прирост составил +6,1% к 2016 году, что является рекордным значением за последние 5 лет. По данным Росстата, производство пищевых продуктов за январь-ноябрь 2017 г. возросло на 5,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Легкая промышленность также растет: за 11 месяцев прошлого года текстильное производство выросло на 7,5% к аналогичному периоду 2016 года. Спрос в среднетехнологичных отраслях промышленности также продемонстрировал уверенный рост, показав положительное значение впервые за 5 лет (+1,4% к 2016 году). Важным фактором возобновления роста в данном секторе стало увеличение спроса со стороны крупнейших автомобильных холдингов (АвтоВАЗ, КамАЗ и др.) и предприятий железнодорожного машиностроения на черные металлы. Основные точки роста спроса можно наглядно проиллюстрировать на примере це-

мента, отгрузка которого в 2017 году на сети железных дорог увеличилась (+0,6%), а производство — сократилось (-0,7% за 11 месяцев 2017 года). Такая ситуация возможна, например, тогда, когда спрос генерируется крупными проектами с централизованной системой закупок и поставок по сети железных дорог. В высокотехнологичных отраслях негативная динамика спроса сохраняется: по итогам 2017 г. данный показатель снизился на 7,8% по сравнению с 2016 г.

Спад существенно меньше, чем в 2014 и 2015 годах (-15,8% и -24,4% соответственно), однако выше, чем в 2016 году (-3,2% к 2015 году). «Замедление роста промышленности в 2017 году по сравнению с 2016 годом связано, прежде всего, с тем, что в прошлом году ресурсов для восстановительного роста практически не осталось, а значительная часть спада была отыграна еще год назад, — объяснил заместитель руководителя Департамента исследований ТЭК ИПЕМ Евгений Рудаков. — В 2018 году одним из важнейших факторов, определяющих промышленный рост, будет влияние денежно-кредитной политики. Продолжится ли снижение ключевой ставки, и последует ли за этим снижение кредитных ставок для промышленности — от этого во многом зависит динамика инвестиций в основной капитал и, следовательно, будущие перспективы промышленного и экономического роста».

Процесс повышения конкурентоспособности социально-экономической системы на уровне страны может быть реализован за счет повышения конкурентоспособности промышленности, т.е. повышения эффективности деятельности промышленных хозяйствующих субъектов. Здесь есть несколько направлений: во-первых, путем вытеснения с рынка неэффективных предприятий, а также их ликвидацией, во-вторых, за счет поглощения неэффективных хозяйству-

ющих субъектов другими, более конкурентоспособными. Принадлежность конкурентоспособного бизнеса к российским компаниям (что вероятнее) или к иностранным, работающим в России, не столь принципиально.

Также одним из направлений повышения конкурентоспособности промышленности может создание высокоэффективных новых предприятий, которые не обременены тяжелым финансовым положением предыдущих собственников и устаревшей технической базой. При реализации данного направления в качестве действенных инструментов следует отметить программы Фонда развития промышленности — в частности, программу «Цифровизация промышленности», в рамках которой предоставляется заемное софинансирование на проекты, направленные на внедрение цифровых и технологических решений, призванных оптимизировать производственные процессы на предприятии.

В настоящее время создание новых предприятий сдерживается рядом факторов, к которым можно отнести следующие: административные барьеры, ограниченные возможности доступа к инфраструктурным рынкам, нехватка квалифицированных кадров, инвестиционный климат.

Одно из наиболее важных направлений повышения конкурентоспособности промышленности — это реализация промышленной политики в стране. Однако, учитывая разнородность хозяйствующих субъектов внутри отраслей, проведение промышленной политики в классическом ее понимании вряд ли возможно, так как любые отраслевые меры будут либо не востребованы, либо недоступны.

В этой связи меры государственной поддержки для промышленных предприятий следует формировать отдельно для каждой группы предприятий:

- предприятия «безнадежные», имеющие сложное финансовое положение и находящиеся на грани банкротства;
- предприятия «среднего эшелона»;
- предприятия-«лидеры».

Повышения конкурентоспособности страны невозможно добиться без кардинального изменения всей социально-экономической системы на уровне отдельного хозяйствующего субъекта, отрасли, субъекта и всего национального хозяйства. Для этого необходимо последовательное проведение социально-экономических преобразований, которые приведут, в конечном счете, к формированию современной высокоэффективной социально-ориентированной экономики, обеспечат всесторонний рост духовного и материального богатства российского народа.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gks.ru>] (дата обращения: 01.06.2018).
2. Абрамов В. Управление конкурентоспособностью экономических систем // Маркетинг. — 2014. — № 5. — С.19–24.
3. Александрова Е.Н. Инновационный фактор конкурентного позиционирования национальной экономики в системе мирохозяйственных связей: выводы международных сопоставлений / Александрова Е.Н., Шевченко К.И. // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — N 2. — С.14–20.
4. Алексеева М.С. Адаптационный механизм как вид организационно-экономического механизма для развития и повышения конкурентоспособности промышленных предприятий / М.С.Алексеева, М.В.Тихонова // Вестник Санкт-Петербургского государственного

- университета технологии и дизайна. Сер. 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 2. — С. 18–22.
5. Алиев З. Конкурентоспособность в эпоху глобализации // Власть. — 2015. — № 2. — С. 34–37.
  6. Рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности по версии IMD / [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/the-imd-world-competitiveness-yearbook/info>] (дата обращения: 01.06.2018).
  7. Отчет Фонда развития промышленности за 2015, 2016, 2017 годы [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://frprf.ru/download/godovoy-otchet-fonda-za-2017-god.pdf>] (дата обращения: 01.06.2018).
  8. Шаркова А.В. Влияние процесса глобализации на использование трудового потенциала национальной и мировой экономики // Проблемы современной экономики, 2003. — № 3–4. — С. 78–79.
  9. Шаркова А.В. Развитие инновационно-технологического бизнеса и факторы, его определяющие // Предпринимательство и бизнес: финансово-экономические, управленческие и правовые аспекты устойчивого развития / Полгар Т.А., Шаркова А.В. и др. Коллективная монография. — Москва, 2016. — С. 370–382
  10. Шаркова А.В. Мировой опыт развития инновационного предпринимательства и возможности его адаптации в России // Концепция эффективного предпринимательства в сфере новых решений, проектов и гипотез (монография) / Под общей редакцией ректора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н., профессора М.А. Эскиндарова. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. — с. 640
  11. Логинов В.А. Конкурентоспособность производственных и территориальных экономических систем: взаимосвязь и взаимовлияние / Проблемы конкурентоспособности в современной экономике, 2009. — С. 107–111.

КООРДИНАЦИОННЫЙ КЛУБ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ВЭО России продолжает консолидацию усилий ведущих экономистов страны в решении вопросов модернизации российской экономики и в разработке эффективной модели социально-экономического развития страны.

С данной целью ВЭО России создан Координационный клуб ВЭО России, в рамках которого на постоянной основе проходят экспертные сессии.

20 апреля 2018 года состоялась четырнадцатая экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России на тему «Население России: каким оно будет?».

ЦЕЛИ АКТИВНОЙ СЕМЕЙНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ В СВЯЗИ
С ТЕНДЕНЦИЯМИ
ДИНАМИКИ
НАСЕЛЕНИЯ РФ

THE GOALS OF THE ACTIVE
FAMILY-DEMOGRAPHIC
POLICY IN CONNECTION
WITH POPULATION
DYNAMICS
IN RUSSIAN FEDERATION

А.И. АНТОНОВ

Заведующий кафедрой социологии семьи
и демографии социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный
профессор МГУ, д.филос.н.

A.I. ANTONOV

Head of the Department of Sociology of
Family and Demography, Faculty of Sociology,
Lomonosov Moscow State University, Dr.
Science, Professor

АННОТАЦИЯ

Динамика населения и социальная динамика определяют общественное развитие на отдельных исторических этапах. В контексте современной демографической ситуации решающую роль приобретает научное обоснование целей демографической политики: повышение ценности семейно-детного и здорового образа жизни возможно, повышение рождаемости до уровня простого воспроизводства достижимо, привлечение иммигрантов неприемлемо в качестве единственного средства компенсации убыли населения. Эффективность воздействия государства на демографические процессы осуществима при радикальной трансформации взаимоотношений науки и государственного управления посредством создания системы демографической технологии, нормативного прогнозирования и проектирования.

ABSTRACT

The dynamics of the population and social dynamics determine social development at certain historical stages. In the context of the current demographic situation, the scientific substantiation of the goals of demographic policy plays a decisive role. It is possible to increase the value of a family-child and a healthy lifestyle, raising the birth rate to the level of instant replacement is achievable, attracting immigrants is unacceptable in case it gets the only mean of compensating the population loss. The effectiveness of the state's impact on demographic processes is feasible only in case of a radical transformation of the relationship between science and public administration through the creation of a system of demographic technology, normative forecasting and design.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Семейно-демографическая политика, динамика населения, половозрастные пирамиды, просемейный образ жизни, демографические процессы.

KEYWORDS

Family-demographic policy, population dynamics, sex-age pyramids, pro-family way of life, demographic processes.

1. Современные тренды демографических изменений, связанные с изменениями демографических структур и процессов, уходят своими истоками в послевоенные годы XX столетия. Это видно по конфигурациям демографических пирамид России 1979–1989–1999–2015 гг.: «впадины» на пирамидах — это людские потери во времена войн и катаклизмов, а также последствия снижения интенсивности рождений из-за постепенного (межпоколенного) ослабления потребности семьи в детях. На пирамиде 2015 г. видна новая демографическая волна, связанная с ростом численности когорт 80-х годов рождения. Этот «выступ» (наряду с таймингом рождений, материнским капиталом и пособиями на детей) привел к росту суммарных коэффициентов рождаемости СКР до 1,8 рождений в среднем на женщину. Однако очередная волна, вовсе не позитивного свойства (вступление в репродуктивный период 20–39 лет уменьшающихся по численности когорт 1990 годов рождения), обещает в предстоящие 10–15 лет сокращение рождаемости. Это обстоятельство наряду с ослаблением интенсивности репродуктивных установок уже привело в 2015–2017 гг. к уменьшению доли первых и вторых рождений, к снижению рождаемости и вновь к росту естественной убыли населения в первые месяцы 2018 г. В дальнейшем этот тренд будет вести к падению рождаемости до уровня 1,5 и менее рождений, если не начать тормозить этот процесс посредством активизации политики по стимулированию трехдетной семьи. Отказ от активной семейно-демографической

политики неминуемо ведет к депопуляции, что наглядно демонстрируют пирамиды населения Центрального Федерального Округа и его регионов (ЦФО 2013 и 2050, Костромская обл. 2013 и 2050). Возможная ориентация на сохранение нынешней численности РФ за счет ежегодного привлечения иммигрантов в пределах 800 000–900 000 (без повышения рождаемости и при КСР ниже 1,5) дает в долгосрочной перспективе 2080 г. снижение численности российского населения до 59,9 млн при возрастании до 66–70% в составе населения иммигрантов и их потомков. Таким образом, компромиссная политика по сочетанию материальных стимулов к реализации имеющейся у населения потребности в детях с массовым привлечением иммигрантов из разных стран мира неминуемо ведет к конверсии национального состава страны (см. рис. 1–4).

2. До сих пор нет понимания необходимости ограничения внесемейной стихии рыночно-индустриальной и рыночно-информационной экономики, где остается ориентация зарплаты работника на его индивидуальное обеспечение, а не на благополучие семьи с детьми. Ныне зарплата работника не учитывает родительский труд в семье по содержанию детей, уходу за ними, по охране здоровья, их воспитанию и обучению. Поэтому следует заменить внесемейный принцип «за равный труд — равная зарплата» просемейным принципом «за равные результаты труда, в т.ч. родительского, — равный уровень жизни».

3. Современная практика проведения демографической политики сосредоточена на второстепенной задаче устранения негативных последствий кризиса семейных функций, на социальной поддержке тех брачно-сексуальных и родительско-детских формирований, которые образовались из

осколков распада полной семьи с несколькими детьми. *Тактика первого этапа* демографической политики — улучшение условий реализации уже имеющейся потребности семьи в детях, т.е. в двух детях. Соответствующие пособия и льготы хотя и не допускают резкого снижения душевого дохода в семьях после рождения ребенка, тем не менее, лишь облегчают элементарное содержание маленьких детей в семье и вовсе не направлены даже на улучшение воспитания и образования. В условиях новой негативной демографической волны 90-х годов и сокращения репродуктивного контингента наполовину, а также с учетом снижающихся репродуктивных ориентаций и блокировкой их под влиянием санкций, динамика населения в стране, скорее всего, будет близка не к среднему, а к низкому варианту прогноза Росстата¹. Для предотвращения прогнозируемой депопуляции и сохранения нынешней численности (147 млн) недостаточно мер по улучшению условий реализации наличной потребности населения всего в двух детях. Недостаточно также мер по снижению смертности и увеличению продолжительности жизни. Совершенно неприемлема политика массового привлечения иммигрантов для компенсации естественной убыли населения. Прогноз численности населения РФ на 2080 г. с низкой рождаемостью и очень высоким процентом иммиграции неутешителен — население сокращается до 60 млн, причем на две трети это иммигранты, их дети и внуки². Помимо экономических, социокультурных и политических

¹ Демографический ежегодник России [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. 2015. По среднему варианту суммарный коэффициент рождаемости снижается до 1,75 в 2027 г., а затем повышается до 1,96 в 2050 г., что ведет к снижению численности РФ до 146,4 млн; по низкому варианту СКР = 1,55 в 2025 г. и повышается до 1,6 в 2050 г. при снижении численности населения до 129,1 млн.

² Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. — М. 2002.

проблем ассимиляции, внешняя иммиграция из Азии и Африки к тому же требует пересмотра Конституции России в связи с национальным самоопределением автономных республик РФ.

4. Все перечисленные задачи тактического плана должны сопровождаться действиями в рамках проектов и *программ стратегического характера* по формированию потребности семьи в том числе детей, которое обеспечивает простое воспроизводство населения (3–4 детей или 2,1 рождений на женщину, т.е. среднедетность в половине всех семей). Успешная борьба с низкой рождаемостью и малодетностью семьи, разумеется, возможна на прочной материально-жилищной базе, но при условии научного обоснования целей, направлений и средств семейно-демографической политики. При использовании достижений прикладной социологии, экономики и демографии, разрабатывающих региональные и локальные нормативные прогнозы и социальные планы, предстоит создать государственную систему **демографической технологии**, в рамках которой должны готовиться проекты — программы изменений семейно-демографических процессов на федеральном и региональном уровнях. Подобные нормативные прогнозы и конкретные проекты — планы демографической развития в централизованном и в административно-территориальном разрезе способны радикально изменить взаимодействие науки и государственных ведомств и тем самым осуществить действенный контроль за реализацией проектных планов и заданий.

5. Чтобы реализовать стратегические цели демографического развития по стимулированию рождаемости и распространению среднедетной семьи, чтобы стали дей-

ствовать социальные стимулы повышения престижа родительского и репродуктивного труда семьи с несколькими детьми, следует предварительно решить ряд тактических задач. Во-первых, предварительно устранить все существующие до сих пор наказания за рождение детей (увеличение платы за коммунальные услуги, платы за проезд в транспорте, за услуги в бытовой сфере, в сферах дошкольного и школьного воспитания, в сфере детского здравоохранения и т.п.). При этом обязательно сохранить все фактические льготы и выплаты на семью и детей. Во-вторых, необходимо также постепенно перейти к 100-процентной компенсации уменьшения душевого дохода и ухудшения жилищных условий при деторождении в семьях с несколькими детьми. Лишь при удовлетворении этих двух условий сможет действовать система ДНК — доходов-налогов-кредитов, направленная на повышение роста уровня жизни прежде всего в семьях с несколькими детьми (семейная зарплата одному из родителей за профессиональный родительский труд по содержанию, воспитанию и обучению детей на дому; в семьях однодоходных с одним работающим вне семьи родителем и в семьях двухзарплатных взимать подоходный налог с семьи один раз со снижением налоговых ставок в зависимости от числа детей процентов кредита). В основу всех финансовых расчетов должна быть помещена модель полной семьи с 3–4 детьми; налог должен взиматься единожды с общего семейного дохода; минимальный прожиточный минимум должен исчисляться для семьи в целом, а не для индивида. Обеспечение семьи с несколькими детьми домами и квартирами является самой лучшей инвестиционной политикой государства. Следует сфокусировать всю работу по повышению ценности

и престижа семейного образа жизни на подрастающих поколениях: надо готовить их к будущим ролям отца-матери, мужа-жены.

6. В средствах массовой информации положение института семьи в обществе должно найти адекватное освещение, причем приоритетной темой является совместная деятельность родителей и детей на дому с применением современных технических средств и возможностей интернет-сетей, что будет способствовать укреплению семейного образа жизни. Наряду с нынешними двухзарплатными семьями, дополняемыми системами социального обеспечения и страхования, следует медленно и постепенно конструировать и вводить в практику новые модели семьи, нового семейного образа жизни. Предстоит продумать жизнеобеспечение семьи в рамках профессионального родительства на дому — воспитание дошкольников и обучение детей школьного возраста предоставляется самим родителям (одному из них — в соответствии со средней зарплатой воспитателей в детсадах и учителей в школах). Главным в активизации демографической политики является стратегия второго этапа, когда ставится абсолютно новая и исторически беспрецедентная цель повышения интенсивности рождаемости, и тем самым вводятся в действие меры усиления потребности личности и семьи в 3–4 детях, способствующие широкому распространению среднедетной семьи.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» №18-011-01037)

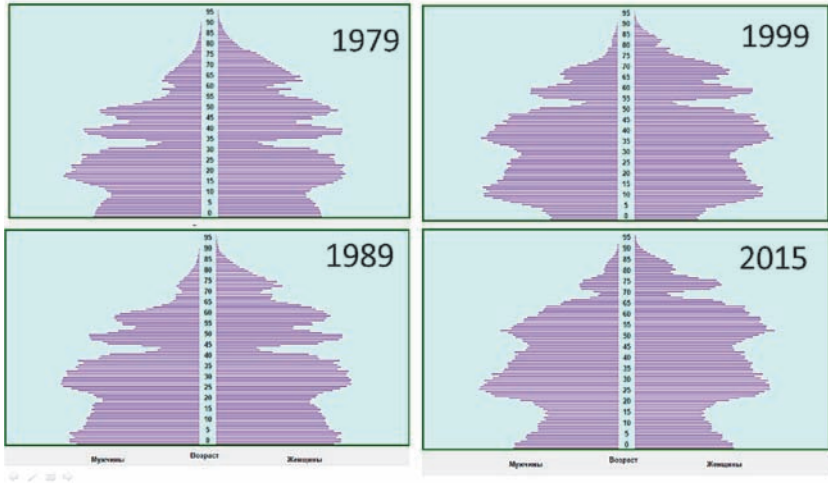

Рис. 1. Половозрастная структура России в 1979–2015 гг.

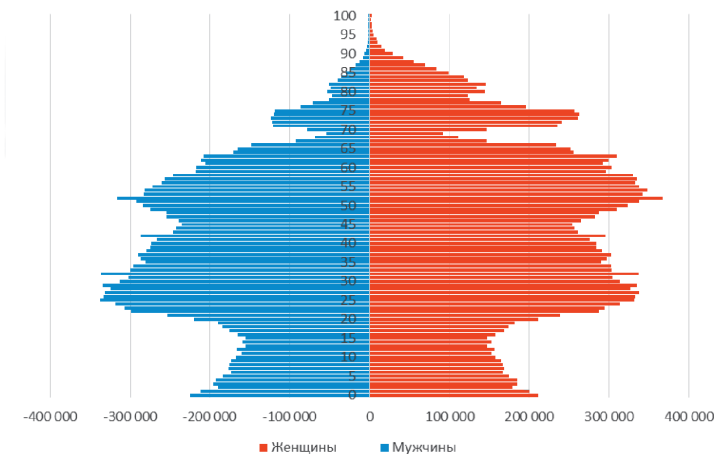

Рис. 2.1. Половозрастная структура Центрального Федерального округа в 2013 г.

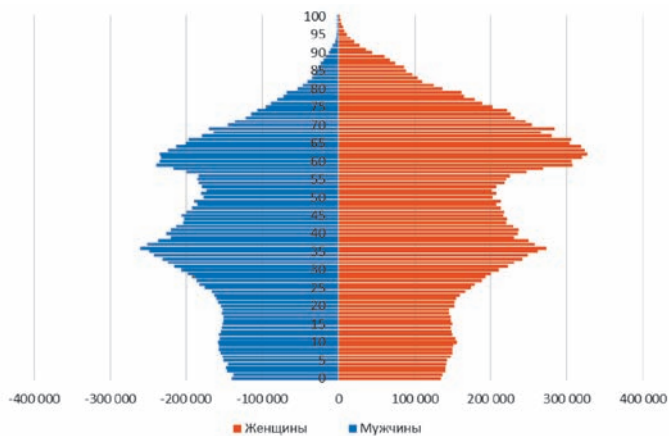

Рис. 2.2. Половозрастная структура Центрального Федерального округа в 2050 г.

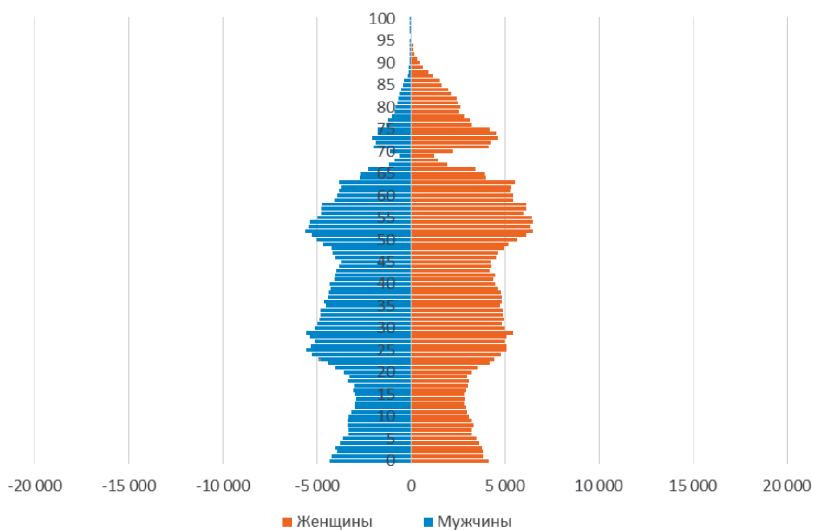

Рис. 3.1. Половозрастная структура Костромской области в 2013 г.

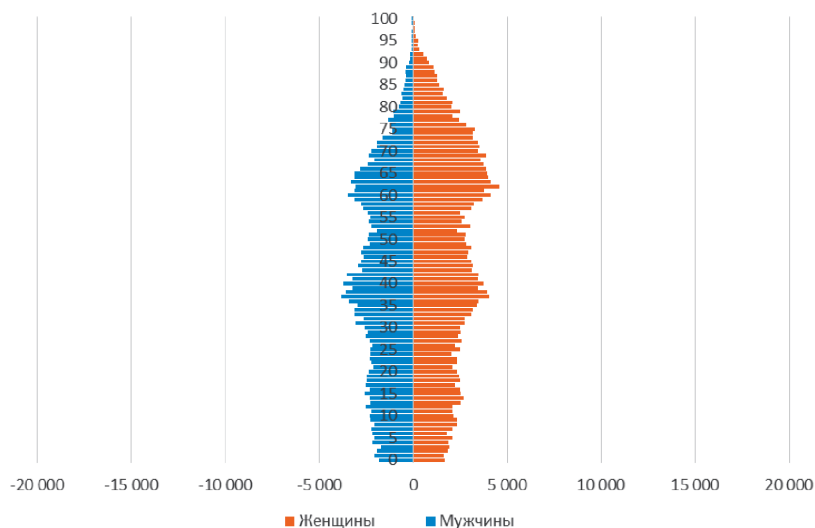

Рис. 3.2. Половозрастная структура Костромской области в 2050 г.

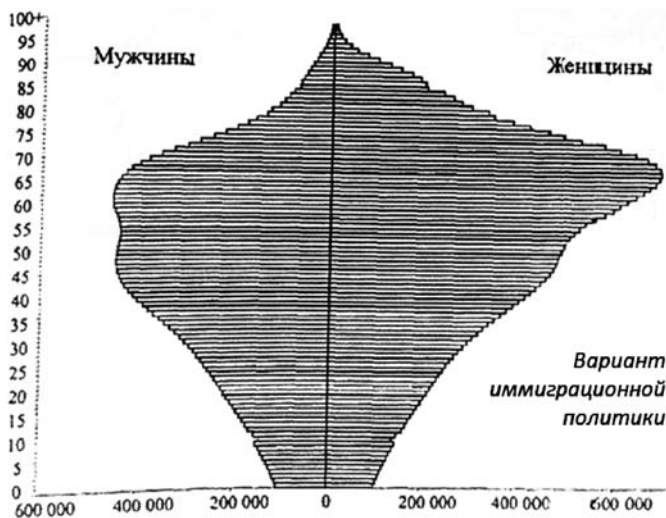

Рис. 4. Половозрастная пирамида населения России в 2080 г. (59,9 млн)

**РАЗВИТИЕ
РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ
АКТУАЛЬНЫХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ**

**DEVELOPMENT OF THE
REINDUSTRIALIZATION
OF THE RUSSIAN ECONOMY
IN THE CONTEXT OF
CURRENT DEMOGRAPHIC
PROBLEMS**

Р.С. ГОЛОВ

Член Президиума Вольного экономического общества России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», д.э.н., профессор

R.S. GOLOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Head of the Department «Management and Marketing of High-Tech Industries» FGBOU VO «Moscow Aviation Institute (National Research University)», Dr.Sc.Econ, Professor

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен анализу ключевых социальных, демографических, профессиональных и образовательных аспектов реиндустриализации экономики. На основе проведенного анализа автором определяются проблемы, связанные с исчезновением ряда малых городов и населенных пунктов, причиной которых является в том числе закрытие градообразующих предприятий. Еще одна проблема, особенно актуальная для молодых специалистов, – высокий уровень безработицы. Кроме того, одной из причин негативной демографической ситуации является также рост в широких кругах общества привлекательности западной модели планирования жизни, в которой рождение детей является куда менее значимым, чем карьера и финансовое благополучие. Реиндустриализация в данном контексте выступает тем системным путем, который способен вовлечь в активную профессиональную и экономическую жизнь большинство населения, включая как молодых, так и опытных специалистов.

ABSTRACT

The report is devoted to the analysis of key social, demographic, professional and educational aspects of economic re-industrialization. On the basis of the analysis carried out by the author, problems associated with the disappearance of a number of small towns and populated areas, which are caused, in particular, by the closure of city-forming enterprises, are identified. Another problem, especially urgent for young professionals, is a high level of unemployment. In addition, one of the reasons for the negative demographic situation is also the growth in the general

public of the attractiveness of the Western model of life planning, in which the birth of children is far less important than career and financial well-being. Reindustrialization in this context is the systematic way that is able to involve the majority of the population in active professional and economic life, including both young and experienced specialists.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Реиндустриализация экономики, демография, социальная сфера, безработица, подготовка кадров, «Университет 3.0».

KEYWORDS

Economic re-industrialization, demography, social sphere, unemployment, training, «University 3.0».

Одним из ключевых условий развития реиндустриализации экономики как пути интенсификации инновационного высокотехнологичного производства является обеспечение предприятий молодыми высокопрофессиональными кадрами. В рамках сегодняшнего заседания мне бы хотелось рассмотреть существующие в этой области проблемы, связанные с демографическими и социальными факторами, профессиональной самореализацией молодых специалистов, а также пути их решения в контексте реиндустриализации.

На мой взгляд, вопрос профессиональной самореализации является ключевым, если мы говорим о построении здорового общества, где каждый его член имеет возможность успешно реализовать свои навыки и получить за это достойное вознаграждение. Это является гарантией не только его личной удовлетворенности, но и достойного уровня жизни, стремления к продолжению рода, способности обеспечивать своей семье доступ к медицинским услугам и т.д.

И в этой сфере сегодня я вижу весьма серьезные риски, связанные с высоким уровнем безработицы.

В части демографической ситуации в России прогноз на сегодняшний день достаточно неблагоприятный: более чем 300 городам — большим и малым — уже в этом столетии при текущей ситуации грозит исчезновение. В числе прочих такие города, как Новокузнецк, Артем, Верхоянск, Иваново, Артемовск, Норильск, Воркута. Причины тут совершенно разные: где-то это вопросы, связанные с экологией, закрытием производств или шахт, когда речь идет о моногородах. Также в числе таких причин рост преступности, отсутствие транспортной инфраструктуры и т.д.

Рассмотрим, в частности, ситуацию в Воркуте: в 2006 г. ее население составляло 79 000 человек, а в 2016 г. — лишь 59 000. То есть за десять лет произошло сокращение населения на 25%. В некоторых районах уже нет медицинского обслуживания, станций скорой помощи. То есть, по сути, отсутствуют нормальные условия для проживания граждан.

Подобная ситуация происходит в Норильске: в 2006 г. в нем проживало 213 000 человек, а в 2016-м — лишь 177 000 человек. Весь город пестрит плакатами, предлагающими жилье в Санкт-Петербурге, в Москве и т.д. Соответственно, жители активно откликаются на эти предложения, продают свое жилье за достаточно небольшие суммы и переезжают в столицу и другие крупные города.

Сложная экономическая ситуация в городе Иваново, который традиционно известен в России как город невест. В результате кризиса и негативной демографической ситуации за последние годы в нем закрылись 14 крупнейших предприятий, которые олицетворяли собой отечественную легкую промышленность.

Помимо очевидных экономических факторов, существенную роль в негативную демографическую ситуацию внесли также элементы пропаганды западных ценностей, транслируемые на телевидении и в интернете. Они коренным образом меняют подход россиян к планированию собственной жизни в целом и рождению потомства в частности.

Так, в одном из известных западных сериалов постоянно утверждается, что женщина в активной фазе своей жизни должна быть нацелена прежде всего на создание карьеры. Вопросы брака и рождения детей при этом относятся на более поздний период. Возможно, для западного мышления, для западной цивилизации такой подход приемлем. Более того, не надо забывать, что там совершенно другой уровень развития медицины и социальной сферы. Для России, по моему глубокому убеждению, подобный подход неприемлем. У нас на Руси всегда были другие ценности, которые были связаны прежде всего с тем, что женщина — это мать, это духовная основа нашего общества и хранительница домашнего очага. И мы должны приложить все усилия, чтобы в том числе через средства массовой информации прививать нашему обществу здоровые и естественные для него семейные ценности. В противном случае демографическая ситуация в России будет ухудшаться.

Следующий вопрос, который хотел бы рассмотреть, связан с безработицей. Статистика говорит о том, что доля безработицы в России составляет 5,2%, в количественном выражении это 3,9 млн человек. При этом среди молодежи, то есть молодых людей в возрасте до 25 лет, этот показатель держится на уровне 20,6%. Это, по всей видимости, не отражает реальную картину, потому что в основу методологии положена информация из государственных служб

занятости и международной организации труда на основе соцопросов. Понятно, что подобные опросы затрагивают преимущественно крупные города. При этом в деревни, села и небольшие города специалисты из этой организации или Министерства труда вряд ли будут наносить визиты. И поэтому реальная ситуация, конечно, несколько хуже.

Если отойти от официальных цифр, то все мы видим, что реальный уровень безработицы гораздо выше. Десятками закрываются коммерческие компании, предприятия в сфере торговли и услуг, компании в области сервиса и подобные им организации. Более того, согласно докладу Игоря Шувалова на совещании Правительства, в настоящее время существует высокая степень вероятности банкротства порядка 100 градообразующих предприятий в так называемых моногородах. Речь здесь идет о тех заводах, которые не были своевременно модернизированы и, как это сегодня принято говорить, «не вписались в рынок». Хотя, на мой взгляд, их закрытие нанесет серьезный урон нашей промышленной системе, и правительство в данном случае обязано оказать им необходимую экономическую поддержку.

Что касается права на труд, которое записано в нашей Конституции. Была принята программа «Деловой России» — это 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г. Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день данный показатель составляет 17 млн рабочих мест. При этом критерий оценки, что считать высокопроизводительным рабочим местом, до конца не определен, и поэтому на сегодняшний день высокопроизводительное рабочее место оценивается с точки зрения заработной платы, уровня заработной платы. Но ведь мы понимаем, что уровень заработной платы, значит, зарабатывая 50 000 рублей, а производя продукции

на 40 000 рублей, — это не может являться высокопроизводительным рабочим местом.

Возникает справедливый вопрос: что мы как эксперты можем рекомендовать руководству государства в качестве решения столь масштабной проблемы? По моему мнению, сейчас Россия находится в определенной точке бифуркации. Экономика разбалансирована, реальная безработица действительно высока, а доступные ресурсы ограничены. Задача руководства государства — сформировать такую модель развития, которая позволит использовать эти ресурсы максимально эффективно. В 90-е гг., с распадом единой советской промышленной системы, ставка была сделана на сферы торговли и услуг. Как мы видим сегодня, этот фундамент был крайне слабым. С началом действительно серьезного кризиса он просто рассыпался, приведя к безработице миллионы россиян. Единственный прочный фундамент — это только промышленность, что было доказано опытом не только Советского Союза, но и других сверхдержав. Но не просто промышленность, а высокотехнологичное производство. И сейчас нам следует вспомнить этот урок истории и вспомнить то величие, которого благодаря индустриализации достиг Советский Союз. Но речь идет не о механическом повторении этого опыта, а о его возрождении на новом витке технологической эволюции, о реиндустриализации.

При этом мы не просто должны возрождать предприятия, а вовлечь в процесс реиндустриализации все российское общество. Именно в этом кроется решение проблемы столь высокой безработицы. Ранее в своем выступлении я приводил цифру доли безработных среди молодежи — более 20%. И здесь следует вспомнить опыт Советского Союза, в котором реальная безработица была действительно минималь-

на, и каждый, кто действительно хотел работать, всегда мог найти себе достойное место. В сложившейся ситуации необходимо создание постоянно действующих коммуникаций между предприятиями и учреждениями высшего и среднего профессионального образования. Это позволит не только обеспечить высокотехнологичные предприятия квалифицированными кадрами, но и позволит самим выпускникам получить надежную и устойчивую позицию. Как мы понимаем, надежность карьеры на предприятии неизмеримо выше, нежели карьера в коммерческой структуре, не обладающей серьезным запасом экономической прочности. Уже сегодня на национальном уровне необходима реализация единой программы организации комплексных стажировок для студентов с их постепенной профессиональной интеграцией в промышленную сферу.

Говоря об известной сегодня концепции «Университет 3.0», мы также не должны забывать о том, что у российских университетов есть достаточно развитый инновационный потенциал — различные разработки и инновационные технологии, которые при их внедрении в производство способны повысить конкурентоспособность нашей экономики. И здесь нам необходимо не только развивать взаимодействие предприятий с научными коллективами, но и выявлять талантливых студентов, уже в процессе обучения проявляющих высокую исследовательскую активность.

Рассматривая ситуацию, сложившуюся с профессиональной самореализацией представителей более возрастных слоев населения, мне бы хотелось обратить внимание на значительное число талантливых инженеров, которые оказались невостребованными в 90-х гг. в результате распада сотен предприятий. Их опыт также следует использо-

вать в рамках кадрового обеспечения высокотехнологичных предприятий.

Еще одна важная ниша, развитие которой поможет снизить уровень безработицы, — создание необходимой для предприятия организационной инфраструктуры: сервисных, консалтинговых, торговых и иных организаций, которые позволят повысить эффективность постпродажного обслуживания потребителей, разрабатывать необходимые инструменты его структурного и рыночного развития, формировать каналы сбыта продукции и т.д.

В качестве резюме я могу сказать, что вовлечение в реализацию экономики широких слоев общества способно стать тем рычагом, который позволит реально и существенно сократить уровень сегодняшней безработицы. Для выпускников вузов, испытывающих большие сложности с трудоустройством, такой механизм станет возможностью для начала отличной карьеры на высокотехнологичных предприятиях. А для опытных инженеров, конструкторов, технологов, рабочих — возможностью снова вернуться в ту сферу, работе в которой они посвятили всю свою жизнь.

Библиографический список

1. Агарков А.П., Голов Р.С. Проектирование и формирование инновационных промышленных кластеров. — М.: ИТК «Дашков и К», 2016. — 288 с.
2. Агарков А.П., Голов Р.С. Управление инновационной деятельностью — М.: ИТК «Дашков и К», 2015. — 208 с.
3. Голов Р.С., Мыльник А.В. Инновационно-синергетическое развитие промышленных организаций (теория и методология). — М.: ИТК «Дашков и Ко», 2011. — 420 с.

4. Голов Р.С., Мыльник А.В. Теоретические основы формирования инновационно-синергетических промышленных кластеров // Экономика и управление в машиностроении. 2012. № 3. С. 26–29.
5. Голов Р.С., Мыльник А.В. Концептуальные основы формирования инновационно-инвестиционных кластерных сред в условиях модернизации экономики // Экономика и управление в машиностроении. 2014. № 1. С. 32–38.
6. Голов Р.С., Мыльник А.В. Системная реиндустриализация экономики: существующие предпосылки и оптимальные пути ее реализации // Экономика и управление в машиностроении. 2017. № 1. С. 5–11.
7. Жузе В.Б., Голов Р.С., Теплышев В.Ю. Концептуальные основы инновационного развития и модернизации системы муниципального теплоснабжения (на примере Рязанской области). — Ухта: Ухтинский государственный технический университет. 2007. — 256 с.
8. Коробенков А.Б. Цифровая система управления производством — важный шаг к «Индустрии 4.0» // Технологии в электронной промышленности. 2016. № 7. С. 50–52.
9. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики. М.: Университетская книга; Логос. 2008. 328 с.
10. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. — М.: Альпина Бизнес Букс. 2007. — 454 с.
11. Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. — М.: Поколение, 2007. — 336 с.

ВЫСОКО- ТЕХНОЛОГИЧНЫЕ РАБОЧИЕ МЕСТА: МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ HIGH-TECH JOBS: HOW TO STIMULATE THEIR GROWTH

М.В. ЕРШОВ

Член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н.

M.V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, managing director for financial research of the Institute for energy and finance, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Dr.Sc.Econ.

А.С. ТАНАСОВА

Заместитель руководителя департамента финансового анализа Института энергетики и финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, к.э.н.

A.S. TANASOVA

Deputy Head of the Financial Analysis
Department, Institute of Energy and Finance,
Financial University under the Government of
the Russian Federation, Ph.D.

АННОТАЦИЯ

Для укрепления конкурных позиций России в быстроменяющейся технологической среде необходимо комплексное использование всех механизмов и рычагов, которые бы способствовали созданию высокопроизводительных рабочих мест. Вопросам достижения этих целей посвящается статья.

ABSTRACT

To enhance the role of Russia in the rapid changing high-tech environment, it's necessary to implement all the possible complex of instruments and measures to create more jobs in this sphere. The article analyses some measures that could be used in Russia for this aim.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инфляция, федеральный бюджет, дефицит бюджета, процентные ставки.

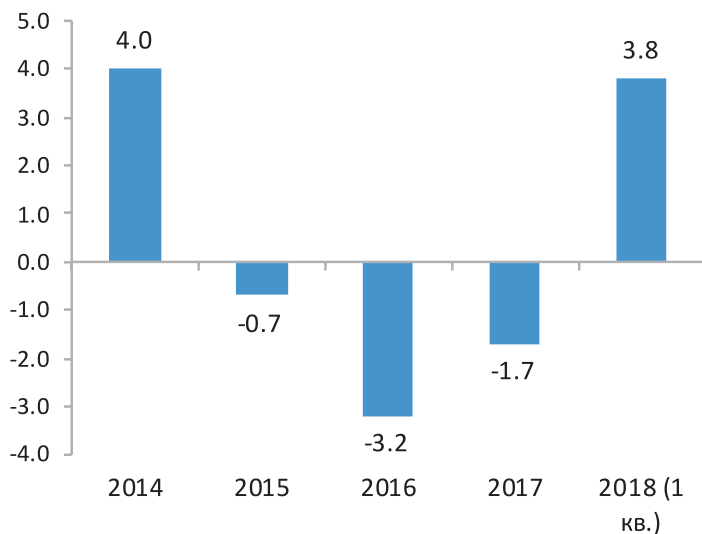
KEY WORDS

Inflation, federal budget, budget deficit, interest rate.

Проблемы народонаселения и весь комплекс вопросов, связанных с ними, — рост рождаемости, продолжительность уровня жизни, проблемы образования, квалификации и др. — в большой степени зависят от экономических условий, которые формируют данную среду. Здесь, в свою очередь, важную роль играют такие ключевые элементы экономической политики, как денежно-кредитная, бюджетная, валютная, которые задают рамки успешного развития обозначенных проблем.

Между тем в ближайшие годы (2018–2020 гг.) расходы из федерального бюджета РФ на социальное развитие, здравоохранение, медицину планируется сокращать.

При этом динамика реальных располагаемых доходов населения три года подряд демонстрировала негативную тенденцию, ситуация стала несколько улучшаться лишь в последний период (рис. 1). Однако рост доходов не привел к соответствующему увеличению торговли, т.к. средства в значительной степени были направлены либо на уменьшение долговых проблем, либо на пополнение сбережений.

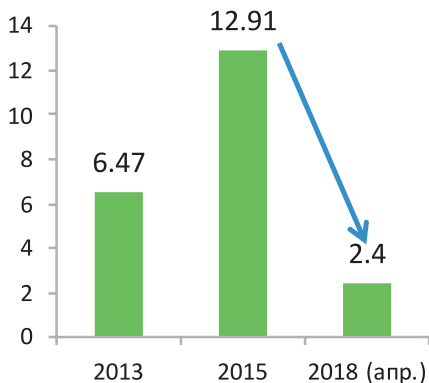

Рис. 1. Реальные располагаемые доходы населения, г/г, %

Источник: Росстат.

Действительно, инфляция в России достигла исторических минимумов и с 2015 г. снизилась в пять раз (рис. 2). Безусловно, это в том числе является результатом деятельности

Банка России и имеет положительное значение для российской экономики. Однако низкий уровень инфляции в настоящее время обусловлен также низким внутренним спросом, а также рядом других факторов.

Рис. 2. Инфляция в РФ, г/г, %

Источник: Росстат.

Кроме того, абсолютный уровень цен к настоящему моменту установился на таком уровне, который все равно делает многие товары недоступными для населения (по сравнению с ситуацией, когда курс доллара был равен 30 руб.) (табл. 1).

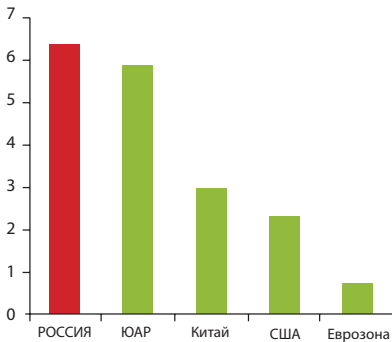
Таблица 1

Рост уровня цен за период 2014–2017 гг. по ряду товаров, %

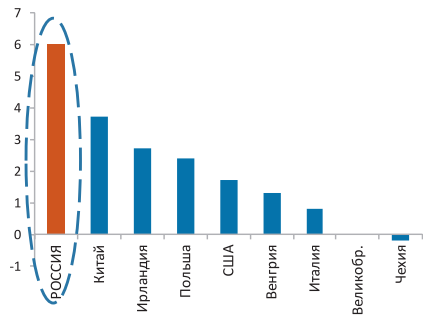
Потребительские товары (в целом)	35
Табачные изделия	90
Рыба и морепродукты	55
Масло сливочное	75
Продовольственные товары (в целом)	40

Источник: ЦБ РФ, Росстат, аналитический центр при Правительстве РФ.

Очевидно, все это ведет к сдерживанию развития внутреннего спроса, который, по идее, должен быть одним из факторов, которые влияют на развитие бизнеса. Поэтому фактор внутреннего спроса как устойчивого рычага экономического роста нивелируется. Ограничивающим фактором роста внутреннего спроса являются также высокие процентные ставки. Хотя их уровень и снижается вслед за ключевой ставкой Банка России, они по-прежнему выше, чем в других странах. Причем это касается ставок и по кредитам банков для нефинансовых организаций, и по ипотечным кредитам (рис. 3, 4). Ставки также сохраняются на уровне выше рентабельности многих отраслей (так, при средней ставке 12% годовых рентабельность обрабатывающих производств составляет около 4%).

Рис. 3. Реальные ставки по кредитам нефинансовому сектору, %

Рис. 4. Реальные ставки по ипотечным кредитам, %

Источник: центральные банки соответствующих стран.

При неблагоприятных условиях на внутренних финансовых рынках и ограничениях внешнего дешевого фондирования в связи с антироссийскими санкциями бюджетные

ограничения, жесткие денежно-кредитные подходы, курсовая политика создают неблагоприятную среду, тормозящую эффективное решение ставящихся задач. Еще в 2016 г. Мировой банк отмечал: в России «жесткая фискальная и денежно-кредитная политика давят на экономический рост» (июнь 2016).

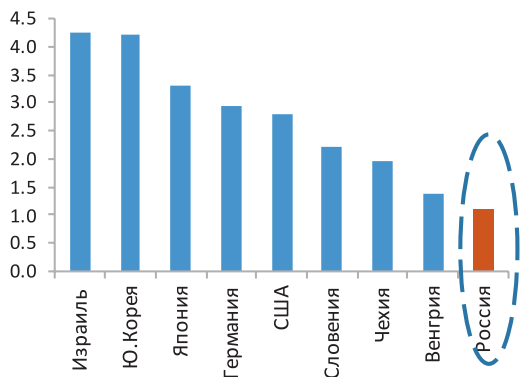
Для поддержания внутреннего спроса и стимулирования его роста необходимо повышение уровня и качества жизни населения, в т.ч. посредством диверсификации экономики и создания высокопроизводительных рабочих мест. В условиях стагнации инвестиций в экономике, ограниченности внешнего дешевого фондирования, высоких процентных ставок очень важны стимулирующие рычаги со стороны регуляторов. В этой связи необходимо устойчиво финансируемые программы по поддержанию высокотехнологичных производств, поскольку они дают высокий результат на каждый инвестируемый рубль. Это должно заложить устойчивые основы развития и повышения благосостояния населения.

Однако расходы на исследования и разработки в России существенно ниже не только развитых передовых стран, но и ряда развивающихся (рис. 5).

Повышение объемов финансирования вложений в НИ-ОКР, в свою очередь, предполагает использование возможностей бюджета.

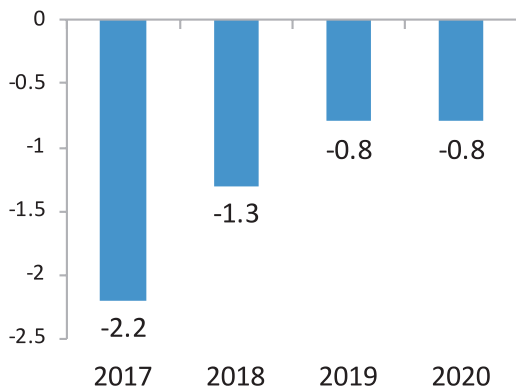
Между тем дефицит федерального бюджета РФ планируется постепенно сокращать (рис. 6), что по сути означает изъятие средств из экономики и может затормозить ее рост.

Отметим, что у Правительства и в финансовом секторе сконцентрированы определенные ресурсы, которые могли бы быть направлены на развитие реального сектора.

Рис. 5. Расходы на исследования и разработки, % ВВП

Источник: НИУ ВШЭ.

Рис. 6. Дефицит федерального бюджета РФ, % ВВП

Источник: Минфин России.

Так что в банковском секторе сформировался структурный профицит ликвидности, это означает, что денежные ресурсы не направляются в экономику. При этом объемы профицита превышают 4 трлн руб., что почти в четыре раза больше, чем годовые вложения в исследования и разработки в РФ.

В Федеральном бюджете на 2018 г. уровень нефтяных цен заложен в размере 40 долл./баррель, при этом средняя цена нефти, по прогнозам, составит около 60 долл./баррель. Доходы бюджета при цене нефти сверх 40 долл./баррель изымаются, согласно бюджетному правилу, в суверенные фонды. Другими словами, деньги, которые могли бы быть направлены на реализацию новых проектов, практически изымаются из экономики. В 2018 г. при средней цене нефти в 60 долл./баррель из экономики будут изъяты почти 3 трлн руб.

При этом по мировому опыту тщательно контролируемый и умеренный дефицит бюджета может быть важнейшим рычагом экономического роста. Политика бюджетного дефицита широко применяется в развитых странах. Так, за период 1975–2017 гг. (т.е. за 43 года) бюджетный дефицит наблюдался большую часть времени (табл. 2).

Таблица 2

Количество лет с дефицитом бюджета за период 1975–2017 гг. в ряде стран

	Количество лет дефицита	Объем накопленного дефицита	Прирост ВВП (номинальный)
США, трлн долл.	39	13,5	17,7
Япония, трлн иен	39	817	398

Источник: рассчитано на основе национальной статистики.

В Японии прирост ВВП ниже объема дефицита, но, хотя формально рост экономики был относительно небольшим, с учетом масштабных системных проблем, с которыми сталкивалась японская экономика в течение многих лет, можно предположить, что при отсутствии мощной бюджетной под-

держки в японской экономике наблюдался бы более глубокий долгосрочный спад.

Кроме того, возможно **использование новых механизмов и подходов**, которые позволят решить задачи финансирования приоритетных направлений развития. Механизмы направления финансовых ресурсов как в регионы, так и в приоритетные отрасли (в первую очередь, наукоемкие) эффективно применяются в развитых странах. Например, ЕЦБ для стимулирования роста приоритетных отраслей даже ввел отрицательные ставки (лето 2016 г.), предполагающие, что банки, которые взяли средства через рефинансирование и направили их на приоритетные цели, при возврате средств в ЕЦБ получают платеж от регулятора.

В США действует «Закон о региональных реинвестициях» (Community Reinvestment Act), который направлен на стимулирование инвестиций бизнеса в региональные и отраслевые проекты, причем в первую очередь — в программы с невысокой эффективностью (в т.ч. наукоемкие). Контроль за реализацией данного закона осуществляют ФРС и Минфин США.

Применение похожих подходов в России требует тщательного и взвешенного анализа и в случае реализации может иметь положительные результаты для развития экономики.

Образованные и обеспеченные люди являются залогом роста экономики, а также важнейшим фактором социальной стабильности. И чем эффективнее будут функционировать механизмы, направленные на достижение целей повышения качества и уровня жизни населения, тем более динамичной будет роль человеческого фактора в создании устойчивого, прогрессивного и гармоничного развития страны.

**О СОЦИОМЕДИЦИНСКИХ
ФАКТОРАХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
И БЕЗОПАСНОСТИ**
**SOCIO-MEDICAL FACTORS
OF DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT
AND SECURITY**

А.Е. ГОРОДЕЦКИЙ

Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор

A.E. GORODETSKY

Member of the Board of VEO of Russia, head of the scientific direction «Institutes of Modern Economics and Innovative Development» of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены долговременные тренды демографического развития России в контексте вызовов социально-экономического развития, становления нового индустриализма, цифровой экономики, ноосферной цивилизации, формирования человека, соответствующего новым общественным потребностям и экономическим вызовам, новой экономике. Обосновано, что преодоление негативных последствий демографического наследия требует комплекса мер по созданию благоприятного демографического климата, смены многих стереотипов мышления в экономической/социальной политике, стратегии институциональных реформ, обновления цивилизационно-культурной, идеологической, политической и др. парадигм. В системе фундаментальных причин выделяются социо-медицинские. Анализируются современные векторы развития и состояние национального здравоохранения. Предложены меры по его совершенствованию.

ABSTRACT

The long-term trends of Russia's demographic development in the context of the challenges of social and economic development, the emergence of a new industrialism, the digital economy, the noospheric civilization, the formation of a person appropriate to the new social needs and economic challenges, the new economy are considered. It is argued that overcoming the negative consequences of the demographic heritage requires a set of measures to create a favorable demographic climate, to change many stereotypes of thinking in economic / social policy, strategy of institutional reforms, upgrade the civilizational, cultural, ideological, political, and others. paradigms. In the system of fundamental causes, socio-medical are distinguished. The modern vectors of development and the state of national health are analyzed. Measures have been proposed to improve it.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Демографический потенциал, долговременные тренды в демографической динамике, демографические переходы и демографические кризисы, их содержание и периодизация, меры политики и стимулирования в реализации целей и приоритетов демографического развития, благоприятный демографический климат, реформы здравоохранения и их последствия, вызовы и угрозы в сфере здравоохранения, меры по совершенствованию политики и управления системой здравоохранения.

KEYWORDS

Demographic potential, long-term trends in demographic dynamics, demographic transitions and demographic crises, their content and periodization, policies and incentives for realizing the goals and priorities of demographic development, favorable demographic climate, health reforms and their consequences, challenges and threats in the health sector, measures on improving the policy and management of the health system.

О ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Демографический потенциал страны является ресурсом экономического роста, важной характеристикой человеческого, интеллектуального, социального капитала общества, фундаментальной предпосылкой, условием, фактором развития и безопасности экономики.

Суть проблемы кратко сводится к тому, каковы основные тренды демографической динамики, как будет выглядеть демографический портрет России в будущем, каков желательный сценарий развития демографической ситуации и от чего все это зависит.

В идеале, конечно, всем нам хотелось бы думать, что в будущем ноосферном обществе, цифровой экономике, царстве социальной справедливости сформируется и соответствующий тип человека — гармоничного, всесторонне развитого, креативного во всех отношениях. Это относится и к физической культуре человека: здоровый человек со здоровой генетикой, свободный от угроз заболевания тяжелыми и легкими недугами, от эпидемий и пандемий. Человек, воплощающий в себе идеал физической красоты и мощи, активного долголетия, достаточной репродуктивной силы, чтобы воспроизводить и развивать самого себя.

Можно ли рассчитывать, что наши благие пожелания могут осуществиться в перспективах демографического развития России в двадцать первом веке, почти четверть которого уже позади? Все ли страна, государство делает для того, чтобы последствия демографических перипетий, которые СССР, Россия пережили в бурном двадцатом, были преодолены в новом столетии? Будет ли сформирован тот тип человека, на который возлягут миссия и нагрузки смены исторических эпох и современного миропорядка, новых промышленных революций, рождения новых технологических укладов и становления «ноономики» (С.Д. Бодрунов)? Это огромный исторический вызов и главный вопрос российского бытия (типа «быть или не быть»).

Мы все находимся под впечатлением от выступления уважаемого профессора Антонова, и я в некотором роде склонен разделять его пессимизм. И в силу рациональных, научных аргументов, и в силу просто здравого смысла.

Россия получила очень тяжелое демографическое наследие. Профессиональные демографы считают, что СССР

пережил два демографических перехода¹ (смена социально-экономического строя в 1917 г. и глубокие социально-экономические преобразования, капитальные социально-демографические сдвиги начиная с начала 30-х гг.; реставрация капитализма в 1992–2018 гг., трансформационный кризис 90-х, глобальный экономический кризис в 2008–2011 гг., последующая стагнация вплоть до 2018 г.) Кроме того, ряд демографов считают, что страна пережила четыре демографических кризиса (мировая война 1914–1918 гг.; революция и гражданская война; коллективизация и индустриализация 30-х гг., голод, политические репрессии 30-х, военные конфликты на Дальнем Востоке и советско-финская война; Великая Отечественная война и послевоенное восстановление; времена хрущевской оттепели), которые сочетались с этими демографическими переходами.

Отметим, что в Великой Отечественной войне страна понесла колоссальные демографические потери. Но надо сказать, что даже в условиях падения демографического роста уже к 60-м гг. страна все-таки сумела прирасти демографи-

¹ В демографической науке для обозначения коренных изменений в процессе воспроизводства населения применяются понятия «демографическая революция» и «демографический переход». Первое из них было введено в научное обращение в 1934 г. французским демографом А. Ландри (1909–1934), второе — в 1945 г. американским демографом Ф. Ноутстайном (1902–1983). Демографическим переходом принято называть смену типов воспроизводства населения.. Теория демографического перехода, по Ф. Ноутстайну, связывает особенности демографической ситуации с экономическим ростом и социальным прогрессом в зависимости от стадий демографического развития, которые страны и регионы проходят в разное время. См. Landry A. et al. *Traite de demographie*. P.: Payot, 1945. Notestein F. W. *Population: the long view // Food for the World / Ed. by W. Schultz*. — Chicago, 1945. P. 103–112.

См. также: Капица С.П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста человечества. — М., 1999; Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. — М., 1982. С. 29. Там же, с. 184; Борисов В.А. Перспективы рождаемости. — М.: Статистика, 1976; Антонов А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // *Детность семьи: вчера, сегодня, завтра*. — М.: Мысль, 1986. Антонов А.И. Социология рождаемости. — М.: Статистика, 1980. С. 112.

чески на 25 миллионов. И это было связано с тем, что даже при таком масштабе потерь проводимая активная системная социальная и демографическая политика страны позволила обеспечить рост численности населения.

Годы хрущевской «оттепели» принято считать очередным демографическим кризисом. Но здесь присутствуют и черты третьего (не по порядку, а по счету, по порядку он второй) демографического перехода. При Н.С. Хрущеве страна начала развиваться в направлении потребительского общества, она стала более открытой, в том числе и подверженной зарубежным образцам массовой культуры, нормам морали и нравственности, стереотипам образа жизни. Начиналось это, конечно, с элит, но через культурные образцы транслировалось и в массы. Народ стал жить лучше, и это в совокупности через демо-экономические факторы не могло не повлиять на репродуктивные мотивации людей.

Но повлияли и зигзаги политического курса времен «оттепели». Они аукнулись политическими репрессиями в ответ на неудачи во внутренней политике (расстрелы в Новочеркасске и Тбилиси); кукурузными авантюрами и реальным продовольственным кризисом, вызвавшим необходимость массированных закупок канадской пшеницы; разваленным непродуманными реформами государственным управлением, авантюрным проектом построения коммунизма к 80-м гг. (XX века); засеванием украинских черноземов полностью реабилитированными бандеровцами и отменой для них запретов на профессии (службу в партийных и советских аппаратах); венгерским восстанием 1956 г., где хороводили реабилитированные и возвращенные на родину венгерские военнопленные — участники военных действий на Восточном фронте. В этом же ряду стояли Суэцкий, Бер-

линский и Карибский кризисы, поставившие страну на грань новой мировой войны, испорченные отношения с Китаем и череда военных конфликтов на дальневосточной границе. Эта полоса идеологической, политической и экономической постсталинской «ломки» и нестабильности предвещали переход к суженному режиму воспроизводства населения, при котором краткий период повышательных тенденций в росте суммарного коэффициента рождаемости вновь сменился его падением.

Третьему демографическому переходу, связанному с реставрацией капитализма в России и трансформационным кризисом, предшествовал полномасштабный демографический кризис, начавшийся в конце 80-х гг. и сопровождавший нарастающий кризис экономической и политической системы СССР, перешедший в его роспуск со всеми экономическими, политическими и социально-демографическими последствиями этой геополитической катастрофы.

В целом, с 1925 по 2000 гг. суммарный коэффициент рождаемости в России снизился с 6,80 до 1,21 ребенка на одну женщину.

Среди демографов бытует также мнение, что существует реальная угроза вспышки нового кризиса, поскольку фундаментальные причины трансформационного кризиса, глобального экономического кризиса не преодолены. Не случайно среди специалистов очень сильны пессимистические настроения. Насколько вероятно, что рост численности населения в России продолжится и выйдет на исторический максимум 1993 г. (148,6 млн человек)?

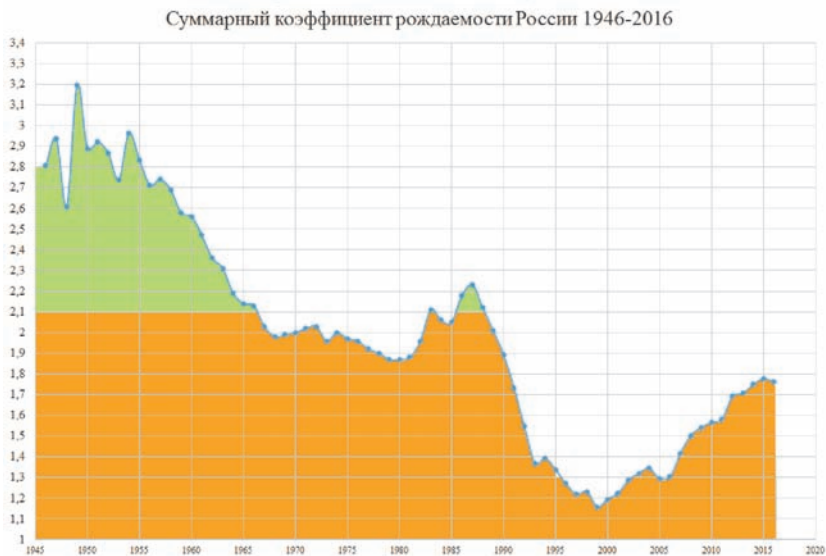
Так, по свидетельству Н. Хвьяля-Олинтер, прогнозирование показывает, что из 36 возможных сценариев с точки зрения изменения численности населения (с учетом мигра-

ционного фактора) только девять оказались позитивными, позволяющими рассчитывать на рост населения до 145 млн человек и более. Только два из них допускают возможность увеличения численности населения свыше 150 млн человек (но в них высокая рождаемость и продолжительность жизни сочетается с наиболее высоким уровнем миграции). Согласно 12 сценариям, численность населения стабилизируется в пределах от 140 до 145 млн, и 15 прогнозов являются пессимистичными, показывающими снижение численности граждан ниже 140 млн, а по худшему из них — до 128 млн человек.

Только один прогноз дальнейшего изменения численности населения России из четырех является позитивным. Однако

и он в значительной степени основан на ожидаемом миграционном приросте, что вряд ли можно назвать действительно выигрышной ситуацией, так как высокая миграция качественно меняет этнический (и не только) состав населения страны.

Это тяжелое наследие заставляет нас думать и искать пути выхода и сценарии преодоления такой ситуации.

Попытки отдельными мерами (типа материнского капитала) исправить долговременные тенденции могут в лучшем случае дать лишь краткосрочный результат. Вообще, вера в «стимулы» устойчиво сохраняется у нас еще с советских времен, когда вместо серьезных реформ мы пытались найти заветные наилучшие показатели и стимулы, которые бы решали все проблемы разом. Это и тогда не помогло, и сейчас, скорее всего, даст тот же результат.

На наш взгляд, нужны системные меры, которые создают долговременный устойчивый *благоприятный демографический климат*, дают уверенность в завтрашнем дне, нормализуют отношения власти и общества, основанные на доверии и постоянном диалоге, способствуют преодолению глубокой социально-экономической дифференциации, разрывов в уровнях и образе жизни, достижению материального достатка, формированию на долгосрочной основе комфортных условий жизни граждан.

Нужно решительное преодоление рыночного фундаментализма в подходе к институциональным реформам, прежде всего, затрагивающим основы социальной инфраструктуры и политики. Когда люди вынуждены в первую очередь думать о хлебе насущном и крыше над головой, они меньше всего думают о вечном и будущем. Они не склонны создавать многодетные семьи, они не в состоянии вкладывать в будущее детей, откладывая на собственную старость. И уж конечно, переломить почти вековой тренд к устойчивому ухудшению воспроизводства населения можно только на основе принципиально иного экономического и демографического мышления, в иной цивилизационно-культурной, идеологической и политической парадигме.

Характерно, что сегодня на кризисные тенденции в демографической ситуации негативное воздействие оказывает вся совокупность факторов — демоэкономические, социально-экономические, социо-медицинские, социально-этические, информационные. В данном случае хотелось бы остановиться на *социо-медицинских факторах, которые сегодня оказывают глубоко противоречивое влияние на демографические процессы.*

2. О РЕФОРМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Система здравоохранения, доставшаяся Российской Федерации в наследство от СССР, претерпела фундаментальные изменения, пройдя через разрушительные изменения кризисных 90-х и болезненные реформы первого десятилетия 2000-х гг. Они непосредственно сказывались и продолжают сказываться на здоровье наших граждан, молодого поколения, на демографической динамике в целом. Переменные успехи вплоть до 2014 г. давали некоторые основания для оптимистических оценок реформ, в основном их авторами и исполнителями. Но здесь необходим взвешенный и объективный подход.

1. Анализ и государственной, и ведомственных стратегий развития здравоохранения свидетельствует, что значительный массив оценок его современного состояния осуществляется с выявлением только положительных результатов и тенденций без проведения системного и всестороннего анализа состояния здоровья населения страны и системы здравоохранения.

Очевидно, и об этом свидетельствует статистические данные, что реформа здравоохранения, как и других секторов социально-экономической инфраструктуры, пошла несколько не туда.

Исходный принцип и курс на развитие рынка медицинских услуг, по сути, проигнорировали теоретические взгляды на эти виды деятельности как на «общественные блага». Именно из этих понятий сформировались соответствующие практики в рамках моделей регулирующего и социального государства в странах — лидерах общественно-экономического прогресса. Эти социальные практики не поколеба-

ли даже неоконсервативные революции последней трети XX века, хотя дерегулирование и деэтизация оказали определенное воздействие. Коммерциализация услуг здравоохранения в русле расширения поля рыночных форм привела к опережающему росту (как легитимному, так и теневому) платных медицинских услуг, сдаче лидерских позиций бывшего советского здравоохранения. Подорваны ресурсная, научная, научно-технологическая, организационная, финансовая, фармакологическая, кадровая базы российской медицины. На старте рыночных реформ критически ухудшилось медицинское обслуживание населения.

Конечно, сегодня можно наблюдать некоторые положительные тенденции. Но при этом надо ясно понимать, что эти тенденции стали результатом не только и не столько институциональных реформ 2000-х гг., сколько серьезных корректив в стратегиях развития социально-экономической инфраструктуры и запуска системы национальных стратегических проектов, которые в существенной мере скорректировали неолиберальные модели реформы здравоохранения. Важную роль сыграли личные социальные инициативы Президента РФ, направленные как на нейтрализацию наиболее негативных последствий радикальных реформ, так и на стимулирование повышения качества российской медицины, улучшение демографической ситуации в стране, возрождение институтов физической культуры, детского и юношеского спорта.

И тем не менее Россия по уровню затрат на здравоохранение в лучшем случае вписывается в группу стран, входящих в БРИКС. Затраты государственного бюджета и инвестиции периодически неустойчиво растут, но, по большому счету, стагнируют. Государственная (бесплатная) медицина про-

игрывает конкуренцию частной медицине, специалисты уходят в частные клиники. В структуре государственно-частного партнерства государство утрачивает свои функции и рычаги воздействия на частный медицинский бизнес, ограничение сферы платных услуг и рост цен на услуг.

Оценки, сделанные Счетной палатой РФ, еще более драматичны. Счетная палата констатировала *полный развал медицины в России*.

Материально-техническая база российской системы здравоохранения деградирует, а состояние инфраструктуры в медицинских учреждениях страны не соответствует современным требованиям. Об этом в интервью «Ведомостям» сообщила глава Счетной палаты Т. Голикова. По фактам: износ основных фондов — оборудования и инфраструктуры — в сфере здравоохранения и социального обслуживания населения в среднем по стране превысил 56%.

«Статистика за 2016 г. говорит о том, что у 31% медицинских организаций нет водопровода, у 35,5% — нет канализации, у 40,5% — нет центрального отопления». Каждый третий рентгеновский аппарат в российских клиниках работает уже больше 10 лет и нуждается в замене. То же касается 24,6% аппаратов УЗИ и 52,7% оборудования для лабораторной диагностики. «Кoeffициент обновления на низком уровне и последние три года снижается. Уменьшаются средства на оборудование, капитальные ремонты, что приводит к несоответствию современным требованиям инфраструктуры». В проекте федерального бюджета — 2018, принятом Госдумой в ноябре, на здравоохранение заложено 460 млрд руб — в 11 раз меньше (!), чем на армию и полицию (5 трлн руб.), и втрое меньше, чем на расходы на содержание аппарата чиновников и органов госвласти (1,23 трлн руб.). По срав-

нению с прошлым годом медицинские расходы увеличатся всего на 6 млрд руб., или на 1,3%, что меньше даже официальной инфляции, которую Росстат на октябрь оценивал в 2,4%. «Сохранение существующих расходных приоритетов еще больше отдалит Россию от развитых стран и приблизит ее к государствам третьего мира», — предупреждают эксперты².

В сфере образования формируются диспропорции между направлениями и специальностями медицинской подготовки, поскольку приоритетными являются специальности, сулящие сравнительно повышенные доходы в будущем. Упразднена интернатура, что деформировало профессиональную подготовку врачей. При этом ординатура, как правило, становится платной. Поскольку интернатура/ординатура являются необходимым фактором трудоустройства врачей, выпускников медицинских вузов в условиях упразднения интернатуры принуждают либо к платному образованию, либо к перемене профессии. Возникают деформации и искусственные ограничения в подготовке узкопрофильных специалистов, их дефицит в поликлиниках, в том числе по причине оттока в коммерческую медицину. Разбухает сфера платного образования, много вопросов по

² Голикова: в 40% российских медучреждений нет центрального отопления. [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://vademec.ru/news/2017/11/30/golikova-v-40-5-rossiyskikh-meduchrezhdeniy-net-tsentralnogo-otopleniya/> ; <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2017/11/29/743589-mi-korim>]; Счетная палата констатировала развал медицины в России [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/schetnaya-palata-konstatirovala-razval-mediciny-v-rossii-1010050261>].

См. также: В России нарастает дефицит врачей. [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/v-rossii-narastaet-deficit-vrachey-1002095319>];

Российской медицине предсказали деградацию до уровней 1913 года. [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rossiyskoy-medicine-predskazali-degradatsiyu-do-urovney-1913-goda-1001906278>]; Правительство на 33% сокращает расходы на здравоохранение [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/pravitelstvo-na-33percent-sokrashchaet-raskhody-na-zdravookhranenie-1001452623>].

поводу качества, компетенций и профессиональной этики выпускников медицинских вузов.

Оптимизация учреждений здравоохранения усилила их дифференциацию по уровням подчинения (федеральные, региональные, муниципальные), по территориальному признаку (городские, сельские), банально стимулировала дефицит обслуживания, о чем свидетельствует статистика причин отказов от посещения поликлиник.

Экономические и организационные проблемы во многом объясняют, почему по ряду важных позиций стабильно растет заболеваемость населения Российской Федерации. В 1990 г. было выявлено 158,3 млн случаев³ заболевания населения, в 2000 г. — уже 191,3 млн случаев⁴, а в 2016 г. — 237 млн случаев⁵. По некоторым позициям есть и положительная динамика в виде снижения заболеваемости. Но по целому ряду опасных и социально значимых заболеваний опасные тенденции налицо. Причем оценки независимых экспертов носят более критический характер. Количество случаев заболеваний с 1990 по 2016 гг. увеличилось приблизительно на 49%. В частности, крайне быстрыми темпами растет заболеваемость злокачественными новообразованиями: в 2005 г. — 469,2 тыс. впервые выявленных случаев заболевания, а в 2016 г. — уже 599,3 тыс⁶. Число случаев выявления злокачественных новообразований увеличилось более чем на 100 тыс. за 11 лет.

В последние годы затраты россиян на платные услуги здравоохранения активно растут. Денежные расходы домашних хозяйств на медицинские услуги с 2000 по 2016 гг.

³ Здравоохранение в России. Стат. сб. / Госкомстат. М., 2001. С.56.

⁴ Здравоохранение в России. 2011 / Росстат. М., 2011. С.21.

⁵ Здравоохранение в России. 2017 / Росстат. М., 2017. С.29.

⁶ Здравоохранение в России. 2017 / Росстат. М., 2017. С.37.

существенно увеличились: со 143 руб.⁷ на человека до 2570,2 руб.⁸.

Возрастающее количество частных медицинских учреждений и одновременное сокращение количества государственных при увеличении числа россиян, имеющих доход ниже прожиточного минимума (с 15,4 млн человек⁹ в 2012 г. до 19,6 млн человек¹⁰ в 2016 г.), а также рост частных расходов на медицинские услуги указывают на то, что имеет место ограничение доступности услуг здравоохранения населению России.

С января 2014 г. в России реализуется масштабная оптимизация системы здравоохранения. Счетная палата РФ осуществила проверку реализации оптимизационных мероприятий. Преобразованию решено подвергнуть 952 медицинских учреждения, из них 472 — в 2015 г. Из 952 медицинских учреждений за 2014–2018 гг. планируется ликвидировать 41 медицинскую организацию, реорганизовать в филиалы 911 медицинских учреждений. В 2014 г. реформирование прошло 359 медицинских учреждений, из них было ликвидировано 26, а 330 были лишены самостоятельности. В процессе оптимизации до конца 2018 г. будут закрыты еще 15 медицинских учреждений и реорганизовано 581. Преимущественно это будут больницы и поликлиники. С 1 января 2014 г. до конца 2018 г. число больничных учреждений предполагается сократить на 11,2%, амбулаторно-поликлинических организаций — на 7,2%. Также с целью оптимизации до 2018 г. планируется закрыть фельдшерские

⁷ Здравоохранение в России. 2011 / Росстат. М. 2011. С.262.

⁸ Здравоохранение в России. 2017 / Росстат. М., 2017. С.140.

⁹ Российский статистический ежегодник. 2016 / Росстат. М. 2016. С. 137.

¹⁰ Российский статистический ежегодник. 2017 / Росстат. М. 2017. С. 140.

и фельдшерско-акушерские пункты, частично заменив их офисами врачей общей практики.

На 2015 г. в России 17,5 тыс. населенных пунктов не имеют медицинской инфраструктуры, из них более 11 тыс. находятся на расстоянии свыше 20 км от ближайшего медучреждения, где есть доктор. Кроме того, 879 малых населенных пунктов не прикреплены ни к одному фельдшерско-акушерскому пункту или офису врачей общей практики¹¹.

Одной из целей оптимизации нам называли сокращение административного аппарата. В итоге, когда объединили несколько поликлиник в поликлинические центры, то главврачи бывших поликлиник, а ныне филиалов, стали из главврачей просто руководителями этих филиалов. **Но 90 тыс. медработников в России были сокращены.** Какое отношение к сокращению администрации имеет увольнение медсестер, лаборантов, санитаров, людей, которые пахали в поликлиниках и больницах? А по какому принципу проходило объединение? Как выбирали из нескольких объединяющихся поликлиник ту, которая станет центром¹²?

Это приводит и к количественному, и к качественному снижению уровня медицинской помощи для граждан России.

2. Не проанализированы и не выявлены некоторые возникающие вызовы и угрозы для системы здравоохранения России.

Значительное ухудшение демографической ситуации становится одним из важнейших вызовов для России.

¹¹ Сайт Счетной палаты: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297.

¹² Ксения Кужман. Что на самом деле скрывается за реформами в здравоохранении?

[Электронный ресурс. Режим доступа: <https://boeingisback.com/zagovor/medicine.html>]. Этот же автор приводит точку зрения врачей, которые сильно сомневаются в приводимых министром здравоохранения В. Скворцовой данных о снижении смертности.

Рождаемость в России упала до минимума за последние десять лет.

Она резко снизилась в 2017 г.: на 10,9% по сравнению с 2016 г. Это следует из данных Росстата по естественному движению населения. Согласно докладу федеральной службы, в прошлом году родились 1,6899 млн россиян. Это на 203,4 тыс. меньше, чем в 2016 г., и сопоставимо лишь с 2007 г., когда родились 1,6101 млн граждан России. Таким образом, рождаемость достигла минимума за последние десять лет. Единственным регионом, которого не коснулся спад рождаемости, стала Чеченская Республика.

Отмечается, что убыль населения составила в 2017 г. 134,4 тыс. человек, хотя в 2016 г. отмечался прирост населения на 5,4 тыс. человек.

Министр здравоохранения В. Скворцова говорит, что, по сравнению с 2012–2017 гг. смертность по целому ряду сердечно-сосудистых заболеваний значительно снизилась. Однако врачи сомневаются в достоверности данных о снижении смертности. По мнению медиков, «играть» статистикой позволяют новые правила содержания пациентов в стационарах и оптимизация сети медицинских учреждений. Возможно, падает стационарная смертность потому, что сегодня очень много отказов в госпитализации, из-за чего выросла смертность на дому.

Ранее президент Владимир Путин заявил, что в России введут ежемесячные выплаты на рождение первенца для поддержки рождаемости. За три года на программу будет направлено 144,5 млрд руб. Социологи сообщали, что в стране зафиксировано появление феномена «чайлдфри»: за 12 лет доля сознательно отказавшихся от продолжения рода россиян увеличилась от 0 до 6%.

По данным Центра стратегических разработок, с 2015 г. в России сократилась и временная миграция. Легализованных иностранных работников, которые получили патенты и разрешения на работу, стало меньше почти на 50% по сравнению с 2014 г., отмечают аналитики. Это связали с потерей привлекательности российского рынка труда.

В России в ближайшие годы прогнозируется значительный спад рождаемости. На данный момент миграционный прирост превышает естественную убыль и позволяет не сокращаться численности населения, однако, по среднему варианту прогноза Росстата, уже к 2020 г. изменения численности населения примут отрицательные величины.

Таблица 1

Изменение численности населения страны до 2035 г. (прогноз)¹³

Годы	Средний вариант прогноза			
	Население на начало года	Изменения за год		
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
2018	146 859,7	116,0	-109,1	225,1
2019	146 975,7	21,7	-218,3	240,0
2020	146 997,4	-16,8	-269,7	252,9
2021	146 980,6	-46,4	-309,4	263,0
2022	146 934,2	-71,4	-341,4	270,0
2023	146 862,8	-91,4	-366,3	274,9
2024	146 771,4	-105,3	-384,2	278,9
2025	146 666,1	-118,0	-400,5	282,5
2026	146 548,1	-129,1	-414,6	285,5
2027	146 419,0	-133,0	-421,0	288,0
2028	146 286,0	-126,9	-416,8	289,9

¹³ Сайт Росстата: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.xls.

Годы	Средний вариант прогноза			
	Население на начало года	Изменения за год		
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
2029	146 159,1	-105,5	-397,1	291,6
2030	146 053,6	-87,9	-380,9	293,0
2031	145 965,7	-69,3	-363,8	294,5
2032	145 896,4	-46,8	-342,4	295,6
2033	145 849,6	-19,9	-316,4	296,5
2034	145 829,7	9,1	-288,4	297,5
2035	145 838,8	38,9	-259,1	298,0
2036	145 877,7			

В связи с этим возникает необходимость в повышении эффективности государственных программ, нацеленных на повышение рождаемости, в ускоренном развитии программ снижения младенческой смертности и программ улучшения здоровья населения страны с точки зрения сохранения и роста численности россиян, а главное, в увеличении финансирования этих программ.

Также вызовом для России и ее системы здравоохранения становится изменение возрастной структуры населения России. Обостряется проблема старения населения и снижения доли граждан, находящихся в трудоспособном возрасте. Ежегодно растет число лиц старше трудоспособного возраста — с 27 621 тыс. человек в 1990 г. до 36 685 тыс. человек в 2017 г. В процентном соотношении от всего населения также наблюдается стабильный рост — 18,7% в 1990 г. и 25% в 2017 г.

Таким образом, растет нагрузка на систему здравоохранения в связи с увеличением доли населения старше трудоспособного возраста. При этом сокращается доля граждан,

Таблица 2

Распределение населения России по возрастным группам (на 1 января)

	1990	1996	2002	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Все население	147 665	148 292	145 649	142 748	142 833	143 056	143 347	143 667	146 267	146804
Из общей численности — население в возрасте (тысяч человек):										
моложе трудо- способного	36 101	33 615	27 274	22 842	23 086	23 568	24 110	24 717	25 689	26895
трудоспособном	83 943	84 540	88 515	89 745	88 561	87 055	86 137	85 162	85 415	83224
старше трудо- способного	27 621	30 137	29 860	30 161	31 186	32 433	33 100	33 788	35 163	36685
Из общей численности — население в возрасте (в процентах):										
моложе трудо- способного	24,45	22,7	18,7	16	16,2	16,5	16,8	17,2	17,6	18,3
трудоспособном	56,85	57	60,8	62,9	62	60,8	60	59,3	58,4	56,7
старше трудо- способного	18,7	20,3	20,5	21,1	21,8	22,7	23,1	23,5	24	25

Расчитано по статистическим сборникам: Российский статистический ежегодник. 2012 / Росстат. М. 2012. С. 81.; Российский статистический ежегодник. 2013 / Росстат. М., 2013. С. 82.; Российский статистический ежегодник. 2014 / Росстат. М. 2014. С. 72.; Здравоохранение в России. 2015 / Росстат. М., 2015. С.18.; Здравоохранение в России. 2017 / Росстат. М., 2017. С. 18.

платящих налоги, расходующиеся на финансирование системы здравоохранения.

Нужно отметить и тот факт, что серьезной социальной угрозой является то, что здравоохранение становится фундаментальной частью проблемы огромного социально-экономического неравенства граждан России. Сопоставление элитной медицины для имущих (и власть имущих) с медициной для рядовых граждан страны, возможности получения медицинских услуг в лучших зарубежных клиниках в эксклюзивных ситуациях для элиты и простых людей разительны и не могут не вызывать раздражения, рискующего вылиться в определенных ситуациях в политические выводы и соответствующие действия. С этими угрозами нельзя не считаться и тем более недопустимо не принимать их во внимание при формировании новой Стратегии развития российского здравоохранения. Это вопрос не просто доступности медицинских услуг, это краеугольный вопрос развития человека и человеческого капитала, справедливого распределения общественных благ, гарантий человеческих и социальных прав российских граждан. Именно в этом аспекте имеет смысл рассматривать тему новой Стратегии в контексте национальной и экономической безопасности.

Необходимо всерьез поставить вопрос об экспансии и монопольных практиках на российских рынках лекарств и медицинской техники глобальных транснациональных и инациональных корпораций, порочных практиках монопольно высоких цен, контрафакте и фальсификате на российских рынках лекарств, теневом и криминальном бизнесе на здоровье российских граждан. Импортозамещение в этой области тесно взаимосвязано с поддержкой отечественного производителя, последовательной и жесткой политикой ан-

тимонопольного регулирования и контроля, государственного контроля и надзора, активной правоохранительной деятельности по профилактике и предупреждению правонарушений в этой сфере.

3. Стратегия развития системы здравоохранения должна являться элементом системы стратегического планирования развития Российской Федерации. Однако проект стратегии не учитывает в полной мере взаимосвязь целей, задач, механизмов реализации, ресурсов всей системы стратегического планирования, что могло бы в значительной степени повысить эффективность решения задач улучшения состояния здоровья населения России.

На наш взгляд, в сложившихся обстоятельствах приоритетными направлениями развития системы здравоохранения являются:

- 1) улучшение качества предоставления услуг здравоохранения и повышение уровня удовлетворенности населения системой здравоохранения;
- 2) расширение перечня услуг системы здравоохранения, гарантированных населению страны в качестве ключевых человеческих и социальных прав Конституцией и конституционным законодательством, в том числе в части высокотехнологичной медицинской помощи, а также льготного (бесплатного) медицинского и лекарственного обеспечения для социально уязвимых групп населения;
- 3) преодоление критического социального неравенства и несправедливости в области общественного здравоохранения. Создание надежных (правовых, социальных и экономических) институтов и механизмов обеспечения человеческих и социальных

прав граждан на получение медицинской помощи, развитие и умножение физической природы и возможностей современного человека. Сохранение и повышение уровня доступности услуг системы здравоохранения всем гражданам России. В условиях снижения реальных доходов населения и роста заболеваемости необходимо понимать, что снижение участия государства в сфере здравоохранения недопустимо. Необходимо установление разумного баланса между государственным и частным интересом в сфере здравоохранения. Государство обязано обеспечить общественно необходимый уровень и набор услуг системы здравоохранения каждому гражданину, вне зависимости от его финансовых возможностей;

- 4) развитие системы повышения квалификации медицинских работников, в том числе с помощью новейших информационных технологий. Очевидно, что необходимо перенастроить и скорректировать систему многоуровневого и многоступенчатого образования с учетом огромного и плодотворного советского опыта, традиций российского здравоохранения как важнейшей сферы публичной деятельности, ограничения коммерциализации медицинского образования, возрождения научно-исследовательской базы здравоохранения, особенно в части фундаментальных наук. Вследствие упразднения Академии медицинских наук необходимо искать и воссоздать новые, эффективные формы интеграции университетского образования и академической науки, в интересах как прорывных научных разработок, так и профес-

- сиональной подготовки высококвалифицированных и компетентных медицинских кадров;
- 5) повышение заработной платы сотрудников медицинских учреждений в строгой корреляции с эффективностью и ростом уровня квалификации. Повышение заработной платы работников системы здравоохранения должно происходить без одновременного сокращения или увеличения нагрузки, без манипуляций со ставками и численностью персонала;
  - 6) усовершенствование системы обязательного медицинского страхования, в том числе в части регулирования тарифов, повышения правовой защищенности граждан;
  - 7) внедрение и распространение форм и механизмов государственно-частного партнерства в деятельность системы здравоохранения. Рост эффективности использования государственно-частного партнерства в здравоохранении. Проекты государственно-частного партнерства должны создаваться с условием повышения доступности и качества предоставления медицинских услуг для населения России в результате их реализации. Государство обязано жестко контролировать приоритетность общественных интересов. Каждый проект ГЧП должен быть общественно полезным и оставаться доступным населению в рамках системы ОМС;
  - 8) улучшение состояния здоровья детей и подростков, повышение контроля за заболеваемостью у мужчин;
  - 9) пропаганда здорового образа жизни и профилактических обследований. Предотвратить болезнь легче,

чем лечить заболевшего. Несмотря на некоторые улучшения в этом направлении, предпринятые на данный момент меры недостаточны, о чем говорит растущая заболеваемость;

- 10) увеличение количества научных фундаментальных, поисковых и прикладных исследований в медицине. Интенсивное развитие медицинской науки, в том числе в сфере фармацевтики;
- 11) внедрение новейших технологий в деятельность системы здравоохранения, в том числе телемедицинских.

Развитие системы здравоохранения в данных направлениях возможно только в случае активной финансовой и инвестиционной политики российского государства, в русле приоритетов обновленной Стратегии развития здравоохранения, органично вписанной в систему государственного стратегического планирования, шире — общегосударственного стратегического контура управления долгосрочным социально-экономическим развитием страны.

Также необходимо понимать, что здоровье населения зависит не только от деятельности Министерства здравоохранения, это должна быть четкая, слаженная работа всего правительства с конечной целью высокого уровня качества жизни и здоровья россиян с помощью системы стратегического планирования.

Сегодня и демографическое развитие, и система здравоохранения в известном Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года заявлены в качестве важнейших национальных целей и приоритетных национальных проектов. В Указе отражены

многие вопросы, о которых выше шла речь. Многие — но не все. И проблема ставится в формате отдельных недостатков и необходимых коррективов, что недостаточно. В реформе здравоохранения были допущены системные, а не частные ошибки. Но, похоже, опять вместо системных решений будем искать «где взять деньги», а не найдя нужных сумм, либо повторим историю с выполнением майских (2012 г.) указов Президента РФ, либо найдем способ переложить бремя расходов на многострадальную медицину на население. Чего очень хотелось бы избежать.

Библиографический список

1. Антонов А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. — М.: Мысль, 1986.
2. Антонов А.И. Социология рождаемости. — М.: Статистика, 1980. С. 112.
3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. — М.: Статистика, 1976;
4. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. — М., 1982. С. 29. Там же, с. 184.
5. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Монография. В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. Под общей редакцией С.С. Сулакшина. 2-е изд. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007. — 600–664. 888 с.
6. Федеральная служба государственной статистики. Здравоохранение в России — 2017 г. Источник: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/Main.htm.
7. Демографический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1985; Народонаселение. Энциклопедический словарь. — М.: БРЭ, 1994.

8. Капица С.П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста человечества. — М., 1999.
9. Landry A. et al. Traite de demographie. P.: Payot, 1945.
10. Notestein F. W. Population: the long view // Food for the World / Ed. by W. Schultz. — Chicago, 1945. P. 103–112.
11. Population and Development United Nations Annotated Bibliography. — New York, 1992.

**ЦЕЛЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ
НА 2024 ГОД:
ПОМОЖЕТ ЛИ ОПЫТ
НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО
В ИХ ДОСТИЖЕНИИ?**
**TARGETS RUSSIA'S
DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT, 2024:
WILL RECENT EXPERIENCE
IN ACHIEVING THEM?**

В.В. ЕЛИЗАРОВ

Научный руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Экспертного Совета при Правительстве РФ, член Общественного Совета при Министерстве труда и социальной защиты РФ, к.э.н., доцент

V.V. ELIZAROV

The scientific leader of the Center for the Study of Population Problems of the Faculty of

Economics of Moscow State University named after MV Lomonosov. Lomonosova, Member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, Member of the Public Council under the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен опыт недавнего прошлого в определении и достижении целей демографического развития России. Анализируются стратегические документы (концепции, планы мер, постановления и указы), где были определены целевые демографические показатели. Показана динамика фактических показателей в сравнении с целевыми, что позволяет оценить реалистичность постановки целей и степень их достижения. Рассмотрены новые целевые показатели на период до 2024 года.

ABSTRACT

This article describes the experience of the recent past in defining and achieving the demographic development of Russia. Analyses the strategic documents (concept, action plans, orders and decrees) which identified demographic indicators. Dynamics of actual versus target, allowing to evaluate the realism of the setting of goals and the extent of their achievement. The article shows new demographic targets for the period until the year 2024.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Численность населения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, миграция, демографическая политика, демографические целевые показатели.

KEYWORDS

Population, fertility, mortality, life expectancy, migration, population policy, demographic targets.

В перечне поручений по реализации Послания Президента от 1 марта 2018 г., утвержденном Президентом 16 марта 2018 г., было предписано всего за 30 дней — к 15 апреля 2018 г. — разработать проект указа, в котором будут определены национальные цели развития России до 2024 г., включая «увеличение народонаселения (имеется в виду **численность** населения. — В. Е.), повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году, до 80 лет к 2030 году»¹.

Были намечены и другие цели, включая повышение уровня жизни, рост реальных доходов и уровня пенсий выше инфляции, сокращение вдвое уровня бедности в стране, улучшение жилищных условий не менее чем пяти миллионам семей ежегодно и т.п. Все это имеет прямое отношение к улучшению как условий, в которых будут создаваться семьи и рождаться дети, так и условий, в которых большинство людей сможет сохранять здоровье и трудоспособность до глубокой старости.

Демография была определена как одно из ключевых направлений, по которому в указе должны быть разработаны национальные цели, соответствующие целевые показатели и стратегические задачи.

Мне как демографу хотелось бы знать: кто из экспертов-демографов имел отношение к подготовке демографического блока президентского послания, к подготовке проекта указа, в котором прописано наше ближайшее будущее на шесть лет и, по сути, содержится ответ на вопрос, вынесенный в название этой дискуссии: «Население России: каким оно будет?»

¹ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. — 16 марта 2018 г. [Http://www.kremlin.ru/events/president/news/57078](http://www.kremlin.ru/events/president/news/57078).

Уменьшится ли численность населения или будет расти? Превысит ли в период до 2024 г. рождаемость смертность или мы вернемся в режим естественной убыли, в котором мы были четверть века (за исключением 2013–2015 гг.), какой будет продолжительность жизни к 2024 и к 2030 г.? Где гарантия, что эти целевые показатели определены компетентно, профессионально и что может быть разработан реально действующий механизм их достижения? Где гарантия, что стремление чиновников следовать букве (или цифре (!)), а не духу поставленных целей и стратегических задач не приведет к ухудшению, а не улучшению той сферы, для которой эти показатели и заданы в качестве целей? Основания для таких опасений, к сожалению, есть.

Мы помним, к чему привело чиновничье рвение в реализации некоторых пунктов майских указов 2012 г. Например, повышение зарплаты в науке до уровня, вдвое превышающего среднюю зарплату в регионе. Для регионов с низкой средней зарплатой это было более-менее реально. Но для Москвы, со средней зарплатой в два с лишним раза превышающей среднюю по стране, это изначально было нереально без серьезного вливания бюджетных средств. Но деньги на повышение подкинули лишь в последние месяцы шестилетнего периода. В итоге получили массовое сокращение научных сотрудников, перевод их (даже кандидатов наук, старших научных сотрудников) в категорию инженеров (под указ не попадали), перевод научных сотрудников на четверть ставки и даже на одну десятую. О последствиях этого «законопослушания» для некоторых научных школ и говорить не хочу! Урон нанесен непоправимый!

Еще пример. Странную динамику демонстрировали показатели смертности по причинам. Так называемые «указные»

снижались, а не упомянутые в указе росли или, в лучшем случае, не менялись к лучшему.

Поэтому меня очень настораживает, к чему может привести бездумное следование графикам достижения целевых показателей, которые определены «политической волей» и предвыборными обещаниями, а не в результате дискуссий со специалистами и сложной совместной работы по достижению компромисса: целевые показатели должны быть напряженными, мотивирующими к эффективной работе, но, в принципе, достижимыми. И если что-то пошло не так, то не административными розгами подгонять исполнителей к приятным начальству отчетам о достижении показателей (правдами и неправдами), а серьезно анализировать причины реальной динамики показателей и корректировать их и меры по их достижению.

На мой взгляд, ценность целевых демографических показателей, не прошедших квалифицированную научную экспертизу, весьма сомнительна. Принцип «не навреди» относится не только к медицине. Но и к управлению в целом, и к воспроизводству населения и социально-демографической политике, в частности.

Посмотрим на опыт недавнего прошлого в достижении целей и целевых демографических показателей. Учит ли чему-нибудь этот опыт?

Целеполагание в отечественной демографической политике имеет не столь длинную историю. В СССР официальных заявлений по поводу целей в области регулирования воспроизводства населения в принципе не делалось. Можно лишь упомянуть несколько документов, где об этом говорилось скорее косвенно, чем прямо. Так, меры, введенные в 1936 г. (запрет аборт и др.), по сути были нацелены на

увеличение рождаемости и поддержание прироста населения на уровне 2,5–3 млн человек в год².

В Указе 1944 г. говорилось о том, что новые меры вводятся «в целях увеличения материальной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, поощрения многодетности и усиления охраны материнства и детства»³.

В 1981 г. был введен комплекс мер демографической политики, содержащий принципиально новые принципы и меры поддержки семьи. Официальная трактовка целей была следующей: «...создание лучших условий для **роста населения** и воспитания подрастающих поколений»⁴.

В сентябре 2001 г. была одобрена разработанная Минтрудом России «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», в которой впервые была конкретно сформулирована долгосрочная цель демографической политики: «...**стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту**»⁵.

В октябре 2007 г. была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до

² Постановление ЦИК № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4068>.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=507&req=doc>

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=94032>

⁵ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 21 сентября 2001 г. № 1270-р. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98526>

2025 года». Целями демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. были объявлены «...стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142–143 млн человек и создание условий для ее роста к 2025 году до 145 млн человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году — до 75 лет»⁶. Цель осталось по сути той же — стабилизация численности населения к 2015 году и создание предпосылок для роста⁷. При этом в новой Концепции-2007 были прописаны конкретные целевые показатели для численности населения, рождаемости, смертности и продолжительности жизни, привязанные к определенным этапам реализации Концепции.

Так, по итогам второго этапа (2011–2015 гг.) предполагалось, что к 2016 г.: численность населения стабилизируется на уровне 142–143 млн человек; суммарный коэффициент рождаемости увеличится в 1,3 раза по сравнению с 2006 г.; до 70 лет увеличится показатель ожидаемой продолжительности жизни; на треть снизится уровень смертности населения (т. е. в 1,5 раза); будет обеспечен миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно⁸.

Посмотрим, какими же были фактические показатели к 2016 г., т. е. за период 2007–2015 гг., в сравнении с показателями 2006 г., взятыми за базу.

⁶ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/>.

⁷ Елизаров В.В. От концепции демографического развития к концепции демографической политики // Демоскоп Weekly, № 309–310, 12–25 ноября 2007 (Социально-демографическая политика в документах и комментариях). — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0309/polit02.php>

⁸ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/>

Так, на 1 января 2016 г. **численность постоянного населения** Российской Федерации достигла 146,5 млн чел. (с учетом населения Республики Крым и Севастополя, составившего около 2,3 млн чел.)⁹. Без учета крымского населения численность составила бы 144,2 млн, что выше целевого показателя второго этапа (142–143 млн). Превышение показателя было достигнуто за счет роста рождаемости, снижения смертности, сохранения высокого миграционного прироста. В 2013–2015 г., после 20 лет естественной убыли населения (вследствие превышения числа умерших над родившимися), был зафиксирован небольшой естественный прирост.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении вырос с 66,69 лет в 2006 г. до 71,39 в 2015 г. (прирост за девять лет на 4,7 года или на 7,0%), превысив целевой показатель (70 лет). При этом продолжительность жизни мужчин выросла с 60,43 до 65,92 лет (на 5,49 года или на 9,1%), а женщин — с 73,34 до 76,71 лет (прирост на 3,37 года или на 4,6%).

Суммарный коэффициент рождаемости вырос в 1,36 раза (с 1,305 в 2006 г. до 1,777 в 2015 г.), превысив целевой показатель. **Число родившихся** выросло с 1479,6 тыс. в 2006 г. до 1940,6 в 2015 гг. (рост в 1,31 раза), без учета Крыма (29,5 тыс. родившихся в 2015 г.) — до 1911,1 тыс. (рост в 1,29 раза).

Показатели смертности снизились существенно ниже, чем планировалось. **Число умерших** снизилось с 2166,7 тыс. в 2006 г. до 1908,5 тыс. в 2015 гг. (снижение в 1,14 раза), без

⁹ Источники данных здесь и далее по тексту: Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб./Росстат. — М., 2017. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm; Демография. Данные Росстата на 1 июня 2018 г. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

учета Крыма (35,2 тыс. умерших в 2015 г.) — до 1873,3 млн (в 1,16 раза). **Общий коэффициент смертности** снизился с 15,1‰ в 2006 г. до 13,0‰ в 2015 г. (в 1,16 раза), что значительно меньше целевого ориентира (снизить на 1/3 или в 1,5 раза).

Миграционный прирост населения России на первом этапе реализации Концепции демографической политики (2007–2010 гг.) составлял в среднем ежегодно около 331 тыс. чел., на втором этапе (2011–2015 гг.) в среднем составил около 285 тыс. чел., что существенно превышало целевой ориентир второго этапа (не менее 200 тыс. человек). При этом миграционный прирост сократился с 320,1 тыс. чел. в 2011 г. до 245,4 тыс. чел. в 2015 г. Некоторое снижение миграционного прироста к концу периода произошло в результате возросшего числа выбывших из России, прежде всего за счет возвращения трудовых мигрантов на родину в государства — участники СНГ. Это связано с изменением порядка учета мигрантов и отнесения к постоянному населению мигрантов, приехавших в Россию на срок девять месяцев и более.

Итак, все целевые ориентиры на период до 2016 г., кроме снижения смертности, были достигнуты, и даже с некоторым превышением.

Количественные цели на более долгосрочный период были обозначены в предвыборной статье кандидата в президенты В.В. Путина в феврале 2012 г. (на тот момент возглавлял Правительство РФ).

Отмечая, что «в демографической политике удалось добиться серьезного сдвига к лучшему», он формулирует новую демографическую цель на период до 2050 г.: «Сегодня в России живет 143 млн человек... Если же нам удастся

сформулировать и реализовать эффективную, комплексную стратегию народосбережения, **население России увеличится до 154 млн человек...** Нужно будет обеспечить миграционный приток на уровне порядка 300 тыс. человек в год. В первую очередь за счет привлечения на постоянное жительство в Россию наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи¹⁰. Получается, что весь предполагаемый рост населения с 143 до 154 млн человек (на 11 млн) должен был обеспечить миграционный прирост: при ежегодном приросте в 300 тыс. за период с 2012 по 2050 гг. прирост за весь период составил бы около 11,4 млн чел. (0,3 млн x 38 лет).

Говорилось в статье и о проблемах, требующих скорейшего решения: «Абсолютно нетерпимо, когда рождение ребенка подводит семью к грани бедности. Полностью исключить такую ситуацию — национальная задача на предстоящие три-четыре года»¹¹. Прошло не три-четыре года, а шесть лет, но проблема высокого риска бедности с рождением детей остается нерешенной.

В 2012 г. после инаугурации Президента были приняты так называемые майские указы, в их числе указы «О мерах по реализации демографической политики» (№ 606) и «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» (№ 598), содержавшие ряд целевых демографических показателей. При этом новые или обновленные показатели были слабо или вовсе не синхро-

¹⁰ Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда, 13 февраля 2012 г. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>

¹¹ Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда, 13 февраля 2012 г. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>

низированы с показателями Концепции демографической политики и сроками их достижения.

В соответствии с Указом № 606 Правительство Российской Федерации должно было обеспечить к 2018 г:

- повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,753;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет¹².

В соответствии с Указом № 598 Правительство Российской Федерации должно было обеспечить к 2018 году:

- снижение смертности от болезней системы кровообращения до 649,4 случая на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от новообразований (в том числе от злокачественных) до 192,8 случая на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от туберкулеза до 11,8 случая на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий до 10,6 случая на 100 тыс. населения;
- снижение младенческой смертности, в первую очередь за счет снижения ее в регионах с высоким уровнем данного показателя, до 7,5 на 1000 родившихся живыми¹³.

Появление майских указов с новыми целевыми показателями не отменяло работу по реализации Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. Поскольку в 2015 г. закончился ее второй этап, то был подготовлен и принят План мероприятий по реализации третьего этапа, охватывающего 2016–2024 гг. При этом цели были

¹² Указ Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики» № 606 от 7 мая 2012 г. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/demo-dok.html>

¹³ Указ Президента РФ № 598 от 7 мая 2012 г. «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/zdorovje-dok.html>

существенно скорректированы с учетом как прибавления населения Крыма (2,3 млн человек), так и улучшения демографической ситуации в 2007–2015 гг. Меры были определены только на период 2016–2020 гг., а не на весь этап¹⁴.

В соответствии с этим планом к 2020 году предполагается увеличение численности населения до 147,5 млн человек; увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 74 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до уровня 1,87; обеспечение миграционного прироста на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно. По сравнению с Концепцией 2007 г. уменьшен показатель миграционного прироста с 300 до 200 тыс. человек.

В соответствии с пунктом 47 вышеупомянутого Плана мероприятий Минтрудом России были подготовлены проекты Методических рекомендаций по определению целевых показателей по повышению рождаемости, снижению смертности и миграционному приросту на период до 2020 г. включительно в разрезе субъектов Российской Федерации и распоряжения Правительства Российской Федерации об их утверждении.

Руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ должны были не позднее 21 декабря 2017 г. направить в Минтруд России замечания и предложения по указанным проектам, указав значения суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и миграции в 2018–2020 гг. для своего субъекта¹⁵.

¹⁴ План мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. Утвержден Распоряжением Правительства России от 14 апреля 2016 года № 669-р. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71281980/>

¹⁵ Об определении целевых показателей по повышению рождаемости, снижению смертности и миграционному приросту на период до 2020 года включительно в разрезе субъектов РФ. Правительственная телеграмма № 12-0/10/П-8600 от 18.12.2017 — Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/483>

Поскольку 2018 г. уже наступил, и шестилетний период исполнения майских указов 2012 г. завершился, можно попробовать оценить, в какой степени они были реализованы.

Проанализируем динамику показателей рождаемости, продолжительности жизни и смертности, предусмотренных майскими указами № 606 и № 598, с учетом сложившихся тенденций за предыдущие годы. Поскольку целевые показатели в указе 2012 г. на период до 2018 г. определялись, видимо, с учетом фактических данных за 2011 г., возьмем 2011 г. за базу для оценки достигнутого. Для сравнения посмотрим на динамику показателей также за шестилетний период — с 2005 по 2011 гг. (см. табл.1).

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) под влиянием стимулирующих мер вырос до 1,777 в 2015 г., но затем стал снижаться — до 1,762 в 2016 г., все еще превышая целевой показатель. Однако резкое снижение СКР в 2017 г. сделало значение показателя значительно ниже целевого. Продолжительность жизни, несмотря на значительную прибавку в 2,87 года, не дотянула до целевого показателя. Т.е. оба главных целевых показателя Указа № 606 оказались невыполненными.

Лучше обстояло дело с показателями Указа № 598 по снижению смертности. Анализ показывает, что снижение показателей смертности от разных причин планировалось разными темпами, аргументация такой дифференциации нигде не была представлена. Оценить корректность такой постановки целей не представляется возможным. Тем не менее, в разной степени, но все целевые показатели, кроме смертности от новообразований, были достигнуты.

Целевой показатель по снижению **младенческой смертности** был существенно перевыполнен. В 2011 г. младенческая смертность составляла 7,4‰. В связи с переходом

Таблица 1
Динамика демографических показателей, предусмотренных майскими указами 2012 г. (№ 606 и № 598)

Годы	2005	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Цели к 2018 г.	2011/2005	2017/2011
Суммарный коэффициент рождаемости	1,294	1,582	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762	1,621	1,753	↑1,22	↑1,02
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	65,37	69,83	70,24	70,76	70,93	71,39	71,87	72,70	74,0	↑1,07	↑1,04
Младенческая смертность, ‰	11,0	7,4	8,6	8,2	7,4	6,5	6,0	5,5	7,5	↓1,49	↓1,35
Смертность по причинам на 100000 чел.:											
от болезней системы кровообращения	905,4	753,0	737,1	698,1	653,9	635,3	616,4	584,7	649,4	↓1,20	↓1,29
от новообразований	200,6	204,6	203,1	203,3	201,9	205,1	204,3	196,9	192,8	↑1,02	↓1,04
от туберкулеза	22,5	14,2	12,5	11,3	10,0	9,2	7,8	7,1	11,8	↓1,58	↓2,00
от дорожно-транспортных происшествий	19,0	13,5	14,4	14,3	14,1	12,2	10,8	10,0	10,6	↓1,41	↓1,35

Примечание: Данные за 2017 г. предварительные.

Источники данных: Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm; Демография. Данные Росстата на 1 июня 2018 г. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

на новые правила учета живорождений, соответствующие рекомендациям ВОЗ, ожидалось, что младенческая смертность в 2012 г. вырастет примерно до 9,0‰ или несколько более. Планируемое снижение к 2018 г. до 7,5‰ оценивалось от этого уровня. Фактический показатель оказался значительно ниже — 5,5‰. Тенденция сокращения младенческой смертности продолжилась и в 2018 г.

В большей степени, чем это было запланировано, снизилась смертность **от болезней системы кровообращения**. Это очень важно, поскольку смертность от этой причины в 2017 г. составляла 47% от всех случаев.

В то же время есть резервы и в снижении смертности от неуказанных причин, от болезней, показатели смертности которых (на 100 тыс. человек) в последние годы не демонстрируют снижения, практически остаются на одном уровне, или даже немного растут, например, смертность **от болезней органов дыхания** (49,4 в 2012 г. и 48,0 в 2016 г.), **от некоторых инфекционных и паразитарных болезней** (22,4 в 2012 г. и 24,1 в 2016 г.), **от болезней органов пищеварения** (62,1 в 2012 и 67,0 в 2016 г.).

При этом особое внимание должно быть уделено снижению смертности от тех причин, где в последние годы фиксируется рост: **от болезней нервной системы** (с 13,0 в 2012 г. до 57,2 в 2016 г. — рост более, чем в четыре раза); **от сахарного диабета** (с 7,4 в 2012 г. до 21,5 в 2016 г. — рост почти в три раза); **от болезни, вызванной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)** (с 6,3 в 2012 г. до 12,7 в 2016 г. — рост в два раза), **от симптомов, признаков и отклонений от нормы, выявленных при клинических и лабораторных исследованиях** (с 75,4 в 2012 г. до 98,3 в 2016 г.). В отношении ряда причин рост связан с качеством диагностики, так, рост

смертности *от старости* (с 46,1 в 2012 г. до 74,1 в 2016 г. — рост в 1,6 раза), скорее всего, вызван тем, что эту причину указывают вместо иной (например, вместо смерти от сердечно-сосудистых заболеваний).

Сокращение показателей *от неточно обозначенных диагнозов* и *от старости* будет способствовать более объективному анализу причин смертности и путей ее снижения.

Поскольку большая часть целей по снижению смертности была достигнута, то Правительством перед системой здравоохранения в 2017 г. были поставлены более сложные задачи, сформулированы новые целевые показатели к 2025 г., в том числе демографические.

Во исполнение решений Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 марта 2017 г. Министерству здравоохранения было поручено «...обеспечить формирование приоритетных проектов по основному направлению стратегического развития Российской Федерации „Здравоохранение“..., руководствуясь следующими основными целевыми показателями: увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2025 году не менее чем до 76 лет; увеличение средней продолжительности здоровой жизни к 2025 году до 66 лет; снижение младенческой смертности до 4,5 на 1 тыс. родившихся живыми; снижение смертности лиц трудоспособного возраста к 2025 году до 380,0 на 100 тыс. населения соответствующего возраста; снижение смертности от болезней системы кровообращения до 500,0 случаев на 100 тыс. населения; снижение смертности от новообразований (в т.ч. злокачественных) до 185,0 случаев на 100 тыс. населения»¹⁶.

¹⁶ О направлениях развития системы здравоохранения РФ в период до 2025 г. 11 апреля 2017 г. — Режим доступа: <http://government.ru/orders/selection/404/27146/>

Как видим, в этом поручении из причин смертности оставлены только две основных, и при этом сформулированы две качественно новые цели: по снижению **смертности лиц трудоспособного возраста** и увеличению **средней продолжительности здоровой жизни**. Причем получение достоверных данных о продолжительности здоровой жизни будет очень сложной задачей, так как в традиционной статистике данных об этом показателе нет.

Наконец, посмотрим на целевые демографические показатели, предусмотренные новым майским Указом Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» № 204 от 7 мая 2018 г.¹⁷

В целях **увеличения численности населения страны** и повышения уровня жизни граждан правительству поручено обеспечить достижение следующих **национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года**, в том числе: обеспечение устойчивого **естественного роста численности населения** Российской Федерации; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет); снижение в два раза уровня бедности в РФ; улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно и др.

Правительство России должно представить до 1 октября 2018 г. для рассмотрения на заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам национальные проекты (программы) по направлениям «демография», «здравоохранение» и др.

¹⁷ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента № 204 от 7 мая 2018 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

При разработке **национальной программы в сфере демографического развития** Правительство должно обеспечить достижение в 2024 году следующих целей и целевых показателей: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 (в 2017 г. — 1,621).

Национальный проект в сфере здравоохранения должен обеспечить достижение в 2024 году следующих целей и целевых показателей: снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста до 350 случаев на 100 тыс. населения (в 2016 г. — 525); смертности от болезней системы кровообращения до 450 случаев на 100 тыс. населения (2017 г. — 585); смертности от новообразований, в том числе от злокачественных, до 185 случаев на 100 тыс. населения (2017 г. — 192,8); младенческой смертности до 4,5 ‰ (в 2017 г. — 5,5‰, в I кв. 2018 г. — 5,1 ‰)¹⁸.

Разработка национального проекта по созданию безопасных и качественных автомобильных дорог предусматривает снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в 3,5 раза по сравнению с 2017 годом — до уровня, не превышающего 4 человек на 100 тыс. населения (к 2030 году — стремление к нулевому уровню смертности)¹⁹.

Сравним целевые демографические показатели на период до 2025 г., предусмотренные различными официальными документами: Концепцией демографической политики, Планом мер по ее реализации на 2016–2020 гг., целями, по-

¹⁸ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента № 204 от 7 мая 2018 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

¹⁹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента № 204 от 7 мая 2018 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

ставленными Правительством перед системой здравоохранения в 2017 г. и майским Указом 2018 г. № 204 (см. табл. 2).

Сравнение показывает, что в последнем майском Указе поставлены еще более амбициозные цели по снижению смертности и росту продолжительности жизни, чем год назад. Насколько этот оптимизм экспертов в области здравоохранения обоснован, покажет ближайшее будущее. Исключение — младенческая смертность и смертность от новообразований. Показатели не изменились.

А вот суммарный коэффициент рождаемости на 2024 г. запланирован куда меньше, чем было намечено на 2020 г. В то же время этот показатель более реалистичен, чем намеченный рост продолжительности жизни.

В срок до 1 июня 2018 г. Правительству поручено подготовить проект методических указаний по разработке национальных проектов (программ), включающих в себя в том числе: **динамику значений целевых показателей по годам**; уточнение перечня задач, обеспечивающих достижение целей и целевых показателей; определение промежуточных и конечных контрольных точек («вех»), обеспечивающих выполнение задач. До 15 сентября 2018 г. должен быть разработан проект методических указаний по реализации и мониторингу предусмотренных Указом национальных проектов (программ).

Проекты соответствующих национальных проектов (программ) должны быть представлены в Правительство Российской Федерации до 15 августа 2018 г., а проекты планов мероприятий по их реализации — до 1 октября 2018 г.²⁰

²⁰ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента № 204 от 7 мая 2018 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

В этих проектах будут учтены новые демографические инициативы, о которых Президент объявил 28 ноября 2017 г. в ходе заседания Координационного совета национальной стратегии действий в интересах детей²¹. Реализация этих новых инициатив уже началась: до конца 2021 года продлена программа материнского капитала; появились дополнительные возможности его использования (в виде ежемесячных выплат тем семьям, которые особо нуждаются (адресно), а также для оплаты услуг дошкольного образования); установлена ежемесячная выплата на рождение первенца до полутора лет (в семьях с низкими доходами); предусмотрено субсидирование ипотечной ставки сверх 6% годовых для семей, в которых начиная с 1 января 2018 г. родится второй или третий ребенок.

Несмотря на важность и возможную результативность новых дополнительных мер поддержки семей с детьми, по нашему мнению, этого будет недостаточно, чтоб удержать показатели рождаемости от дальнейшего снижения. Судя по сегодняшним данным и наблюдаемым тенденциям, в целом по России не удастся обеспечить естественный прирост и сохранить рост численности населения.

Мы на пороге новой депопуляции. Оценка численности на 1 января 2018 г. — около 146,9 млн человек — возможно, останется локальным максимумом на ближайшие двадцать лет. В 2016 г. число родившихся было на 52 тыс. меньше, чем в 2015 г. За 2017 г. число рождений сократилось почти на 200 тыс., а естественная убыль достигла 134,4 тыс. чел. (см. табл. 3).

²¹ Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. Москва, Кремль. 28 ноября 2017 г. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/56228>

Таблица 2

Сравнение целевых демографических показателей на период до 2025 г., предусмотренных различными официальными документами

	Фактические показатели 2017 г.	Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. (2007)	План мероприятий по реализации в 2016 – 2020 гг. Концепции демографической политики (2016)	О направлениях развития системы здравоохранения РФ в период до 2025 г. (2017)	О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г. (2018)
На какой год было запланировано достижение целевых показателей	2017	2025	2020	2025	2024
<i>Показатели:</i>					
численность населения (млн человек)	146,9	145	147,5		Цель: рост населения
миграционный прирост (тыс. человек)		300	200		
суммарный коэффициент рождаемости	1,621	1,96	1,87		1,7
ожидаемая продолжительность жизни, лет	72,70	75		76	78
средняя продолжительность здоровой жизни, лет	60 – 63*			66	67

	Фактические показатели за 2017 г.	Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. (2007)	План мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции демографической политики (2016)	О направлениях развития системы здравоохранения РФ в период до 2025 г. (2017)	О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г. (2018)
младенческая смертность, ‰	5,5			4,5	4,5
смертность лиц трудоспособного возраста на 100 тыс. чел.	525**			380	350
смертность по причинам на 100 тыс. чел.					
от болезней системы кровообращения	584,7			500	450
от новообразований	196,9			185	185

Примечание: данные за 2017 г. предварительные.

*Точных данных нет, оценка на 2015 г. — около 60 лет.

**Данные за 2016 г.

Таблица 3

Показатели естественного движения населения²²

	Тысяч			На 1000 человек населения	
	2017 г.	2016 г.	прирост (+), снижение (-)	2017 г.	2016 г.
Родившихся	1689,9	1888,7	-198,8	11,5*	12,9
Умерших	1824,3	1891,0	-66,7	12,4	12,9
из них детей в возрасте до 1 года	9,6	11,4	-1,8	5,5**	6,0**
Естественный прирост (+), убыль (-)	-134,4	-2,3		-0,9	-0,01
Браков	1049,7	985,8	+63,9	7,2	6,7
Разводов	611,4	608,3	+3,1	4,2	4,1

* Здесь и далее за 2017 г. – предварительные данные.

** На 1000 родившихся живыми.

Источник: Демография на 1 января 2018 г. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

За четыре месяца 2018 г. число рождений сократилось на 23 тыс. в сравнении с аналогичным периодом 2017 г., а естественная убыль уже превысила 121 тыс. чел. Обозначившаяся тенденция к возможному сокращению числа браков в 2018 г. (за четыре месяца на 8%) также будет ускорять снижение рождаемости²³.

Средний вариант прогноза Росстата (версия от 22.2.2018 г.) предполагает увеличение естественной убыли до —384 тыс.

²² Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. Москва, Кремль. 28 ноября 2017 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/56228>

²³ Росстат. Демография. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-апрель 2018 года. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn04-18.htm.

к 2024 г. (низкий вариант до —534 тыс., высокий вариант допускает небольшой прирост в 31 тыс.)²⁴.

Миграционный прирост, судя по наблюдаемым тенденциям, не сможет заместить естественную убыль. Согласно прогнозу Росстата вероятен возврат депопуляции: в *низком* варианте — с 2018 г. при миграционном приросте около 140 тыс. чел., в *среднем* варианте прогноза — с 2020 г. при миграционном приросте 270 тыс. чел., в *высоком* варианте допускается сохранение роста, но при условии увеличения миграционного прироста до очень высокого уровня в 450–500 тыс. чел. в год, что не представляется реальным.

По последним оценкам, небольшая убыль населения может быть зафиксирована уже в текущем году при миграционном приросте в 200 тыс. чел. или чуть больше.

За ближайшие шесть лет разница между числом умерших и числом родившихся (естественная убыль) может составить 1,5–2 млн человек. А общая убыль будет зависеть от того, в каких масштабах миграционный прирост компенсирует эту убыль.

Большие сомнения вызывает возможность повышения ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет в 2024 г. Для этого необходимо увеличение показателя за шесть лет на 5,3 года, т.е. в среднем ежегодно на 0,9 лет. В современной истории наибольшее прибавление за 6-летний период мы имели в 2005–2011 гг. (на 4,46 года). За период 2011–2017 гг. продолжительность жизни выросла на 2,87 года. Дальнейшее увеличение показателей будет даваться непросто, ожидать больших скачков не приходится. А вот прибавка в два года

²⁴ Росстат. Демография. Демографический прогноз до 2035 года. —Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.

к 2030 г. по сравнению с 2024 г. реальна. Но войти в символический клуб 80+ (в число стран с продолжительностью жизни более 80 лет) вряд ли возможно до 2035 г. В *среднем* варианте прогноза Росстата к 2035 г. продолжительность жизни составит около 79 лет, в *низком* — около 75 лет и лишь в *высоком* варианте достигнет 82 лет.

На наш взгляд, еще не поздно провести широкое экспертное обсуждение поставленных в указе целей и целевых показателей, степени их достижимости. Выявить наиболее сложные задачи, предложить максимально реалистичные пути их решения.

Далеко не все целевые показатели, при всем желании исполнителей обеспечить их выполнение, будут достигнуты в силу объективных трудностей и уже сложившихся условий и факторов. И это особенно важно учесть при определении целевых показателей для регионов. Постановка абсолютно невыполнимых задач может провоцировать искажение отчетности, фальсификацию показателей.

Еще есть время подумать над актуализацией целевых показателей на завершающий период реализации Концепции демографической политики. В соответствии с принятой в 2007 г. Концепцией предполагалось, что к 2025 г. будет увеличена численность населения (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн человек; увеличен в 1,5 раза по сравнению с 2006 годом суммарный коэффициент рождаемости; увеличена ожидаемая продолжительность жизни до 75 лет; уровень смертности снизится в 1,6 раза; обеспечен миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно²⁵.

²⁵ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/>

Скорее всего, будет идти речь не об увеличении, а сохранении численности населения в диапазоне 146–146,5 млн человек. Суммарный коэффициент рождаемости не вырастет, а останется в интервале 1,5–1,7 (новый указ нацеливает на 1,7 в 2024 г.). Ни смертность на 1000 населения, ни число умерших (конкретный показатель в Концепции изначально не был обозначен) не смогут снизиться до уровня в 1,6 раза меньшего, чем был в 2006 г. Ожидаемая продолжительность жизни вполне может вырасти до 75 лет и даже немного превысить этот уровень. Миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно маловероятен. Скорее он будет в интервале 200–250 тыс. человек.

Уточнение показателей, которые предусмотрены Концепцией, позволит более конкретно и аргументировано обосновать план мер по реализации демографической политики на 2021–2024 гг., скорректировать региональные программы демографической политики.

Главное — необходимо дифференцировать целевые показатели для регионов и максимально реалистично наметить динамику значений целевых показателей по годам. Особенно это важно для регионов с большой убылью населения, с большим превышением смертности над рождаемостью, со значительным миграционным оттоком. Ориентация на средние по стране показатели поставит их в неравные условия с регионами, где показатели демографического развития более-менее благоприятные.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник России. 2017: Стат.сб./Росстат.-М., 2017. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm

2. Демографический прогноз до 2035 года. — Росстат. Демография. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
3. Демография. Данные Росстата на 1 июня 2018 г. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
4. Демография на 1 января 2018 г. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
5. Елизаров В.В. От концепции демографического развития к концепции демографической политики // Демоскоп Weekly, № 309 — 310, 12 — 25 ноября 2007 (Социально-демографическая политика в документах и комментариях). — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0309/polit02.php>
6. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-апрель 2018 года. — Росстат. Демография. Http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn04-18.htm
7. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. Москва, Кремль. 28 ноября 2017 г. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/56228>
8. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 21 сентября 2001 г. № 1270-р. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98526>
9. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/>
10. Об определении целевых показателей по повышению рождаемости, снижению смертности и миграционному приросту на период до 2020 года включительно в разрезе субъектов РФ. Пра-

вительственная телеграмма № 12-0/10/П-8600 от 18.12.2017. — Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/483>

11. План мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. Утвержден Распоряжением Правительства России от 14 апреля 2016 года № 669-р. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71281980/>
12. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г.. — 16 марта 2018 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57078>
13. Постановление ЦИК №65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи много-семейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о раз-водах». — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4068>
14. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=94032>
15. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда, 13 февраля 2012 г. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали

- «Медаль материнства». — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=507&req=doc>
17. Указ Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики» № 606 от 7 мая 2012 г. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/demo-dok.html>
  18. Указ Президента РФ «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» № 598 от 7 мая 2012 г. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/zdorovje-dok.html>
  19. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» № 204 от 7 мая 2018 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

Контактные данные:

Елизаров Валерий Владимирович

elizarovvv@gmail.com

Тел. 8-903-127-78-27

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ИТОГАМ 14 СЕССИИ КООРДИНАЦИОННОГО КЛУБА ВЭО РОССИИ «НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ: КАКИМ ОНО БУДЕТ?»

Составитель

А.И. АНТОНОВ

Заведующий кафедрой социологии семьи
и демографии социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, д.ф.н.,
профессор

Участники дискуссии

Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор;

Анатолий Антонов, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.ф.н., профессор;

Роман Голов, член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Производственный менеджмент и маркетинг»

Института инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ, д.э.н., профессор;

Михаил Ершов, член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, член комиссии по банкам и банковской деятельности РСПП, д.э.н.;

Дмитрий Rogozin, заведующий Лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС;

Андрей Городецкий, руководитель научного направления «Института современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор;

Алексей Ракиш, эксперт по демографической политике;

Валерий Елизаров, научный руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;

Елена Кочкина, руководитель специальных проектов, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, к.п.н.;

Александр Щербаков, заместитель заведующего кафедры труда и социальной политики РАНХиГС, д.э.н., профессор;

Георгий Цаголов, действительный член Сената ВЭО России, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, д.э.н.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

1. Современные тренды демографических изменений, связанные с изменениями демографических структур и процессов, уходят своими истоками в послевоенные годы

XX столетия. Это видно по конфигурациям демографических пирамид 1959, 1979, 1989, 1999, 2015 гг.: «впадины» на пирамидах — это людские потери во времена войн и катаклизмов, а также последствия снижения интенсивности рождений из-за постепенного (межпоколенного) ослабления потребности семьи в детях. На пирамиде 2015 г. видна новая демографическая волна, связанная с ростом численности когорт 80-х гг. рождения. Этот «выступ» (наряду с таймингом рождений, материнским капиталом и пособиями на, детей) привел к росту суммарных коэффициентов до 1,8 рождений в среднем на женщину. Однако очередная волна вовсе не позитивного свойства (вступление в репродуктивный период 20-39 лет уменьшающихся по численности когорт 1990 гг. рождения), обещает в предстоящие 10-15 лет сокращение рождаемости.

2. Это обстоятельство уже привело в 2015-2017 гг. к уменьшению доли первых и вторых рождений и далее будет вести к структурному снижению рождаемости до уровня 1,5 рождений, если не начать тормозить это падение посредством активизации политики по стимулированию трехдетной семьи. Отказ от активной семейно-демографической политики неминуемо ведет к депопуляции, что наглядно демонстрируют пирамиды населения Центрального федерального округа и его регионов. До сих пор нет понимания необходимости ограничения внесемейной стихии рыночно-индустриальной и рыночно-информационной экономики, где остается ориентация зарплаты работника на его индивидуальное обеспечение, а не на благополучие семьи с детьми. Ныне зарплата работника не учитывает родительский труд в семье по содержанию детей, уходу за ними, по охране здоровья, воспитанию и обучению их. Поэтому следует за-

менить внесемейный принцип «за равный труд — равная зарплата» просемейным принципом «за равные результаты труда, в т.ч. родительского, — равный уровень жизни».

4. Современная практика проведения демографической политики сосредоточена на второстепенной задаче устранения негативных последствий кризиса семейных функций, на социальной поддержке тех брачно-сексуальных и родительско-детских формирований, которые образовались из осколков распада полной семьи с несколькими детьми. Тактика первого этапа демографической политики — улучшение условий реализации уже имеющейся потребности семьи в детях, т.е. в двух детях. Соответствующие пособия и льготы хотя и не допускают резкого снижения душевого дохода в семьях после рождения ребенка, тем не менее, лишь облегчают элементарное содержание маленьких детей в семье и вовсе не направлены даже на улучшение воспитания и образования. В условиях новой негативной демографической волны 90-х гг. и сокращения репродуктивного контингента наполовину, а также с учетом снижающихся репродуктивных ориентаций и блокировкой их под влиянием санкций, динамика населения в стране, скорее всего, будет близка не к среднему, а к низкому варианту прогноза Росстата¹.

5. Для предотвращения прогнозируемой депопуляции и сохранения нынешней численности 147 млн недостаточно мер по улучшению условий реализации наличной потребности населения всего в двух детях. Недостаточно также мер по снижению смертности и по ежегодному привлечению

¹ Демографический ежегодник России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. 2015. По среднему варианту, суммарный коэффициент рождаемости снижается до 1,75 в 2027 г., а затем повышается до 1,96 в 2050 г., что ведет к снижению численности РФ до 146,4 млн; по низкому варианту, СКР = 1,55 в 2025 г. и повышается до 1,6 в 2050 г. при снижении численности населения до 129,1 млн.

иммигрантов в пределах 400–500 тыс. человек. Прогноз численности населения РФ на 2080 г. с низкой рождаемостью и очень высоким процентом иммиграции оказался неутешительным — население сокращается до 60 млн, причем третью часть составляют чужеземцы². Помимо экономических, социокультурных и политических проблем ассимиляции, внешняя иммиграция из Азии и Африки к тому же требует пересмотра Конституции России в связи с национальным самоопределением автономных республик РФ. Все перечисленные задачи тактического плана должны сопровождаться действиями в рамках проектов и программ стратегического характера по формированию потребности семьи в том числе детей, которое обеспечивает простое воспроизводство населения (трое-четверо детей, или 2,1 рождений на женщину, т.е. среднедетность в половине всех семей).

6. Успешная борьба с низкой рождаемостью и малодетностью семьи, разумеется, возможна на прочной материально-жилищной базе, но при условии научного обоснования целей, направлений и средств семейно-демографической политики. При использовании достижений прикладной социологии, экономики и демографии, разрабатывающих региональные и локальные нормативные прогнозы и социальные планы, предстоит создать государственную систему демографической технологии, в рамках которой должны готовиться проекты — программы изменений семейно-демографических процессов на федеральном и региональном уровнях. Подобные нормативные прогнозы и конкретные проекты — планы демографической развития в централизованном и в административно-территориальном разре-

² Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. — М. 2002.

зе способны радикально изменить взаимодействие науки и государственных ведомств и тем самым осуществить действенный контроль за реализацией проектных планов и заданий.

7. Чтобы реализовать стратегические цели демографического развития по стимулированию рождаемости и распространению среднедетной семьи, чтобы стали действовать социальные стимулы повышения престижа родительского и репродуктивного труда семьи с несколькими детьми, следует предварительно решить ряд тактических задач. Во-первых, предварительно устранить все существующие до сих пор «наказания» за рождение детей (увеличение платы за коммунальные услуги, платы за проезд в транспорте, за услуги в бытовой сфере, в сферах дошкольного и школьного воспитания, в сфере детского здравоохранения и т.п.). При этом обязательно сохранить все фактические льготы и выплаты на семью и детей. Во-вторых, необходимо также постепенно перейти к 100-процентной компенсации уменьшения душевого дохода и ухудшения жилищных условий при деторождении в семьях с несколькими детьми.

8. Лишь при удовлетворении этих двух условий сможет действовать система ДНК — доходов-налогов-кредитов, направленная на повышение роста уровня жизни прежде всего в семьях с несколькими детьми (семейная зарплата одному из родителей за профессиональный родительский труд по содержанию, воспитанию и обучению детей на дому; в семьях однодоходных с одним работающим вне семьи родителем и в семьях двухзарплатных взимать подоходный налог с семьи один раз со снижением налоговых ставок в зависимости от числа детей процентов кредита). В основу всех финансовых расчетов должна быть помещена модель полной

семьи с тремя-четырьмя детьми; налог должен взиматься единожды с общего семейного дохода; минимальный прожиточный минимум должен исчисляться для семьи в целом, а не для индивида. Обеспечение семьи с несколькими детьми домами и квартирами является самой лучшей инвестиционной политикой государства. Следует сфокусировать всю работу по повышению ценности и престижа семейного образа жизни на подрастающих поколениях: надо готовить их к будущим ролям отца — матери, мужа — жены.

9. В средствах массовой информации положение института семьи в обществе должно найти адекватное освещение, причем приоритетной темой является совместная деятельность родителей и детей на дому с применением современных технических средств и возможностей интернет-сетей, что будет способствовать укреплению семейного образа жизни. Наряду с нынешними двухзарплатными семьями, дополняемыми системами социального обеспечения и страхования, следует медленно и постепенно конструировать и вводить в практику новые модели семьи, нового семейного образа жизни. Предстоит продумать жизнеобеспечение семьи в рамках профессионального родительства на дому — воспитание дошкольников и обучение детей школьного возраста предоставляется самим родителям (одному из них в соответствии со средней зарплатой воспитателей в детсадах и учителей в школах). Главным в активизации демографической политики является стратегия второго этапа, когда ставится абсолютно новая и исторически беспрецедентная цель повышения интенсивности рождаемости, и тем самым вводятся в действие меры усиления потребности личности и семьи в трех-четырёх детях, способствующие широкому распространению среднедетной семьи.

КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНЕНИЯ

1. Статистика говорит о том, что доля безработицы в России составляет 5,2%, в количественном выражении это 3,9 млн человек. При этом среди молодежи до 25 лет этот показатель держится на уровне 20,6%. Данные эти, скорее всего, не отражают реальную картину, потому что в основу методологии положена информация из государственных служб занятости и Международной организации труда на основе соцопросов. Понятно, что это, по всей видимости, затрагивает крупные города, а не деревни, села и небольшие города. Поэтому можно предположить, что реальная ситуация несколько хуже.

2. Сейчас на нас начинает наваливаться мощный геополитический фактор санкций. Будем надеяться, что через санкции мы проскочим, но это потребует специальных целенаправленных мер, нужна активная экономическая бюджетная денежно-кредитная политика. Чем быстрее наши регуляторы к пониманию необходимости вот таких активных шагов подойдут, тем быстрее демографические и прочие общеэкономические проблемы мы будем в состоянии более успешно решать. Без успешного решения бюджетных денежно-кредитных и финансовых проблем мы проблему народонаселения не решим.

3. Сейчас формируется так называемая Стратегия развития здравоохранения до 2025 г. С одной стороны, мы все понимаем, что с таким здравоохранением мы не сможем решать задачи, которые внесены в стратегию демографического развития, а с другой стороны, в новую стратегию вписываются старые методологические, теоретические и инструментальные предпосылки, которые так себя дискредитировали в предыдущий период.

4. Продолжительность жизни у нас растет, однако есть определенные угрозы, которые сдерживают этот рост продолжительности жизни:

а) политика, направленная на поддержку пожилого человека как индивидуума, ошибочна, поскольку основная нагрузка ложится на семью, в которой живет этот человек. Старость, как говорят исследователи, не только у нас, но и на Западе, — это период времени, когда человек ощущает свою хрупкость и становится более социальным. Неслучайно основной бич старения — это одиночество;

б) любопытный момент: мы приходим к старикам и понимаем, что деньги не являются значимым элементом их жизни. Более того, получается, что подавляющее большинство трансфертов у нас идет от стариков в семьи, причем эти трансферты не зависят от уровня дохода старика;

в) нужно в социальной политике отказаться от приоритета рубля и измерения качества социальной жизни человека через рублевый эквивалент и приравнивать его жизнь, его счастье к тому довольствию, которое предоставляет государство.

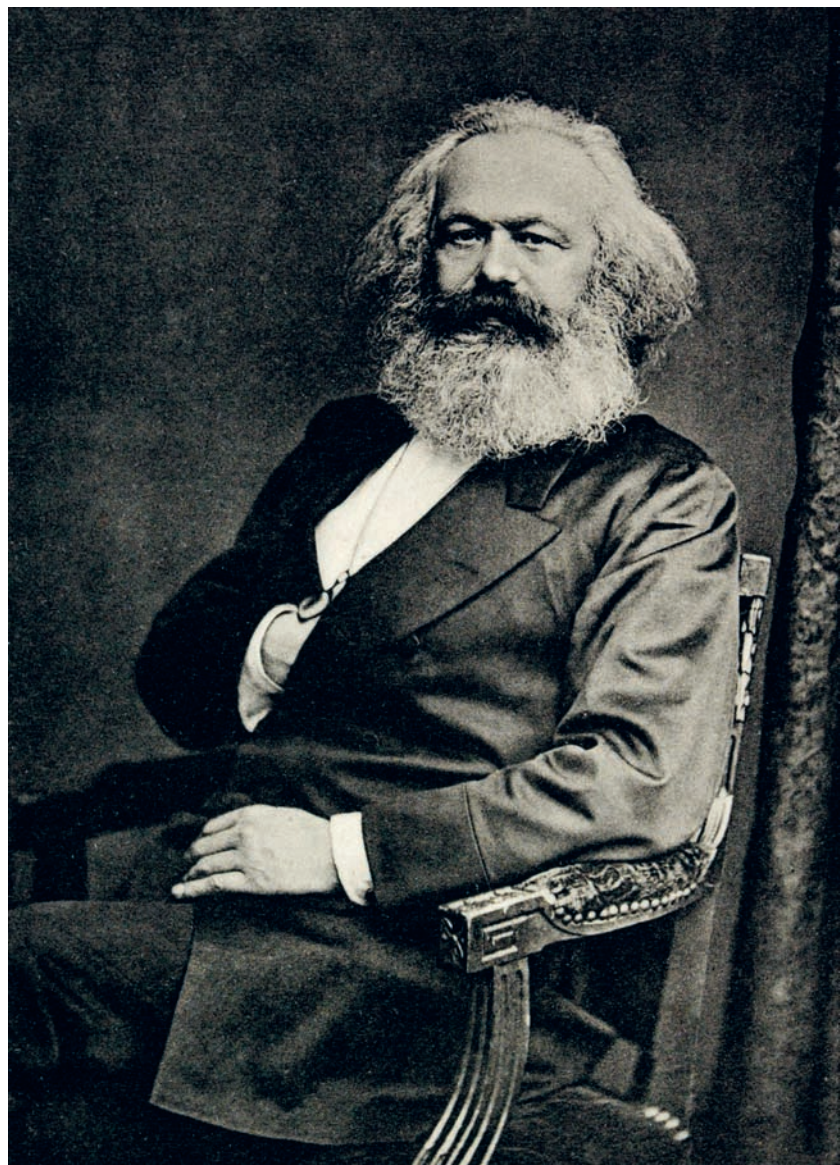
5. Ряд экономистов и демографов не верят в то, что маткапитал был эффективным. Но достаточно посмотреть на долю тех, кто, имея на одного ребенка меньше, родил второго и третьего ребенка по состоянию на 2006 и 2017 гг. В 2006 г. экономическая ситуация была замечательная, цены на нефть росли, доходы быстро росли уже семь лет подряд к этому моменту, тем не менее, никаких не было задатков того, что рождаемость вторых детей вырастет. 2017 г.: как бы кризис, все плохо, однако посмотрите, как развернулась динамика. 2,5 млн вторых и последующих детей с 2007 по 2017 гг. — вот эффект маткапитала. Все меры, включая ипо-

теку и поликлиники, — это всего-навсего 500 млрд за три года, в то время как им по маткапиталу сейчас выплачивается 400 млрд каждый год. Нам нужно маткапитал ни в коем случае не отменять, сделать его бессрочным, увеличивать его и добавлять его на третьих детей.

6. Большая проблема заключается в том, как устроено целеполагание демографической политики, как выстраиваются механизмы достижения этих целей. Если мы не будем понимать, не будет какого-то диалога между властью и экспертами, то мы обречены на фантазии и манипуляции с цифрами, наподобие указов о снижении смертности по тем или иным причинам.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
МЕМОРИУМ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КАРЛА МАРКСА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИУМ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ МЕМОРИУМА:

2 апреля 2018 г. — Открытие Мемориума: IV Санкт-Петербургский международный экономический конгресс, г. Санкт-Петербург.

5–6 мая 2018 г. — Second World Congress on Marxism (Beijing University, 5–6 May 2018) — Второй Всемирный конгресс по марксизму (Пекинский университет, г. Пекин, КНР).

5 мая 2018 г. — Телепередача, посвященная юбилею Маркса, — авторская программа ВЭО России «Дом „Э“» на телеканале ОТР.

16 мая 2018 г. — Международная конференция ВЭО России «Марксизм и время», посвященная 200-летию Карла Маркса (совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ, Российским историческим обществом).

17 мая 2018 г. — Открытие выставки «Это Маркс?!» в Государственном центральном музее современной истории России, посвященной 200-летию Маркса (совместно с Российским историческим обществом).

17–19 мая 2018 г. — Международный форум «МАРКС-XXI» (совместно с МГУ имени М.В. Ломоносова, Шуваловский корпус).

2 июня 2018 г. — Телепередача, посвященная актуальности наследия Маркса сегодня, — авторская программа ВЭО России «Дом „Э“» на телеканале ОТР.

Сентябрь 2018 г. — Открытие выставки «Маркс в изобразительном искусстве» в Русском музее (совместно с Российским историческим обществом).

12–14 сентября 2018 г. — Международная инициатива по продвижению политической экономии (Хорватия, Пула).

26 октября 2018 г. — Конференция «Маркс в эру высоких технологий: глобализация, капитал и классы» в Кембриджском университете (г. Кембридж, Великобритания).

Анонсы мероприятий «Мемориума» публикуются на сайте ВЭО России www.veorus.ru

KARL MARX 200TH ANNIVERSARY INTERNATIONAL MEMORIUM HELD BY THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

MEMORIAL MAIN EVENTS:

April 2, 2018 — Memorium Opening: 4th St. Petersburg International Economic Congress, St. Petersburg.

May 5–6, 2018 — Second World Congress on Marxism (Beijing University, Beijing, PRC).

May 5, 2018 — TV show on Karl Marx Anniversary, *Dom E* original TV show by the Free Economic Society of Russia at the OTR TV channel.

May 16, 2018 — *Marxism and Time* International Conference on Karl Marx 200th Anniversary (hosted by the Free Economic Society of Russia jointly with the Financial University under the Government of the Russian Federation and the Russian Historical Society).

May 17, 2018 — Opening of *Is It Marx?* exhibition on Karl Marx 200th Anniversary at the State Central Museum of Contemporary History of Russia (jointly with the Russian Historical Society).

May 17–19, 2018 — MARX-XXI International Forum (jointly with Lomonosov Moscow State University, the Shuvalov Building).

June 2, 2018 – TV show on modern relevance of Karl Marx’s heritage, *Dom E* original TV show by the Free Economic Society of Russia at the OTR TV channel.

September 2018 – Opening of *Marx in the Fine Arts* exhibition at the State Russian Museum (jointly with the Russian Historical Society).

September 12–14, 2018 – International Initiative for Promoting Political Economy (Pula, Croatia).

October 26, 2018 – *Marx in High Tech Era: Globalisation, Capital and Classes*, Conference at Cambridge University (Cambridge, United Kingdom).

Announcements of the Memorium events can be found at the website of the Free Economic Society of Russia www.veorus.ru

К. МАРКС. ЧЕТВЕРТАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. НООНОМИКА

(статья на основе доклада на международном форуме в МГУ имени М.В. Ломоносова 18 мая 2018 г.)

K. MARX. THE FOURTH TECHNOLOGICAL REVOLUTION. NOONOMY

(the article is based on the author's report at an international forum held at Lomonosov Moscow State University on May 18, 2018)

С.Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

S.D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the Institute of the New Industrial Development named after S.Y. Vitte, Dr. Sc. Econ., Professor

АННОТАЦИЯ

Автор на основе анализа марксистской теории предлагает новую концепцию развития общества – ноономику. Данная концепция, по его мнению, послужит основой для понимания принципиальных черт общества будущего, которое имеет шанс состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации. Человечество стоит на грани рождения качественно *нового* материального производства, основанного на интеграции NBICS-технологий. Предлагается постановка и решение проблем, проистекающих из этих изменений, – реиндустриализация на качественно новой технологической основе. Коренным изменением в данном случае является переход к знаниеемкому материальному производству, что вызовет цепочку изменений во всех сферах производственно-экономической жизни. Человек постепенно выйдет «за пределы материального производства», заняв роль его «контролера и регулятора», что и предсказал К. Маркс.

ABSTRACT

On the basis of Marxist theory analysis, the author suggests a new concept of social development – noonomy. According to him, this concept will serve as a foundation for understanding some essential features of the future society that has a chance to take shape in case the way of sustainable development is chosen for human civilization. The mankind is currently on the verge of giving birth to a totally *new* material production based on integration of NBICS technologies. The article suggests a new method of setting and solving the problems stemming from the said changes – reindustrialization on a qualitatively new technological basis. In this context, the fundamental change lies in transition to knowledge-intensive material production that leads to a chain of changes in all spheres of production and economic life. The human being will gradually move «beyond the limits of material production», having taken the role of its «controller and regulator», as Marx predicted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Материальное производство, роботы, новый этап цивилизационного развития, новое индустриальное общество второго поколения, ноономика, рациональное развитие, реиндустриализация, знаниеемкость, техносфера.

KEYWORDS

Material production, robots, new stage of civilizational development, new industrial society of second generation, noonomy, rational development, reindustrialization, knowledge-intensiveness, technosphere.

200 лет прошло со дня рождения Карла Маркса. Полтора века — с момента публикации первого тома «Капитала», его главного труда. Но и сегодня, в XXI веке, марксистская теория и методология дают нам научные предпосылки для поиска ответов на вызовы нашего времени.

Обратим внимание прежде всего на современные разработки в области применения марксистской методологии. Следует подчеркнуть, что в нашей стране это направление получает все большее признание. В Вольном экономическом обществе России есть секция специалистов в сфере политической экономии, в наших научных журналах регулярно публикуются статьи, основанные на марксистской методологии, которые служат серьезным подспорьем для того, чтобы определить фундаментальные основы стратегии социально-экономического развития в мире, стоящем на пороге четвертой промышленной революции (рис. 1).

Карл Маркс отдавал приоритет материальному производству. То, что это верно, доказано практикой. Современная робототехника и «интернет вещей» уже позволяют, говоря словами Маркса, передать человеку функции «контролера и регулировщика», а машинам — рутинные операции.

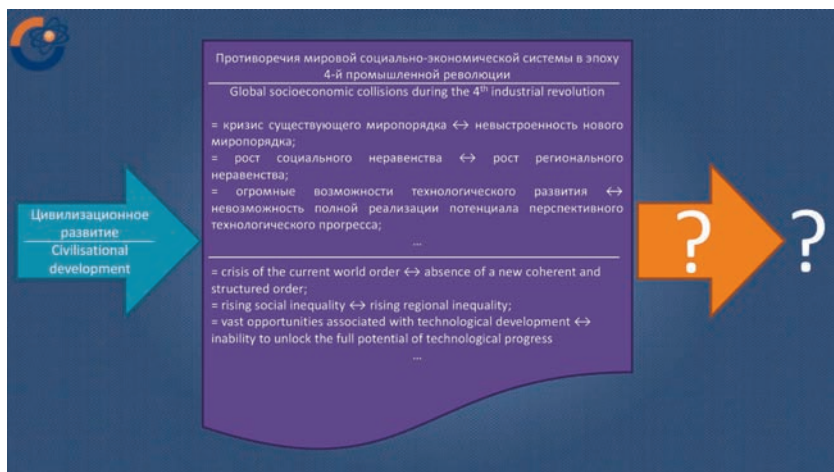

Рис. 1

Но когда *экономически* станет возможно заменить роботами труд сотен миллионов крестьян и рабочих? И что они будут делать, если в поле и на фабрике их функции на себя возьмут роботы?

Марксистская теория и методология дают ключ к ответу на этот вопрос.

На Санкт-Петербургском экономическом конгрессе в 2017 г. мы представили концепцию перехода общества на новый этап цивилизационного развития — концептуальную платформу нового индустриального общества второго поколения, или второй генерации, НИО.2.

Прошел год. Сегодня мы пытаемся оценить, как будет развиваться новое индустриальное общество второго поколения, каковы тренды и перспективы его движения, эволюция его экономической базы.

Маркс не был фантастом. Он был ученым. Но он всегда заглядывал вперед.

Позвольте вам представить нашу новую разработку — концепцию ноономики, во многом основанную на марксистской методологии. Данная концепция, по нашему представлению, составит основу общества будущего, которое имеет шанс состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации.

Качественные изменения в технологиях, которые вот уже более двух десятилетий нам приходится обсуждать в Институте нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, в последние годы стали предметом пристального внимания уже не только футурологов, но и экономистов и философов. Постепенно приходит понимание того, что человечество стоит на грани рождения качественно нового материального производства, основанного на интеграции NBICS-технологий.

Здесь закономерно возникает вопрос: в чем содержание этих процессов и к каким изменениям в социально-экономических отношениях и качествах человека они приведут?

Мы предлагаем свою версию постановки и решения проблем, проистекающих из этих изменений, — реиндустриализация на качественно новой технологической основе.

По нашему мнению, постиндустриальное общество Белла и его последователей — это мираж, но мираж, скрывающий и вскрывающий реальные проблемы. Качественные изменения в экономике уже созревают, и они действительно связаны с развитием новых технологий. Нюанс, однако, состоит в том, что они не провозвестники перехода к обществу услуг, свидетельство качественных изменений в технологиях самого материального производства, индустрии. И путь к активному освоению этих технологий лежит не через «постиндустриалистский» отказ от индустриализма,

а через реиндустриализацию на *качественно* новой технологической основе.

Необходимость повернуть вспять процессы бездумного сворачивания промышленности или переноса ее в менее технологически развитые страны уже осознана ведущими державами и начинает осуществляться практически. Отсюда, например, наращивание тенденции решоринга (возвращения производственных мощностей обратно в страну или создания новых) в США, других странах.

Из этого следует вывод, раскрывающий содержание тех изменений, которые вызваны переживаемыми нами глубокими трансформациями. Это рождение нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), которое по спирали «отрицания отрицания» (новое индустриальное общество Дж. К. Гэлбрейта — миражи постиндустриализма — НИО.2) воспроизводит в новом качестве доминирование индустрии в экономике.

Но это, безусловно, другая индустрия и другая экономика.

Коренным изменением в данном случае является переход к знаниеемкому материальному производству, что вызовет цепочку изменений во всех сферах производственно-экономической жизни. К ним относятся резкое сокращение роли материальных факторов производства и возрастание роли такого фактора, как знание; «ускорение ускорения» инновационного процесса и многое другое.

В результате наступает момент, когда во многих продуктах, в их массе «знаниевая» часть начинает существенно превышать материальную. Это хорошо иллюстрирует рис. 2, где пересекаются кривые, отображающие удельный вес материальных и интеллектуальных затрат в общих издержках производства.

Рис. 2

Переход к НИО.2 обуславливает необходимость реформирования системы экономических отношений, что, в свою очередь, предполагает развитие активной индустриальной политики, стратегическое планирование, государственно-частное партнерство, интеграцию производства, науки и образования на микро-, мезо- и макроуровнях и т.д.

Переход к НИО.2 — это не абстрактная умозрительная конструкция, а процесс, который уже идет, и идет активно, хотя и неравномерно в разных локусах мирового экономического пространства. ФРГ и Япония, США и Китай создают качественно отличные от предшествующих подпространства новых индустриальных технологий. Между тем уже и эти тренды далеко не исчерпывают грядущих изменений.

Наша цивилизация стоит на пороге того качественного скачка, о котором уже говорилось выше: человек постепенно выйдет «за пределы материального производства», заняв

роль его «контроллера и регулировщика», что и предрекал К. Маркс. Главным источником развития производства станет знание, а не материальный ресурс. Господствующие ныне симулятивные потребности в обществе постепенно отойдут на второй план, вытесненные потребностью в знании; система имущественного неравенства вытеснится системой неравенства способностей и талантов; человечество, становящееся мощнейшей геобиологической силой (по В. Вернадскому), встанет перед необходимостью перехода от потребления природных ресурсов к воспроизводству геобиоценозов и т.д.

Традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги) в этом надвигающемся на нас уже сегодня будущем постепенно потеряют свой привычный смысл, если не исчезнут вовсе.

Будущая *эволюция* всех экономических форм в **неэкономические** закономерна (рис. 3). Формирование такой сферы производства, которая станет опираться непосредственно не на человеческий труд, а на функционирование «технетических существ», определит снятие экономических отношений между людьми в технологических настройках самодействующего производства.

И это не прогноз отдаленного будущего. Это констатация пока еще малозаметных, но уже начавшихся изменений: рождения не просто экономики, приспособленной к решению задач прогресса ноосферы, а качественно нового феномена — **ноономики**.

Под ноономикой мы понимаем такой неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Иными словами,

ноономика — хозяйственная система, отличающаяся от *экономики* отсутствием отношений между людьми в процессе материального производства.

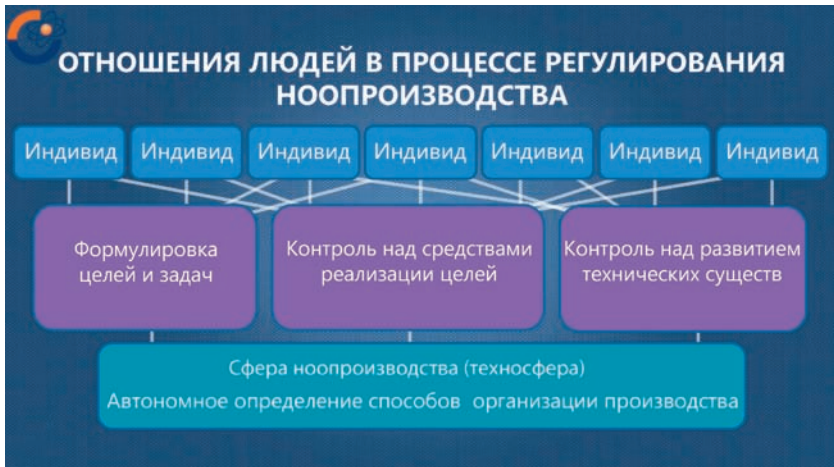

Рис. 3

Это принципиальное отличие грядущей хозяйственной системы от привычной нам системы экономической (рис. 4).

Более подробно причины и перспективы перехода к ноономике, как и существо этого феномена, изложены в нашей новой монографии, которая так и называется — «Ноономика».

Итак, совокупность проблем и противоречий общества, в свою очередь, следуя марксистской методологии, определяет необходимость перехода на новый этап общественного устройства, названный нами ноообщественным этапом, поскольку *технологические силы, разбуженные человеком и сформировавшие автономное индустриальное пространство, уже не смогут оставаться без всеобъемлющего контроля челове-*

ческого разума, который сам, в свою очередь, должен будет меняться для того, чтобы быть способным задавать рациональные параметры развития индустриальной сферы.

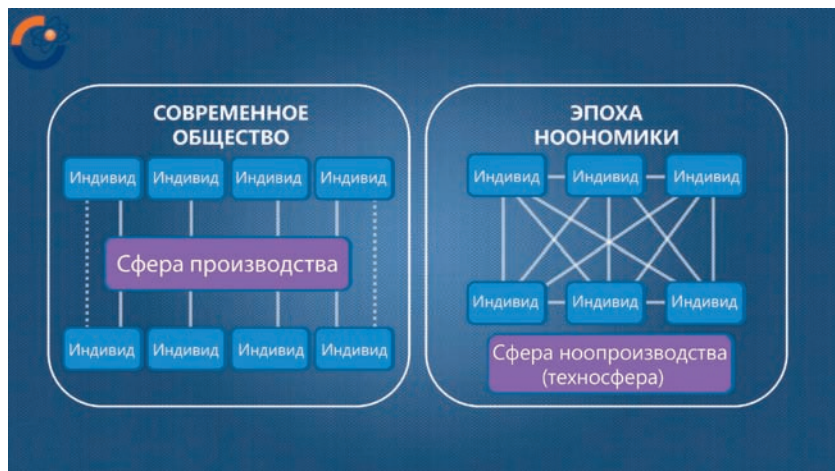

Рис. 4

Что происходит сегодня?

Цивилизация стоит у опасной черты: в гонке за лидерством, на службу которой поставлены технологические достижения человечества, в рамках нынешней всепожирающей экономической парадигмы развития мы рискуем потерять не только возможность рационального устройства своей жизни, предлагаемую технологическим прогрессом, но и саму человеческую идентичность. А это уже не вопросы научной дискуссии.

Человечество стоит на распутье: либо движение к рационализации развития, к **ноономике**, либо реализация инварианта негативного сценария, вплоть до глобальной

катастрофы. При этом произошло накопление множества негативных тенденций в развитии техносферы. Под угрозой поставлена среда обитания человека с ее биологической стороны, и в то же время накапливаются проблемы взаимодействия человека с техносферой, возрастает зависимость человека от технической и информационной среды, что приводит к своего рода «киборгизации» человека (даже и без формального пока вторжения в его физическое тело, чего ждать, пожалуй, тоже недолго). *Человек сталкивается с растущей негарантированностью своего существования как биологического и социального существа.*

История развития цивилизации демонстрирует нам ускоряющийся рост видов создаваемых человеком «технетических существ» (в строгом соответствии с предложенным мной ранее в монографии о НИО.2 законом «ускорения ускорения» инноваций) — в ущерб стремительно вытесняемому разнообразию видов биоты. Особенно сильно эта тенденция проявляется сейчас, под воздействием погони за прибылью, за объемными экономическими показателями, все менее отражающими реальные, а не симулятивные потребности развития человека, что создает реальную возможность безвозвратного развития негативных (катастрофических для цивилизации!) последствий.

Промежуточный сценарий долгой стагнации на границе нового, с бурными событиями в экономике и политике, едва ли не наиболее вероятен.

Некоторые представители интеллектуального сообщества, как бы предчувствуя эту ситуацию, заговорили о «новой нормальности».

Эта ситуация характеризуется не просто замедлением темпов роста ВВП, учащением кризисов, созданием атмос-

феры около-хаоса, которую мы сейчас наблюдаем в мире. Она характеризуется застоем в социально-экономических институтах, что чем дальше, тем больше вступает в решительное противоречие с надвигающимися качественными изменениями в технологиях. Только те экономики, которые смогут ответить на вызовы уже не только врывающегося в нашу жизнь НИО.2, но и стоящей у горизонта ноономики, смогут занять достойные позиции в мире будущего.

* * *

В этом году мы отмечаем не только юбилей Маркса, но и 150-летие со дня выхода в свет первого тома «Капитала». Казалось бы, прошедшее время должно было поместить идеи Маркса в раздел истории экономической науки.

Однако это не так.

Главное, что ценно для нас в наследии Маркса сейчас, — это не только теория прибавочной стоимости и трудовая теория стоимости, нам гораздо интереснее *сбывающиеся именно сейчас прогнозы Маркса о долговременных тенденциях развития материального производства*, сделанные, кстати, на основе именно тех теоретических предпосылок, о которых мы говорили выше.

Он прогнозировал *вытеснение человека из непосредственного процесса материального производства*, превращение человека не столько в непосредственного участника производства, сколько в его «контролера и регулировщика» на основе преобразования природных процессов в контролируемые и направляемые технологические процессы, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»,

когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», когда развитие человека происходит «как беспрепятственное устранение предела для этого развития» и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека».

Все эти идеи не только не устарели, но и приобретают новую актуальность в связи с современными изменениями в материально-технической основе производства.

Но если мы уже видим приход новой исторической ступени общественного производства, то неизбежно возникает вопрос: а что дальше? Каковы будут последствия наступления НИО.2 и затем — эпохи ноономики?

Не рано ли мы ставим такие вопросы?

Полагаю, нет. Если мы хотим успеть прыгнуть в поезд, идущий в будущее, надо искать ответы на эти вопросы уже сейчас. Нужно мыслить стратегическими перспективами на десятки лет вперед и выработать линию поведения, которая приведет нас в лучшее будущее.

И в этой большой работе идеи К. Маркса, мыслителя тысячелетия, неоченимы.

This year we mark the 200th anniversary of Karl Marx's birth. The first volume of his main work — *Das Kapital* — was first published 150 years ago. Yet even today, in the 21st century, the Marxist theory and methodology offer scientific premises for responding to the present time challenges.

First of all, let us pay attention to the modern developments in the field of applying Marxist methodology. It stands to mention that this line of research is currently gaining increasingly wider

recognition in our country. The Free Economic Society of Russia (the VEO of Russia) includes a section of specialists in the field of political economy, while academic periodicals of the VEO of Russia regularly publish articles based on Marxist methodology, which render serious aid in identifying the fundamental principles of socioeconomic development strategy in the world that stands on the verge of the Fourth Industrial Revolution (Figure 1).

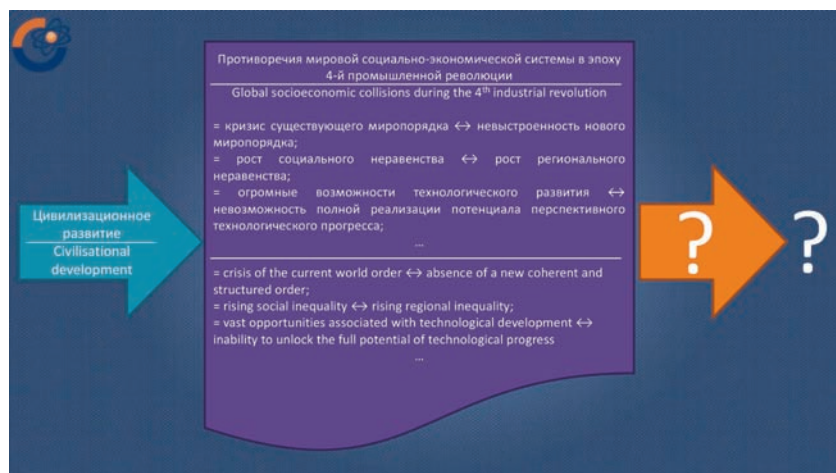

Fig. 1.

Karl Marx placed the priority on material production, and it was proved by practice that he was right. The modern robotic technologies and Internet of things allow for delegating the functions of “controller and regulator” to the humans, as Marx has predicted, while the routine operations will be performed by machines.

When will it become *economically* possible to replace hundreds of millions of peasants and workers with robots? What will

the latter do if their functions in the fields and at the factories are taken upon by robots?

The Marxist theory and methodology give a clue to answering this question.

At the Saint Petersburg Economic Congress 2017 (SPEC-2017), we have presented a concept of transition to a new stage of civilizational development — the conceptual platform of a new industrial society of second generation — or second generation of NIS.2.

A year has passed since that time. Today, we are trying to assess how the new industrial society of second generation will develop, as well as identify the trends and prospects of this development, and study the evolution of its economic basis.

Marx was a scientist, not a science fiction writer. Therefore, he was always looking ahead.

Let us present our new development — a concept of noonomy that is based on Marxist methodology to a large extent. In our point of view, this concept will form the foundation for a society of the future, which has a chance to take shape in case the way of rational development is chosen for human civilization.

The qualitative changes in technologies discussed at the forums organized by the Vitte Institute of Industrial Development for over two decades have recently become the focus of intense interest not only for futurologists, but for economists and philosophers as well. We gradually come to an understanding of the fact that mankind is on the verge of giving birth to a fundamentally new type of material production based on integration of NBICS technologies.

Naturally a question now arises — what is the content of this process, and what changes in socioeconomic relations and human features will they lead to?

We suggest our own version of setting and solving the problems stemming from the said changes — reindustrialization on a qualitatively new technological basis.

According to our opinion, the “postindustrial society” described by Bell and his followers is an illusion, yet the one hiding and unveiling real problems. The qualitative economic changes are already on the horizon, and they are actually linked to the development of new technologies. The “nuance,” however, lies in the fact that they by no means constitute the herald of transition to the “service society,” but are the evidence of fundamental changes in the material production and industry itself. The way to active mastering of these advanced technologies does not lie in the “post-industrialist” refusal from industrialism, but goes through reindustrialization on a *fundamentally* new technologies basis.

The need for turning around the processes of mindlessly closing up the industry, or relocating it to the countries with lower level of technological development has been already realized by the world leading states. Moreover, they have already started putting the respective efforts into practice. For instance, we observe the trend of reshoring (returning production facilities back to the country, or foundation of new ones) that becomes increasingly more popular in the USA and other countries.

Consequently, we come to the conclusion disclosing the content of those changes that are caused by profound transformation processes we face today. It is the birth of a new industrial society of second generation (NIS.2), which, following the spiral of “negation of negation” (“new industrial society” of John Galbraith — illusions of post-industrialism — NIS.2), reproduces the domination of industry in economy in its new capacity.

However, the industry and economy are naturally different from the ones we have had before.

In this case, the radical change lies in transition to knowledge-intensive material production that will lead to a chain of changes in all spheres of production and economic life. The list of such changes includes the drop in the importance of material factors in production, and rise in significance of such factor as knowledge; as well as “accelerating acceleration” of innovation process, etc.

Consequently, things are drawing to the moment, when the “knowledge-intensive” part starts substantially prevailing over the “material” one in products. The clear evidence of this trend can be seen in Figure 2, which shows crossing curves reflecting the percentage of material and intellectual expenses in the overall production costs.

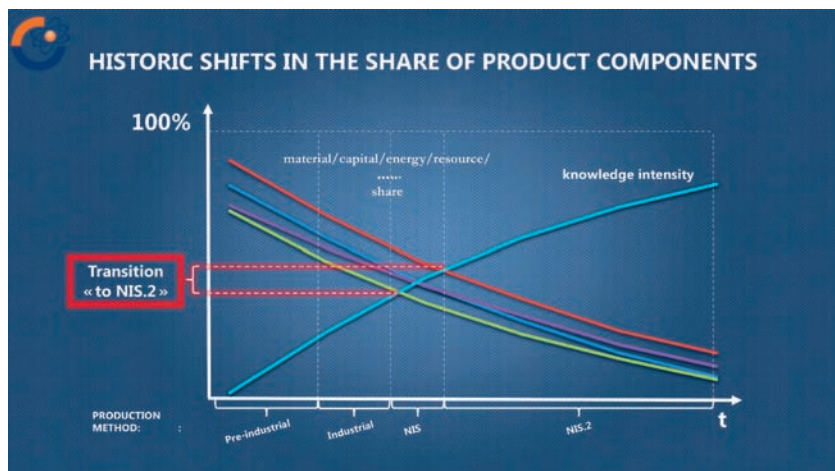

Fig. 2.

The transition to NIS.2 dictates the need for reforms in the system of economic relations, which, in its turn, suggests the development of active industrial policy, strategic planning, pub-

lic-private partnership, integration of production, science and education on micro-, meso- and macro-levels, etc.

The transition to NIS.2 is not an abstract theoretic idea, but a process, which has already been going on very actively, albeit in an uneven manner, in different loci of the global economic space. Germany and Japan, the USA and China create the sub-spaces of new industrial technologies, fundamentally different from the previously existing ones. Meanwhile, even these trends do not exhaustively describe the nature of forthcoming changes.

Our civilization is on the verge of a quantum leap mentioned above — the human being will gradually move “beyond the limits of material production,” having taken the role of its “controller and regulator,” as Marx predicted. Knowledge instead of material resources will become the main driver of production development. The simulative demands dominating today will gradually take backseat being ousted by the need for knowledge; the system of wealth disparity is to be replaced by the one of inequality in skills and talents; while the mankind becoming a powerful geo-biological force (according to V. Vernadsky) will face the need for transition from consumption of natural resources to reproduction of geo- and bio-cenoses, etc.

Traditional economic categories and laws (cost, property, money, etc.) gradually lose their customary meaning and may cease to exist in this looming future.

The future *evolution* of all economic forms into **non-economic** ones is naturally determined (see Figure 3). The formation of such production sphere that will be based directly on the functioning of “technetic” creatures instead of human labor is to lead to the removal of economic relations among people from the technological substructures of self-operative production.

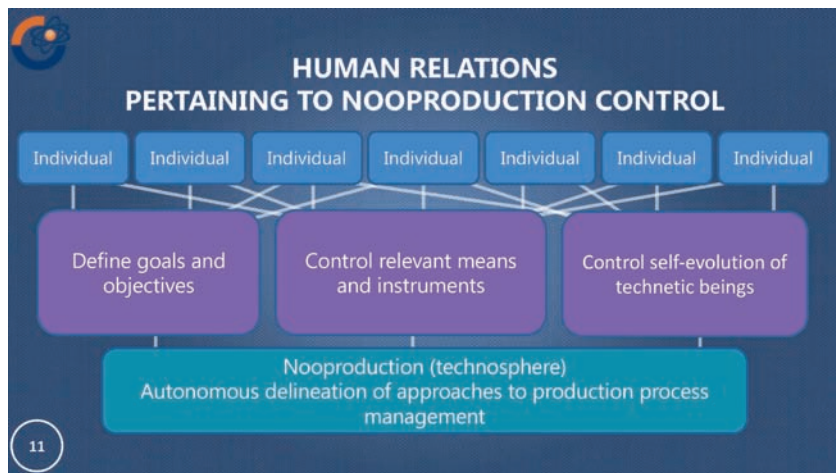

Fig. 3.

This forecast is not the one made for a distant future. It is the establishment of barely noticeable changes that are already coming, the birth of a fundamentally new phenomenon — *noonomy* — which is different from the economy adapted to solving the problems of progress in noosphere.

By “*noonomy*,” we mean a non-economic method of organizing economy for meeting the demands of people that is used by humans having moved beyond the limits of material production. Put it another way, *noonomy* is an economic system that is different from *economy*. This difference lies in the absence of relations among people in the process of material production.

This is a fundamental difference between the forthcoming system and the economic system that is customary for us (Figure 4).

The reasons behind and prospects of the transition to *noonomy*, as well as the nature of this phenomenon, are described in detail in our monograph titled “*Noonomy*.”

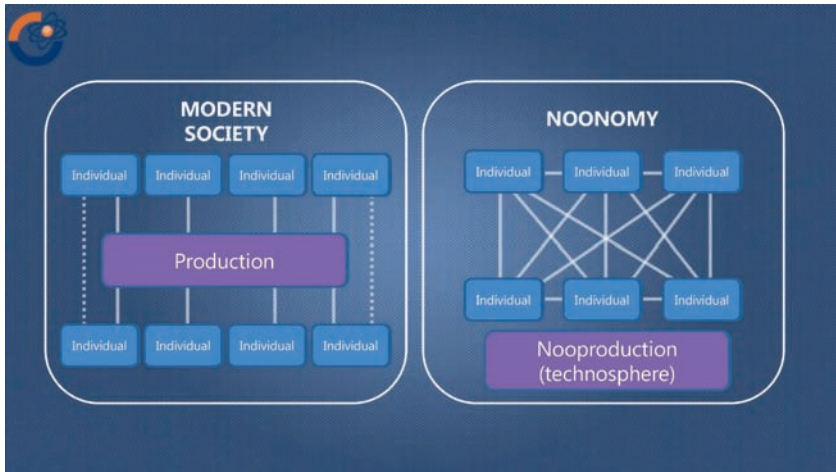

Fig. 4.

Thus, in accordance with the Marxist theory, the problems and contradictions of society taken together dictate the need for transition to a new phase of social development that we call “noosocial stage,” as *technological forces, awakened by the man and having formed autonomous industrial space, cannot do without the universal control on the part of human intelligence*, which, in its turn, will have to change in order to be capable of setting some rational parameters of development for industrial sphere.

What happens today?

Our civilization stands in front of the red line: in competition for leadership with the technological achievements of mankind harnessed, and within the framework of the present omnivorous economic development paradigm, we run the risk of losing not only the opportunity of building our life in a rational manner suggested by technological progress, but the very human identi-

ty as well. Yet, these issues do not belong to the agenda of scholarly discussion.

The mankind stands at the parting of ways: either the movement towards rational development, noonomy, or the invariant of negative scenario, up to a global catastrophe. At the same time, a lot of negative trends dealing with the development of technosphere have accumulated. The biological aspect of human environment is placed in jeopardy. In parallel to this, the problems dealing with interaction between the mankind and technosphere are accumulating, while the dependence of humans upon the technical and information environment is rising, which leads to “cyborgification of humans” (even without any invasion into their physical body so far, though this invasion looks not long in coming). *Man comes across the increasing insecurity of his very existence* as a biological and social creature.

The history of civilizational development demonstrates the accelerating growth in species of “technetic creatures” created by humans (in strict adherence to the law of “accelerating acceleration” of innovations that I previously suggested in my monograph devoted to NIS.2) — to the detriment of versatility of biota species that are currently being ousted. This trend becomes especially strongly pronounced under the influence of rush for profits, for volumetric economic figures increasingly less reflecting real, not simulative parameters of human development, which makes the development of irrevocable negative consequences (disastrous for civilization!) really possible.

The interim scenario of long stagnation on the boundary of the new, with economic and political storms, looks perhaps the most likely one.

As if anticipating this situation, some representatives of intellectual community have started talking about “new normality.”

This situation is marked by not only the slowdown in GDP growth rate, increase in the frequency of crises, and creation of an atmosphere looking like chaos that we currently observe in the world. It is also marked by stagnation in the socioeconomic institutes, which increasingly more runs counter to the looming qualitative changes in technologies. Only the economies capable of responding to the challenges of not only NIS.2 that is bursting into our life, but the looming noonomy as well, can take up worthy positions in the world of the future.

* * *

This year we mark not only the 200th anniversary of Karl Marx's birth, but 150 years from the date of the first volume of *Das Kapital* was published. One might jump to the conclusion that the past tense should have placed Marx's ideas into the section devoted to the history of economic science.

However, it is not so.

What looks valuable for us in Marx's heritage now is not only the theory of surplus value, or labor theory of value. We are mostly interested in *Marx's forecasts devoted to long-term trends of material production development that are currently coming true*. By the way, these forecasts were made on the basis of theoretical prerequisites mentioned above.

He forecasted *ousting of man from the process of material production*, his transformation from a direct participant of production processes into a "controller and regulator" on the basis of transfiguration of natural processes into controlled technological ones, when "labor with the man doing himself what he could make things do for him ceases to exist," when labor exists "in the form of activity controlling all natural forces" and transforms into "experimental science, materially creative and translatable

in objects,” when human development takes the form of “perpetual removal of the *limit* for this development,” and is “the absolute revealing of human creative talents.”

All these ideas have not become outdated. Moreover, they acquire new relevance in the context of modern changes in material and technical basis of production.

Yet, if we see the advent of a new historical stage of social production, a question inevitably arises — what comes next? What are the consequences of NIS.2 advent and era of noonomy?

Isn't it too early to raise such questions?

I think that it is not. If we want to get on the train traveling to the future, the answers to these questions should be looked for right now. We ought to think in terms of strategic prospects for decades ahead, and work out a line of behavior that will lead us to the better future.

In the context of this work, the ideas of Karl Marx, thinker of the millennium, look really invaluable.

КОГДА МАРКС ВОЗВРАЩАЕТСЯ

WHEN MARX RETURNS

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

R.S. GRINBERG

Vice-president of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the RAS

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка объяснить рост актуальности наследия Карла Маркса в наше время. Совершенно очевидно, что востребованность Маркса обусловлена растущим материальным неравенством современного мира. Кроме того, в работе показано, какие из пророчеств Маркса оказались более или менее верными, и какие его представления не выдержали проверку временем. Выдвигается гипотеза о безусловном базовом доходе как эквиваленте коммунистической мечты.

ABSTRACT

The article attempts to explain the growing relevance of Karl Marx's heritage nowadays. It is quite obvious that the demand for Marx is determined by the growing material inequality of the contemporary world. Moreover, the paper shows which of Marx's prophecies proved to be more or less true and which of his ideas did not stand the test of time. The author presents a hypothesis about the unconditional basic income as an equivalent of the communist dream.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Карл Маркс, неравенство, разделение труда, безусловный базовый доход, свободное время.

KEYWORDS

Karl Marx, inequality, division of labor, unconditional basic income, free time.

В сегодняшней России не обратили особого внимания на 200-летний юбилей Карла Маркса, в то время как в Европе и Китае ему придали весьма серьезное значение. Там и общественность, и властные структуры очень обеспокоены текущей ситуацией в мире, который, судя по всему, в очередной раз оказался в историческом тупике. «Но при чем здесь Маркс?» — спросит недоверчивый читатель, и я попытаюсь ему ответить.

Можно любить или не любить Карла Маркса, я, например, не очень его люблю, но куда деться от факта, что он наряду с Адамом Смитом и Джоном Мейнардом Кейнсом относится к трем самым цитируемым социальным мыслителям всех времен и народов? С риском некоторого упрощения можно утверждать, что каждый из этой золотой тройки внес выдающийся вклад в реализацию мечты людей о свободном и справедливом устройстве человеческого общежития. Смит по праву считается апостолом свободы, а Маркс, будучи неистовым защитником голодных, униженных и оскорбленных, — прямое воплощение ценностей равенства и справедливости. Кейнс же как создатель теоретического образа управляемого рынка вполне может рассматриваться в качестве концептуального спасителя рыночной экономики.

Всплеск популярности Маркса в наше время вполне объясним. Когда-то на смену феодализму — эпохе «бигмэнов»,

больших и самодостаточных людей-феодалов, — пришел новый строй капиталистов, строй человеческой алчности и произрастающей из нее предпринимательской активности. Алчность и активность не были ничем ограничены — ни законами, ни общественными организациями, ни общественным сознанием. Антигуманный характер такого порядка был очевиден. Маркс был свидетелем всего этого. И, конечно, он понимал, что строй этот абсолютно бесперспективен. Тогда-то он и начал изучать капитализм как систему и настолько преуспел в этом занятии, что до сих пор остается его непревзойденным аналитиком.

Теперь о том, почему Маркс стал у нас «нерукопожатным». Когда рухнула советская власть, страну качнуло в противоположную крайность, в сторону безоговорочной преданности свободному рынку. И на этом фоне он выглядел чуть ли не самым правоверным коммунистом, который чуть ли не лично участвовал в создании ненавистной советской власти. Невозможно было убедить внезапно прозревших бывших советских людей, что Маркс не имеет никакого отношения к нашему социализму. Так было в 90-е.

Но и в нулевые, и в последующие годы, то есть в эпоху путинской стабильности, Карл Маркс опять оказался не ко двору. Плутократической элите также незачем признавать заслуги человека, обосновывающего необходимость пролетарской революции.

Так чем же Маркс интересен нам сегодня как исследователь и пророк? Во-первых, он установил, что «свободный рынок» неминуемо ведет к концентрации капитала, а значит, к монополизации рынка. На словах монополист ратует за его свободу, а на деле делает с потребителем все, что хочет, практикуя ценообразование по принципу «не хочешь — не

бери». Именно так получилось у нас. Вместо государственных министерских монополий, которые хоть как-то можно было контролировать и регулировать, мы получили частные региональные монополии с более широкими возможностями для ценового произвола.

Во-вторых, Маркс показал, что свободная игра рыночных сил неизбежно ведет к поляризации доходов собственников капитала и собственников рабочей силы. Другими словами, на одном полюсе образуется кучка богатых, а на другом — массовая бедность. Как, собственно, и произошло в стране и мире в последние десятилетия. Правда, реакция наших людей на это в силу разных причин, мягко говоря, приглушенная. Конфуций, который не был социалистом, совершенно справедливо писал, что «стыдно быть богатым в бедной стране и стыдно быть бедным в богатой стране». Но у нас ничего не стыдно.

В-третьих, прозорливая догадка Маркса заключается в том, что реальный сектор экономики может относительно сужаться, если финансовым институтам дать полную свободу. Это именно то, что сегодня неблагозвучно называется «финансиализацией» экономики, то есть речь идет о получении прибыли без производства. Банки и финансовые организации перестали быть связующими звеньями между предприятиями материальной экономики и стали над ней господствовать. Я не сторонник конспирологии, но, похоже, финансовая номенклатура мира существует. Со своими офшорами, со своими интересами, и неизвестно, как с этим быть. Диктатура денежного мешка — о чем писали Маркс и Ленин, — состоялась. Особенно в горячо любимой стране последнего в полном объеме. Но первым писал на эту тему Маркс.

Относительное и абсолютное обнищание людей. Что это такое сегодня? Относительное — если, к примеру, ваш доход вырос на 1 млн руб., а мой — на 500 тыс., мне, конечно, неприятно, что у вас больше, но с этим можно смириться. Но вот когда у вас доход вырос, а у меня уменьшился, — уже крайне неприятно. Официальная статистика свидетельствует: за 2017 г. российские миллиардеры разбогатели на 25 млрд долл. Одновременно бедных россиян стало на 3,5 млн больше. Это и есть та поляризация, о которой Маркс писал в своих работах.

Его часто критикуют за утопизм. Но что происходит в реальности? Маркс писал, что справедливый строй наступит не тогда, когда исчезнет эксплуатация человека человеком, а тогда, когда будет уничтожено «порабощающее человека разделение труда». Различные международные исследования фиксируют: только 15% работающих землян довольны своей работой. Значит, 85 человек из 100 прикованы к деятельности, которая им, мягко говоря, не очень нравится. Просто они вынуждены работать, чтобы иметь средства к существованию.

Но, к счастью, не все так мрачно. Благодаря бурному научно-техническому прогрессу и в сфере труда возникает сегодня определенное «окно возможностей» — безусловный базовый доход. Разве эта идея не есть то, о чем говорил и писал Маркс? Человек родился, и ему уже платят по 2000 евро каждый месяц до смерти. Никаких пенсий, никаких субсидий, хочешь — работай, хочешь — не работай. Поработал, устал, отдыхай. Сейчас в разных вариантах эту идею тестируют развитые страны, где производительность труда в связи с бурной технологической революцией достигла таких размеров, что там она вполне может осуществиться.

Мне могут возразить, что это «золотой миллиард», а на планете живет в семь раз больше людей, к половине которых ни врач, ни учитель не заходил никогда. Так что мои фантазии обращены только к развитому миру. Но ведь и Маркс писал только о развитом мире. Как бы то ни было, здесь Марксова идея о наступлении эпохи досуга и свободы выбора человеком любого вида деятельности вполне реализуема. Правда, он вряд ли мог предположить, что все это может произойти без всяких пролетарских революций, упразднения частной собственности и рыночной организации хозяйственной жизни.

Конечно, Маркс не знал, что капитализм начнет социализироваться. Он просто не дожил до начала эпохи его заметного очеловечивания. Но случилось так, что наемные работники перестали молчать и мириться с происходящим. Они начали объединяться в профсоюзы и оказывать активное сопротивление алчным работодателям. Этот процесс шел параллельно с бурным ростом эффективности производства, механизации, автоматизации и производительности труда. И в результате во второй половине прошлого века на Западе появилось почти бесклассовое общество без всяких революций.

Но, видно, не бывает исторических достижений раз и навсегда. Вростание капитализма в социализм обернулось резким замедлением предпринимательской активности, и в общество стала внедряться идея ренессанса «свободного рынка» и «минимального государства». Возник спрос на ограничение социального государства. Пересоциализация общества будто бы парализовала потенциальных инвесторов. Отсюда установка на радикальное дерегулирование всего и вся. В наиболее концентрированном виде она была

выражена в известном призыве Маргарет Тэтчер «Восстановим право на неравенство». И восстановили. В результате мир впал в другую крайность: опять везде поляризация доходов, вопиющее неравенство и расширение зон бедности. Повсюду кризис демократических институтов. Популисты — и правые, и левые — везде побеждают. Демография подрывает силы Запада и благоволит Востоку. Отсюда беспрецедентная неопределенность. Ясно одно. Рыночная экономика безальтернативна, правда, она вновь должна стать социальной. Социальной по духу и последствиям, а не по лекалам 50-х, 60-х и 70-х гг. Если это удастся, Маркс, как и 60 лет назад, вновь выйдет из моды. Пока же призрак коммунизма бродит и бродит...

No particular attention has been paid in today's Russia to Karl Marx 200th Anniversary, while Europe and China have given quite serious consideration to it. Both the society and the government there are very much concerned about the current global situation, whereas the world, apparently, has come once again to a historical standstill. «But what does Marx have to do with it?» asks a suspicious reader. I will try to answer this question.

You can appreciate or dislike Karl Marx. As far as I am concerned, I do not really like him, but it is a fact that he, along with Adam Smith and John Maynard Keynes, is among the three most cited social sophists of all time. In peril of slight simplification, it can be argued that each person of this golden troika has made an outstanding contribution to realizing the people's dream of a free and fair human community system. Smith is rightly considered the apostle of freedom, and Marx, being a vehement defender of the hungry, humiliated and insulted people, is a direct embodiment of the valuable equality and justice. Having devel-

oped a theoretical image of the managed market, Keynes may well be seen as a savior of the market economy concept.

Nowadays, the burst of Marx's popularity is quite understandable. Once upon a time, feudalism — the era of the «big men», big and self-sufficient feudal lords — was replaced by a new system of capitalism, a system of human greed and growing entrepreneurship. Greed and proactive attitude were not limited to anything — neither by laws, nor by public organizations, nor by public consciousness. The anti-human nature of this order was obvious. Marx witnessed all this. And, of course, he understood that this system was absolutely unpromising. Then he began to study capitalism as a system and succeeded in this occupation to such a high extent that he still remains an unsurpassed analyst in this area.

Now, I want to emphasize why Marx became a «pariah» in our country. When the Soviet regime collapsed, the country swung to the opposite extreme, toward the unconditional devotion to the free market. Against this background, Marx looked almost the most faithful communist, who, almost personally established the hated Soviet regime. It was impossible to convince the former Soviet people who suddenly saw the light that Marx had nothing to do with our socialism. It was like that in the 90's.

But in the 2000's and later, i.e. in the era of Putin's stability, Karl Marx was given the cold shoulder once again. The plutocratic elite have no reason to recognize the merits of a man justifying the necessity of a proletarian revolution.

So what raises our interest to Marx as a researcher and a prophet today? First, he established that the «free market» inevitably leads to the capital concentration, and hence to the market monopolization. Rhetorically, a monopolist stands up for the market freedom, but in reality the consumer is treated as a monopolist wishes implementing pricing according to the

principle «take it or leave it.» This is how it happened with us. Instead of state ministerial monopolies, which to some extent could be controlled and regulated, it resulted in private regional monopolies with more opportunities for price outrage.

Second, Marx showed that the free play of market forces inevitably leads to the polarization of incomes of the capital owners and the labor force owners. In other words, one pole concentrates a bunch of rich people, and the other — mass poverty. By the way, in fact, it happened in the country and in the world in recent decades. Though, to put it lightly, our people's reaction to this has been muted, for various reasons. Confucius, being not a socialist, quite rightly wrote that «it is shameful to be rich in a poor country as well as to be poor in a rich country.» But nothing is shameful our country.

Third, Marx guessed insightfully that the real economy can be relatively narrowed if the financial institutions are given complete freedom. This is exactly what is cacophonously called today the «economy financialization», i.e. making profits without production. Banks and financial institutions ceased to be the link between the material economy enterprises and began to dominate over them. I'm not a supporter of the theory of conspiracy, but it seems that the world financial nomenclature does exist. With offshore areas, with its own interests, and the way to deal with it is obscure. The money bag dictatorship — as Marx and Lenin wrote about it — has come to life. Especially, it was comprehensively implemented in the country which was so beloved by Lenin. But Marx was a literary pathfinder in this area.

Relative and absolute impoverishment of people. What is it today? Relative impoverishment means, for example, that if your income has grown by 1 million roubles, and mine — by 500 thousand, I'm obviously not happy that you have more, but I can live with

it. But it becomes extremely unpleasant when your income has grown, and I have a decrease in proceeds. Official statistics show that in 2017, Russian billionaires grew richer by USD 25 billion. At the same time, the number of poor Russians increased by 3.5 million. This is the polarization that Marx described in his works.

He is often criticized for his utopianism. But what happens in reality? Marx wrote that a fair global system will emerge not after the extinction of human exploitation by another human, but after the demolition of the «enslaving division of labor.» Various international studies record: only 15% of employees are satisfied with their work. Hence, 85 people out of 100 are rooted to their job, which, put it mildly, they do not really like. They just have to work in order to have means for survival.

Fortunately, the situation on the whole is not so gloomy. Thanks to the rapid scientific, technological and labor progress, a certain «window of opportunity» arises today — an unconditional basic income. Is it not an idea of Marx? After a person is born, he is paid monthly 2,000 euro until his death. No pensions, no subsidies, you are free to work whenever you feel like it. If you are tired of work, you can have a rest. Nowadays, this idea is tested using various options in developed countries, where labor productivity alongside the rapid technological revolution allows its implementation.

It may be argued that it is relevant for a «golden billion», whereas the Earth population is seven times more people, half of which never attended a doctor or a school. So my fantasies are addressed only to the developed world. But after all, Marx wrote only about the developed world as well. Nevertheless, the Marx's idea regarding the advent of an era of leisure and freedom of choice by a man of any kind of occupation is quite realizable. Though, he could hardly imagine that all this could happen with-

out any proletarian revolutions, the abolition of private property and the market approach in economics.

Of course, Marx did not know that capitalism would begin to socialize. He simply did not live to see the beginning of its notable humanization. But it so happened that employees ceased to be silent and accept the situation. They founded labor unions and resisted actively to greedy employers. This process went in parallel with the rapid growth of production efficiency, mechanization, automation and labor productivity. And as a result, an almost classless society appeared in the West in the second half of the past century without any revolutions.

But, apparently, there are no historical achievements once for all. The in-growth of capitalism into socialism resulted in a sharp slowdown in entrepreneurship, and the idea of the «free market» renaissance and the «minimal state» found social acceptance. There was a demand for the social state restriction. The over-socialization of the society could allegedly cripple potential investors. This idea was followed by setting a course for total radical deregulation. It was expressed in the most concentrated form in Margaret Thatcher's well-known appeal, «Restore the Right to Inequality.» And they did it. As a result, the world has fallen into another extreme: another total polarization of incomes, blatant inequality and expansion of poverty zones. Total crisis of democratic institutions. Both the right and the left populists win. Demography undermines the West and favors the East. It is followed by the unprecedented uncertainty. Only one thing is clear. The market economy has no alternatives, although it must become a social one again. Social in spirit and consequences, and not basing on the patterns of the 50's, 60's and 70's of the past century. If it succeeds, Marx will again be out of fashion, like 60 years ago. For the time being, the specter of communism is still haunting...

**МАРКСИСТСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ В XXI ВЕКЕ:
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ
СИЛЫ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ, ЧЕЛОВЕК**

(200-летию со дня рождения Карла Маркса посвящается)

**MARXIST
POLITICAL ECONOMY
IN THE 21ST CENTURY:
PRODUCTIVE FORCES,
PRODUCTION
RELATIONS, MAN**

(200th anniversary of the birthday of Karl Marx dedicated)

А.В. БУЗГАЛИН

Вице-президент Вольного экономического общества России, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор

Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, визит-профессор Пекинского и Кембриджского университетов, д.э.н., профессор

A.V. BUZGALIN

Vice-president of VEO of Russia, Department of Political Economy at the Faculty of Economics, Director of the Scientific and Educational Center for Modern Marxist Studies at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; visiting professor of Peking and Cambridge Universities; Doct. Econ. (DSc), Professor

АННОТАЦИЯ

Празднование 200-летия со дня рождения Маркса стало поводом для реактуализации давно поставленного жизнью вопроса о «восстановлении в правах» марксистской политической экономии.

В статье показывается важность исследования диалектического единства производительных сил и производственных отношений, выделения качественно различных экономических систем, активного использования диалектического метода, в частности, повышения внимания к исследованию диалектических противоречий. Показывается адекватность политико-экономического определения предмета экономической теории для современных условий. Автор также ставит вопрос о трактовке не только производительных сил и производственных отношений, но и такой категории, как «человек», в политической экономии.

ABSTRACT

The celebration of the 200th anniversary of the birth of Marx was the occasion for the reactualisation of the long-standing question of «restoring the rights» of Marxist political economy.

The article shows the importance of researching the dialectical unity of the productive forces and production relations, the identification of

qualitatively different economic systems, the active use of the dialectical method, in particular, increasing attention to the study of dialectical contradictions. The adequacy of the politico-economic definition of the subject of economic theory for modern conditions is shown. The author also raises the question of interpreting not only the productive forces and production relations, but also such a category as «man» in political economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Маркс, марксизм, политическая экономия, производительные силы, производственные отношения, человек.

KEYWORDS

Marx, marxism, political economy, productive forces, production relations, human.

Политическая экономия (не путать с феноменом, который в английском обозначается как political economics, на русский язык переводится как «политическая экономика», иногда «политическая экономия»; его содержание — приложение неоклассического инструментария к исследованию политических процессов) вообще и марксистская политическая экономия в частности были изгнаны из университетов постсоветского пространства вместе с другими марксистскими курсами практически сразу после распада СССР. Тогда же эта теория, ее метод, категориальный аппарат, язык стали выдавливаться из научных исследований, что и завершилось в скором времени едва ли не полным формальным торжеством неоклассики. Для этого были немалые объективные основания: административное насаждение неоклассики — с одной стороны, финансово-грантовая поддержка только этого направления — с другой.

Торжество, однако, остается во многом формальным, ибо значительная часть ученых до сих пор, как правило, не называя вещи своими именами, продолжает использовать многие достижения политической экономии в своих работах.

Более того, несмотря на административно-финансовое давление, марксизм в России XXI века развивается, и достаточно успешно. Как нам уже доводилось писать, в нашей стране сформировались различные теоретические направления, включая постсоветскую школу критического марксизма (см., например, Buzgalin, Kolganov, 2016 [6, 7]), издается и имеет высокий импакт-фактор журнал «Вопросы политической экономии»¹, в котором опубликованы серии статей ведущих политэкономов нашей страны (см., например, Воейков, 2016 [12]; Дзарасов, 2015 [13]; Мамедов, 2015 [16]; Пороховский, 2016 [19]; Рязанов, 2016 [21]; Хубиев, 2016 [24]; Цаголов, 2015 [26]; Черковец, 2017 [27]) и зарубежных авторов (Амин, 2016 [1]; Веркёй, 2017 [11]; Лэйн, 2016 [15]; Фриман, 2016 [22]; Энффу, Цзянькунь, 2017 [28]; и др.), статьи марксистов публикуют центральные экономические журналы (см., например, Бузгалин, 2018 [4]; Колганов, 2017 [14]; Мамедов, 2017 [17]; Мамедов, Брижак, 2013 [18]; Рязанов, 2015 [20] и др.).

В научных центрах и университетах Запада ситуация во многом сходная: доминирует неоклассическая теория, но присутствует и активное меньшинство представителей так называемой гетеродоксальной экономической теории, в основании которой лежит марксизм, дополняемый классическим институционализмом, посткейнсианством и другими, существенно отличными от неоклассики, направлениями.

---

¹ Полнотекстовые версии статей доступны на официальном сайте <http://www.interpolitec.su/> и на странице журнала на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=57993>.

Для того чтобы убедиться в активной жизнедеятельности этого направления и, в частности, политической экономии, достаточно посмотреть на содержание таких журналов, как Cambridge Journal of Economics, World Review of Political Economy, Radical Review of Political Economy, International Critical Thought, многочисленные журналы, издаваемые на немецком, испанском и других языках.

Специально хотелось бы подчеркнуть, что марксизм и, в частности, марксистская политическая экономия широко представлены в Китае, где во всех крупных университетах страны существуют факультеты (институты) марксизма, а лидер страны прямо говорит о том, что Китай своими успехами во многом обязан именно этой теории. Даже если последнее считать преувеличением, не следует забывать ту роль, которую сыграли работы Николая Бухарина — одного из крупнейших экономистов-марксистов XX века — в разработке и реализации модели градуалистских рыночных реформ, проводимых в Китае на протяжении последних 40 лет. И хотя автор никогда не был и не будет сторонником рыночного социализма, не признавать роль марксистской политической экономии (в ее, скажем так, «бухаринской» версии) в развитии Китая бессмысленно.

* * *

Так чем же может быть не просто интересна (как исторический феномен), а теоретически и практически значима марксистская политическая экономия?

Прежде всего тем, что она обращается к исследованию производственных отношений — объективных общественных отношений, в которые вступают люди в процессе материального производства, распределения, обмена и по-

требления, причем рассматривает эти отношения как обусловленные в конечном счете развитием производительных сил и учитывает обратное влияние социально-политических процессов и культуры на развитие собственно экономических процессов. В конечном итоге именно приоритет материального производства как фундаментальная черта «царства экономической необходимости» (К. Маркс) отличает политико-экономический подход от большинства других течений экономической мысли. Подчеркнем: этот акцент не просто теоретический кунштюк. Это ключ к обоснованию тезиса о необходимости преодоления тренда деиндустриализации и развития качественно нового материального производства, доказательству чего посвящена серия работ С.Д. Бодрунова (см., например, Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016; Бодрунов С.Д. Реиндустриализация: социально-экономические параметры реинтеграции производства, науки и образования // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 20–28; Бодрунов С.Д. Четвертая индустриальная революция — пролог нового индустриального общества второй генерации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 3. С. 262–284; Бодрунов С.Д. Конвергенция технологий — новая основа для интеграции производства, науки и образования // Экономическая наука современной России. 2018. № 1. С. 8–19).

В этом (хотя и не только в этом, о чем чуть ниже) принципиальное отличие классической марксистской политической экономии от неоклассики.

Первая отвечает на вопросы, какие объективные законы регулируют жизнедеятельность людей в экономике, какие

объективно обусловленные интересы каких социально-экономических групп как и почему формируются, в чем состоят противоречия между этими социально-экономическими группами (и прежде всего важнейшими из них — классами), как они разрешаются, а если не разрешаются, то к чему это приводит, и т.п.

Вторая решает совершенно иную задачу, моделируя оптимальное (как правило, ориентированное на максимизацию стоимостного дохода, прибыли и минимизацию издержек) принятие решений индивидами (или создаваемыми ими организациями) в условиях ограниченности ресурсов. По сути дела, это наука о том, как больше и выгоднее продавать.

Кроме того, политическая экономия делает принципиальной значимости акцент: экономика в свете этой науки предстает как совокупность различных общественных систем, сменяющих друг друга в процессе исторического развития. Не только так называемая «рыночная экономика», но сложная система нелинейно развивающихся и сменяющих друг друга способов производства — античного, азиатского, феодального, буржуазного (мы воспользовались терминологией Маркса). Для каждого из них характерны свои особенные производительные силы и производственные отношения.

Добуржуазные системы базируются на ручном труде и доминировании аграрного сектора, земля в этих системах — главный ресурс, основное средство производства. Отношения координации предельно просты — регулируемое традициями натуральное хозяйство; отношения присвоения базируются на личной зависимости, внеэкономическом принуждении и рентном способе эксплуатации; воспроизводство сводится к бесконечному повторению природного цикла с чрезвычайно низкими темпами технического

прогресса и экономического роста. Парадокс современности состоит в том, что и сегодня более миллиарда жителей Земли (главным образом аграрное население беднейших стран «периферии») производят в условиях, близких к этой системе: преимущественно ручной труд, значимая роль натурального хозяйства (даже в России до 50% многих овощей и корнеплодов производится в подсобных хозяйствах и не идет на продажу), широкое использование насилия в процессе присвоения и большая роль рентных доходов.

Капиталистический способ производства — это система, основанная на индустриальном труде, системе машин как главном средстве производства, развитом общественном разделении труда, достигающем мирового масштаба. Для этой системы характерны отношения товарного производства (а не просто рынок — всего лишь форма этих отношений), наемный труд лично свободного работника, присвоение прибавочного продукта в форме прибыли и производных от нее форм, специфический (подчиненный росту вещного богатства) технический прогресс и перемежающийся кризисами перепроизводства экономический рост.

Для неоклассики такой исторический, различающий качественно различные экономические системы подход не характерен. Эта наука «рыночноцентрична»: есть рынок и его «провалы». Точка. Другой экономики *как бы* и нет... И невдомек сторонникам этой теории, что господствующей в мировом масштабе — охватывающей большую часть производителей и потребителей земного шара — формой производства и обмена рынок стал... едва ли в начале XX века. До этого большая часть жителей Индии и Китая, Африки и Латинской Америки, даже России производили и потребляли преимущественно в режиме натурального хозяйства.

Точно так же для неоклассики не может существовать и «пострыночных» и «посткапиталистических» отношений, ибо жизни после рынка для них как бы нет: эта система вечна, потому что она единственно эффективна. Это аксиома.

Политическая же экономия позволяет себе сделать вывод, который мы ранее сформулировали в журнале *Terra Economicus*. Это вывод о «наличии в современной экономике пострыночных отношений, посредством которых осуществляется связь производителей и потребителей, осуществляются процессы присвоения и распределения благ и т. д., вплоть до отношений воспроизводства (подробнее об этом мы писали в журналах «Вопросы экономики», 2016, № 1 и «Вопросы политической экономии», 2016, № 1). Этот теоретический вывод легко подтверждается фактами. Общеизвестно, что с начала XX века к его концу доля ВВП, перераспределемого государством (т.е. получаемого и используемого не по законам рынка), в странах «ядра» (используем терминологию Иммануила Валлерстайна, ученого, близкого к марксизму [29]) выросла с 10–15% до (в среднем) 35–50% (данные о текущем уровне доли государства в ВВП по странам представлен, например, *The Heritage Foundation* (см.: *The Heritage Foundation. 2017 Index of Economic Freedom // The Heritage Foundation. Institute for Economic Freedom. URL: <http://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: 10.02.2018))). О долгосрочных тенденциях с точки зрения участия государства в экономике стран «ядра» автор также опубликовал статью «Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все?» в журнале «Социологические исследования», 2017, № 7. Не менее хорошо известно, что в этих же странах от 1/4 до 1/3 всех благ граждане получают бесплатно. Все это указывает на наличие*

реальных социопространственных границ и социовременных пределов экономической системы, называемой в рамках «основного течения» рынком.

* * *

Не менее значим вопрос о природе и роли Человека, который не только ставится, но и решается вполне определенным образом в рамках марксистской политико-экономической традиции. Этот аспект данного направления экономистами затрагивается крайне редко, а он весьма важен для понимания природы современной экономики и происходящих в ней изменений.

Марксистское понимание человека акцентирует прежде всего противоречие его бытия как функции, марионетки объективных отчужденных сил истории на одном полюсе и как творца истории, субъекта реформ и революций — на другом. Последняя роль человека в экономической науке отражается в наименьшей степени, что, к сожалению, характерно и для ряда политэкономических исследований.

Кроме того, политико-экономический подход фиксирует обусловленность базовых человеческих качеств — потребностей и стимулов — системой господствующих производственных отношений. В феодальном обществе человек подчинен традиции и максимизирует количество крепостных и земли, в буржуазном он — функция товарного фетишизма и максимизирует стоимостной доход и т.д. Более того, в классовых обществах в экономические отношения вступает — и это доказывает именно политическая экономия — не некий абстрактный индивид с «естественным» и как бы вечным стремлением иметь как можно больше денег и как можно меньше работать, а представитель опреде-

ленного класса (или его подгруппы) с характерным для него специфическим классовым интересом.

Наконец, марксизм связывает прогресс человеческих качеств и критерий социально-экономического прогресса в единое целое, показывая, что именно гармоничное свободное развитие человека в ассоциации и посредством нее, развитие Человека и его Культуры, Общества и Природы по пути, приближающему нас к «царству свободы», и есть высшая цель общественного развития, о чем не устают писать гуманисты и экологи на протяжении вот уже более полувека². «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начи-

² См., например: Fromm E. *Marx's Concept of Man*. — New York: Frederick Ungar, 1963; Фромм Э. *Иметь или быть*. — М.: Прогресс, 1990; Сэв Л. *Марксизм и теория личности*. — М.: Прогресс, 1972, и мн. др. См. также регулярно публикуемые с 1968 г. доклады Римского клуба (один из вызвавших наибольший резонанс в среде исследователей и экономполитиков доклад — *The Limits to Growth* (1972), последний доклад, ознаменовавший 50-летие деятельности Римского клуба, — *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet* (2018, URL: <https://www.clubofrome.org/2017/10/25/new-report-to-the-club-of-rome-come-on/>).

нается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» (Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. М.: Политиздат, 1962. С. 386–387). «... Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» (Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 9). На этой основе автор и его соавтор — А.И. Колганов — вот уже более 20 лет предлагают модификации стратегии опережающего развития. Последняя версия этого документа отражена в тексте «Экономика для человека. Стратегия опережающего развития — 2017» [8, 9].

* * *

В завершение позволю себе одну ремарку. Выше автор отметил только некоторые аспекты актуальности политической экономии, указав лишь на первые три шага по пути более полного включения этого течения общественно-экономической мысли в пространство современных экономико-теоретических исследований и преподавания экономической теории. Далее следует целый ряд шагов, указывающих на актуальность марксистской теории товарного производства и его форм — рынка, денег, капитала, накопления и т.д. Еще дальше — новые разработки, показывающие те изменения, которые характерны для рынка, денег и капитала в XXI веке, и раскрывающие те трансформации содержания этих категорий, которые происходят в условиях позднего капитализма³. Наконец, марксист-

³ О содержании этой категории подробнее см.: Mandel E. Late Capitalism. London — New York: Verso, 1987; Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: DukeUniversityPress, 1991.

ская политическая экономия может дать и дает целый ряд рекомендаций, касающихся тех возможных экономико-политических действий и институциональных преобразований, которые могут и будут способствовать продвижению по пути социально-экономического прогресса, критерии которого помогает адекватно отразить, опять же, наша наука.

Но все это — предмет развернутого представления итогов развития марксистской политической экономии за более чем полтора столетия, прошедшие с момента выхода I тома «Капитала» Маркса⁴.

Библиографический список

1. Амин С. Современный империализм // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 9–20.
2. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
3. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
4. Бузгалин А.В. Ключ к пониманию противоречий современной экономики (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Terra economicus. 2018. Том 16. № 2.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 31–42.
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80.

⁴ Они подведены в ряде работ, вышедших в последние десятилетия. См., например, Дэвид Харви «Пределы капитала».

7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 21–43.
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 34–50.
9. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальные, материальные и финансовые ресурсы опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 9. С. 13–24.
10. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2 тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» reloaded). Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.
11. Веркёй Ж. Теория регулирования: от учебника к программе исследований (о книге Робера Буайе «Политэкономия капитализма. Теория регулирования и кризисов») // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 129–142.
12. Воейков М.И. Р. Люксембург: Диалектика трансформации современного капитализма // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 53–67.
13. Дзарасов Р.С. Капитализм и социализм на весах политической экономии // Вопросы политической экономии. 2015. № 3. С. 30–41.
14. Колганов А.И. (2017). К критике концепции «власти-собственности» // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 79–95.
15. Лэйн Д. «Посткапитализм» как новая экономическая система: критика // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 8–21.
16. Мамедов О.Ю. Методология современного политико-экономического анализа (азы экономико-теоретического исследования) // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 10–13.
17. Мамедов О.Ю. Одной макроэкономикой сыт не будешь // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 4, с. 6–21. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-4-6-21.

18. Мамедов О.Ю., Брижак О.В. Современная корпорация в координатах классической политической экономии // *Terra Economicus*. 2013. Т. 11, № 4–3, с. 5–9.
19. Пороховский А.А. Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 4. С. 8–22.
20. Рязанов В.Т. Development of the theory of capitalist crises: Political economy traditions and modernity // *Экономика региона*. 2015. № 2. С. 40–49.
21. Рязанов В.Т. Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 2. С. 88–106.
22. Фриман А. Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 4. С. 37–60.
23. Фромм Э. *Иметь или быть*. — М.: Прогресс, 1990.
24. Хубиев К.А. Альтернативный подход к земельной реформе в России: отношения собственности и проблема их декриминализации // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 2. С. 76–87.
25. Хубиев К.А. Инновационная экономика против наемной формы труда // *Вопросы политической экономии*. 2018. № 1. С. 55–61.
26. Цаголов Г. Н. Политэкономия будущего // *Вопросы политической экономии*. 2015. № 2. С. 39–51.
27. Черковец В.Н. Природа империализма и современный капитализм: особенности исследования их взаимосвязи // *Вопросы политической экономии*. 2017. № 2. С. 87–96.
28. Эньфу Ч., Цзянькунь Г. Перспективы макроэкономического развития Китая: десять мер // *Вопросы политической экономии*. 2017. № 1. МС. 6–18.
29. Wallerstein I. *World-system analysis. An Introduction*. Durham, 2004.

Political economy (not to be confused with the phenomenon referred to in English as political economics translated into Russian as “политический экономика” or sometimes as “политическая экономия,” its content is the application of neoclassical tools to the study of political processes) in general and, particularly, Marxist political economy were expelled from the universities within the post-Soviet area along with other Marxist courses almost immediately after the collapse of the USSR. At the same time, this theory, its methods, categorical apparatus, and vocabulary were pushed out from the economic research. It soon resulted in the almost complete formal triumph of the neo-classical approach. There were considerable objective grounds: the administrative promotion of neoclassicism, on the one hand, the financial and grant support of this direction alone, on the other hand.

However, the triumph is largely formal, for a significant part of scientists still continues to use many achievements of political economy in their works, as a rule, without putting things bluntly.

Moreover, despite the administrative and financial pressure, Marxism in Russia in the 21st century is developing quite successfully. As we have already written, various theoretical directions have been shaped in our country, including the post-Soviet school of critical Marxism (eg: Buzgalin, Kolganov, 2016 [6, 7]), the *Issues of Political Economy* magazine¹ is published having a high impact factor with a series of articles by leading political economists of our country (e.g.: Voyeykov, 2016 [12]; Dzarasov, 2015 [13]; Mamedov, 2015 [16]; Porokhovskiy, 2016 [19]; Ryazan-

---

¹ The full texts of articles are available on the official website <http://www.interpolitec.su/> and on the magazine page on the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU website <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=57993>.

ov, 2016 [21]; Khubiyev, 2016 [24]; Tsagolov, 2015 [26]; Cherkovets, 2017 [27]) and foreign authors (Amin, 2016 [1]; Vercueil, 2017 [11]; Lane, 2016 [15]; Freeman, 2016 [22]; Enfu, Jiankun, 2017 [28]; and others), articles of Marxists are published in main economic magazines (e.g.: Buzgalin, 2018 [4]; Kolganov, 2017 [14]; Mamedov, 2017 [17]; Mamedov, Brizhak, 2013 [18]; Ryazanov, 2015 [20]; and others).

The situation is much similar in the Western scientific centers and universities: the neoclassical theory dominates, but there is also an active minority supporting the so-called heterodox economic theory, which is based on Marxism, supplemented by classical institutionalism, post-Keynesianism and other directions that are significantly different from the neoclassical school. The content of such journals as *The Cambridge Journal of Economics*, *The World Review of Political Economy*, *The Radical Review of Political Economy*, *International Critical Thought*, numerous magazines published in German, Spanish and other languages is an evidence of the activity in this area and, in particular, political economy.

I would especially like to emphasize that Marxism and, in particular, Marxist political economy are widely represented in China, where there are faculties (institutes) of Marxism in all major universities, and the leader of the country directly says that China's success is largely determined by this theory. Even if the latter is considered an exaggeration, we should not forget the role of the work by Nikolai Bukharin, one of the largest Marxist economists of the twentieth century, in the development and implementation of the gradualist market reform model carried out in China over the past 40 years. And although the author has never been and will not be a supporter of market socialism, it is meaningless not to recognize the role of Marxist political

economy (let's say, in "Bukharin's" version) in the development of China.

* * *

So why the Marxist political economy can be not only interesting (as a historical phenomenon), but theoretically and practically significant?

First of all, it refers to the study of production relations — unbiased social relations, where people are involved into the process of material production, distribution, exchange and consumption, and considers these relations as conditioned, eventually, by the development of the productive forces and takes into account the reverse influence of socio-political processes and culture on the development of pure economic processes. Ultimately, it is the priority of material production as a fundamental feature of the "realm of economic necessity" (K. Marx) that distinguishes the political and economic approach from most other economic thoughts. This emphasis is not just a theoretical trick. This is the key to substantiating the thesis about the need to overcome the trend of deindustrialization and the development of a qualitatively new material production. S.D. Bodrunov wrote several works to prove it (e.g.: Bodrunov, S.D. *The Future: The New Industrial Society: Reset*. 2nd Edition, rev. and add., Saint Petersburg, Vitte Research Institute, 2016; Bodrunov, S. *Reindustrialization: Socio-Economic Parameters of the Reintegration of Production*, Science and Education // Sociological Research, Issue 2, 2016, p. 20–28; Bodrunov, S.D. *The Fourth Industrial Revolution: Preface of New Industrial Society of the Second Generation* // Transactions of the Free Economic Society of Russia, Vol. 205, Issue 3, 2017, p. 262–284; Bodrunov, S.D. *Convergence of Technologies: A New Basis for Integration*

of Production, Science and Education // Economics of Contemporary Russia, Issue 1, 2018, p. 8–19).

It makes (but not exclusively — as you can see below) the fundamental difference between classical Marxist political economy and neoclassicism.

The first theory answers questions on which objective laws regulate the economic life of people, which socioeconomic groups are marked by objectively conditioned interests and what these interests are, the reasons of the contradictions between these socioeconomic groups (and above all the most important of them — classes), how they are resolved, and if not resolved, then, what the result of this dependence is, etc.

The second theory solves a completely different problem, modelling the optimal (usually focused on maximizing the value of income, profits and minimizing costs) decision-making by individuals (or the organizations created by them) in the face of limited resources. In fact, this is the science of how to sell more and more profitably.

In addition, political economy makes the emphasis of fundamental importance: the economy in the light of this science appears as a set of different social systems succeeding each other in the process of historical development. Not only the so-called “market economy,” but a complex system of nonlinearly developing and succeeding modes of production — the ancient mode, the Asian mode, the feudal mode, the bourgeois mode (we used the terminology of Marx). Each of them has its own specific productive forces and production relations.

Pre-bourgeois systems are based on manual labor and the dominance of the agricultural sector, land is the main resource in these systems, the main producer goods. Coordination relations are extremely simple — natural economy regulated by

traditions; the relations of appropriation are based on personal dependence, non-economic coercion and rental mode of exploitation; reproduction is reduced to an endless repetition of the natural cycle with extremely low rates of technological progress and economic growth. The modern paradox is that even today more than a billion people (mainly the agrarian population of the poorest “peripheral” countries) produce in conditions close to this system: predominantly manual labor, a significant role of natural farming (even in Russia up to 50% of many vegetables and root crops are produced in subsidiary farms without entering the market), widespread use of violence in the process of appropriation and a greater role of rental income.

The capitalist mode of production is a system based on industrial labor, the system of machines as the main producer goods, the developed social division of labor that reaches the world scale. This system is characterized by the relations of commodity production (not just the market, it is merely the form of these relations), the hired labor of a personally free employee, the appropriation of the surplus product in the form of profit and its derivatives, a specific technical growth (subordinate to the growth of material wealth) and economic growth with intermittent overproduction crises.

This approach (a historical approach distinguishing qualitatively different economic systems) is not typical for the neoclassical theory. This science is “market-centered”: there is a market and its “failures.” That’s it. *As if* there is no other economy... And little did the supporters of this theory think that the world scale market — covering most of the world’s producers and consumers — became the form of production and exchange... just at the beginning of the twentieth century. Before that, most of

the inhabitants of India and China, Africa and Latin America, even Russia, produced and consumed mainly within the natural farming mode.

Similarly, no “post-market” and “post-capitalist” relations can exist within the neoclassicism, because there is no life after the market for them: this system is eternal, because it is the only effective one. This is an axiom.

Political economy allows itself to draw a conclusion, which we previously formulated in the *Terra Economicus* magazine. This is the conclusion about “the presence of post-market relations in the modern economy, through which producers and consumers are connected, the processes of appropriation and distribution of benefits, etc. are being implemented up to the reproduction relations (for more details, we wrote about this in the *Issues of Economics* magazine (No. 1, 2016) and the *Issues of Political Economy* magazine (No. 1, 2016). This theoretical conclusion is easily confirmed by facts. It is well known that the share of GDP redistributed by the state (i.e. received and used not according to the laws of the market) grew from 10–15% in the beginning of the twentieth century to (on average) 35–50% by the end of the 20th century in the core countries (using the terminology of Immanuel Wallerstein, a scientist close to Marxism [29]) (data on the current level of the state’s share of GDP in the countries represented, for example, by The Heritage Foundation (see: The Heritage Foundation, 2017 Index of Economic Freedom // The Heritage Foundation Institute for Economic Freedom URL: <http://www.heritage.org/index/ranking>, reference date: 10.02.2018). The author also published an article on long-term trends in terms of public participation in the economy of the “core” countries titled “Creative Economy: Private Intellectual Property or the Property of Everyone for Everything?”

in the *Sociological Studies* magazine (No. 7, 2017). It is also well known that people living in these “core” countries get 1/4 to 1/3 of all benefits for free. All this indicates the existence of real socio-spatial boundaries and the socio-temporal limits of the economic system, called within the “mainstream” market.

* * *

The question of the nature and role of Man is not less significant. It is not only put, but also solved in a quite definite way within the framework of the Marxist politico-economic tradition. This aspect is considered by economists exceedingly rare, and it is very important for understanding the nature of the modern economy and its changes.

Marxist concept of Man primarily emphasizes the contradiction of being as a function, the puppet of objective alienated forces of history — at one pole, and as a creator of history, the subject of reforms and revolutions — on the other. The last role of Man in economic science is reflected to the least extent, which, unfortunately, is also characteristic of several political economy studies.

In addition, the political-economic approach fixes the conditioning of the basic human qualities — needs and incentives — by the system of dominant production relations. In feudal society, a person is subordinated to tradition and maximizes the number of serfs and land, in the bourgeois society — an individual is a function of commodity fetishism and maximizes the value of income, etc. Moreover, not an abstract individual with a “natural” and seemingly eternal desire to have as much money and work as little as possible, but a representative of a certain class (or subgroup) with a specific class interest enters economic relations in class societies; and this is proved precisely by political economy.

Finally, Marxism links the progress of human qualities and the criterion of social and economic progress, showing that it is the harmonious free development of man in association and through it, the development of Man and Culture, Society and Nature along a path that brings us closer to the “realm of freedom,” that is the highest goal of social development, and the humanists and ecologists are writing about it incessantly for more than half a century². “The realm of freedom actually begins only where labor which is determined by necessity and mundane considerations ceases; thus in the very nature of things it lies beyond the sphere of actual material production. (...) With human development this realm of physical necessity expands as a result of his wants; but, at the same time, the forces of production which satisfy these wants also increase. Freedom in this field can only consist in socialised man, the associated producers, rationally regulating their interchange with Nature, bringing it under their common control, instead of being ruled by it as by the blind forces of Nature; and achieving this with the least expenditure of energy and under conditions most favorable to, and worthy of, their human nature. But it nonetheless still remains a realm of necessity. Beyond it begins that development of human energy which is an end in itself, the true realm of freedom, which, however, can blossom forth only with this realm of necessity as its basis” (Marx, K. Capital. Vol. III. // Marx, K., Engels, F. Works, 2nd Edition, Vol. 25, Part II, Moscow, Politizdat Publishers, 1962, p. 386–387); “...The prehistory of human society accordingly closes

² E.g.: Fromm, E. Marx's Concept of Man. New York: Frederick Ungar, 1963; Fromm, E. To Have or to Be? Moscow, Progress Publishers, 1990; Seve, L. Marxism and the Theory of Personality. Moscow, Progress Publishers, 1972, and many others. See also reports by the Club of Rome regularly published since 1968 (one of the reports that caused the greatest resonance among researchers and economists — The Limits to Growth (1972), the last report, marking the 50th anniversary of the Club of Rome — Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet (2018, URL: <https://www.clubofrome.org/2017/10/25/new-report-to-the-club-of-rome-come-on/>).

with this social formation” (Marx, K. A Contribution to the Critique of Political Economy. Preface // Marx, K., Engels, F. Works, 2nd Edition, Vol. 13, p. 9). On this basis, the author and his co-author A.I. Kolganov have proposed modifications to the strategy of advanced development for more than 20 years ago. The latest version of this document can be found in the article “Economics for Man. Strategy of Advanced Development — 2017” [8, 9].

* * *

In conclusion, I will only make one remark. Above, the author noted only certain aspects of the relevance of political economy, pointing only to the first three steps towards a more complete inclusion of this trend of socio-economic thought in the space of modern economic and theoretical studies and the teaching of economic theory. It will be followed by a whole series of steps that indicate the relevance of the Marxist theory of commodity production and its form — the market, money, capital, accumulation, and so on. Later, new developments that show the changes that are characteristic of the market, money and capital in the 21st century and reveal those transformations of these categories that occur under the conditions of late capitalism³. Finally, Marxist political economy can give and gives a whole range of recommendations on those possible economic and political actions and institutional transformations that can and will promote progress along the socioeconomic progress, and our science helps reflect its criterion adequately.

But all this is the scope of a detailed presentation of the Marxist political economy development results for more than a cen-

---

³ On details of this category see: Mandel E. Late Capitalism. London — New York: Verso, 1987; Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.

ture and a half that has passed since the publication of Marx's Capital Volume I4.

Refereces

1. Amin, S. Modern Imperialism // Issues of Political Economy. Issue 1, 2016, p. 9–20.
2. Buzgalin, A.V. Creative Economy: Private Intellectual Property or Property of Everyone for Everything? // Sociological Research, Issue 7, 2017, p. 43–53.
3. Buzgalin, A.V. The Dawn of Neoliberalism (to mark Karl Marx's 200th anniversary) // Issues of Economics, Issue 2, 2018, p. 122–141.
4. Buzgalin, A.V. The Key to Understanding the Contradictions of the Modern Economy (to mark Karl Marx's 200th anniversary) // TERRA ECONOMICUS, Issue 2, Volume 16, 2018.
5. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. Capital of the 21st Century: Simulacrum as an Analysis Object of Critical Marxism // Issues of Philosophy, Issue 11, 2012, p. 31–42.
6. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. Planning: the Potential and Role in the Market Economy of the 21st Century // Issues of Economics, Issue 1, 2016, p. 63–80.
7. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. Theory of Regularity and the Tasks of the Selective Planning Development in a Market Economy // Issues of Political Economy, Issue 1, 2016, p. 21–43.
8. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. On the Strategy of Advanced Development of Russia // Issues of Management Theory and Practice, Issue 7, 2017, p. 34–50.
9. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. Social, Material and Financial Resources of Russia's Advanced Development // Issues of Management Theory and Practice, Issue 9, 2017, p. 13–24.

⁴ They can be found in several works published in recent decades. See, for example, The Limits to Capital [David Harvey].

10. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. Global Capital in 2 Volumes, Vol. 2. Theory. The Global Hegemony of Capital and Its Limits (Capital reloaded). 4th Edition, Moscow, LENAND, 2018.
11. Vercueil, J. Regulation Theory: From Textbook to Research Agenda (on the book by Robert Boyer The Politics of Capitalism: Regulation Theory and Crises // Issues of Political Economy, Issue 2, 2017, p. 129–142.
12. Voyeykov, M.I., Luxemburg, R. Dialectics of the Modern Capitalism Transformation // Issues of Political Economy, Issue 3, 2016, p. 53–67.
13. Dzarasov, R.S. Capitalism and Socialism on the Scales of Political Economy // Issues of Political Economy, Issue 3, 2015, p. 30–41.
14. Kolganov, A.I. A critique of the Power-Property Concept // Issues of Political Economy, Issue 7, 2017, p. 79–95.
15. Lane, D. Post-Capitalism as a New Economic System: Criticism // Issues of Political Economy, Issue 3, 2016, p. 8–21.
16. Mamedov, O.Y. Methodology of Modern Political and Economic Analysis (the Basics of Economic and Theoretical Research) // Issues of Political Economy, Issue 2, 2015, p. 10–13.
17. Mamedov, O.Y. Macroeconomics Doesn't Fill the Belly // Terra Economicus, Vol. 15, Issue 4, 2017, p. 6–21. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-4-6-21.
18. Mamedov, O.Y., Brizhak, O.V. Modern Corporation in the Coordinates of Classical Political Economy // Terra Economicus, Vol. 11, Issue 4–3, 2013, p. 5–9.
19. Porokhovskiy, A.A. Political Economy in the XXI Century: a Systematic Approach to Solving the Issues of the Modern Economy // Issues of Political Economy, Issue 4, 2016, p. 8–22.
20. Ryazanov, V.T. Development of the Theory of Capitalist Crises: Political Economy Traditions and Modernity // Economics of Region, Issue 2, 2015, p. 40–49.
21. Ryazanov, V.T. Cyclic and Systemic Causes of the Crisis in Russia: the Role of Finance Socialization in Their Overcoming // Issues of Political Economy, Issue 2, 2016, p. 88–106.

22. Freeman, A. Twilight of the Machinocracy: Indispensable Labor and the Future of Production // Issues of Political Economy, Issue 4, 2016, p. 37–60.
23. Fromm, E. To Have or to Be? Moscow, Progress Publishers, 1990.
24. Khubiyev, K.A. Alternative Approach to Land Reform in Russia: Property Relations and the Problem of Their Decriminalization // Issues of Political Economy, Issue 2, 2016, p. 76–87.
25. Khubiyev, K.A. Innovative Economy versus Wage Labor // Issues of Political Economy, Issue 1, 2018, p. 55–61.
26. Tsgolov, G.N. Political Economy of the Future // Issues of Political Economy, Issue 2, 2015, p. 39–51.
27. Cherkovets, V.N. Nature of Imperialism and Modern Capitalism: the Features of the Study of Their Interrelationship // Issues of Political Economy, Issue 2, 2017, p. 87–96.
28. Enfu, Jiankun. China's Macroeconomic Development Prospects: Ten Measures // Issues of Political Economy, Issue 1, 2017, p. 6–18.
29. Wallerstein, I. World System Analysis. An Introduction. Durham, 2004.

ВЕЛИЧИЕ МАРКСИЗМА И ИМПЕРАТИВ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

(по материалам доклада на научной
конференции «Марксизм и время»
в Финансовом университете при
Правительстве РФ, 16 мая 2018 г.)

GRANDEUR OF MARXISM AND IMPERATIVE OF HISTORICAL REALITY

(adapted from a report made at «Marxism and
Time» Academic Conference held at the Finan-
cial Institute under the Russian Government
on May 16, 2018)

Я.А. ПЛЯИС

Профессор Департамента политологии, доктор
исторических наук, доктор политических наук,
профессор

YA.A. PLYAIS

Professor at the Department of Political Science,
Doctor of History, Doctor of Political Science,
Professor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена критическому анализу теории и практики марксизма и социал-демократии, а также теории и практики социальных революций в России в XX веке, соотношению субъективных и объективных факторов в революции.

ABSTRACT

The article is devoted to critical analyses of Marxist and social-democratic theory and practice, as well as of theory and practice of XX-th social revolutions in Russia, and correlation of subjective and objective factors in those revolutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Марксизм, социальные революции в России, субъективные и объективные факторы, социал-демократия.

KEYWORDS

Marxism, social revolutions in Russia, subjective and objective factors, social-democracy.

Тема нашей конференции — «Марксизм и время» — весьма актуальна. Прежде всего потому, что, несмотря на многочисленные исследования и наших ученых¹, и зарубежных, в этой теме остается еще немало белых пятен. Они касаются не только самого марксизма, но и опыта реализации этой теории в различных странах мира.

И к самой теории, и к практике социалистического и коммунистического строительства есть, как мне представляется,

¹ Среди многочисленных научных работ по марксизму, созданных в самые разные времена, мне хотелось бы выделить лишь следующие: Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 558 с.; Нуреев Р.М. Очерки по истории марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса): монография. — М.: КНОРУС, 2018 — 300с.; Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 406 с.; Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. — М.: ЛЕНАНД, 2017.

немало вопросов, на которые надо стремиться непредвзято ответить, не игнорируя ни позитивных, ни негативных сторон и теории, и практики. В связи с этим я намерен говорить не только о главной методологической ошибке Маркса, но и о роли объективных и субъективных факторов в социальной революции, роли элит, государства и гражданского общества, а также о некоторых других вопросах.

В рамках отведенного мне времени обо всем этом можно, разумеется, говорить лишь кратко, иногда лишь обозначая проблему и свою позицию. При этом я имею в виду, что некоторые из перечисленных вопросов достаточно подробно освещены мною в недавно вышедшей монографии «Марксизм и социальные революции в России», которую я собираюсь дополнить в следующем издании.

Переходя к первой части темы моего доклада, т.е. к вопросу о **величии марксизма**, замечу, что об этом много говорить нет никакой необходимости, потому что хвалебного в адрес марксизма сказано и написано в свое время столько, что можно было бы выстроить пирамиду до неба. Скажу только, что самое серьезное достижение научной мысли Карла Маркса, в моем понимании, состоит в том, что он *верно определил причину смены общественно-экономических формаций или, иначе говоря, разработал научно обоснованную методологию смены формаций*. Суть ее в том, что естественное развитие производительных сил, происходящее во всех формациях, неизбежно приводит к изменениям в производственных отношениях и, как следствие, к образованию новых социальных групп и слоев. Из более прогрессивных производительных сил, генерирующих новые производственные отношения, вырастают и новые общественные отношения и, как результат, новые мировоззрения.

В тот период времени, когда новым производительным силам и их владельцам становится тесно в рамках старой формации, они начинают бороться против нее, т.е. против старой надстройки, и прежде всего — против устаревающей государственной бюрократии, не желающей сдавать свои позиции и уходить с политической арены. Постепенно разгораясь, борьба между новым и старым выливается в открытые столкновения и, в конце концов, в социальную революцию. Шаг за шагом, обычно с приливами и отливами, спадами и подъемами, новое берет свое, одерживает одну победу за другой и в конечном счете утверждается на троне власти. Через определенное время ситуация повторяется, но уже с новыми производительными силами и новыми производственными отношениями, их творцами и хозяевами. *Таков закон смены общественно-экономических формаций, закон прогресса и, соответственно, истории.*

* * *

Говоря о **привлекательности коммунистической теории или, точнее, притягательности идей коммунизма**, надо отметить, прежде всего, что эта теория в основе своей намного гуманнее, чем капиталистическое мировидение. Призыв к справедливой борьбе трудящихся против эксплуатации, за социальное освобождение, равенство, против разного рода угнетения — это то, что вовлекало в прошлом и вовлекает сегодня многих в борьбу против капитализма. Возвышение роли трудящегося человека, создающего вместе с другими, такими же тружениками, материальные ценности, но отчуждаемого от них частными предпринимателями, обогащающимися за счет чужого труда, призыв-обещание кардинально изменить такую ситуацию посредством проле-

тарской революции — это также очень привлекательно для простых тружеников. В подтверждение сказанного сошлюсь на некоторые изречения из «Манифеста коммунистической партии» и «Устава Союза коммунистов», увидевших свет в 1848 году², авторами которых были К. Маркс и Ф. Энгельс: «Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым — и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка слоев, образующих официальное общество»³.

Видя в пролетариате «действительно революционный класс» и отмечая, что «все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленно-

² Этот программный документ Маркс и Энгельс написали по поручению состоявшегося в конце 1847 г. в Лондоне II Конгресса Союза коммунистов — первой в истории коммунистической организации. Впервые опубликован 21 февраля 1848 г.

³ Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. V. Политические документы. — М.: Мысль, 1997, с. 114.

сти, пролетариат же есть ее собственный продукт»⁴, считая, что буржуазия производит прежде всего своих собственных могильщиков, т.е. пролетариев, Маркс и Энгельс сформулировали в «Уставе Союза коммунистов» следующую его основную цель: «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»⁵.

Не только основатели коммунистической теории, но и их последователи в разных странах (в том числе российские социал-демократы, включая В.И. Ленина и его сторонников), были подвержены болезни революционного романтизма и вере в коммунистическую утопию⁶.

* * *

Отмечая огромное значение открытия Марксом закона смены общественно-экономических формаций и акцентируя причины привлекательности марксистской теории, я хотел бы также же сказать о той **главной методологической ошибке**, которую он, по моему твердому убеждению, допустил, утверждая, что могильщиком капитализма и, соответственно, эксплуатации человека человеком, будет пролетариат, свободный от всякой собственности, не являющийся творцом новых производительных сил и новых производственных отношений. На мой взгляд, ошибка состояла в том, что основатели новой теории, ставшей затем

---

⁴ Там же, с. 113.

⁵ Там же, с. 116.

⁶ Здесь можно сделать одну оговорку, связанную с тем, что в утопию (сказку) можно верить не только из-за привлекательности, но и чтобы увлечь за собой поверивших в нее людей, чтобы привлечь на свою сторону поверивших и повести их за собой.

также политической идеологией, отдали роль движущей силы в будущей социалистической (пролетарской) революции пролетариату, свободному от производительных сил, в то время как во всех предыдущих революциях дело обстояло как раз наоборот, т. е. социальную революцию организовывали и возглавляли именно те социальные слои, которые были неразрывно связаны с новыми производительными силами и новыми производственными отношениями, а не те слои, которые лишены всего этого. При этом низы (крестьяне или рабы, например) были тем инструментом в руках владельцев новых производительных сил, которые совершали революцию, выполняли всю черновую и кровавую работу, неизбежно сопровождающую любую социальную революцию. Не случайно Маркс по этому поводу писал: «Пролетариат борется, а буржуазия крадется к власти». Можно было бы сказать и иначе: низы борются, а власть обретают новые хозяева. Низы борются, потому что именно им тяжелее всего, они несут основное бремя социальных тягот. А новые владельцы рвутся к власти, потому что существующая власть не позволяет им развернуться во всю мощь, мешает им удовлетворять постоянно растущие аппетиты. В таких условиях неизбежно возникает и развивается антагонизм, который может быть разрешен лишь двумя путями: либо путем уступок со стороны господствующих, правящих сил новым растущим и крепнущим день ото дня группам и слоям, либо путем социальной революции. Совершив революцию и получив некоторое улучшение, низы подчиняются новым хозяевам и порядкам, ими устанавливаемым, продолжая до поры до времени надеяться на улучшение своего положения. Через какое-то время, устав надеяться, низы снова поднимаются на борьбу, и все

возвращается на круги своя, закон истории снова начинает работать.

Важно то, что отчужденные от конкретной собственности люди теряют интерес, вырастающий из их жизненных потребностей или амбиций и являющийся, к слову сказать, главным мотивом их действий, становятся безразличнее к окружающему их миру, консервативнее. Зачем напрягаться, стараться сделать больше и качественнее, жизнь от этого едва ли изменится к лучшему — таким становится их жизненный девиз. И наоборот. Если существуют благоприятные условия, к тому же закрепленные правовыми нормами, человек чувствует себя увереннее, так как у него есть твердая почва под ногами. Здесь мне хотелось бы добавить, что *в ходе любой социальной революции и сразу после нее принципиально важное значение имеет решение вопроса о собственности, прямо связанного с вопросом о власти, так как ни одна политическая власть без основательного экономического фундамента, сходного по природе с надстройкой, продержаться долго не может.* При этом важное значение имеет также классовая принадлежность и одного, и другого фактора, т.е. и собственности, и власти. Между ними не должно быть классового антагонизма. Из этого следует, что при подлинном, а не фиктивном социализме собственность должна принадлежать трудящимся. Не декларативно, как это фактически было в СССР, а реально, например, через юридически оформленное долевое акционерное участие. К этому хотелось бы добавить, что *чем больше у человека легальных, устойчивых, надежных источников благосостояния, тем лучше и ему, и обществу, и государству.* Доказывать это, по-моему, нет никакой надобности. Добавлю только, что у человека, по моим оценкам, должно быть не меньше двух таких источников.

Чтобы быть более убедительным в своем утверждении о фундаментальной методологической ошибке Маркса, приведу следующий аргумент. При рабовладельческом строе, затем при феодальном, а позднее и при буржуазном, вплоть до нашего времени, нередко случались восстания и даже целые войны: рабов — против рабовладельцев (например, восстание Спартака в Древнем Риме), крестьян — против феодалов (например, крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева в России), пролетариата — против капиталистов (например, рабочего класса Парижа против французской буржуазии), причем некоторые из них были достаточно успешными, правда, временно. У власти же утверждались в конечном счете не низы, а те слои, которые были связаны с новыми производительными силами и новыми производственными отношениями. Именно по этой причине у рабочего класса изначально не было шансов закрепиться в России (и не только в России) у власти, которую они помогли партии большевиков завоевать. Чтобы рабочий класс сделать подлинно правящим, ему надо было на самом деле отдать фабрики и заводы и научить управлять ими. Но и в таком случае у него были бы большие проблемы, поскольку для эффективного управления необходимо многое, начиная с качественного, адекватного времени образования, опыта, умения планировать и развивать производство и многое другое.

* * *

Наряду с методологической ошибкой относительно основной движущей силы социалистической (пролетарской) революции основатели коммунистической теории допускали и, так сказать, **психологическую ошибку**. Она заключа-

лась в явной недооценке психологии отдельного человека и людей в целом (притом самых разных сословий), прежде всего природных, *естественных, фактически неистребимых человеческих пороков*. Особенно таких, как эгоизм, властолюбие, алчность, ревность, зависть к чужому успеху и достатку, склонность к достижению цели любыми средствами (в том числе противоправными), корыстолюбие, стремление к максимальному комфорту (в том числе за чужой счет) и многих других.

Нельзя, однако, считать, что человек соткан лишь из отрицательных качеств. В каждом немало и положительно-го, и борьба отрицательных и положительных черт, добрых и злых качеств происходит и будет происходить в человеке и обществе беспрестанно. Бытие далеко не всегда определяет сознание, и идеалистическое представление основателей коммунистической теории о том, что достаточно обеспечить людям достойную материальную жизнь, как они тут же изменятся ментально, оказалось в корне ошибочным. Со временем люди, конечно, меняются, и материальное благополучие для них важно, но это только часть их реального бытия.

Поэтому, когда мы говорим о роли психологии людей в истории, надо иметь в виду не только ее чрезвычайную сложность и очень быструю переменчивость, но и устойчивость, неистребимость основных человеческих качеств. Как отрицательных, так и положительных.

* * *

Вопрос о собственности и власти прямо связан с другим вопросом — *о новой элите и отношении марксизма к государству и общественному самоуправлению.*

На проблеме формирования новой, неаристократической элиты и новой государственной бюрократии, происходящей из трудящихся классов, следует остановиться особо. Все предыдущие, досоциалистические формации черпали свою элиту (прежде всего, разумеется, политико-административную — главное звено властвующей элиты), а также армию государственных чиновников, либо из представителей господствующего класса, либо из представителей средних слоев, наиболее способных и готовых верой и правдой служить господствующему классу, либо (но очень редко) из числа низших слоев, оказавшихся настолько талантливыми, что высший слой был готов принять их в свои ряды, подвергая их с помощью своих спецслужб постоянному жесткому контролю, как на этапе отбора, так и при последующем служении.

Совсем другая ситуация возникает, когда к власти приходит не аристократия, а трудящаяся масса. У нее нет и по объективной причине и не может быть тех людей, которые были бы готовы эффективно управлять обществом и государством, начиная с низших этажей власти и заканчивая самыми высшими. Когда становится очевидным (а это происходит сразу после прихода к власти), что общество и государственная машина — это чрезвычайно сложные и к тому же громоздкие механизмы организации и что управление — это весьма сложная наука, требующая многих разнообразных знаний, а также большого жизненного опыта, становится понятным, что элиту надо специально отбирать и специально готовить, что для этого необходима особая система ее рекрутирования и продвижения по вертикали и горизонтали. И тут выясняется также, что создание такой системы — дело не только сложное, но и длительное,

в то время как управлять надо уже сейчас и непрерывно. Именно поэтому случается так много ошибок при подборе и расстановке кадров, призванных управлять. И именно поэтому победившая и взявшая в свои руки власть, убедившись, что «своих» кандидатов нет, вынуждена использовать специалистов, сформировавшихся при предыдущей власти. Исключение составляет, разумеется, политико-административная элита, вход в которую открыт только для своих, для верных соратников. Но таковых, во-первых, очень не хватает, и во-вторых, чтобы создать, а затем отладить собственную *систему* элитообразования, нужно не одно десятилетие. При этом не надо забывать, что советская элита должна была рекрутироваться из рабоче-крестьянской гущи — далеко не самой образованной, а после Октябрьской революции 1917 года — вообще неграмотной массы. А элита по определению должна быть изначально высокообразованной и высококультурной, как было сказано выше. Нетрудно представить, с какой сложной и масштабной проблемой столкнулось руководство большевиков (и не только большевиков) при решении проблемы формирования новой элиты после захвата власти. Если к тому же не забывать, что к победившей партии сразу же «примыкает», точнее говоря, примазывается множество попутчиков, клянущихся победителям в своей лояльности, не забывать также, что пристают даже скрытые враги, то понять, почему совершается так много всевозможных кадровых ошибок, совсем нетрудно. Однако проблема состоит не только в этом, а еще в том, что у победителей нет понимания, как создавать новую элиту, как ее пестовать, возвращать. К этому следует прибавить, что новое социалистическое государство, родившееся раньше времени (образно гово-

ря, недоношенным) и поэтому требующее особого, специального ухода, склонно (даже, можно сказать, вынуждено) решать проблемы внутреннего развития мобилизационно, авторитарно со всеми присущими данному явлению особыми характеристиками. Одна из характерных черт — не только отбирать политико-административную элиту через закрытый механизм по закону лояльности (лояльности не системе, а главному лицу), но и держать ее в «обойме», перемещая если не по вертикали, то по горизонтали. Эта лояльность и служение первому лицу приводит к тому, что, когда в силу разных причин данное лицо меняется, вся политико-административная элита моментально перекраивается и перестраивается, что наносит немалый ущерб всему и прежде всего стране. Но элита вынуждена это делать для самосохранения. Авторитаризм и тем более тоталитаризм предрасположены к этому по своей природе. Так же, как они предрасположены к идеологическому застою или, иначе говоря, к идеологическому догматизму, нетворческому восприятию меняющейся действительности, ее неподвзятому переосмыслению и объективному анализу. Идеологический застой — первопричина и прямой путь к другим застоям — политическому и экономическому, которые, в свою очередь, ведут к системному застою, а затем к кризису и далее — к социальной революции. Такой опыт мы не раз проходили в XX веке. Поэтому формирование политико-административной элиты, как и адекватное времени и обстоятельствам ее обучение и воспитание, — альфа и омега верной стратегии руководства любой страны. Выработка алгоритма этой стратегии — дело специальных научных центров. Если к тому же не забывать, что правит не народ, который свое решающее слово говорит весьма

редко (например, во время выборов или революций, других массовых акций), а элита, то важность основательного решения проблемы элитообразования еще более возрастает.

К сказанному добавлю, что, отрицая необходимость государства при коммунизме и говоря о переходе к общественному самоуправлению, Маркс и его последователи, разумеется, не задумывались о неизбежности формирования новой элиты и новой системы ее формирования. И в этом также состояла их фундаментальная ошибка, наивность и утопизм.

* * *

Тема элиты прямо связана с другой важной темой — **государства, общественного самоуправления и гражданского общества**. Хорошо известно, что и Маркс, и Энгельс были уверены в том, что в процессе перехода к коммунизму государство как инструмент насилия будет отмирать (засыпать) из-за его ненужности в будущем, поскольку трудящиеся массы, как они надеялись, будут настолько сознательными, активными и высококультурными, что все функции, которые осуществляются государством, перейдут к органам местного самоуправления, создаваемым самими гражданами.

Утопичность, неадекватность вывода Маркса о государстве была ясна уже Ленину, который в своей работе «Государство и революция», написанной еще до Октябрьской революции, летом 1917 года, доказал обратное, а именно то, что государство из орудия насилия буржуазного класса против трудящихся должно превратиться в инструмент подавления сопротивления эксплуататорского класса усилиям трудящихся построить коммунизм.

Идея пролетарского государства, диктатуры пролетариата доминировала в документах КПСС вплоть до конца 70-х годов прошлого века, когда ее в Конституции 1977 года заменили идеей общенародного государства. Опыт показал, что государство не только не отмирает, а наоборот, становится еще важнее, что объясняется не только растущей сложностью неординарных задач, решаемых в процессе строительства социализма, но и усложняющимися международными задачами. Другое дело, что по мере развития общества, роста объема и сложности задач государство оказывается вынужденным перекладывать часть своих функций на органы местного самоуправления, на самих граждан и их структуры. Поэтому умное государство (точнее, умная государственная бюрократия) делает все, чтобы образовательный и культурный уровень общества рос, что позволяет быстрее и эффективнее решать задачи развития.

* * *

Приближаясь к концу своих размышлений об императиве исторического времени, хотел бы остановиться еще на одной теме — **политической идеологии**. Адекватная времени политическая идеология чрезвычайно важна для любой страны, любого государства и общества в любой период времени. Элита, игнорирующая или недооценивающая это, совершает грубую, даже, пожалуй, непоправимую ошибку, поскольку идеология не только формирует общественное мировоззрение, но и нацеливает его на реализацию важных задач развития. Коммунистическая идеология, при всей своей определенной утопичности и неадекватности времени, состоянию и уровню развития общества, сыграла огромную мобилизующую и в целом прогрессивную роль.

Подчеркивая роль политической идеологии, нельзя забывать, о том, что *ее нельзя превращать в догму и тем более в религию, веру*. Особенно это важно сейчас, когда происходят быстрые изменения и внутри отдельных стран, и в мире в целом. Именно поэтому в идеологии должны присутствовать как базовые ценности, образующие фундамент, так и ценности надстроечного характера, меняющиеся со временем. Если, например, коллективизм, соборность, державность — это, безусловно, базовые ценности и одновременно скрепы государственности для России, поскольку без них нашей страны точно не будет, то такие ценности, как равенство, справедливость, свобода (при всей их очевидной важности), — это все же, на мой взгляд, для нас надстроечные ценности. А на Западе — наоборот. Весьма важно также, как эти ценности и идеологию в целом культивировать, инкорпорировать. И через систему образования, и через СМИ, и через другие каналы.

С учетом выше сказанного отмечу, что подготовке идеологов (особенно идеологической элиты), а также идеологически основательно «подкованной» политико-административной и всякой иной элиты следует уделять первостепенное внимание. Особую актуальность это имеет для переходных стран, к числу которых все еще, к большому сожалению, относится и Россия.

* * *

Не имея возможности подробно говорить о **других проблемах**, понятых мною при изучении озаглавленной темы, скажу о них кратко, фактически тезисно.

Наряду с главной, фундаментальной методологической ошибкой основатели новой социальной теории, ставшей со

временем политической идеологией, получившей название «марксизм», совершили, на мой взгляд, также целый ряд других. Они, как мне представляется:

- фактически игнорировали исключительно сложную естественную и поэтому неистребимую природу человека, его двойственную суть: хорошего и плохого, доброго и злого... Кроме того, по мере образования более благоприятных жизненных условий человек все больше предается праздности и лени, так сказать, «размагничивается», что неизбежно ведет его к деградации. Этому явлению особенно подвержена элита, что ведет и ее, и страну к неизбежной катастрофе;
- однобоко и зауженно трактовали феномен эксплуатации человека человеком. Его может эксплуатировать не только человек (хозяин), но и семья; такой же человек, но более волевой, сильный; коллектив; наконец, государство и система. Последнее — самое важное. При социализме, в частности советском, это и происходило;
- фундаментально неверно определяли мотивы человеческого поведения, к которым, прежде всего, относятся его основные жизненные потребности, а также его амбиции (самые разнообразные) и вырастающие из всего этого интересы;
- недостаточно адекватно, зауженно определяли потребительскую стоимость товара. Не только рынок, как они считали, определяет эту стоимость, но и целый ряд других факторов: брэнд, мода, реклама, способность придать товару такие качества, которые ему совсем не присущи, и т. д.;
- весьма упрощенно трактовали общественные отношения и возможность их тотальной унификации.

Наконец, самое последнее. Марксизм, безусловно, великая теория, заслуживающая глубокого уважения и фундаментального изучения. Но время, исторический опыт, прошедшие 200 лет со дня рождения отца этой теории, носящей его имя, и 150 лет, прошедшие после опубликования «Капитала» — главного детища Маркса, доказали, что афоризм Гете «Теория, мой друг, суха, а древо жизни вечно зеленеет» остается верным и сегодня. Тем не менее труды Маркса будут изучать и через сотни лет, так как идеи создания гуманного, справедливого общества будут востребованы всегда.

The topic of our conference — “Marxism and Time” — looks very relevant today. First of all, it is relevant because there are a lot of gaps and unexplored facts in this topic despite the numerous research papers written by both Russian⁷ and foreign scientists. These works are devoted not only to Marxism as such, but to the experience of implementing this theory in many countries of the world as well.

Besides, as it seems to me, there are still many questions to the theory and practice of building socialist and communist society, so we should analyze them with an unbiased eye and answer them ignoring neither positive nor negative aspects of this theory and practice. In this context, I am going to dwell upon not only Marx’s main methodological mistake, but the role of objec-

---

⁷ Among numerous academic papers devoted to Marxism that have been written at different times, I would like to place emphasis on the following ones: T.I. Oyzerman. *Marxism and Utopia* — M.: Progress — Traditsiya, 2005. — 558 p.; P.M. Nureyev. *Articles on History of Marxism (for the 200th anniversary of Karl Marx’s birthday: Monograph.* — M.: KNORUS, 2018 — 300p.; Jacques Attali. *Karl Marx, or The World Spirit.* M. Molodaya Gvardiya, 2013. — 406p.; B.Y. Kagarlitsky. *Introduction to Social and Political Theory.* M. LENAND, 2017.

tive and subjective factors in social revolution as well, upon the role of elites, state, civil society, and some other issues.

Naturally, one can highlight these issues only briefly within the framework of time allocated to me. Sometimes, I will just formulate the problem and my position with regards to it. I mean that some of the aforementioned issues have been described in detail in my monograph “*Marxism and Social Revolutions in Russia*” that I am going to complement with new findings in the next edition.

Passing to the first part of my report — the topic of **the grandeur of Marxism** — I would say that there is no need in speaking a lot about this topic, as all the praises bestowed on Marxism in reports and academic papers are enough to build a sky-high pyramid. I would only mention the most serious achievement of Karl Marx’s talent. In my point of view, it lies in the fact that he *has managed to identify the true reason behind the change of socioeconomic formations, or, put it otherwise, he worked out the scientifically-grounded methodology of this change.* The bottom line of it is that the natural development of productive forces in all formations inevitably leads to changes in the social relations of production, and therefore to the building-up of new social groups and strata. These more progressive productive forces generating new labor relations give rise to new social relations and, eventually, new world outlook.

When boundaries of the old formation become too narrow for the new productive forces and their owners, they start extending them, i.e. fighting against the old superstructure and outdated state bureaucracy unwilling to give up ground and leave the political arena. Gradually, this battle between the old and the new escalates, results in direct confrontation and, eventually, social revolution. Step by step, through the process of rises and falls as

a rule, the new wins, taking the upper hand in one battle after another, and finally gains its foothold on the throne of power. Some time later, the same happens to the new productive forces and relations, as well as their creators and owners. *This is the law of socioeconomic formations' change, the law of progress and, therefore, history.*

* * *

Dwelling upon the **attractiveness of communist theory, or, to be more exact, the appeal of communist ideas**, one should say first of all that this theory is basically much more humane if compared to the capitalist view of life. The call for a just fight of working people against exploitation, oppression, for social freedom and equality has always engaged and is engaging many people in the struggle against capitalism. The rise in the role of working people who create material values, yet are deprived of them by private entrepreneurs enriching themselves at the expense of other people's labor, as well as the promise to turn the situation around by way of proletarian revolution look very attractive to working people. In proof of my statement, I would refer to the Manifesto of the Communist Party and Statute of Communist League written by K. Marx and F. Engels and first published in 1848⁸. "All the preceding classes that got the upper hand," the Manifesto says, "sought to fortify their already acquired status by subjecting society at large to their conditions of appropriation. The proletarians cannot become masters of the productive forces of society, except by abolishing their own previous mode of appropriation, and thereby also every other

---

⁸ This program document was written by Marx and Engels on behalf of the Second Congress of the Union of Communists held in late 1847 in London, which was the first communist organization in history. The document was first published on February 21, 1848

previous mode of appropriation. They have nothing of their own to secure and to fortify; their mission is to destroy all previous securities for, and insurances of, individual property.

All previous historical movements were movements of minorities, or in the interest of minorities. The proletarian movement is a self-conscious, independent movement of the immense majority, in the interest of the immense majority. The proletariat, the lowest stratum of our present society, cannot stir, cannot raise itself up, without the whole superincumbent strata of official society being sprung into the air.”⁹

Seeing in the proletariat “a real revolutionary class”, stressing that “all other classes are degrading and ceasing to exist with development of large-scale industry, while proletariat is the product of this development,”¹⁰ and thinking that bourgeoisie produces its own grave-diggers, i.e. proletarians, Marx and Engels formulated in the Statute of the Communist League the following main goal: “The aim of the League is the overthrow of the bourgeoisie, the rule of the proletariat, the abolition of the old bourgeois society, which rests on the antagonism of classes, and the foundation of a new society without classes and without private property.”¹¹

Not only the founders of the communist theory, but their followers in different countries as well (including Russian Social Democrats, Lenin and his followers) were prone to the disease of communist romanticism and belief in communist utopia¹².

---

⁹ Anthology of Global Political Thought. V.5. Political Documents. — M.: Mysl, 1997, p. 114

¹⁰ Ibid, p. 113

¹¹ Ibid, p. 116

¹² Here, it calls for a reservation with regards to the fact that one may believe in utopia (fairytale) not only due to its attractiveness, but for the purpose of winning people who believe in it over to one’s side and becoming their leader.

* * *

Stressing the paramount importance of the law of socioeconomic formations' change discovered by Marx and laying the emphasis on the reasons behind the attractiveness of Marx's theory, I would like to describe the **main methodological mistake** that he made saying that proletariat, devoid of any property, which is not the creator of new productive forces and relations, would become the grave-digger for capitalism and exploitation of man by man. To my mind, his mistake lay in the fact that the founders of this new theory, which later turned into political ideology, gave the role of driver in the future socialist (proletarian) revolution to the proletariat, devoid of productive forces, though during all of the previous revolutions the situation was precisely the opposite, i.e. social revolution was organized and led by social strata inseparably intertwined with the new productive forces and social relations of production, instead of the strata deprived of them. The lower classes (peasants or slaves for instance) were just a tool in the hands of new productive forces owners, as they just did the heavy work that inevitably accompanies any social revolution. It was with good reason that Marx wrote: "The proletariat is fighting, while bourgeoisie is creeping into power." One can formulate this phrase in a different way: "The lower classes are fighting, while the power is taken by new owners." The lower classes are fighting, because the most of pains fall on their lot, and they bear the main part of the social burden. The new owners strive for power because the existing authorities do not allow them to develop to the full extent and satisfy their constantly increasing demands. In such cases, antagonism inevitably arises and grows up, and this issue can be resolved only by two methods — by way of either concession on the part of the ruling circles to

the new groups and strata that become increasingly stronger, or social revolution. Having made the revolution and achieved some improvements, the lower classes obey to the new owners and comply with the new rules still hoping for further improvements until certain time. Later, having got sick and tired of hoping, the lower classes rise for struggle again, and the history resumes its natural course.

It is important that being cut off from any specific property, the people lose interest arising from their subsistence needs and ambitions, which is, by the way, the main motive for their actions, and become more indifferent towards the world around them and more conservative. “Why should I bother and try to do my work better if my life will hardly improve?” — that is what their motto says. On the contrary, in case there are favorable conditions fixed by legal regulations, a person feels more self-confident being on a firm ground. Here, I would like to add that *in the course of any social revolution and right after it, the issue on property directly related to the issue on power becomes of paramount importance, as no political power can hold out for a long time without a firm economic foundation, similar to the superstructure in nature.* Another important thing is the class affiliation of both factors, i.e. property and power. There should be no class antagonism between them. Consequently, in case of genuine, not fictitious socialism, the property ought to belong to the working people. Moreover, it should belong to them not in declarative manner, like it was in the USSR, but actually through legal shareholding interest. I would also like to add that *the more of legal, stable and reliable sources of wealth a person has, the better he/she, society, and state feel.* It is not necessary to prove it, from my point of view. I think that a person should have two such sources minimum.

To make my statement about the fundamental methodological mistake of Marx more convincing, I would like to offer the following argument. Rebellions often broke out back at the time of slave-owning, feudal and capitalist systems — the slaves turned against slave owners (Spartak's rebellion in Ancient Rome), the peasants took up arms against feudal lords (for instance the Peasant War of Yemelyan Pugachev in Russia), the proletariat pushed back against capitalists (the rebellion of working class in Paris against French bourgeoisie). Some of these revolts were successful enough, yet this success was temporary. However, the power was eventually taken not by lower classes, but by the strata linked to the new productive forces and relations. Due to this very reason, the working class had initially no chances for gaining foothold in power in Russia, though it helped the Bolsheviks win the power. To make the working class the ruling one, it should really take factories and plants and learn how to manage and operate them. Yet in this case, the working people would face serious problems, as effective management requires the respective education of high quality, adequate experience, planning skills and many other abilities.

* * *

Along with the methodological mistake dealing with defining the key driving force of socialist (proletarian) revolution, the founding fathers of Communist theory made a **psychological one**. It lies in obvious undervaluation of individual person and people as a whole (belonging to different social strata), first of all, the *natural and actually ineradicable human vices*. I mean such ones, as egoism, lust for power, greed, jealousy, envy of other people's talents and success, propensity to using every possible method for achieving one's goal (including illegal ones), merce-

nary spirit, striving for maximum comfort (often at the expense of other people), and many others.

However, one cannot believe that only negative character traits are intrinsic to human nature. Any person has a lot of positive character traits as well, and the “battle” between positive and negative features will take place forever both in the soul of any given individual and society in general. Being by far not always determines consciousness, and the idealistic ideas that the authors of Communist theory adhered to thinking that changes in material wealth will immediately lead to mental ones have proved to be wrong. People change with time of course, and material well-being is a very important thing, yet it is only a part of their real being.

That is why when we speak about the role of human psychology in history, one should take into account not only its complexity and instability, but the fact that the key human character traits are stable and ineradicable as well. It is true for both positive and negative features.

* * *

The issue dealing with property and power is directly linked to another problem, the one related to ***a new elite and Marxism’s attitude towards state and public self-government.***

Special attention should be paid to the problem dealing with formation of a new, non-aristocratic elite and state bureaucracy coming from the working classes. All previous pre-socialist formations were drawing their elites (political and administrative ones first of all), as well as the army of state officials, from either the representatives of the ruling class, or the ones of middle social strata, the most talented people, who were willing to serve faithfully to the ruling class. Sometimes (but very seldom)

they drew the members of elite from the representatives of lower classes, who proved to be so talented that the ruling stratum was ready to take them aboard on condition, however, that they were subject to continuous control on the part of security agencies both at the stage of selection and during the subsequent service.

However, when working people come to power, a different situation arises. They have no representatives capable of efficient control over the society and state at both lower and upper tiers of power. As soon as it becomes obvious (it actually happens right after coming to power) that the society and state machine are very complex and cumbersome mechanisms, while the art of management is a complicated one requiring versatile knowledge and serious experience, the newcomers realize that elite has to be carefully selected and trained, and that a special system of recruiting people and promoting them both vertically and horizontally is needed. Here, it turns out that the process of creating such a system is not only complicated, but long enough as well, while the control should be exercised here and now. That is why so many mistakes are made in the process of selection and deployment of managerial staff. Having made sure that their “own” candidates are missing, the winners have to use specialists from the previous state administration. The exclusion is made only for political and administrative elite that is formed out of the faithful right-hand people. However, such people are few, so the process of creating a new elite often takes more than one decade. One should keep in mind that after the October Revolution of 1917 the Bolsheviki had to recruit their elite from workers and peasants, poor educated and often illiterate people, while the true elite by definition ought to consist of only highly cultured and educated people, as I have already mentioned. It is easy to figure out what a challenging problem

the Bolsheviks faced (and not only them) while trying to solve the problem of forming a new elite after the conquest of power. Moreover, if one recalls how many “fellow travelers” including disguised enemies, try to join the ranks of winners swearing loyalty it is easy to understand why so many staff mistakes are made. However, the problems lies not only in this fact alone, but also in the problem that the winners do not know how to create, nurture and foster their new elite. Besides, the new socialist state that was born ahead of time (being a “premature baby” figuratively speaking) and therefore required special care was inclined to (even forced to) solving the problem of domestic development by mobilization, authoritarian methods with all special features typical of them. One of such typical features lies in recruiting the political and administrative elite through a special mechanism on the basis of loyalty (not to the system, but to the top figure) and keep these people always at hand moving them vertically and horizontally. This loyalty to the top figure leads to a peculiar situation — when the leader is replaced for some reasons, the members of political and administrative elite change their views immediately, which results in serious troubles. However, the members of elite have to do it just out of self-protection. The authoritarian system, moreover the totalitarian one, is prone to such things by nature. These systems are also prone to ideological stagnation, or, put it otherwise, ideological dogmatism, which leads to the rigid perception of reality, i.e. it is incapable of unbiased rethinking of reality and objective analysis of it. The ideological stagnation is the primary reason behind and direct way to other forms of stagnation — both political and economic ones — which, in their turn, lead to systematic stagnation, crisis and finally social revolution. We have seen plenty of such experience over the 20th century.

That is why the formation of political and administrative elite, as well as the process of training and educating it, is the alpha and omega of the right strategy for the leadership of any country. Working out the algorithm of this strategy falls within the cognizance of special research centers. Moreover, if we keep in mind that power belongs not to the common people, who have their final say very seldom (for instance, during the elections, or revolution), but to the elite, the importance of solving the elite formation problem is increasing even more.

Here, I would like to add that, denying the need for state in the communist system and talking about the transition to public self-government, Marx and his followers naturally did not think about the inevitability of creating a new elite and a new system of its formation. It was one more fundamental mistake, another case of naivety and utopia on their part.

* * *

The issue of elite is directly related to another important topic — the one of **state, public self-government and civil society**. Everybody knows that both Marx and Engels were convinced in the withering-away of state as a tool of violence in the process of transition to communism due to its uselessness in future. They thought that the working people would be as responsible, active and highly-cultured as to give all functions of the state into the hands of local self-government bodies elected by the citizens.

The utopian nature and inadequacy of the conclusion made by Marx with regards to the problem of state was clear even to Lenin, who proved the contrary in his work *“The State and Revolution”* that was written in summer 1917, i.e. before the October Revolution. He wrote that the state will evolve from a tool of violence used by the bourgeois class against the working people

into a tool of crashing the resistance of exploitative class opposing the efforts of working

The idea of a proletarian state, proletarian dictatorship dominated in the documents of CPSU until the 1970s, when it was replaced with the concept of state of the whole people in the Constitution of 1977. The past experience has shown that the state not only does not wither away, but, on the contrary, becomes even more important. The reason behind it lies not only in the increasing complexity of tasks accomplished in the process of building socialism, but in the fact that international problems are becoming ever more challenging. It is another matter that, so far as the society is becoming more developed, and the tasks accomplished by the state become more challenging in terms of scope and complexity, the state has to pass some of its functions on to the local self-government bodies and the structures organized by citizens themselves. That is why the “smart” state (or the “smart” state bureaucracy, to be more exact) does its best to let the society’s level of culture and education grow, as it allows solution of social development problems quicker and more efficiently.

* * *

Approaching the final part of my reflection on the imperative of historical development, I would like to dwell upon one more topic — the one related to **political ideology**. Having political ideology, meeting the needs of the age, is very important for any state and society in any given period of time. The elite ignoring or underestimating the importance of it makes a gross blunder, an irrevocable mistake, as the ideology not only shapes the public worldview, but targets it at the accomplishment of important development objectives. Though being utopian in nature and

inconsistent with the times, order of society and level of its development, the communist ideology played a serious, mobilizing role, which was progressive in general.

Emphasizing the role of political ideology, one should not forget that *it should not be converted into a dogma, religion or faith*. The understanding of it becomes increasingly more important now, when we see quick changes, both inside the country and in the world in general. That is why the ideology ought to contain both basic values forming the foundation, and the ones of superstructure nature that evolve over time. While collectivism, national unity, and great power statehood are obviously the basic values and national identity bonds for Russia, as our country cannot exist without them, equality, justice and freedom represent (though being very important) just superstructure values in my point of view. As for the West, it is right the opposite there. The issue on how these values and ideology are cultivated and incorporated in everyday life through the system of education, media and other channels is also of paramount significance.

In consideration of the foregoing, I would like to stress that preparation of ideologists (especially ideological elite), as well as ideologically savvy political, administrative and other elites, deserves primary focus. It becomes even more relevant for the countries living through a transition period, and Russia is unfortunately among them.

* * *

Having no opportunity for dwelling upon **other problems** that have become clear to me in the process of studying this topic, I would describe them briefly.

Along with the main, fundamental methodological mistake, the founding fathers of the new social theory that has become a political

ideology of Marxism later made a whole number of other mistakes in my point of view. These are:

- They actually ignored the complicated and ineradicable human nature, which is dual-faced being built of both positive and negative character features, good and evil. Besides, so far as the living conditions become better, the people tend to lean towards the lifestyle based on idleness and laziness, which inevitably leads to degradation. The members of elite are especially prone to this phenomenon, which results in a catastrophe for them and the state in general;
- They interpreted the phenomenon of exploitation of man by man in one-dimensional, lopsided manner. A man can be exploited by not only the owner, but family, another man (who is more willed and stronger), collective, and finally the state and the system. The latter form of exploitation is the most important one in my opinion. We saw it in the Soviet state;
- The motives of human behavior were defined in a fundamentally wrong way. These motives include basic living needs, as well as ambitions (very versatile) and interests arising from them.
- The consumer value of products was defined in an inadequate, lopsided way. It is not only the market that determines this value, as they believed, but a number of other factors as well. The list of these factors includes brand, fashion, advertising, ability to add to a product some features that are not typical of it, etc.;
- Their interpretation of social relations and the possibility of their total unification looks too simplified.

And, finally, the last one. Marxism is certainly a great theory that deserves deep respect and profound studies. However,

the historical experience and the time that passed (200 years since the birth of Karl Marx and 150 years since the first publication of *Das Kapital*, the brainchild of Marx) have proved that Goethe's aphorism "All theory, dear friend, is gray, but the golden tree of life springs ever green" still remains true. Nevertheless, the works by Marx will be studied in hundreds of years ahead as the ideas of creating humane and just society are always in demand.

Цикл авторских передач Вольного экономического общества России «Дом „Э“»

В рамках программы сотрудничества ВЭО России и Общественного Телевидения России (ОТР) с октября 2016 года стартовал цикл авторских передач Вольного экономического общества России «Дом „Э“». Программные передачи выходят в эфир федеральной сетки вещания на канале ОТР еженедельно по субботам.

Автор и ведущий – Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России.

«Дом „Э“» – это открытый диалог с ведущими экспертами, известными учеными, экономистами-практиками, государственными и общественными деятелями.

Цель цикла передач – обсуждение приоритетных проблем национальной повестки, повышение экономической грамотности населения. Дискуссионные темы передач посвящены актуальным вопросам социально-экономического развития России.

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АГРО- ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ЕДИНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ СУБСИДИЯ

MEASURES OF STATE SUPPORT OF THE AGRO- INDUSTRIAL COMPLEX: UNIFIED REGIONAL SUBSIDY

Э.Л. ЗАКИРОВА

Кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой финансового
менеджмента ФГБОУ ВО «Уральский
государственный экономический
университет»
(Екатеринбург)

E.L. ZAKIROVA

Cand. Sc. (Econ.), Associate Prof., Head of the
Department of Financial Management, Ural
State University of Economics
(Yekaterinburg)

А.Е. ГАЛИНУРОВА

Магистрант ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург)

A.E. GALINUROVA

Graduate Student, Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

В.В. КАЗАНЦЕВА

Магистрант ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург)

V.V. KAZANTSEVA

Graduate Student, Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается проблема поддержки агропромышленного комплекса в Российской Федерации со стороны государства. Авторы акцентируют внимание на конкретных мерах. В качестве основной рассматривается региональное субсидирование на примере Свердловской области. В статье дан обзор статистических данных по региональным программам, а также приведена информация по основным направлениям государственной поддержки.

ABSTRACT

The article reveals the problem of supporting the agro-industrial complex in the Russian Federation by the state. The authors focus on specific measures. As the main regional subsidy is considered on the example of the Sverdlovsk region. The article reviews statistical data on regional programs, as well as provides information on the main areas of state support. Features of the Sverdlovsk region as a subject of state support

of the agro-industrial complex are considered. Prospects for the development of the agro-industrial complex of the Sverdlovsk region have been determined. The advantages and disadvantages of a unified regional subsidy are highlighted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная поддержка; агропромышленный комплекс; региональное субсидирование; Свердловская область.

KEYWORDS

State support; agro-industrial complex; regional subsidies; Sverdlovsk region.

Для Российской Федерации агропромышленный комплекс (АПК) является одной из важных сфер, имеет весомую долю в ВВП и выступает гарантом продовольственной безопасности. В то же время комплекс считается одним из наименее привлекательных с точки зрения инвестирования, а его финансирование сокращается (в 2017 г. — в 1,4 раза [1]). Низкая привлекательность АПК обусловлена зависимостью от погодных условий, высокой капиталоемкостью, несовершенной инфраструктурой сельскохозяйственного рынка, медленным развитием сельских территорий, недостатком квалифицированных кадров, а также неэффективным управлением [2]. В силу указанных причин АПК требует особого внимания и поддержки со стороны государства, т.е. обеспечения инвестиционного потенциала.

В настоящее время меры государственной поддержки российского АПК осуществляются в рамках пяти направлений. В направлении «Развитие отраслей АПК» выделяется такая мера, как единая субсидия (региональное субсидирование).

Субсидией называют меру государственной поддержки, которая направляется на обеспечение развития отраслей или нуждающимся лицам. Государственная субсидия, в свою очередь, характеризуется тем, что, во-первых, предоставляется безвозмездно, во-вторых, строго на определенные цели и может быть использована исключительно на финансирование целей, нужд, установленных на законодательном уровне [3].

Единая региональная субсидия направлена на содействие достижению целевых показателей региональных программ в области АПК, включая реализацию Программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. Субсидированные средства выступают источником финансового обеспечения местных бюджетов субъектов Федерации и предоставляются сельхозтоваропроизводителям, потребительским кооперативам, организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим первичную и (или) последующую переработку сельскохозяйственной продукции. Направления и объемы расходования средств регулируются Правительством РФ.

Распределение субсидий осуществляется по субъектам Федерации. Так, за 2017 г. государством выделено 43 743 224 тыс. руб. (25% финансирования АПК), в том числе 38 990 687 тыс. руб. из федерального бюджета, 4 752 537 тыс. руб. — субъектов РФ [4].

В каждом субъекте Федерации выделяются приоритетные отрасли АПК с учетом перспектив их развития, что обусловлено ресурсными возможностями региона. Поэтому суммы единых региональных субсидий различны. Наибольший объем субсидий в 2018 г. получит Брянская область, за ней следуют Белгородская область, Республика Татарстан,

Ставропольский край. В то же время общий объем средств на предоставление единой региональной субсидии в 2018 г. снизился на 3,3% по сравнению с предыдущим годом, а значит, регионы получают меньшую поддержку.

Объект нашего исследования — Свердловская область, 16% населения которой проживают в сельской местности. Область специализируется на производстве зерна (фуражного), картофеля, овощеводстве, производстве молока и цельномолочной продукции, мяса и яиц. Приоритетными направлениями развития сельского хозяйства области являются: 1) производство скота и птицы на убой (в живом весе); 2) развитие племенного животноводства; 3) поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов для развития материально-технической базы [5; 6].

Среди субъектов РФ Свердловская область занимает 39-е место из 87 по выделенным средствам на единое региональное субсидирование (417 560 тыс. руб., из них 375 804 тыс. руб. из федерального бюджета и 41 756 тыс. руб. из регионального). При этом общий объем финансирования государством составляет 3 081 626 тыс. руб.

В рамках единой субсидии выделены следующие направления государственной поддержки (табл. 1). Здесь важно сделать оговорку, что поскольку единая субсидия появилась в 2017 г., когда было принято решение объединить ряд субсидий, то отследить динамику за несколько лет пока не представляется возможным.

Как видим, для АПК области на 1 января 2018 г. выделено порядка 713,3 млн руб., наибольшая часть которых пришлось на возмещение части процентной ставки по краткосрочным кредитам (займам), а также поддержку племенного животноводства.

Таблица 1

**Направления единой субсидии в Свердловской области,
тыс. руб. [4]**

Направление	Федеральный бюджет	Областной бюджет
Поддержка элитного семеноводства	23 792,7	36 926,7
Возмещение части затрат на закладку и уход за многолетними насаждениями	893,0	31,1
Возмещение части процентной ставки:	195 793,8	99 748,8
по краткосрочным кредитам (займам)		
по долгосрочным, средне- и краткосрочным кредитам, взятым малыми формами хозяйствования	15 348,2	5 217,5
Возмещение части затрат сельхозтоваропроизводителей на уплату страховой премии:		
растениеводство	16 638,3	–
животноводство	2 979,5	–
Поддержка племенного животноводства	102 929,9	112 682,9
Предоставление грантов:		
на создание и развитие крестьянского (фермерского) хозяйства	33 075,5	7 859,6
семейным животноводческим фермам	20 433,5	19 904,2
сельскохозяйственным потребительским кооперативам для развития материально-технической базы	5 775,7	13 333,3
Всего по «единой субсидии»	417 660,1	295 704,1

Таким образом, можно обозначить следующие перспективы развития АПК Свердловской области: 1) увеличение объемов производства сельхозпродукции и продуктов питания для обеспечения продовольственной безопасности Свердловской области и решения задачи импортозамеще-

ния; 2) комплексное развитие сельских территорий; 3) комплексная техническая и технологическая модернизация, диверсификация производства и наращивание мощностей, обеспечение инвестиционной привлекательности сельхозтоваропроизводителей и предприятий, производящих пищевые продукты; 4) совершенствование системы хранения и сбыта сельхозпродукции и продуктов питания, произведенных в Свердловской области; 5) снижение кадрового дефицита в сельском хозяйстве, привлечение молодых высококвалифицированных специалистов в сельскую местность.

Достоинством такого вида государственной поддержки АПК, как единое региональное субсидирование, можно назвать то, что распределение средств осуществляется с учетом приоритетов развития каждого региона, которому не нужно возвращать неосвоенные остатки, и появляется возможность перераспределять средства в более востребованные направления. Однако наделяя регионы большими полномочиями, Правительство может не выполнить свои приоритетные задачи, так как у регионов может быть свое видение первоочередности их выполнения.

Библиографический список

1. Ахмаев М. Единая субсидия в 2017 году // Рассвет. — 2016. — № 9. — С. 25–27.
2. Гришина Т. Единая субсидия заморозила страхование // Коммерсантъ. — 2017. — № 7. — С. 22–24.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — 6-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 512 с.
4. Справочник о мерах и направлениях государственной поддержки АПК РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gp.specagro.ru>.

5. Об утверждении документов, предусмотренных Правилами предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на содействие достижению целевых показателей региональных программ развития агропромышленного комплекса: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 27.07.2017 г. № 373 // Российская газета. — 2017. — 7 сент. — С. 2.
6. Перечень приоритетных направлений развития сельского хозяйства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mcx.ru/upload/iblock/f58/f581ba76af689389ec8e173c071f1dd5.pdf>.

References

1. Akhmaev M. Edinaya subsidiya v 2017 godu // *Rassvet*. — 2016. — № 9. — С. 25–27.
2. Grishina T. Edinaya subsidiya zamorozila strakhovanie // *“Kommersant”*. — 2017. — № 7. — С. 22–24.
3. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyy ekonomicheskii slovar’*. — 6-e izd. — М.: INFRA-M, 2013. — 512 s.
4. *Spravochnik o merakh i napravleniyakh gosudarstvennoi podderzhi APK RF* [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.gp.specagro.ru>.
5. Ob utverzhenii dokumentov, predusmotrennykh Pravilami predostavleniya i raspredeleniya subsidei iz federal’nogo byudzheta byudzheta sub’ektov Rossiiskoi Federatsii na sodeistvie dostizheniyu tselevykh pokazatelei regional’nykh programm razvitiya agropromyshlennogo kompleksa: prikaz Ministerstva sel’skogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii ot 27.07.2017 g. № 373 // *Rossiiskaya gazeta*. — 2017. — 7 sent. — С. 2.
6. *Perechen’ prioritetnykh napravlenii razvitiya sel’skogo khozyaistva* [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: <http://mcx.ru/upload/iblock/f58/f581ba76af689389ec8e173c071f1dd5.pdf>.

Контактная информация:

Закирова Э.Р., ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет». Адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45. Тел.: 8(912)261-16-40. E-mail: erzakirova@inbox.ru,

Галинурова А.Е., ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет». Адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45. E-mail: kfm@usue.ru,

Казанцева В.В., ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет». Адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45. E-mail: kfm@usue.ru.

Contact links:

Zakirova E.R., Ural State University of Economics. Address: 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, Russia, 620144. E-mail: erzakirova@inbox.ru,

Galinurova A.E., Ural State University of Economics. Address: 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, Russia, 620144. E-mail: kfm@usue.ru,

Kazantseva V.V., Ural State University of Economics. Address: 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, Russia, 620144. E-mail: kfm@usue.ru.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К БЮДЖЕТНОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ

EVOLUTION OF APPROACHES TO BUDGET PLANNING

Н.А. ИСТОМИНА

Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственных и муниципальных финансов, Уральский государственный экономический университет

N.A. ISTOMINA

Candidate of economics, associate professor of chair of state and municipal finance, Ural State University of Economics

АННОТАЦИЯ

В статье систематизированы теоретические подходы к сущности бюджетного планирования в советской и российской финансовой науке и сформулирована авторская позиция по данному вопросу. Отмечено, что в работах советских ученых, в отличие от современных исследователей, основное внимание уделялось регламентации элементов бюджетного планирования. По мнению автора, сущность бюджетного планирования может быть раскрыта через систему таких признаков, как: правовая регламентация; информационная зависимость; временная ограниченность (определенность); межведомственный характер, субъективный характер.

ABSTRACT

The article presents an overview of scientific approaches to the essence of budget planning in the Soviet and Russian financial science, on the basis of which the author's position on this issue is formulated. Based on the study of the works of scientists of the period of the USSR, it was concluded that the studies of this period focused on the regulation of the elements of budget planning and to a lesser extent – the study of its essence. The campaigns of modern Russian researchers differ from the Soviet stage in the fact that the execution of budgets is excluded from the planning sphere. According to the author, the essence of budget planning can be most fully disclosed through the system of signs of budget planning: legal regulation; information dependence; time limitation (certainty); interdepartmental character, subjective character.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Бюджетное планирование, теория, эволюция, признаки.

KEYWORDS

Budget planning, theory, evolution, signs.

Вопросы теории бюджетного планирования отражены в работах как российских, так и зарубежных исследователей, при этом следует отметить наличие широкого спектра подходов и дискуссионность позиций.

Авторы научных работ периода СССР подчеркивали встроенность бюджетного планирования в систему народнохозяйственного планирования, в том числе, отмечая зависимость бюджета от закономерностей развития плановой экономики.

А.М. Александров указывал, что «бюджетное планирование является составной, органической частью народнохозяйственного планирования и носит директивный характер,

выражая сознательное использование экономического закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства» [1, с. 422]. Бюджетное планирование включает, по мнению А.М. Александрова, «составление, рассмотрение, утверждение и исполнение государственного бюджета СССР в составе союзного бюджета, государственных бюджетов союзных республик и входящих в них государственных бюджетов автономных республик и местных бюджетов» [1, с. 422].

По мнению Д.А. Аллахвердяна, «бюджетное планирование охватывает систему мероприятий по составлению, рассмотрению, утверждению и исполнению государственного бюджета СССР, включая планирование бюджетных доходов и расходов в увязке с народнохозяйственным планированием» [2, с. 168]. Основным методом бюджетного планирования на уровне государства, как отмечал ученый, является балансовый метод; на уровне учреждений, финансируемых в сметном порядке, — нормативный метод. Также Д.А. Аллахвердян описывал перечень задач, решаемых посредством бюджетного планирования в социалистическом государстве (определение объема бюджетных доходов по каждому источнику; установление объема расходов бюджета по видам затрат; регулирование доходов и расходов различных звеньев бюджетной системы СССР; объединение всех бюджетов в единый финансовый баланс страны [2, с. 168]).

В развитие этой общей концепции бюджетного планирования в работе под редакцией Г.Л. Рабиновича и М.В. Романовского подчеркивался директивный характер бюджетного планирования, которое «носит нормативный характер, выражая сознательное использование экономического закона планомерного, пропорционального развития народного хо-

зяйства и каждого его звена» [3, с. 299]. В.П. Дьяченко отмечал, что в бюджетном планировании важнейшее значение имеет «организация исполнения, а также учета и контроля за исполнением утвержденных бюджетов» [4, с. 368]. Н.Н. Ровинский подчеркивал, что составление бюджета (финансовое планирование, финансово-бюджетное планирование) является самостоятельным ответственным участком государственного планирования; при этом «в процессе народнохозяйственного и финансового планирования бюджет, балансы доходов и расходов и народнохозяйственный план находятся между собой в органической связи и тесном взаимодействии» [5, с. 320].

Таким образом, можно отметить, что в научных исследованиях советского периода основное внимание уделялось регламентации элементов бюджетного планирования и в меньшей степени — изучению его сущности. Специфической характеристикой подходов большинства упомянутых выше авторов является включение в процесс бюджетного планирования такой стадии бюджетного процесса, как исполнение бюджетов.

Представителями современной российской финансовой науки также внесен существенный вклад в разработку теоретических аспектов бюджетного планирования.

По мнению Г.Б. Поляка, «бюджетное планирование — это совокупность мероприятий, осуществляемых органами государственной власти и местного самоуправления, направленных на формирование, экономическое обоснование и сопоставление показателей доходов и расходов бюджетов всех уровней» [6, с. 99]. Бюджетное планирование является основным элементом финансового планирования, но, в отличие от финансового планирования, является прерогативой

государства и носит директивный характер. Г.Б. Поляк в качестве объекта бюджетного планирования предлагает рассматривать «экономические отношения по поводу определения объема и структуры бюджетных показателей» [6, с. 99].

Т.Ф. Юткина отмечает, что бюджетное планирование — «многозначная и сложная система регулирования перераспределительных отношений в обществе, принимающих денежное выражение и фондовую определенность. В процессе бюджетного планирования особенно важным является научно обоснованное определение доли и форм отчуждения стоимости, реально создаваемой непосредственными производителями товаров и услуг» [7, с. 19–20].

Как отмечает Т.М. Ковалева, в качестве объекта бюджетного планирования в Российской Федерации выступают федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты, а в качестве инструментов — реестр контрактов, реестр расходных обязательств, реестр государственных (муниципальных) услуг и работ, реестр государственных и муниципальных учреждений, государственные задания (реестр), сводная бюджетная роспись и государственные программы [8, с. 117].

Таким образом, можно констатировать, что современные подходы российских исследователей к сущности, месту и роли бюджетного планирования отличаются от работ более раннего — советского — этапа, прежде всего, тем, что из сферы планирования однозначно исключается исполнение бюджетов. Содержание бюджетного планирования в соответствии с логикой современных авторов заключается в формировании (составлении) бюджетных показателей в контексте целей и задач государственной (в том числе бюджетной) политики.

На наш взгляд, несмотря на наличие существующих теоретических разработок в части понятия и сущности бюджетного планирования, эти вопросы нуждаются в дальнейшем научном обосновании.

По нашему мнению, под бюджетным планированием следует понимать процесс расчета объема финансовых ресурсов, которыми располагает государство, субъект РФ, орган местного самоуправления, и стоимостной оценки затрат, необходимых для обеспечения выполнения соответствующих функций. Содержательная характеристика бюджетного планирования может быть представлена через совокупность следующих признаков: правовая регламентация, информационная зависимость, временная ограниченность (определенность), межведомственный характер, субъективный характер.

Правовая регламентация как признак бюджетного планирования означает, что общие требования к процессу бюджетного планирования регламентируются общегосударственными нормами (нормативно-правовыми актами), а также правовыми нормами субъектов Федерации и муниципальных образований. Наличие общегосударственных норм, регламентирующих процесс бюджетного планирования, позволяет обеспечить стандартизацию его базовых аспектов независимо от уровня бюджетной системы, финансового положения территории и иных факторов. Собственные же разработки в области формирования бюджетов, характерные для каждой территории, каждого бюджета, позволяют реализовать идею самостоятельности субъектов бюджетного процесса.

Информационная зависимость предполагает, что бюджетное планирование базируется на определенной совокупно-

сти данных, которые учитываются при расчете плановых показателей доходов и расходов бюджета. Указанная совокупность данных состоит из внешней информации (которая характеризует различные аспекты экономики, социальной сферы, демографии и пр.) и внутренней информации (которая формируется финансовыми органами, администраторами доходов, главными распорядителями, распорядителями бюджетных средств и др.).

Важность признака *временной ограниченности (определенности)* бюджетного планирования (формирования бюджетов) подчеркивается логикой и хронологической последовательностью действий бюджетного процесса, а именно тем, что после завершения процесса формирования бюджета, но до начала финансового года, необходимо обеспечить реализацию стадий рассмотрения проекта бюджета, а также публикацию утвержденного закона/решения о бюджете в печатном органе. Таким образом, процесс бюджетного планирования должен быть завершен в сроки, которые позволяют до начала финансового года провести все предусмотренные правовыми нормами действия для обеспечения вступления бюджета в силу.

Межведомственный характер. Данный признак означает, что процесс бюджетного планирования не может быть осуществлен качественно без участия широкого круга субъектов (как финансовой сферы, так и реальной экономики; как определенного уровня, так и выше-/нижестоящих уровней). Функционал субъектов, имеющих отношение к бюджетному планированию, широк и разнообразен: представление информации, необходимой для планирования бюджета, контроль в процессе формирования бюджета, создание и стабильная работа информационных компью-

терных систем, необходимых для процесса формирования бюджета (бюджетного планирования).

Субъективный характер. Бюджетное планирование осуществляется в условиях неопределенности, превышения потребностей над объективными финансовыми возможностями, наличия различных многообразных проблем, требующих решения, административного влияния вышестоящих институтов и т.п. Формирование бюджета, в связи с вышеизложенным, обладает ярко выраженной субъективностью. Субъективность проявляется, в частности:

- в выборе значений показателей экономического развития, учитываемых при планировании доходной части;

- в выборе приоритетов социально-экономического развития, определении состава государственных (муниципальных) программ, определяющих формирование расходной части бюджета;

- в определении условий предоставления некоторых видов трансфертов нижестоящим бюджетам (например, на основе рейтингов, конкурсного отбора, оценки результатов деятельности по разработанным методикам и пр.).

Представленная совокупность признаков бюджетного планирования позволяет выделить данный процесс из совокупности плановых действий, получить более четкое представление о специфике осуществления.

В целом, необходимо отметить, что предложенные теоретические новации в сфере бюджетного планирования являются объективными характеристиками данного важнейшего процесса в рамках бюджетной деятельности. Следует подчеркнуть, что бюджетное планирование на уровне государства, регионов, муниципальных образований характеризуется значительными спецификациями.

Библиографический список

1. Государственный бюджет СССР / под ред. проф. А.М. Александрова. — М.: Госфиниздат, 1961. — 560 с.
2. Аллахвердян Д.А. Финансовое планирование в СССР. — М.: Издательство «Финансы», 1966. — 215 с.
3. Государственный бюджет СССР: Учебник / Под ред. Г.Л. Рабиновича, М.В. Романовского. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Финансы и статистика, 1988. — 383 с.
4. Дьяченко В.П. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. — М.: Издательство «Наука», 1974. — 494 с.
5. Ровинский Н.Н. Государственный бюджет СССР. — М.: Госфиниздат, 1951. — 455 с.
6. Финансово-бюджетное планирование / под ред. проф. Г.Б. Поляка. — М.: Вузовский учебник, 2007. — 544 с.
7. Юткина Т.Ф. Бюджетный механизм регулирования социально-экономического развития региона: Учебное пособие / Сыктывкарский ун-т. Сыктывкар, 1991. — 80 с.
8. Ковалева Т.М. Инструменты программно-целевого метода бюджетного планирования. // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2014, № 11 (121). — С. 114–118.

References

1. Gosudarstvennyi byudzheth SSSR / pod red. Prof. Aleksandrova A.M. — M.: Gosfinizdat, 1961. — 560 s.
2. Allahverdyan D.A. Finansovoe planirovanie v SSSR. — M.: Izdatel'stvo «Finansy», 1966. — 215 s.
3. Gosudarstvennyi byudzheth SSSR: Uchebnik / Pod red. G.L. Rabinovicha, M.V. Romanovskogo. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Finansy i statistika, 1988. — 383 s.
4. D'yachenko V.P. Tovarno-denezhnye otnosheniya i finansy pri sotsializme. — M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1974. — 494 s.

5. Rovinskii N.N. Gosudarstvennyi byudzhet SSSR. — M.: Gosfinizdat, 1951. — 455 s.
6. Finansovo-byudzhetnoe planirovanie / pod red. Prof. G.B. Polyaka. — M.: Vuzovskii uchebник, 2007. — 544 s.
7. Yutkina T.F. Byudzhetnyi mekhanizm regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: Uchebnoe posobie / Syktyvkar'skii un-t. Syktyvkar, 1991. — 80 s.
8. Kovaleva T.M. Instrumenty programmno-tselevogo metoda byudzhetnogo planirovaniya. // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2014, № 11 (121). — S. 114–118.

Контактная информация:

Истомина Наталья Александровна

Уральский государственный экономический университет

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 65/42

E-mail: n_istomina_usue@mail.ru

Contact links:

Istomina Natal'ya Aleksandrovna

Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet

620144, g. Ekaterinburg, ul. 8 Marta/Narodnoi Voli, 65/42

E-mail: n_istomina_usue@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ЦИКЛА
НА КОНЪЮНКТУРУ
МИРОВОГО РЫНКА МЕДИ**
**INFLUENCE
OF THE ECONOMIC CYCLE
ON THE WORLD COPPER
MARKET SITUATION**

Л.М. КАПУСТИНА

Д.э.н., профессор, заведующая кафедрой маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

L.M. KAPUSTINA

Doctor of economics, professor, head of the Marketing and International Management Department of the Ural State University of Economics, Ekaterinburg

О.Д. ФАЛЬЧЕНКО

К.э.н., доцент, доцент кафедры Внешнеэкономической деятельности Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

O.D. FALCHENKO

Candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the Foreign Economic Activity Department of the Ural State University of Economics, Ekaterinburg

А.А. ДРЕВАЛЕВ

Старший преподаватель кафедры маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

A.A. DREVALEV

Senior lecturer of the Marketing and International Management Department of the Ural State University of Economics, Ekaterinburg.

АННОТАЦИЯ

Основной целью статьи является анализ факторов, определяющих уровень и динамику мировых цен на нефть, путем проверки гипотезы о взаимозависимости изменений в конъюнктуре мирового рынка меди и развития мирового промышленного производства с применением эконометрических моделей. Исследование позволяет выявить и дать оценку корреляции факторов циклического развития мировой экономики и динамики мирового рынка меди. Выявленные связи позволяют улучшить качество прогнозов конъюнктуры рынка, что является значимой задачей для планирования производственных и инвестиционных программ организациями отрасли.

ABSTRACT

The article aims to analyze the factors determining the level and the dynamics of the world copper prices by testing hypotheses about the dependence of fluctuations in the world copper market situation on the

industrial production development cyclical patterns using econometric models. The implementation of the study allows authors to understand in more detail the interrelation of the factors that cause the cyclical development of the world economy and the copper market dynamics. The patterns being identified are expected to improve the accuracy of forecasts of the copper prices which are required to plan the production process and investments of organizations operating in the industry.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конъюнктура мирового рынка меди, мировая цена меди, мировое потребление меди, экономические циклы, регрессионный анализ, мировое промышленное производство.

KEYWORDS

Global copper market situation, world copper price, world copper consumption, world economic cycle, industrial cycle, regression analysis, forecasting world prices, world industrial production.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках проекта № 17-07-50012.

ВВЕДЕНИЕ

Многие теоретические подходы к анализу экономического развития регионов и национальных экономик отмечают циклическую природу динамики производства. В статье рассматривается цикличность развития мировой экономики и влияние промышленных циклов на конъюнктуру рынка меди. Таким образом, объектом исследования выступает мировой рынок меди.

Цель исследования — определение факторов, влияющих на уровень и динамику мировых цен на медь, описание характера зависимости колебаний конъюнктуры мирового

рынка меди от циклических закономерностей развития промышленного производства, соотношения спроса и предложения меди с использованием эконометрических моделей. Основной задачей, решаемой в настоящей статье, является проверка гипотезы о значительной степени зависимости динамики мировых цен на медь от смены фаз экономического цикла.

Методология исследования основана на эконометрическом анализе причинно-следственных связей в рыночной экономике с использованием динамических рядов статистических данных. Предшествующие исследования авторов показали эффективность и прогностические возможности применяемых эконометрических моделей [1].

Актуальность исследования связана с потребностью предприятий медной промышленности в обоснованных прогнозах конъюнктуры мирового рынка меди, определением факторов, в наибольшей степени влияющих на уровень цены и доходов от экспорта. Организации медной промышленности вносят существенный вклад в развитие экономики отдельных регионов России и экспортного потенциала страны в целом.

Влияние экономических циклов на товарную конъюнктуру

Несмотря на отмечаемый в целом высокий интерес к проблемам цикличности развития мировой экономики, вопросы взаимосвязи конъюнктуры отдельных глобальных рынков и экономических циклов в научной литературе, как представляется, не получают должного освещения. Деловые издания, целевой аудиторией которых являются специалисты-практики, напротив, поднимают вопрос взаимовли-

яния конъюнктуры мирового рынка меди и цикличности развития мировой экономики с завидной регулярностью, что подчеркивает актуальность и значимость исследуемых проблем. Вместе с тем глубина проработки данных вопросов зачастую ограничивается констатацией общих закономерностей в долгосрочной перспективе и выделением отдельных механизмов взаимовлияния в рамках маркетинговых исследований в краткосрочной перспективе.

В этой связи перспективным с точки зрения методологии более общего исследования представляется подход, заключающийся в сопоставлении данных маркетинговых исследований и имеющихся знаний об общих закономерностях развития мировой экономики. Так, в частности, рассматривая долгосрочные тенденции, многие источники говорят о модели суперцикла товарных рынков. Под суперциклом понимаются длительные, до 20–30 лет, периоды преобладания восходящего тренда цен на сырьевые товары [2]. Импульсом к росту цен может служить ускоренная индустриализация, урбанизация и накопление основных фондов в отдельно взятой стране или ряде развивающихся стран. Растущий внутренний спрос на сырье обусловлен необходимостью создания либо модернизации производственной инфраструктуры.

С начала XX века выделяются три сырьевых суперцикла [3]. Первопричиной первого, в начале XX века, был бурный экономический рост новой индустриальной державы — США. Второй суперцикл длился с 1945 по 1975 годы и был вызван послевоенным восстановлением Европы и мощным экономическим рывком Японии. Некоторые аналитики выделяют внутреннюю тенденцию этого периода — бурную индустриализацию Тайваня и Кореи, начавшуюся в 60-х

годах. Развитие текущего суперцикла продолжает питать экономика Китая, потребляющая 20% сырья, добываемого в мире. Действительно, анализ динамики потребления меди в мире показывает, что с 1960-х годов объем чистой меди, потребляемой мировым хозяйством, удвоился. При этом ускоренный рост отмечается на текущем этапе с начала 1990-х годов. В рамках данной модели могут быть выделены микроволны в соответствии с более краткосрочными бизнес-циклами. Вместе с тем, несмотря на наличие периодов ускоренного и замедленного роста, долгосрочная тенденция в рамках суперцикла заключается в том, что спрос на сырьевые товары должен демонстрировать стабильный рост, как и динамика цен на рынке.

В частности, на протяжении длительного периода времени рост мирового спроса на медь являлся следствием роста потребления меди в Китае, который сопровождался не только постепенным ростом внутреннего производства, но и ускоренным ростом импорта из Демократической Республики Конго, Замбии и Австралии [4]. В то же время, на текущем этапе динамика мировых цен на медь демонстрирует крайнюю нестабильность. В этой связи аналитиками предлагается в краткосрочной перспективе рассматривать развитие сырьевых рынков не как поступательное, обусловленное изменением характеристик спроса, предложения, а как движение от одной экстремальной в данный момент времени ситуации на рынке к обратной. При этом неравномерность развития предлагается определять чередованием ситуаций формирования избыточного спроса и, соответственно, избыточного предложения. Относительно резкий переход к коррекции может являться причиной спада деловой активности.

Сопоставление практических выводов рыночных аналитиков с известными моделями цикличности экономических процессов позволяет сделать вывод о том, что в основе так называемых сырьевых суперциклов лежат длинные волны Кондратьева и экономические циклы, или ритмы Кузнецца [5]. Как известно, циклы Кондратьева — это периоды в 40–60 лет, в ходе которых чередуются фазы роста и относительного спада основных макроэкономических показателей [6]. Импульсом к началу новой волны служат скачки научно-технического прогресса, изменения денежно-кредитной политики, значительное изменение роли отдельных стран в мировой экономике. Действительно, предпосылки к развитию сырьевого суперцикла и переходу после спада от фазы оживления к фазе подъема в рамках цикла Кондратьева отчасти совпадают. Циклы (ритмы) Кузнецца имеют продолжительность около 15–25 лет и также могут рассматриваться в качестве технологических, инфраструктурных циклов [7].

Факторы формирования рыночной конъюнктуры мирового рынка меди в средне- и краткосрочной перспективе в целом сопоставимы с факторами, лежащими в основе циклов Китчина и Жугляра. Циклы Китчина, как известно, — это краткосрочные экономические циклы с периодом 3–4 года, обусловленные, в соответствии с современными представлениями, временными лагами реакции компаний на изменение рыночной конъюнктуры в части формирования на рынке избыточных запасов или, наоборот, дефицита товара [8]. Циклы Жугляра — среднесрочные экономические циклы с периодом около 7–11 лет [9]. Жугляром были отмечены колебания в объемах инвестиций в основной капитал, которые обуславливали

неравномерность загрузки во времени производственных мощностей, процессов формирования товарных запасов. С учетом того, что металлургия относится к числу материало- и капиталоемких отраслей, представляется, что описанные факторы формирования конъюнктуры рынка меди могут считаться определяющими со стороны предложения.

С учетом показанной взаимозависимости конъюнктуры мирового рынка меди и основных циклов развития экономики справедливо предположить наличие связи с макроэкономическими показателями национальных экономик для стран, участвующих на мировом рынке меди в качестве производителей, продавцов и потребителей. При этом для разных групп стран реализация связей должна отличаться лишь временными лагами, обусловленными различиями в степени влияния мирового рынка меди на процессы в национальной экономике — прямого или опосредованного.

Медь входит в число сырьевых товаров, являющихся предметом спекулятивной торговли. Производные финансовые инструменты (деривативы) на металлы торгуются на основных биржах. Основным инструментом торговли является фьючерсный контракт, не предполагающий физической поставки товара. Данный вид контракта может использоваться как для снижения рисков при сделке с физическим объемом товара, так и для извлечения спекулятивной выгоды. В этой связи мировой рынок меди испытывает разнонаправленные импульсы финансовых рынков, сопоставление которых с показателями развития финансовых рынков также представляется перспективным в рамках дальнейших исследований авторов.

Таким образом, конъюнктуру мирового рынка меди, как и многих других сырьевых товаров, определяют следующие фундаментальные и кратковременные факторы:

- фаза суперцикла,
- понижательная или повышательная волна Кондратьева,
- цикл Кузнеца,
- место мировой экономики в одной из фаз бизнес-цикла Жугляра, соотношение мирового спроса и предложения меди,
- краткосрочные колебания цикла Китчина,
- спекулятивные операции на товарных биржах при операциях купли-продажи меди.

Сопоставление выводов маркетинговых исследований о цикличности изменения конъюнктуры мирового рынка меди позволяет сделать вывод о наличии теоретических предпосылок к тесной взаимосвязи конъюнктуры мирового рынка меди и динамики экономических циклов. При этом наличие взаимосвязей предполагается при рассмотрении факторов как в долгосрочной, так и в средне- и краткосрочной перспективе, в соответствии с представлениями о соотношениях циклов и волн развития экономических процессов.

Методология и результаты

Разработана модель зависимости мировых цен на медь от динамики мирового промышленного производства. Цель — оценить влияние цикличности мировой экономики (цикла Жугляра) на динамику мировых цен на медь. Задача исследования состоит в том, чтобы определить, оказывает ли влияние динамика мирового промышленного производства как главного индикатора среднесрочной цикличности на мировые цены на медь или нет.

Сформулирована гипотеза:

H1: Существует положительная связь между динамикой мирового промышленного производства (индикатора среднего цикла Жугляра) и мировыми ценами на медь.

H0: Положительной связи между динамикой мирового промышленного производства (индикатора цикличности) и мировыми ценами на медь не существует.

Спецификация модели: в данном исследовании нами предлагается использовать модель, которая связывает мировую цену на медь WCP_t в период t с показателем мирового экономического цикла, выраженным в динамике мирового промышленного производства ($WProd_t$) в период t .

Данная зависимость может быть выражена следующей формулой:

$$\ln WCP_t = \alpha + \beta_1 \cdot \ln W Pr od_t + \varepsilon, \quad (1)$$

где:

$\ln WCP_t$ — натуральный логарифм мировой цены на медь;

$\ln WProd_t$ — натуральный логарифм мирового промышленного производства (индикатор цикла);

α — константа;

β — коэффициенты регрессии;

ε — остатки;

t — анализируемый период.

Источниками данных послужили временные ряды показателей из баз данных ЮНКТАД и Всемирного банка (таблица 1).

Для оценки влияния мирового промышленного производства на мировую цену меди использован регрессионный анализ, адаптирующий известные эконометрические модели для цели настоящего исследования. Для анализа

взаимосвязи между зависимой переменной — $\ln WCP_t$ — и независимой переменной — $\ln WProd_t$ — был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона.

Таблица 1

Источники данных модели зависимости мировых цен на медь от динамики мирового промышленного производства

Параметр модели	WCP_t — мировая цена на медь	$WProd_t$ — мировое промышленное производство
Наименование показателя и единица измерения	Медь, класс А, электролитическая медь, катанка/катоды, Лондонская биржа металлов, cash (фунт стерлингов/т), 2000 = 100	Промышленность, добавленная стоимость, доллар США (2010 = 100)
Анализируемый период	1990–2016, годовые данные	1990–2016, годовые данные
Источник информации	База данных ЮНКТАД (UNCTAD Database)	Индикаторы. Данные Всемирного Банка (The World Bank Data. Indicators)

Источник: составлено авторами.

В результате установлено, что существует положительная линейная корреляция между $\ln WCP_t$ и $\ln WProd_t$ на уровне $R^2 = 0,834$. Целью эмпирического исследования является оценка влияния мирового среднего цикла на динамику мировых цен на медь. В исследовании нами использован метод наименьших квадратов, в котором было проведено несколько статистических тестов с помощью программы MS Excel. Для получения результатов проведены расчеты по уравнению регрессии. Основные результаты статистических испытаний приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Коэффициенты регрессии (зависимая переменная – $\ln WCP_t$)
и сводная статистика**

Сводка по регрессии для зависимой переменной: $\ln WCP_t$				
Переменные	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t- статистика	P- значение
Y-пересечение	-64,480	9,213	-6,999	0%
$\ln WProd_t$	2,294	0,304	7,559	0%
Регрессионная статистика				
Число наблю- дений	27	F	57,145	
R	0,834	Нормированный R^2	0,683	
R^2	0,696	Стандартная ошибка	0,337	

Источник: расчеты авторов на основе [10, 11].

Коэффициент регрессии для переменной $\ln WProd_t$ является значимым (t-статистика > 2; P-значение = 0%). Регрессионный анализ подтвердил гипотезу H1 о том, что существует положительная связь между динамикой мирового промышленного производства (индикатора цикличности) и мировыми ценами на медь. Так, при увеличении мирового промышленного производства на 1% мировая цена меди растет на 2,3%.

Выводы

Экономическое развитие носит нелинейный характер, движение к более высокому уровню производства традиционно представляется волновым. В существующих моделях, раскрывающих цикличность развития мировой экономики, превалирует подход выделения влияния отдельных фак-

торов. При этом цикличность проявляется в чередовании этапов ускорения темпов роста спроса и предложения и, соответственно, их снижения.

Динамика рынка меди, как представляется, может рассматриваться как отражение более общих процессов развития мировой экономики в целом. Основными факторами индикативной способности данного сырьевого товара выступают универсальный характер физического спроса в мировом хозяйстве и спекулятивная биржевая торговля [12].

Регрессионный анализ подтвердил гипотезу о том, что существует положительная связь между динамикой мирового промышленного производства (индикатора цикличности) и мировыми ценами на медь. Так, при увеличении мирового промышленного производства на 1% мировая цена меди растет на 2,3%.

Вместе с тем процесс развития мировой экономики может быть представлен как движение от одной экстремальной в данный момент времени ситуации на рынке к другой. Неравномерность развития проявляется в «перегреве» рынков, т.е. ситуации формирования чрезмерного уровня спроса или предложения, и последующей коррекции, зачастую приводящей к спаду деловой активности и кризисным явлениям в экономике.

В порядке практического применения реализованных моделей регрессионного анализа с использованием данных ежемесячной динамики показателей может быть составлен прогноз (тренд) мировой цены меди, что представляется актуальной задачей для дальнейших исследований авторов.

Библиографический список

1. Капустина Л.М., Липкова Л., Фальченко О.Д. Оценка вклада прямых иностранных инвестиций в экономическое развитие Свердловской области и России // Экономика региона. — 2016. — Т. 12. — № 3.
2. Древалев А.А. О возможном завершении долгосрочной тенденции ускоренного роста мировых цен на сырьевые товары // Материалы XV Всероссийского форума молодых ученых с международным участием в рамках III Евразийского экономического форума молодежи «Диалог цивилизаций — путь навстречу». Ч. 1 — 2012. — С. 66–69.
3. Canuto O. The Commodity super cycle: is this time different? // Economic Premise. — 2014. — Т. 150. — С. 1–4.
4. Kapustina L.M., Drevalov A.A. Opportunities and threats for the Russian copper industry after the country's accession to the World trade organization // 7th Annual Conference of the EuroMed Academy of Business. — 2014.
5. Grinin L.E., Devezas T.C., Korotayev A.V. Cyclical Dynamics in Economics and Politics in the Past and in the Future // Kondratieff waves. Juglar–Kuznets–Kondratieff. — 2014. — С. 5–24.
6. Kondrat'ev N.D. The long wave cycle. — 1984.
7. Kuznets, S. Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations — 1930.
8. Kitchin J. Cycles and trends in economic factors // The Review of economic statistics. — 1923. — С. 10–16.
9. Ducos, G. Clément Juglar. // Business Cycles and Depressions. An Encyclopedia. — 1997. — С. 345–347.
10. Free market commodity price indices, 1960–2016. [электронный ресурс] режим доступа: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> — свободный.
11. The World Bank Data. Indicators. [электронный ресурс] режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator> — свободный.

12. The World Copper Factbook (2016) [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.icsg.org/index.php/component/jdownloads/finish/170/2202> — свободный.

References

1. Kapustina L.M., Lipková L., Falchenko O.D. Evaluation of Foreign Direct Investment Contribution in the Economic Development of Sverdlovsk Region and Russia // *Ěkonomika Regiona*. — 2016. — V. 12. — No. 3. — pp. 741–754.
2. Drevalov A.A. On the possible end of the long-term trend of growing commodities prices // *Materials of the XV All-Russian Young Scientists' Forum with International Participation in the framework of the III Eurasian Youth Economic Forum, V. 1* — 2012. — pp. 66–69.
3. Canuto O. et al. The Commodity super cycle: is this time different? // *Economic Premise*. — 2014. — V. 150. — pp. 1–4.
4. Kapustina L.M., Drevalov A.A. Opportunities and threats for the Russian copper industry after the country's accession to the World trade organization // *7th Annual Conference of the EuroMed Academy of Business*. — 2014.
5. Grinin L.E., Devezas T.C., Korotayev A.V. Cyclical Dynamics in Economics and Politics in the Past and in the Future // *Kondratieff waves. Juglar–Kuznets–Kondratieff*. — ???, 2014. — pp. 5–24.
6. Kondrat'ev N. D. *The long wave cycle*. — [New York]: Richardson & Snyder, 1984.
7. Kuznets, S. *Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations*. — [Boston]: Boston: Houghton Mifflin, 1930
8. Kitchin, J. *Cycles and trends in economic factors* // *The Review of economic statistics*. — 1923. — pp. 10–16.
9. Ducos, G. Clément Juglar. // *Business Cycles and Depressions. An Encyclopedia*. — 1997. — pp. 345–347.

10. Free market commodity price indices, annual, 1960–2016. [electronic resource]. Available online: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>
11. The World Bank Data. Indicators. [electronic resource]. Available online: <https://data.worldbank.org/indicator>
12. The World Copper Factbook (2016). [electronic resource]. Available online: <http://www.icsg.org/index.php/component/jdownloads/finish/170/2202>

Контактная информация:

Капустина Лариса Михайловна, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой Маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144, к. 465, lakapustina@bk.ru

Фальченко Оксана Дмитриевна, к.э.н., доцент, доцент кафедры внешнеэкономической деятельности Уральского государственного экономического университета, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144, к. 458, falchenko@usue.ru

Древалев Андрей Анатольевич, старший преподаватель кафедры маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144, к. 755, adrevalev@usue.ru

Contact links:

Kapustina Larisa Mikhailovna, doctor of economics, professor, head of the Marketing and International Management Department of the Ural State University of Economics, of.465, 62, 8 Marta Street, Ekaterinburg, Russia, 620144, lakapustina@bk.ru

Falchenko Oksana Dmitrievna, candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the Foreign Economic Activity

Department of the Ural State University of Economics, of.458, 62, 8 Marta Street, Ekaterinburg, Russia, 620144, falchenko@usue.ru

Drevalev Andrei Anatolievich, senior lecturer of the Marketing and International Management Department of the Ural State University of Economics, of.465, 62, 8 Marta Street, Ekaterinburg, Russia, 620144, adrevalev@usue.ru

О ПРЕДМЕРЕ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ ON THE SUBJECT OF HISTORY AND METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

Е.А. КОРСАКОВА

Кандидат экономических наук, доцент
кафедры политической экономики Уральского
государственного экономического
университета

E.A. KORSAKOVA

Candidate of economic sciences, associate
professor of the Department of Political
Economy of the Ural State University of
Economics

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется специфика предмета истории и методологии экономической науки как особой области научного знания и рассматриваются различные подходы к его определению. Автор формулирует концепцию предмета истории и методологии экономической науки. В статье описываются формы проявления и задачи методологии экономической науки. Автор анализирует связь между экономической теорией и методологией, взаимосвязь эволюции экономической на-

уки и эволюции методологии. На основе этого анализа в статье предлагается подход к изложению содержания истории и методологии экономической науки и к определению основных этапов эволюции экономической науки.

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of the specifics of the subject of history and the methodology of economic science as a special field of scientific knowledge and various approaches to its definition. The article examines the role played by the study of history and methodology of economic science in the process of preparing economists-researchers. The characteristic of structural elements of history and methodology of an economic science is given. The author formulates the concept of the subject of history and the methodology of economic science. The article describes the forms of manifestation and the tasks of the methodology of economic science. The author analyzes the connection between economic theory and methodology, the relationship between the evolution of economic science and the evolution of methodology. Based on this analysis, the article proposes an approach to presenting the content of history and methodology of economic science and to determining the main stages in the evolution of economic science.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Предмет науки, метод науки, история экономической науки, экономическая теория, концепции, методология экономической науки, этапы истории экономической науки.

KEYWORDS

Subject of science, method of science, history of economic science, economic theory, concepts, methodology of economic science, stages of the history of economic science.

Важнейшей функцией экономической науки является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний об экономической действительности. Экономическая наука — это исследовательская деятельность, связанная с получением нового знания об экономических явлениях. Как общественная (социальная) наука экономическая наука должна поставлять знания, позволяющие понимать социально-экономическую реальность, функционирование и развитие социально-экономических систем [4, с. 11]. Цель экономической науки — описание, объяснение, предсказание экономических явлений и процессов на основе открываемых ею законов функционирования экономики и использования специфических методов, способов исследования.

В современных условиях следует говорить о существовании не просто экономической науки, а целой системы наук, у каждой из которых есть свой особый предмет исследования. Фундаментом этой системы является экономическая теория. Предмет экономической теории определяет ее место в системе экономических наук и отличие от других экономических наук.

Слово «теория» (*theoria*, греч.) означает буквально «рассматриваю, исследую». Экономическая теория как наука рассматривает, исследует экономику. Цель экономической теории как науки — теоретическое отражение экономики, экономической действительности. Экономическая теория представляет собой систему взглядов, представлений, идей, направленных на объяснение экономических явлений. Результат экономической теории как науки — это сумма объективных и достоверных знаний, образующих в совокупности научную картину экономики и дающих целостное представ-

ление о наиболее общих закономерностях развития и существенных связях экономики.

Одновременно с возникновением и развитием экономической науки, или экономической теории, формировалась и ее история. История экономической науки, или экономической теории, означает историческое исследование экономической науки как особой области научного знания, процесса ее становления и развития. Появление новых взглядов и концепций является следствием эволюции экономики. Дальнейшее развитие экономической теории невозможно без учета изменений, происходящих в экономике, сравнения различных концепций, преемственности различных теорий.

«История» (historia, греч.) означает «рассказ о прошедшем». История экономической науки — это рассказ о прошлом экономической науки, т.е. наука, изучающая прошлое экономической науки. В истории экономической науки реализуется принцип историзма как особый принцип подхода к действительности. Он предполагает изучение экономической науки в процессе ее исторического развития как процесса эволюции системы экономических знаний, выявления качественных изменений, новых состояний экономической науки, перехода от одного состояния экономической науки к другому.

Экономист-исследователь должен знать не только современную экономическую теорию, но также ее историю и методологию, различные концепции экономической теории, методы и способы экономического исследования, которые были разработаны и применены его предшественниками. «Чтобы понять основные цели экономики как науки, лучше всего обратиться к трудам трех величайших экономистов — А. Смита, К. Маркса и Дж. М. Кейнса» [10, с. 21].

Современная экономическая наука является результатом всего предшествующего развития экономического знания. Понимание фундаментальных основ экономического знания невозможно без знания истории и методологии экономической науки. Овладение историей и методологией экономической науки помогает лучше понимать других экономистов, оценивать их теории, прогнозы, экономическую политику, помогает принимать верные решения в своей научной и практической деятельности и добиваться успеха [2, с. 3].

Изучение истории экономической науки позволяет убедиться в том, что появление нового метода, способа исследования играет важную роль в развитии экономического знания, порой не менее важную, чем новая концепция, новая теория. Наибольших результатов в экономической науке можно достигнуть благодаря глубоким знаниям предмета и объекта исследования, совершенному владению методами научного исследования. Получение нового знания становится возможным благодаря новым методам научного исследования.

В связи с этим важным, фундаментальным разделом экономического образования становится история и методология экономической науки. Изучение истории и методологии экономической науки является необходимым условием формирования профессиональных компетенций экономистов-исследователей, развития рационального экономического мышления и важным фактором формирования навыков научно-исследовательской работы. Экономист-исследователь должен иметь представление о развитии основных концепций, методов, используемых экономической наукой в процессе исследования экономических явлений, обладать

знаниями о наиболее значимых направлениях и школах экономической теории. Изучение истории и методологии экономической науки необходимо для понимания логики эволюции научных положений экономической теории.

В экономической литературе не сформулирован окончательно предмет истории и методологии экономической науки. Поиск ответа на вопрос о предмете истории и методологии экономической науки является очень важным. Предмет науки определяет конкретную область, изучаемую наукой. Другими словами, вопрос о предмете науки — это вопрос о том, что изучает наука. Именно предмет науки определяет ее структуру, содержание, методы, логическую последовательность изложения ее содержания. Наличие особого предмета исследования определяет самостоятельность науки, ее право на существование.

Встречаются разнообразные трактовки предмета истории и методологии экономической науки, различны также подходы авторов к изложению его содержания. Очень трудно определить границы предмета истории и методологии экономической науки, поскольку они очень подвижны. Все это осложняет определение структуры и логической последовательности изложения истории и методологии экономической науки.

При определении предмета истории и методологии экономической науки, а также подходов к его изложению важен учет особенностей предмета каждой из его составляющих: истории экономической науки и методологии экономической науки. По мнению Л.Е. Басовского, книги, посвященные вопросам истории и методологии экономической науки, должны отражать, прежде всего, методологию, историю развития методологии, в отличие от некоторых книг по

истории и методологии экономической науки, содержащих, в основном, изложение истории экономических учений [2, с. 5]. В некоторых публикациях можно встретить полное отождествление авторами предмета истории и методологии экономической науки с предметом истории экономических учений. В других публикациях авторами делается акцент или на философию экономической науки, или на методологию экономической науки, историю формирования этой методологии, а не на историю экономической науки в целом.

При изложении содержания истории и методологии экономической науки необходимо обеспечить в полной мере сочетание исторического и логического подходов. Это означает, что исторический процесс эволюции экономической науки должен рассматриваться как исторический процесс эволюции методологии экономической науки. Предмет истории и методологии экономической науки — это, прежде всего, история и методология экономической теории.

В истории экономической науки как процессе исторического поступательного развития необходимо выделять основные, качественно отличающиеся друг от друга периоды, этапы. Каждый период или этап в развитии экономической науки представляет собой отрезок времени, который характеризуется какими-либо качественными изменениями в экономических концепциях и качественными особенностями методологии экономической науки.

Методология экономической науки — это совокупность методов научного познания экономической действительности, способы, с помощью которых экономист осуществляет анализ экономической действительности. С другой стороны, методология экономической науки — это учение

о методах научного поиска, принципах построения, формах и способах научного исследования [8, с. 406].

По мнению М. Блауга, в отношении выражения «методология» сложилась двусмысленность. Термин «методология» иногда понимают как синоним методов, а чаще он обозначает исследование концепций, теорий и принципов рассуждения [3, с. 35]. В последнее время появляется все больше сторонников определения методологии экономической науки и как исследования концепций, принципов рассуждений и анализа, и как совокупности методов исследования, используемых экономистами [2, с. 4].

«Метод» (греч.) означает «путь к чему-либо». Применительно к экономической науке метод означает путь исследования, путь к пониманию, объяснению экономических явлений и процессов, способ получения знания. Методология экономической науки в узком смысле слова означает совокупность способов и приемов познания экономической действительности. В широком смысле слова методология экономической науки — это учение о путях и способах исследования экономики.

Общую методологию научного исследования формирует философия. Однако философия не может претендовать на определяющую роль в развитии экономического знания, тем более самостоятельного исследования экономических явлений и процессов. Ее положения важны, но недостаточны и неадекватны для понимания экономических процессов. Экономическая наука вырабатывает, создает свою методологию исследования [1, с. 14].

В процессе исторического развития экономической науки создается методология, которая должна позволить экономической науке приблизиться к решению актуальных

проблем. Цель методологии экономической науки заключается в осмыслении принципов и путей изучения ее предмета, т.е. экономических явлений и процессов. В курсе истории и методологии экономической науки речь должна идти не о методологии вообще, а о методологии экономической науки, т.е. о проблематике, предмете, методах, понятиях, выводах экономической науки. Однако это не исключает использования в экономической науке общенаучных методов исследования.

Методология экономической науки как совокупность методов исследования представляет собой также особую форму организации процесса исследования экономических явлений. Основные задачи методологии экономической науки сводятся к следующему: определение предмета и объекта исследования, разработка приемов, способов исследования, формирование понятийного, категориального аппарата, необходимого для построения теории, определение способа построения теории.

Наиболее важными формами и проявлениями методологии науки, в том числе и методологии экономической науки, являются: постановка проблемы исследования и обоснование ее актуальности; определение объекта, предмета и границ исследования; изучение точек зрения, встречающихся в литературе по данной проблеме, их критический анализ; формирование и уточнение понятийного аппарата исследования; выбор средств и методов исследования; построение научной теории; проверка полученного результата с точки зрения его истинности [8, с. 406].

Постановка проблемы исследования является одной из важных форм проявления методологии. Из множества проблем для исследования выбираются наиболее акту-

альные проблемы. Выбор проблемы исследования не менее важен, чем выбор метода исследования. По мнению Б. Селигмена, какой бы метод ни использовался для исследований — вербальный, математический, статистический, исторический или эконометрический, — главным вопросом является выбор проблемы. Серьезная теория должна обращаться к значительным вопросам. Задача методологии состоит в правильной постановке вопроса [9, с. 534]. Постановке проблемы исследования всегда предшествует возникновение конкретной экономической проблемы и понимание того, что отсутствуют знания для ее решения. Так, в период массовой безработицы, вызванной экономическим кризисом, Дж. М. Кейнс в качестве центральной проблемы своего фундаментального исследования выбрал проблему занятости. Дж. М. Кейнс заметил, что чисто теоретическая сторона проблемы — чем определяется действительная занятость наличных ресурсов, — редко исследовалась сколько-нибудь детально [5, с. 12].

Цель методологии экономической науки заключается не только в получении объективного знания, формировании нового знания, но и в критике накопленного знания. В названии своей книги «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнс акцентирует внимание на определении «общая». В первой главе книги он объяснил этот акцент стремлением противопоставить свои аргументы и выводы аргументам и выводам классической теории, которая господствует над практической и теоретической экономической мыслью правящих и академических кругов. Постулаты классической теории, по мнению Дж. М. Кейнса, применимы не к общему, а только к особому случаю [5, с. 11]. В «Общей теории занятости, процента и денег» он подверг критике

постулаты классической теории, в частности, закон рынков Сэя, классическую теорию занятости, теорию процента.

Различия в методологии, в постановке проблем исследования, понимании предмета и задач исследования, подходов к изучению экономических проблем объясняют существование различных концепций в рамках одной и той же теории и являются той основой, на которой происходит разделение экономистов по направлениям. Концепция, формирующаяся в рамках экономической теории, представляет особый способ понимания, трактовки экономических явлений, главную идею для их описания и объяснения. Представители различных направлений и школ экономической теории дают различное объяснение одним и тем же экономическим явлениям и процессам. Это объясняется тем, что они опираются на различную методологию. Например, в экономической науке не существует единой, признаваемой всеми экономистами, теории экономического роста. Свои концепции и модели для описания процессов экономического роста, базирующиеся на разной методологической основе, предлагают представители как кейнсианского, так и неоклассического направлений [6, 7].

Одной из важных форм проявления методологии является также проверка теории на истинность. Полученные результаты, выводы теории должны быть проверены практикой. «Как только становится ясной логика гипотезы и выводы из нее, возникает необходимость опытной проверки. Без этого шага работа не может считаться законченной, а теория остается бесплодной» [9, с. 534]. История экономической науки демонстрирует примеры того, как некоторые теории в результате их практического применения укрепляли свои позиции, становились доминирующими в течение достаточно

длительного времени, как это было, например, с кейнсианством, или эволюционировали, видоизменялись, или окончательно опровергались всем опытом развития экономики.

Дж. М. Кейнс заметил, что проповедование постулатов теории, применимых к особому случаю, характерные черты которого «не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем ... сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [5, с. 11]. Макроэкономическая теория Дж. М. Кейнса появилась в период самого разрушительного экономического кризиса XX века. Дж. М. Кейнс лучше других смог объяснить причины кризиса и найти эффективные способы его преодоления. «...Часто во времена кризисов появляются теории, пригодные для практического применения» [9, с. 535]. Даже идейные противники Дж. М. Кейнса были вынуждены использовать рецепты оздоровления экономики, вытекающие из его теории, после того, как их собственные рекомендации ухудшали экономическую ситуацию.

В экономической литературе часто приводится высказывание Дж. М. Кейнса о том, что экономическая теория не есть набор уже готовых рекомендаций, применимых непосредственно к хозяйственной политике. По мнению Дж. М. Кейнса, она является скорее методом, чем учением, интеллектуальным инструментом, техникой мышления, помогая тому, кто владеет ею, приходиться к правильным заключениям [11, с. 23].

Смысл этого высказывания состоит в том, что в экономической науке, или теории, достигается единство теории и метода. Теория и метод переплетаются, т.е. теория является средством познания действительности. Экономическая теория, занимающаяся описанием, объяснением

действительности, использует различные методы для ответа на вопрос о сущности экономических явлений и процессов. На основе сложившегося в рамках той или иной концепции теоретического понимания каких-либо экономических явлений и процессов формируется подход к дальнейшему исследованию, т.е. формируется способ исследования. А этот подход или способ исследования и представляет собой метод. Экономическая теория опирается на определенные научные принципы, использует свои особые понятия, категории, включает различные концепции. Все это выступает как проявления методологии. Другими словами, экономическая теория, описывая и объясняя реальную экономическую действительность, выступает одновременно и в качестве метода исследования, т.е. показывает путь для дальнейшего исследования экономической действительности. Положения макроэкономической теории Дж. М. Кейнса стали методологической основой, т.е. открыли метод, с помощью которого экономическая теория попыталась найти ответы на вопросы о причинах экономических циклов, а позже — и о факторах экономического роста. В своей книге «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнс писал: «Мы полагаем, что в предшествующих главах показали факторы, определяющие объем занятости в каждый данный момент, и если мы правы, то наша теория должна быть пригодной и для объяснения явлений экономического цикла» [5, с. 289].

Таким образом, между экономической теорией и методологией существует определенная связь. Можно говорить о единстве экономической теории и методологии. Следовательно, история экономической науки, т.е. историческая эволюция идей, концепций экономической теории, неотде-

лима от исторической эволюции методологии экономической науки.

История и методология экономической науки — это новая дисциплина, формирующаяся в рамках современной экономической науки. Данная дисциплина имеет свой особый предмет и выступает как производная от двух областей научного знания: истории экономической науки и методологии экономической науки. Она представляет собой синтез этих двух областей научного знания. Но в то же время как единое целое она не превращается в их простую сумму.

Библиографический список

1. Бартенев С.А. История и философия экономической науки. — М.: Магистр, 2011. — 271 с.
2. Басовский Л.Е. История и методология экономической науки. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. — 231 с.
3. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. — М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. — 415 с.
4. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики: монография. — М.: КУРС, НИЦ ИНФРА-М, 2017. — 352 с.
5. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 1999. — 352 с.
6. Корсакова Е.А. Методологические основы неоклассической теории экономического роста // Успехи современной науки. — 2017. — № 4 (том 7). — С. 48–51.
7. Корсакова Е.А. Моделирование экономического роста // Экономика и предпринимательство. — 2017. — № 8 (ч. 2). — С. 1025–1030.
8. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. — М.: ИНФРА-М Издательский Дом, 2011. — 882 с.

9. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс, 1968. — 598 с.
10. Хайлбронер Р., Тарроу Л. Экономика для всех. — Тверь: Фамилия, 1994. — 271 с.
11. Хейне П. Экономический образ мышления. — М.: Изд-во «Дело», 1992. — 704 с.

References

1. Bartenev S. A. Istoriya i filosofiya ekonomicheskoi nauki. — М.: Magistr, 2011. — 271 s.
2. Basovskii L. E. Istoriya i metodologiya ekonomicheskoi nauki. — М.: NITs INFRA-M, 2014. — 231 s.
3. Blaug M. Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob"yasnyayut. — М.: Zhurnal «Voprosy ekonomiki», 2004. — 415 s.
4. Efimov V. M. Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, istoriya i issledovatel'skie praktiki: monografiya. — М.: KURS, NITs INFRA-M, 2017. — 352 s.
5. Keins Dzh. M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. — М.: Gelios ARV, 1999. — 352 s.
6. Korsakova E. A. Metodologicheskie osnovy neoklassicheskoi teorii ekonomicheskogo rosta // Uspekhi sovremennoi nauki. — 2017. — № 4 (tom 7). — S. 48-51.
7. Korsakova E. A. Modelirovanie ekonomicheskogo rosta // Ekonomika i predprinimatel'stvo. — 2017. — № 8 (ch. 2). — S. 1025-1030.
8. Rumyantseva E. E. Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya. — М.: INFRA-M Izdatel'skii Dom, 2011. — 882 s.
9. Seligmen B. Osnovnye techeniya sovremennoi ekonomicheskoi mysli. — М.: Progress, 1968. — 598 s.
10. Khailbronner R., Tarrou L. Ekonomika dlya vsekh. — Tver': Famiiliya, 1994. — 271 s.

11. Kheine P. Ekonomicheskii obraz myshleniya. — M.: Izd-vo «Delo», 1992. — 704 s.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет

620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

E-mail: korsaea@usue.ru

Ural State University of Economics

620144, RF, Ekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45

E-mail: korsaea@usue.ru

АСИММЕТРИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДА СТЕЙКХОЛДЕРОВ В РАМКАХ ПАРКОВЫХ СТРУКТУР

THE ASYMMETRY OF THE INCOME DISTRIBUTION OF STAKEHOLDERS WITHIN THE PARK STRUCTURES

А.Е. ПЛАХИН

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, заместитель директора Института менеджмента и информационных технологий, Уральский государственный экономический университет, E-mail: apla@usue.ru

A.E. PLAKHIN

Candidate of economic Sciences, associate Professor of Management dpt., Deputy Director of the Institute of management and information technologies, Ural state University of Economics, E-mail: apla@usue.ru

Е.С. ОГОРОДНИКОВА

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Уральский государственный экономический университет, E-mail: cmb_8@mail.ru

E.S. OGORODNIKOVA

Candidate of economic Sciences, associate Professor of Management dpt., Ural state University of Economics, E-mail: cmb_8@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Цель настоящей статьи – доказать авторскую гипотезу о формировании асимметрии распределения доходов стейкхолдеров парковой структуры, обусловленной увеличением воздействия эффекта масштаба на деятельность резидентов парка.

Авторами была предложена модель распределения дохода, на основании которой была доказана превалирующая роль государства как выгодоприобретателя результатов деятельности в рамках парковой структуры. Также обозначена четкая асимметрия распределения дохода, формирующегося за счет эффекта масштаба, между иными стейкхолдерами. Выявленные характеристики могут быть востребованы для обоснования концепций и других документов программного характера при формировании промышленных парковых структур.

ABSTRACT

The purpose of this article is to prove the author's hypothesis about the formation of an asymmetry in the distribution of income of stakeholders in the industrial park structure, due to the increased impact of economies of scale on the activities of the residents of the park.

In this article, the authors propose a model of income distribution, on the basis of which the prevailing role of the state as the beneficiary of the results of activity within the framework of the park structure was proved.

It also indicates a clear asymmetry of income distribution, formed due to economies of scale between other stakeholders. The revealed characteristics can be claimed for the justification of concepts and other documents of a program nature in the formation of industrial park structures.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стейкхолдерский подход, промышленная парковая структура, распределение дохода.

KEYWORDS

Stakeholder approach, industrial park structure, income distribution.

Современный вектор развития экономики России во многом опирается на формирование объектов мезоэкономики, имеющих общую инфраструктурную базу. К объектам мезоуровня относят и новые для российской экономики парковые структуры. В работах А.Е. Плахина представлена подробная характеристика парковых структур: кластеры, новые индустриальные районы, особые экономические зоны и другие территориальные локализации промышленного производства, которые можно назвать объединяющей категорией «промышленная парковая структура» [5].

Особенности парковой структуры делают неэффективным применение широкого круга методов административного управления. По мнению авторов, процессы управления развитием объектов мезоэкономики во многом зависят от косвенных инструментов регулирования, комплексное применение которых относится к стейкхолдерскому подходу в управлении. Данная методология позволяет учитывать особенности интересов групп лиц, участвующих в деятельности и использующих собственные критерии оценки

функционирования парковой структуры с точки зрения собственных интересов. В работах ряда авторов предложен поэтапный механизм анализа взаимоотношений со стейкхолдерами [6, 7, 8].

Р.С. Гондарев и Н.В. Разнова считают, что наиболее продвинутым способом взаимодействия со стейкхолдерами на сегодня является бриджинг, подразумевающий стратегическое партнерство и объединение ресурсов [1]. Однако эти же авторы указывают на сложности в организации взаимодействия между сторонами.

Р.В. Нуждин и А.Н. Полозова видят главную цель стейкхолдер-менеджмента в достижении положительной синергии. Они считают, что если синергия выражается в увеличении добавленной стоимости и доходности причастных сторон, то это означает, что стоимость добавляется при интеграции в том случае, когда возможности экономических потенциалов используются максимально продуктивно [3].

Здесь мы видим проявление категории «добавленной стоимости», которая объединяет использование стейкхолдерского подхода и промышленные парковые структуры, создание которых преследует цель получения внешних эффектов, в том числе и синергетических.

Данный вывод позволяет говорить об эффективности экономических методов управления парковой структурой, к которым можно отнести и механизмы распределения получаемого дохода или дополнительной «добавленной стоимости», формируемой за счет внешних эффектов. Инструменты распределения позволяют стимулировать отдельные сферы, прежде всего — развитие человеческого капитала и региональной инфраструктуры. Такие инструменты будут соответствовать адаптационным принципам

стейкхолдеровского подхода, рассматривающего развитие через призму удовлетворения разнонаправленных интересов множественных групп влияния.

Для понимания предмета исследованиями авторами предложено понятие «асимметрия», отражающее неравномерность распределения дохода. Объектами управления могут стать как выравнивание «асимметрии», так и ее искусственное формирование. В первом случае возможно использование методов институционального регулирования путем создания трансферных фондов, перераспределяющих доход между стейкхолдерами. Во втором случае «асимметрия» распределения дохода может являться экономическим рычагом стимулирования создания отдельных объектов инфраструктуры либо реализации необходимых функций в рамках парковой структуры.

Для решения указанной научной задачи авторами была сформирована модель распределения доходов между стейкхолдерами парковой структуры (рис. 1).

В указанной модели приведены основные стейкхолдеры парковой структуры и виды дохода, который они получают. Необходимо отметить, что некоторые из групп влияния получают доход не напрямую, а при посредничестве прямых участников операционного процесса. Например, государство, регулирующее распределение налоговых доходов, формирует многие аспекты деятельности парковой структуры.

В качестве объекта исследования в настоящей статье выбран индустриальный парк «Грабцево», развитие которого осуществляется на территории Калужской области в рамках проекта «Развитие инфраструктуры индустриальных парков: формирование кластера производства автомобилей и автокомпонентов». В таблице 1 представлена динамика

ввода в эксплуатацию производственных мощностей, размещенных на территории парка.

Рис. 1. Модель распределения дохода между стейкхолдерами парковой структуры

Как видно из таблицы, на территории парковой структуры размещены производственные предприятия связанных видов деятельности, следовательно, соблюдаются принципы формирования парковой структуры, и объект соответствует целям исследования.

В ходе исследования была собрана и обобщена информация о распределении дохода между основными группами стейкхолдеров парка «Грабцево» (рисунок 2).

Как видно на рисунке, наибольшим выгодоприобретателем осуществления проекта является государство, поскольку в различные уровни бюджета поступает чуть меньше поло-

вины формируемого дохода. Собранные средства поступают в общественный сектор и направляются на формирование социальной среды и инфраструктуры региона.

Таблица 1

**Ввод в эксплуатацию основных производственных мощностей
индустриального парка «Габцево»**

Наименование резидента	Год ввода	Содержание деятельности
ООО «Фольксваген Групп Рус»	2015	производство двигателей внутреннего сгорания автомобилей
	2007	производство автомобилей.
ООО «Гестамп-Северсталь-Калуга»	2010	производство штампованных деталей для кузовов легковых автомобилей.
ООО «Бентелер Аутомотив»	2010	производство деталей подвески автомобилей
ООО «Рэйдел Аутомотив Рус»	2010	производство обшивки для дверей автомобилей
ООО «Япп Рус Автомобильные системы»	2011	выпуск пластиковых топливных баков
ООО «Фуяо Стекло Рус»	2013	производство автомобильного стекла
Филиал АО «Магна Аутомотив Рус»	2010	производство и окраска бамперов автомобилей. Работает с 2010 г.
	2016	строительство второй очереди производственных мощностей и инфраструктуры завода по выпуску автомобильных запчастей

Асимметричная динамика наблюдается по распределению дополнительного эффекта при вводе новых мощностей парка. Наблюдается снижение доли материальных расходов, что обусловлено эффектами кооперации участников индустриального парка, и доли кредиторов, показывающей снижение зависимости от заемного капитала. Если рассматривать доход работников, то существенных изменений

в структуре распределения доходов не наблюдается. Данный факт является примером асимметрии распределения дохода, исправление которой возможно путем создания выравнивающих либо стимулирующих фондов на территории парка. В частности, можно предложить создание образовательных центров, например, корпоративного университета для отрасли автомобилестроения.

Рис. 2. Асимметрия распределения дохода стейкхолдеров индустриального парка «Габцево», 2010–2016, %¹

Такой проект позволит направить дополнительную «добавленную стоимость» на повышение качества человеческого капитала предприятий индустриального парка и в конечном итоге существенно повысит эффективность его работы.

¹ Составлено авторами по данным СПАРК-Интерфакс [9].

Библиографический список

1. Гондарев Р.С., Разнова Н.В. Построение модели развития бизнеса на основе интеграции концепции организационных изменений и инструментов стейкхолдер-менеджмента // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2014. № 14. С. 7–15.
2. Морозов В.О. Определение стратегических позиций стейкхолдер-организации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 1 (19). С. 138–143.
3. Нуждин Р.В., Полозова А.Н. Бизнес-анализ возможностей стейкхолдер-менеджмента в достижении положительной синергии // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2016. № 4 (70). С. 437–445.
4. Плахин А.Е. Институциональные условия создания и методические аспекты оценки эффективности функционирования кластеров: российский и зарубежный опыт / Плахин А.Е., Огородникова Е.С., Генералов И.Г. // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 61–65.
5. Плахин А.Е. Стратегическое управление развитием промышленных парковых структур кластерного типа: монография / Плахин А.Е. М: ИНФРА-М, 2017. — 218 с.
6. Тимофеева Е.К. Корпоративная социальная ответственность: устойчивое развитие и взаимодействие со стейкхолдерами // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 4 (82). С. 44–49.
7. Ткаченко И.Н. Использование методологии корпоративного управления для анализа стейкхолдеров в проектах государственно-частного партнерства // Управленческие науки в современной России. 2014. Т. 1. № 1. С. 40–44.
8. Ткаченко И.Н., Сивокос К.К. Использование гибких технологий AGILE и SCRUM для управления стейкхолдерами проектов // Управленец. 2017. № 4. С. 85–95.

9. Система анализа рынков «Спарк-интерфакс». <http://www.spark-interfax.ru/>.

References

1. Gondarev R.S., Raznova N.V. Postroenie modeli razvitija biznesa na osnove integracii koncepcii organizacionnyh izmenenij i instrumentov stejkhoder-menedzhmenta // Jekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitija. 2014. № 14. S. 7-15.
2. Morozov V.O. Opredelenie strategicheskikh pozicij stejkhoder-organizacii // Territorija novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i servisa. 2013. № 1 (19). S. 138-143.
3. Nuzhdin R.V., Polozova A.N. Biznes-analiz vozmozhnostej stejkhoder-menedzhmenta v dostizhenii polozhitel'noj sinergii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tehnologij. 2016. № 4 (70). S. 437-445.
4. Plakhin A.E. Institucional'nye uslovija sozdaniya i metodicheskie aspekty ocenki jeffektivnosti funkcionirovanija klasterov: rossijskij i zarubezhnyj opyt / Plahin A.E., Ogorodnikova E.S., Generalov I.G. // Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie. 2017. T. 6. № 2 (19). S. 61–65.
5. Plakhin A.E. Strategicheskoe upravlenie razvitiem promyshlennyh parkovyh struktur klasterного типа: monografija / Plahin A.E. M: INFRA-M, 2017. — 218 s.
6. Timofeeva E.K. Korporativnaja social'naja otvetstvennost': ustojchivoe razvitie i vzaimodejstvie so stejkhoderami //Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2015. № 4 (82). S. 44–49.
7. Tkachenko I.N. Ispol'zovanie metodologii korporativnogo upravlenija dlja analiza stejkhoderov v proektah gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Upravlencheskie nauki v sovremennoj Rossii. 2014. T. 1. № 1. S. 40–44.

8. Tkachenko I.N., Sivokoz K.K. Ispol'zovanie gibkikh tehnologij AGILE i SCRUM dlja upravlenija stejkhoderami proektov//Upravlenec. 2017. № 4. S. 85–95.
9. Sistema analiza rynkov «Spark-interfaks» <http://www.spark-interfax.ru/>.

Контактная информация:

Плахин Андрей Евгеньевич, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет». Адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45. Тел. +7 (912) 24-36-777. E-mail: apla@usue.ru.

Огородникова Екатерина Сергеевна, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет». Адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45. Тел. 8(912)24-36-777. E-mail: cmb_8@mail.ru.

Contact links:

Plakhin Andrey Evgenievich, Ural State University of Economics. Address: 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, Russia, 620144. E-mail: apla@usue.ru.

Ogorodnikova Ekaterina Sergeevna, Ural State University of Economics. Address: 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, Russia, 620144. E-mail: cmb_8@mail.ru.

УРАЛЬСКИЙ МАКРОРЕГИОН В ЭПИЦЕНТРЕ РОССИЙСКИХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ¹

URAL MACRO-REGION IN THE MIDST OF RUSSIAN INDUSTRIAL MODERNIZATIONS

Я.П. СИЛИН

Ректор Уральского государственного экономического университета, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Y.P. SILIN

Rector of the Ural State University of Economics, Professor of the Department of Regional, Municipal Economy and Management, Member of the Presidium of VEO of Russia, President of the Urals Branch of the Russian Economic Outlook, Doctor of Economics, Professor

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ «Неоиндустриализация в пространстве макрорегиона в контексте циклично-волновой методологии (на примере Урала)» (№ 18-010-00833 А).

Е.Г. АНИМИЦА

Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет

Y.G. ANIMITSA

Doctor of Geography, Professor, Head of Regional, Municipal Economy and Management Department, Ural State University of Economics

Н.В. НОВИКОВА

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет

N.V. NOVIKOVA

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor, Chair of Regional, Municipal Economy and Management, Ural State Economic University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы индустриального развития Уральского макрорегиона. Исследуется эволюция превращения Уральского макрорегиона в крупнейший горнопромышленный регион России в результате двух волн российской модернизации. Отмечается, что при проведении либеральных рыночных реформ в 1990-е годы Урал потерял почти половину своего промышленного потенциала. По мнению авторов, Уральский макрорегион может сохранить свой статус крупнейшего промышленного региона страны, если во главу угла новой экономической модели будет поставлена концепция новой индустриализации.

ANNOTATION

The article studies problems of industrial development of Ural macroregion. The evolution of the transformation of the Ural macroregion in one of the largest mining region in Russia as a result of two waves of Russian modernization is investigated. It is noted that during liberal market reforms of 1990s, Ural has lost almost half of its industrial potential. According to the authors, Ural macroregion can maintain its status as the largest industrial region of the country, if the concept of new industrialization is in the focus of the new economic model.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Уральский макрорегион, индустриализация, модернизация, «новая реальность», неоиндустриализация.

KEYWORDS

Ural macro-region, industrialization, modernization, “new reality”, neo-industrialization.

В экономической науке накоплен богатый опыт прогрессивных прорывов в экономическом развитии страны и ее регионов. Уроки этого опыта должны быть осмыслены и учитываться в той или иной мере и в наше время, когда возникла настоящая необходимость проведения новой индустриализации.

Высокий промышленный подъем в России на рубеже второй половины XIX в. — начала XX в., в основе которого лежало развитие важнейших отраслей тяжелой индустрии, связанное с новым бурным ростом железнодорожного строительства, российские историки интерпретируют как раннеиндустриальную модернизацию в стране [1, с. 110].

В основу индустриализации России были положены реформаторские идеи министра финансов С.Ю. Витте (кстати,

Почетного гражданина города Екатеринбурга), заключающиеся в создании независимой национальной экономики, ускоренной индустриализации за счет государственных инвестиций и привлечения иностранных капиталов [2].

Экономическая политика С.Ю. Витте базировалась на положении о том, что Россия может сделаться великой державой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленной, потому что страна без сильно развитой обрабатывающей промышленности не может быть великой [3, с. 286]. В течение примерно 10 лет Россия, по мысли Витте, должна догнать в промышленном отношении более развитые страны Европы.

Первый промышленный переворот в России начался почти на 100 лет позже, чем в Западной Европе. Но в результате опережающих темпов развития промышленного производства (за 1894–1914 гг. объем промышленного производства увеличился в 2,5 раза) Россия по уровню социально-экономического развития вышла на 5 место в мире, а по темпам развития промышленного производства, по уровню отраслевой концентрации промышленности (т.е. с числом работающих 500 и более человек) Россия превосходила любую страну [4, с. 139].

Именно в это время Уральский макрорегион превратился в крупнейший горнопромышленный регион России². В течение этого периода произошел значительный рост черной металлургии и одновременно развивались другие отрасли тяжелой индустрии [5].

Урал занял ведущее положение в России по производству чугуна, кровельного железа, меди, по добыче платины, зо-

---

² Уральский регион представляет семь субъектов РФ, в том числе: Курганская, Оренбургская, Свердловская и Челябинская области, Пермский край, Республика Башкортостан и Удмуртская Республика.

лота, асбеста и др. [6]. В начале XX в. на долю горнодобывающих производств и металлургии приходилось 60% общего объема выпускаемой промышленной продукции в регионе [7]. Здесь было сосредоточено 9% промышленных предприятий и 15% численности рабочих страны (а это кадры особой квалификации).

Вывод. В процессе индустриализации в регионе было создано крупное машинное производство и, в первую очередь, военного назначения.

Пример. Пермский пушечный завод был самым мощным предприятием оборонной промышленности России. Он производил около трети всей военной продукции, выпускающейся на уральских заводах. Артиллерийские снаряды выпускались еще на семи заводах, среди которых — Златоустовский, Верхнетуринский, Саткинский, Воткинский заводы [8]. 8 уральских казенных заводов выпускали 15% всей военной продукции страны. В годы Первой мировой войны Урал давал 47% вырабатываемой в стране снарядной стали, 31% артиллерийских орудий, 67% крепостных гаубиц, 43% винтовок. Доля уральских предприятий в военном производстве России составила более 30% [9, с. 172].

Но в целом Уральский горнопромышленный район продолжал отставать от аналогичных регионов Западной Европы в технико-экономическом отношении. Доминирующим в структуре экономики явился второй технологический уклад, который стал основным носителем экономического роста.

Пример. На территории Урала проживало (по переписи населения 1897 г.) более 6,8 млн человек (около 10,0% общей численности населения страны) и насчитывалось всего 32 города, в которых проживало более 7% всех жителей региона. Урал

оставался регионом крайне низкого уровня развития городской жизни.

Проблемы индустриализации Урала, крупнейшего экономического района страны в 1930-е годы, получили достаточно широкое освещение в советской экономической и исторической литературе [10, 11].

В 1930–1940-е годы Урал оказался в эпицентре второй волны российской индустриализации и модернизации. Коренные реформы в стране начались в середине 20-х годов со смены форм собственности, со становления принципиально новой экономической системы.

Генеральная установка на проведение «социалистической индустриализации» была принята в 1925 г. на XIV съезде РКП(б) [12, с. 18].

Индустриализация проводилась за счет внутренних источников накопления, так как СССР не мог рассчитывать на иностранные кредиты. Страна не брала на Западе денежные инвестиции, а приобретала современное оборудование и станки. Помощь оказывали зарубежные специалисты и рабочие.

Пример. В феврале 1931 г. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

В 1927 г. был принят Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия, главная цель которого — превратить регион в «становой хребет обороны страны», в первую угольно-металлургическую базу, в целостный лесозаготовительный-горный, чернометаллургический-цветной, металлургический-металлообработывающий-машиностроительный-лесобумажный-лесохимический-силикатностроительный Комбинат [13, с. 78].

Все эти производства и предприятия представляли третий технологический уклад. 1930–1940-е годы стали для экономики Урала временем максимального динамического развития. Среднегодовые темпы прироста общего объема промышленного производства составили во второй пятилетке 17,2%.

Пример. В 1940 г. Урал занимал первое место в стране по производству черных и цветных металлов, по добыче золота, платины, асбеста, магнезита, калийных солей, выпуску тракторов. Главная цель уральской индустриализации — превратить регион в «становой хребет обороны страны».

По итогам переписи населения 1939 г. на Урале проживало 12,4 млн человек (11,4% населения страны) и насчитывалось 63 города, в которых проживало 3,6 млн человек (около 30,0% населения региона).

Именно в это время началось активное формирование уникальной индустриально-городской матрицы: более 4/5 новых уральских городов обязаны своим возникновением тяжелой индустрии.

Индустриализация Уральского региона резко усилилась в годы Великой Отечественной войны в результате наращивания промышленного производства (оно за это время более чем утроилось): в Свердловской области, в частности, объем промышленного производства увеличился в 3,6 раза за счет нового строительства и эвакуированных предприятий с западных территорий страны.

Пример. На Урал в течение июля–ноября 1941 г. было эвакуировано 667 предприятий (в том числе в Свердловскую область прибыло более 200) из 1523 заводов, перемещенных на Восток, т.е. больше, чем в любой другой регион страны [14]. Население Урала выросло на 1,4 млн человек.

Анализируя и обобщая опыт организации «модернизационного рывка» на Урале, можно выделить существенные особенности, позволяющие ему не только сохраниться как одному из значимых макрорегионов страны, но и стать важнейшим в экономическом смысле индустриальным центром России.

Это, в первую очередь, внедрение новых и новейших технологий, опережающее развитие обрабатывающих производств, способствующих становлению в пространстве Урала уникальной индустриальной цивилизации (русский индустриализм).

Важное значение приобрело изыскание внутренних источников финансовых средств для индустриализации при активной поддержке государства.

РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Внешние и внутренние вызовы конца XX — начала XXI веков, с которыми столкнулся регион, оставили глубокий след в экономическом пространстве Уральского макрорегиона. Наиболее драматичным для социально-экономического развития региона оказались 1990–1999 гг.

В этот период реальностью стали глубокий спад производства, разрыв хозяйственных и технологических связей, неконтролируемая инфляция, пугающая безработица. Наблюдался процесс технологической деградации экономики, резкого падения доли пятого и сокращения четвертого технологических укладов. В 1990-е годы была отброшена назад легкая промышленность, которая имела относительно высокий технологический уровень. Регион потерял такие

стратегически важные отрасли, как станкостроение, производство оборудования для металлургии и др.

Пример. Появились даже глубокомысленные утверждения, в том числе и в среде экономистов, что комплекс является непроизводительным, торговать оружием негуманно, и на производство вооружений отвлекаются так необходимые народному хозяйству дефицитные ресурсы.

Разрушение сложившихся производственных структур в результате рыночных преобразований привели к деиндустриализации региона, примитивизации структуры производства, увеличению доли сырьевых производств и отраслей первичной сферы в ущерб обрабатывающим, в том числе высокотехнологичным.

Пример. Так, за период с 1991 по 1995 гг. Курганская область сохранила лишь 40%, Челябинская — около 46%, Свердловская область и Удмуртия — менее 50% промышленного производства. В 1990 г. лишь Башкирия и Оренбургская область сумели удержать более 2/3 физического объема продукции. В 1995 г. физический объем продукции Урала в целом составил 50% к уровню вышеуказанного 1990 г. Нарушился устоявшийся образ и стиль жизни уральцев.

На рисунке отчетливо видны провалы в производстве традиционных для Урала основных видов продукции. И только с 2000 г., после дефолта 1998 г., наступила относительная стабилизация, за которой последовал довольно заметный рост макроэкономических показателей. Но в последние годы (после 2011 г.) индекс промышленного производства определяется в регионе незначительными величинами, а в 2014–2015 гг. мы видим в большинстве субъектов Уральского региона отрицательную динамику (см. табл.).

И только в 2017 г. промышленность Урала показывает тенденцию к росту, причем темпами выше среднероссийских. В то же время инвестиции в основной капитал практически не росли.

Некоторые западные экономисты (например, М.А. Эль-Эриан, Б. Гросс и др.) этот вяло текущий экономический рост предпочитают называть «New Normal», т.е. «новой нормальностью» (или «новой реальностью») [15, 16, 17].

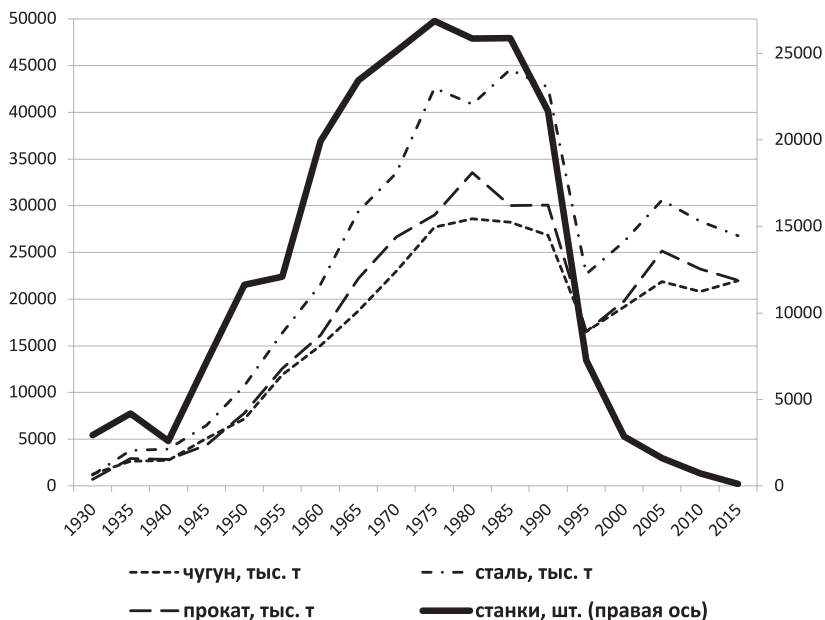
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ДЛЯ РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА — НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

С начала XXI века Урал снова, в очередной раз, пытается ответить на вызовы внешней среды, выйти из лабиринта (или ловушки) «New Normal», перейти на рельсы новой, уже третьей, индустриализации. Как было показано выше, Урал прошел долгий путь формирования экономических и социальных отношений, накопил огромный исторический опыт прогрессивных прорывов в индустриальном развитии, и регион сегодня может вполне стать территорией нового технологического прорыва.

Основой пространственной структуры новой индустриализации в регионе должен стать обновленный, модернизированный индустриальный комплекс, интегрирующий высоко-технологическое производство, передовую науку и креативное образование. Это стратегическое направление развития экономики Урала отвечает сформированной производственно-урбанистической матрице, которая складывалась десятилетиями.

Для проведения новой индустриализации на Урале имеются все возможности. Новой индустриализации в пространстве Уральского региона способствует: во-первых,

наличие десятков крупных корпораций (например, УГМК, ВСМПО-АВИСМА, ТМК, ОАО «Метафракс», ОАО «Мечел», предприятия ОПК и, особенно, Росатом и др.), с собственными мощностями, позволяющими переходить на новые технологии.

Рис. Динамика производства основных видов промышленной продукции предприятиями Уральского макрорегиона за 1930–2015 гг.

Во-вторых, наличие человеческого капитала (кадрового и интеллектуального), достаточного количества профессиональных работников. В Уральском макрорегионе функционируют и развиваются 149 городов, среди которых — четыре города-миллионника, в которых проживает

Динамика основных показателей производственного развития Уральского макрорегиона за 2011–2017 гг.¹

	Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году							Индекс роста в % к предыду		
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2011	2012	
Российская Федерация	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	101,0	108,0	105,1	
в том числе Уральский макрорегион	109,0	104,7	101,2	101,7	98,9	101,4	102,2	113,3	106,3	
в том числе										
Курганская область	110,4	110,5	100,8	97,7	101,8	102,2	102,1	111,1	111,6	
Оренбургская область	102,5	100,6	96,9	101,2	92,5	95,3	100,1	106,7	104,3	
Пермский край	116,4	102,3	103,9	103,9	99,5	98,8	104,4	123,4	101,6	
Свердловская область	106,2	109,6	102,7	102,1	96,9	107,7	103,1	107,7	112,5	
Челябинская область	107,5	101,7	99,9	104,0	98,0	96,4	105,3	108,6	101,4	
Республика Башкортостан	109,8	105,7	102,3	103,9	101,3	102,9	102,3	111,7	107,1	
Удмуртская Республика	110,1	102,6	101,8	99,2	102,6	106,8	98,3	123,9	105,3	

¹ Составлено по материалам статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели». М., 2017, с. 596–597, 728–729, 732–733; данные за 2017 г. представлены по материалам «Российская газета» от 14.03.2018 г. № 52.

Таблица

обрабатывающих производств, щему году					Инвестиции в основной капитал, в % к предыдущему году						
2013	2014	2015	2016	2017	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
100,5	102,1	94,6	100,1	100,2	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,1	104,4
100,6	101,5	97,4	102,7	103,4	109,6	107,0	103,6	99,7	89,7	95,5	91,1
100,4	91,4	101,0	102,0	100,4	108,1	115,1	84,7	95,8	77,2	100,8	75,9
90,1	109,1	82,3	98,2	103,2	103,5	125,0	92,0	97,8	103,7	89,6	102,3
104,6	104,0	98,7	98,0	106,1	105,2	104,6	123,5	90,6	97,1	96,7	100,6
104,3	101,7	97,9	109,0	104,0	115,9	98,0	96,4	103,2	85,1	91,1	96,4
100,4	103,3	96,6	95,4	108,6	107,6	100,1	104,7	101,2	83,6	84,7	101,0
101,4	104,0	101,3	103,7	103,0	107,2	108,4	107,9	103,4	100,5	104,2	70,0
102,9	97,0	103,9	112,8	98,8	119,6	97,7	115,8	105,6	80,6	101,3	91,7

около 13,8 млн человек, или 73% населения макрорегиона. Города формируют своеобразную производственно-культурную городскую матрицу, ядром которой является русский индустриализм.

И в-третьих, активная роль государственных, региональных и муниципальных властных структур в развитии промышленности, в реализации региональных стратегических программ и проектов.

Определяющую роль в переходе экономики Урала на новые технологии оказывает национальная технологическая инициатива (НТИ) — государственная программа, направленная на формирование высокотехнологичных рынков будущего, которые в течение следующих 20 лет (т.е. к 2035 г.) могут стать основой мировой и отечественной экономики.

Модернизационно-инновационная модель развития Урала коррелирует с основными программами и положениями, содержащимися в нормативных документах федерального и регионального уровня [18, 19, 20].

Следует подчеркнуть, что существует внутринациональная специализация производства, в силу которой базовые отрасли производства, в данном случае — «молодеющие», металлургия и химия, сохраняются при любой модели развития рыночной экономики.

Стратегическим вызовам Уральскому региону следует противопоставить ускоренное прохождение пятого технологического уклада и быстрый прорыв на уровень шестого.

Это уже будет новая модель — модель инновационного развития Уральского региона, базирующаяся на высокотехнологичных отраслях и новых технологиях, на тщательно продуманной и взаимосвязанной научно-технологической, инновационной и промышленной политике.

В высокотехнологичном промышленном комплексе Урала широкое распространение получают 3D-печати, фотоника, квантовые технологии и нейротехнологии. Инновационная модель развития предусматривает не только конкретную технологическую модернизацию и инновационное развитие, но и создание новой производственной инфраструктуры.

Вывод. Если учесть, что пространственная концентрация промышленности на Урале почти в 4 раза выше, чем в целом по стране, то кумулятивный эффект развития этого макрорегиона будет драйвером развития не только для отдельных отраслей, но и для всей экономики России.

ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — ДРАЙВЕР НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА УРАЛЕ

Красной линией через две российские модернизации на Урале проходит необходимость опережающего роста оборонной промышленности. Здесь в первую очередь создавались те производства, которые увеличивали оборонную мощь государства. Оборонная промышленность обладает уникальным качеством — синергией, ибо она инициирует развитие гражданских производств, среди которых — машиностроение, производящие комплектующие изделия для оборонных производств, цветная и черная металлургия, дающая «оборонке» сплавы, специальные стали, особый прокат и т.п.

Развитие ОПК, в том числе и в Уральском регионе, выводится из императива «восстановления статуса России в качестве одного из «полюсов влияния» современного мира» [21, с. 26].

Поэтому ОПК объективно должен стать драйвером новой индустриализации в пространстве Уральского макрорегиона.

В настоящее время в Уральском регионе сосредоточено более 170 предприятий и организаций (в том числе КБ и НИИ) ОПК, производящих более 70% обычных вооружений и боеприпасов страны [22]. В Свердловской области работает 42 оборонных завода, на которых занято более 100 тыс. человек (почти 30% работающих в обрабатывающей промышленности), которые представляют ядерное производство, авиа- и ракетостроение, радиотехнику, приборостроение, оптику и спецхимию, танкостроение.

Современные ОПК Уральского региона — важная точка инновационного роста. В Уральском макрорегионе предприятия пятого технологического уклада в основном сосредоточены именно на предприятиях ОПК.

Практически из 17 технологий, составляющих базу пятого технологического уклада, на предприятиях ОПК Урала сконцентрировано 16 (в том числе, ядерные, космические, авиационные, химические) [23, с. 84].

Уральский регион обладает уникальным набором предприятий ОПК, способных участвовать в любой из 28 технологических платформ (из 36 созданных в РФ за период 2010–2015 гг.), которые позволяют в рамках определенного кластера или корпорации замкнуть круг производственной деятельности — от идеи до выпуска конечной продукции и их обслуживания.

Вместе с тем, научно-технологический задел отечественного ОПК, созданный в предшествующий период, практически исчерпан. Из 10 важнейших технологических направлений, играющих ключевую роль в обеспечении современного уровня вооружения, военной и специальной техники (технологии новых материалов; микро-, нано-, радио-, оптоэлектроника; компьютерные технологии;

двигательные установки; промышленное оборудование и экспериментальная испытательная база; лазерные и ядерные технологии), Россия сохраняет конкурентоспособность только по двум последним [24]. И они в своем большинстве сконцентрированы на Урале.

Поэтому перед предприятиями ОПК Уральского региона поставлены новые задачи, среди которых — активное участие в производстве высокоточного оружия, резкое увеличение доли выпуска высокотехнологичной гражданской продукции — до 50% (к 2030 г.). Причем отдельные заводы ставят задачу довести долю «гражданки» к 2025 г. до 75%. Свыше 1,5 млрд руб. выделил федеральный фонд на развитие промышленности в 2017 г., на реализацию «гражданских» проектов Свердловского ОПК. Еще одна перспективная тема для ОПК — «умные города» и «умные регионы».

Функциональная структура атомных городов Уральского региона будет значительно диверсифицирована в результате выполнения программ опережающего социально-экономического роста территорий (ТОР).

Вывод

Таким образом, «новая нормальность» для Уральского региона означает проведение новой индустриализации — высокотехнологичной, наукоемкой, креативной, формирование новых технологических укладов, многократное повышение инновационной и инвестиционной активности, стимулирование трудовой, творческой и предпринимательской активности уральцев.

Уральский регион обладает мощным научно-производительным потенциалом, внутренними ресурсами, конкурент-

ными преимуществами для выхода на новую траекторию роста и сохранения за собой права называться «опорным краем державы».

Библиографический список

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург-Лувен: Ин-т истории и археологии Уро РАН, 1997. 326 с.
2. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. 568 с.
3. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 708 с.
4. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. М.: Наука, 2006. 587 с.
5. Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. СПб, 1909. 247 с.
6. Гулин В.С. Уральская горнозаводская промышленность в цифрах за 50 лет и дальнейшие пути ее развития. М.: Ин-т цветных металлов, 1930. 83 с.
7. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.) / Под ред. В.А. Базарова, В.Е. Варзара, В.Г. Громана и др. Т. 1., ч. 3. М.-Л., 1930.
8. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России: конец XIX — 1914 г. М.: Наука, 1992. С. 270.
9. Жук А.В. Военное производство на Урале в годы Первой мировой войны // Урал на пороге третьего тысячелетия. Материалы всеросс. научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 170–173.
10. Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.). М.: Мысль, 1971. 301 с.

11. История индустриализации Урала (1933–1937): Документы и материалы. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1984. 367 с.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. 575 с.
13. Генеральный план хозяйства Урала на 1927–1941 и перспективы первого пятилетия. Свердловск: Уралплан, 1927.
14. Лукьянин В.П. Операция, равная величайшим битвам. Екатеринбург: Изд. дом «Пакрус», 2015. 204 с.
15. El-Erian A.M. New Normal. PIMCO Secular Outlook. —2009. [Электронный ресурс] Retrieved from http://media.pimco.com/Documents/Secular%20Outlook%20May_09%20Email-Web%20FINAL3.pdf/ (дата обращения 25.03.2016 г.).
16. Gross W.H. On the «Course» to a New Normal // Investment Outlook. September, 2009. [Электронный ресурс] Retrieved from <http://global.pimco.com/EN/Insights/Pages/Gross%20Sept%20On%20the%20Course%20to%20a%20New%20Normal.aspx> (дата обращения 25.03.2016 г.). Gross W.H. On the «Course» to a New Normal // Investment Outlook. September, 2009. [Электронный ресурс] Retrieved from <http://global.pimco.com/EN/Insights/Pages/Gross%20Sept%20On%20the%20Course%20to%20a%20New%20Normal.aspx> (дата обращения 25.03.2016 г.).
17. El-Erian M.A. Navigating the New Normal in Industrial Countries // The Per Jakobsson Lecture, Per Jakobsson Foundation. Washington, D.C. 2010. 10 October. [Электронный ресурс] <https://www.imf.org/external/np/speeches/2010/101010.htm> (дата обращения 25.03.2016 г.).
18. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
19. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от

- 08.12.2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
20. Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года. Утв. постановлением Правительства Свердловской области от 27.08.2008 г. № 873-ПП. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
  21. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19–48.
  22. Регион. Урал и Западная Сибирь // Российская газета, 2011, 8 сентября.
  23. Шалимов Л.Н., Лесных В.В. Вертикальная интеграция в институциональной трансформации ОПК. Екатеринбург: ИЭУРО РАН, 2008. 480 с.
  24. Хорев В.П., Горева О.Е. Состояние и тенденции развития финансово-экономического блока Вооруженных Сил Российской Федерации // Армия и общество, 2013. № 3 (35). С. 65–71.

References

1. Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Denisevich M.N., Poberezhnikov I.V. Regional'noe razvitie v kontekste modernizatsii. Ekaterinburg-Luven: In-t istorii i arkheologii Uro RAN, 1997. 326 s.
2. Vitte S.Yu. Konspekt lektsii o narodnom i gosudarstvennom khozyaistve, chitannykh Ego Imperatorskomu Vysochestvu Velikomu Knyazyu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900–1902 gg. SPb., 1912. 568 s.
3. Vitte S.Yu. Izbrannye vospominaniya, 1849–1911 gg. M.: Mysl', 1991. 708 s.
4. Simchera V.M. Razvitie ekonomiki Rossii za 100 let: 1900–2000. M.: Nauka, 2006. 587 s.
5. Mitinskii A.N. Gornozavodskoi Ural. SPb, 1909. 247 s.

6. Gulin V.S. Ural'skaya gornozavodskaya promyshlennost' v tsifrakh za 50 let i dal'neishie puti ee razvitiya. M.: In-t tsvetnykh metallov, 1930. 83 s.
7. Dinamika rossiiskoi i sovetskoi promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozyaistva za sorok let (1887–1926 gg.) / Pod red. V.A. Bazarova, V.E. Varzara, V.G. Gromana i dr. T. 1., ch. 3. M.-L., 1930.
8. Shatsillo K.F. Gosudarstvo i monopolii v voennoi promyshlennosti Rossii: konets XIX — 1914 g. M.: Nauka, 1992. S. 270.
9. Zhuk A.V. Voennoe proizvodstvo na Urale v gody Pervoi mirovoi voiny // Ural na poroge tret'ego tysyacheletiya. Materialy vseross. nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 2000. 170–173 s.
10. Zuikov V.N. Sozдание tyazheloi industrii na Urale (1926–1932 gg.). M.: Mysl', 1971. 301 s.
11. Istoriya industrializatsii Urala (1933–1937): Dokumenty i materialy. Sverdlovsk: Sredn.-Ural. kn. izd-vo, 1984. 367 s.
12. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. M., 1984. T. 4. 575 s.
13. General'nyi plan khozyaistva Urala na 1927–1941 i perspektivy pervogo pyatiletiya. Sverdlovsk: Uralplan, 1927.
14. Luk'yanin V.P. Operatsiya, ravnaya velichayshim bitvam. Ekaterinburg: Izd. dom «Pakrus», 2015. 204 s.
15. El-Erian A.M. New Normal. PIMCO Secular Outlook. —2009. [Электронный ресурс] Retrieved from http://media.pimco.com/Documents/Secular%20Outlook%20May_09%20Email-Web%20FINAL3.pdf/ (дата обращения 25.03.2016 г.).
16. Gross W.H. On the «Course» to a New Normal // Investment Outlook. September, 2009. [Электронный ресурс] Retrieved from <http://global.pimco.com/EN/Insights/Pages/Gross%20Sept%20On%20the%20Course%20to%20a%20New%20Normal.aspx> (дата обращения 25.03.2016 г.). Gross W.H. On the «Course» to a New Normal // Investment Outlook. September, 2009. [Электронный ресурс] Retrieved

- from <http://global.pimco.com/EN/Insights/Pages/Gross%20Sept%20On%20the%20Course%20to%20a%20New%20Normal.aspx> (дата обращения 25.03.2016 г.).
17. El-Erian M.A. Navigating the New Normal in Industrial Countries // The Per Jakobsson Lecture, Per Jakobsson Foundation. Washington, D.C. 2010. 10 October. [Электронный ресурс] <https://www.imf.org/external/np/speeches/2010/101010.htm> (дата обращения 25.03.2016 г.).
  18. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF na period do 2020 goda. Utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 g. № 1662-r. [Elektronnyi resurs]. Dostup iz spravochno-pravovoi sistemy «Konsul'tant plyus».
  19. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda. Utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 g. № 2227-r. [Elektronnyi resurs]. Dostup iz spravochno-pravovoi sistemy «Konsul'tant plyus».
  20. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sverdlovskoi oblasti na period do 2020 goda. Utv. postanovleniem Pravitel'stva Sverdlovskoi oblasti ot 27.08.2008 g. № 873-PP. [Elektronnyi resurs]. Dostup iz spravochno-pravovoi sistemy «Konsul'tant plyus».
  21. Bodrunov S.D., Grinberg R.S., Sorokin D.E. Reindustrializatsiya rossiiskoi ekonomiki: imperativy, potentsial, riski // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2013. № 1 (35). S. 19–48.
  22. Region. Ural i Zapadnaya Sibir' // Rossiiskaya gazeta, 2011, 8 sentyabrya.
  23. Shalimov L.N., Lesnykh V.V. Vertikal'naya integratsiya v institutsional'noi transformatsii OPK. Ekaterinburg: IEUrO RAN, 2008. 480 s.
  24. Khorev V.P., Goreva O.E. Sostoyanie i tendentsii razvitiya finansotvo-ekonomicheskogo bloka Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii // Armiya i obshchestvo, 2013. № 3 (35). S. 65–71.

Контактная информация:

Силин Я.П., Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62–45; e-mail: odo@usue.ru

Silin Y.P., 62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: odo@usue.ru

Анимица Е.Г., Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62–45; e-mail: animieg@usue.ru

Animitsa Y.G., 62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: animieg@usue.ru

Новикова Н.Г., Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62–45; e-mail: novikova@usue.ru

Novikova N.V., 62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: novikova@usue.ru

**ОБЪЕКТИВНЫЕ
И СУБЪЕКТИВНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
ДЛЯ РОСТА ОТРАСЛИ
ПТИЦЕВОДСТВА
НА УРАЛЕ**

**OBJECTIVE
AND SUBJECTIVE
BACKGROUND FOR
GROWTH OF POULTRY
INDUSTRY IN URALS**

Р.С. ЦАРЕГОРОДЦЕВА

К.э.н., доцент кафедры коммерции,
логистики и экономики торговли Уральского
государственного экономического
университета

R.S. TSAGEGORODTSEVA

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the
Department of Commerce, Logistics and Trade
Economics of the Ural State University of
Economics

И.С. КОНДРАТЕНКО

Ассистент кафедры коммерции, логистики и экономики торговли Уральского государственного экономического университета

I.S. KONDRATENKO

Assistant of the Department of Commerce, Logistics and Trade Economics of the Ural State Economic University

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы, связанные: с оценкой известной концепции развития отрасли птицеводства России на период 2013–2020 годов (далее «Концепция»); экономическими возможностями создания фирменных магазинов птицефабриками; конкурентной средой на рынке птицепродукции, зерна, комбикормов; уровнем самообеспечения субъектов Уральского ФО мясом птицы; экономикой птицефабрик данного региона. Обосновано, что в современных условиях создание фирменных магазинов птицефабрик, как отвергнутых практикой, пока нереально. Приведены примеры расширения сфер влияния на рынке птицепродукции крупных птицефабрик страны, а также ориентации некоторых из них на производство собственных комбикормов. Авторами определены очевидные объективные и субъективные предпосылки для ее развития.

ABSTRACT

The article discusses issues related to: assessment of the well-known concept of development of the poultry industry in Russia for the period 2013–2020 (the “Concept”); economic opportunities for creating branded shops by poultry farms; competitive environment in the market of poultry products, grain of mixed fodders; level of self-maintenance of subjects of the Ural FO with poultry meat; the economy of poultry farms

in the region. It is justified that in modern conditions the creation of firm shops of poultry farms, as rejected by practice, is unreal. Examples of expanding spheres of influence in the market of poultry products of large poultry farms of the country, as well as the orientation of some of them to produce their own mixed foddors, are given. The authors identified the obvious objective and subjective prerequisites for its development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Интеграция, кооперация, концепция, оптово-розничная система, птицепродуктовый подкомплекс.

KEYWORDS

Integration, cooperation, concept, wholesale-retail system, poultry products subcomplex.

Внутренние проблемы, общая социально-экономическая ситуация в стране на глобальном уровне определяют состояние птицеводческой отрасли, как и всего птицепродуктового подкомплекса (ППП). Совокупное многофакторное и разноуровневое воздействие на экономику организаций птицепродуктового подкомплекса придают ей неустойчивый характер, особенно на рынке птицепродукции.

В концепции развития отрасли птицеводства России на период 2013–2020 годов прописано, что в рамках госпрограммы будут решены следующие стратегические задачи:

- 1) достижение объемов производства мяса птицы до 3400 тыс. тонн в убойном весе, яиц — до 43 млрд штук;
- 2) обеспечение годового потребления отечественного мяса птицы 24,5 кг на душу населения, яиц — 305 шт.;
- 3) расширение ассортимента и улучшение качества продукции [1].

При этом предусмотрена и доля импорта мяса птицы в пределах 14%, хотя это и сдержит решение проблемы импортозамещения, поскольку в условиях современных экономических санкций и снижения платежеспособного спроса населения, возникшего по причине экономического кризиса, у отечественных производителей данной продукции возникнут проблемы с ее реализацией.

В Концепции заявлено, что отрасль птицеводства располагает большими возможностями для полного удовлетворения внутренних потребностей страны в птицеводческой продукции за счет собственного производства.

Среди традиционно формируемых задач (развитие системы отечественного племенного птицеводства, создание селекционной базы, техническая модернизация и т.д.) особо, по нашему мнению, следует выделить кооперацию птицеводческих организаций с личными подсобными и фермерскими хозяйствами. Однако концовка данного направления гласит: «...для снижения затрат и повышения качества производимой продукции...». Хотя сложившаяся ситуация на рынке птицепродукции, где главенствуют агрохолдинги и крупные торговые сети, требует совершенствования механизма ее продвижения на рынок, до конечного потребителя — населения. Для этого потребуются сложнейшая работа по формированию и развитию сельскохозяйственной кооперативной оптово-розничной системы, в которую должна входить и птицеводческая отрасль, кооперируясь также и с зерно-комбикормопроизводителями. При этом в обязательном порядке должно соблюдаться главное требование: кооперативная оптово-розничная система, в основе которой — оптовые рынки птицепродукции, должна быть коллективной собственностью сельхозтоваропроизводите-

лей. То есть в России должна быть цивилизованная форма агрокооперации, которая на протяжении более столетия действует во многих зарубежных странах. А та, что имеется в России в настоящее время в форме потребительской корпорации, не работает в крупнооптовом звене продовольственного рынка.

В «Концепции» определенные надежды возложены на создание фирменных магазинов птицефабрик, что вызывает определенные сомнения, поскольку их содержание чаще всего обходится дороже выручки от реализации птицепродукции через продуктовые магазины крупных торговых сетей. Поэтому без внесения соответствующих корректив в налогооблагаемую базу и государственную политику управления отраслью эти планы пока нереальны.

Опыт бывшего в прошлом варианта системы «Курико» свидетельствует, что в ней постоянно происходят видоизменения, и от прошлых лет остались лишь воспоминания. Исключением может быть агрофирма «Артемовская», сохранившая торговую марку «Курико», производя ежедневно по 30 т мяса бройлеров.

Фирменные магазины постепенно перешли в собственность разного рода предпринимателей, а торговля птицепродукцией стала осуществляться через систему «индивидуальный предприниматель» (ИП). Ряд птицефабрик — например «Рефтинская», — переориентировался на мелкооптовую торговлю. На условиях аренды у птицефабрики «Северная» развивается ООО «Куратье» [2].

То есть, практика свидетельствует о том, что крупные фирменные магазины в отрасли пока не прижились, и немалую отрицательную роль в этом сыграла смена руководства на птицефабриках.

Рынок птицепродукции в стране представлен в основном крупными птицефабриками, сферы влияния которых на данном рынке весьма значительны. Отмечается глубокое проникновение на рынок Урала и Сибири птицефабрик из европейской части страны. В качестве примера можно привести Свердловскую область, на рынке птицепродукции которой их представлено около десяти:

- 1) по мясу птицы: ООО «Приосколье» (Белгородская область); ООО «Уралбройлер», ООО «РАВИС» и ПТФ «Челябинская» (Челябинская область); а также птицефабрика «Башкирская» (Республика Башкортостан);
- 2) по яйцу: ЗАО «Птицефабрика «Боровская» (Тюменская область), ООО «Золотой Петушок» (Липецкая область), ООО «Боровская» (Курганская область, ПТФ «Роскар» (Калининградская область), ОАО «Птицефабрика Туймазинская» (Республика Башкортостан).

В свою очередь, птицефабрики Свердловской области реализуют свою продукцию в Курганской, Челябинской и Тюменской областях (по мясу) и по яйцу — в Самарской, Московской, Тюменской, Челябинской и Пермской областях.

Происходит процесс поглощения одних птицефабрик другими. Например, птицефабрику «Среднеуральская» (Свердловская область) купила птицеорганизация ООО «РАВИС» из Челябинской области [2].

Возникает проблема ценовых соотношений. Прежде всего, это связано с ценами на фуражное зерно и комбикорма: комбикормопроизводители готовы покупать зерно по заниженным ценам, с чем не согласны его производители в Свердловской области. Поэтому комбикормовые заводы данного региона вынуждены закупать зерно в других субъектах РФ, в основном — в Омской и Курганской областях (около 600 тыс. т).

В таких не выгодных для зернопроизводителей области условиях некоторые из них ориентируют свои ресурсы на производство собственных комбикормов, как, например, ОАО «Птицефабрика Свердловская». Это предприятие не только полностью обеспечивает свои потребности в комбикормах, ежедневно производя их в объеме 130 тыс. т, но и реализует их на рынке. Решается и зерновая проблема: птицефабрика производит 80 тыс. т собственного зерна в год, закупая его дополнительно в таком же размере.

Таким образом, отсутствие прямого выхода сельскохозяйственных предприятий на конечного потребителя по рассмотренным агропродуктам приводит к потерям ими дохода в сумме более 22 млрд рублей. Примерно такую сумму дохода сельхозтоваропроизводители области могли бы получить от реализации производимой ими агропродукции при наличии сельскохозяйственной кооперативной оптово-розничной системы цивилизованного образца. Определенное отрицательное влияние на экономику сельскохозяйственных организаций оказывает также и импорт агропродуктов, объемы которого следует оптимизировать с учетом возможности использования собственного агроресурсного потенциала. Если проанализировать соотношение доли ввоза сельхозпродукции и уровня самообеспечения ею, то, например, для Свердловской области оно состоит: по мясу и мясопродуктам — ввоз 52%, самообеспечение 44%, по молоку и молокопродуктам соответственно — 41 и 55%, по яйцепродуктам — 32 и 66%, по картофелю — 2 и 65%, овощам — 53 и 30%, фруктам и ягодам — 81 и 12% [3].

Особенно опасны такие потери для системообразующих отраслей, одной и из которых является птицеводческая. Учитывая, что Россия почти полностью обеспечивает свои

потребности в птицепродукции (на 95%), ее импорт, особенно мясной составляющей, не должен превышать 5% от общего его объема производства. Учитывая кризисную ситуацию в экономике большинства отраслей, в том числе и птицеводческой, а также действие различных экономических санкций, этот предел импорта неизбежно будет снова доведен до высокого уровня, при неэффективном управлении отраслью со стороны государства.

Состояние данной отрасли экономики можно проанализировать на примере Уральского ФО и, в частности, Свердловской области, как занимающих значительную долю производства птицепродукции в стране. При стопроцентном уровне самообеспеченности мясом птицы данный регион по субъектам имеет различный уровень этого показателя: в Курганской области — 42%, Свердловской — 78%, Тюменской — 32% и Челябинской — 218% [4]. Такая неравномерность в уровне самообеспечения вызывает аналогичные диспропорции и на рынке мясопродукции в данном регионе. Проникая на рынки ниже самообеспеченных по мясоптицепродукции областей, птицефабрики с высоким уровнем данного показателя, как более конкурентоспособные, занижают торговые возможности их птицефабрик, что отрицательно сказывается на их экономике. Хотя здесь проявляются и другие приемы.

Из 11 птицеорганизаций Свердловской области в 2014 году три имели отрицательную рентабельность, у трех она составила не более 1,5%, у остальных — от 6 до 17%. Даже у такой птицефабрики, как «Рефтинская», рентабельность производства мяса бройлеров составила 0,9%, а производство яиц на птицефабрике «Свердловская» обошлось ей с рентабельностью — 6,9% [5].

Для сравнения: полная себестоимость производства мяса птицы у бройлерской птицефабрики «Сосновская» Челябинской области составила 78,4 руб./кг, у «Чебаркульской» — 73,4 руб./кг. При таких значениях себестоимости эти производители данной продукции смогли установить отпускные цены на уровне 87–93 руб./кг, тогда как птицефабрика «Рефтинская», при себестоимости производства 101,7 руб./кг вынуждена была установить отпускную цену на уровне 103,5 руб./кг.

Происходящий процесс концентрации капитала, способствующий образованию крупных агрохолдинговых структур, подпитываемых госсубсидиями, может еще какое-то время позволить сохранить жизнеспособность птицепродуктового подкомплекса страны. Утрата же возможности создания данному подкомплексу собственной кооперативной оптово-розничной системы в интересах аграриев неизбежно усилит капитализацию в птицеводческом подкомплексе и приведет к дальнейшему расслоению сельского населения.

Проанализировав состояние отрасли птицеводства Свердловской области, мы определили очевидные объективные и субъективные предпосылки для ее развития:

1. Высокая востребованность потребителем продукции птицеводства — это диетические продукты питания (мясо птицы, яйцо), столь необходимые для здорового питания человека.

2. Необходимость максимального сокращения себестоимости продукции через снижение затрат.

3. Усиление капитализации в данном подкомплексе может подтолкнуть государство на создание условий для развития собственной кооперативной оптово-розничной системы.

Библиографический список

1. Концепция развития отрасли птицеводства Российской Федерации на период 2013–2020 годы: Министерство сельского хозяйства РФ, 2010.
2. Пустуев А. Л., Эйриян Н. А., Бахтин В. Н. Птицепродуктовый подкомплекс: проблемы развития// Агропродовольственная политика России. — 2016. — № 3. — С. 62–65.
3. Потребление основных продуктов питания населением Уральского экономического района и Тюменской области за 2010–2014 годы. Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. — Екатеринбург, 2015.
4. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство и лесное хозяйство Свердловской области. Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. — Екатеринбург, 2015.
5. Анализ производственно-финансовой деятельности организации отрасли птицеводства Свердловской области за 2014 год/ Отчет отдела экономического анализа и прогнозирования Министерства АПК и продовольствия Свердловской области. — Екатеринбург, 2015.

Refereces

1. Konceptcija razvitija otrasli pticevodstva Rossijskoj Federaciji na period 2013–2020 gody: Ministerstvo sel'skogo hozjajstva RF, 2010.
2. Pustuev A. L., Jejrijan N. A., Bahtin V. N. Pticeproduktovyj podkompleks: problemy razvitija// Agroprodovol'stvennaja politika Rossii. — 2016. — № 3. — S.62–65.
3. Potreblenie osnovnyh produktov pitaniija naseleniem Ural'skogo jekonomicheskogo rajona i Tjumenskoj oblasti za 2010–2014 gody. Statisticheskij sbornik /Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby

- gosudarstvennoj statistiki po Sverdlovskoj oblasti. — Ekaterinburg, 2015.
4. Sel'skoe hozjajstvo, ohota i ohotnich'e hozjajstvo, lesovodstvo i lesnoe hozjajstvo Sverdlovskoj oblasti. Statisticheskij sbornik/Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Sverdlovskoj oblasti. — Ekaterinburg, 2015.
  5. Analiz proizvodstvenno-finansovoj dejatel'nosti organizacii otrasli pticevodstva Sverdlovskoj oblasti za 2014 god/ Otchet otдела jekonomicheskogo analiza i prognozirovaniya Ministerstva APK i prodovol'stvija Sverdlovskoj oblasti. — Ekaterinburg, 2015.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет
620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной
Воли, 62/45.

Тел.: (343) 221-27-75

Ural State University of Economics

620144, RF, Ekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45

Phone: (343) 221-27-75

**ВЗАИМОСВЯЗЬ
МЕГАТРЕНДОВ,
ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ
РЫНКА ТРУДА
И СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
АСПЕКТ**

**INTERACTIONS BETWEEN
MEGATRENDS, LABOUR
MARKET EXPECTATIONS
AND HIGHER EDUCATION:
INTERNATIONAL
AND NATIONAL
ASPECTS**

Т.Л. МАРКОВА

Доцент кафедры делового иностранного языка,
к.соц.н.

Уральский государственный экономический
университет

T.L. MARKOVA

Ass. Professor, Dept. of Business Foreign
Languages, Cand. Sc. (Sociology)

Ural State University of Economics

И.В. ПЕРВУХИНА

Ст. преподаватель кафедры делового
иностранного языка, магистр гуманитарных
наук (США)

Уральский государственный экономический
университет

I.V. PERVUKHINA

Senior Lecturer, Dept. of Business Foreign
Languages, MA (USA)

Ural State University of Economics

С.Г. ПЬЯНКОВА

Доцент кафедры региональной, муниципальной
экономики и управления, д.э.н., член
Президиума Уральского отделения
Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический
университет

S.G. PYANKOVA

Ass. Professor, Regional, Municipal Economics
and Administration Dept., Dr. Sc. (Econ.) Ural
State University of Economics Member of
the Presidium of the Ural Branch of the Free
Economic Society of Russia

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – анализ взаимосвязи мегатрендов, перспектив развития рынка труда и системы высшего образования на международном и национальном уровне. В частности, рассматривается образовательный потенциал Свердловской области и его вклад в социально-экономическое развитие региона. Делается вывод о том, что развитие эффективности системы высшего образования обусловлено влиянием существующих мегатрендов, которые необходимо учитывать при разработке образовательных программ, нацеленных на формирование навыков, открывающих возможности успешного трудоустройства выпускников вузов.

ABSTRACT

The aim of the article is to analyze the interaction between the existing megatrends, labour market expectations and higher education on international as well as national levels. A special emphasis is given to the educational potential of Sverdlovskaya Oblast and its contribution to the social and economic development of the region. The authors conduct a comparative analysis of international and national employers' expectations in terms of what skills university graduates should possess in order to be employable in the labour market of the future. The conclusion is made that, despite the positive trends in the development of the regional higher education system, employers demonstrate a high degree of dissatisfaction with professional and transferrable skills of Russian graduates. As the global megatrends make a real impact on the efficiency of the tertiary education sector, they should be carefully considered when designing educational programmes that focus on developing student employability skills.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Высшее образование, трудоустройство выпускников, ожидания работодателей, умения и навыки, социально-экономическое развитие региона, рынок труда.

KEYWORDS

Higher Education, Labour Market, Graduates' Employability, Employers' Expectations, Soft Skills, Social and Economic Development.

ВВЕДЕНИЕ

Высшее образование — ключевое общественное благо. Университеты влияют на развитие территорий и сообществ, дают возможность связать исследовательскую и практическую деятельность, формируют кластер образованных граждан. Ключевые задачи университетского образования — обучать фактам, способности учиться, думать и создавать новое.

В настоящее время система высшего образования в мире претерпевает серьезные изменения. Университеты уже перестают быть гарантией успешной карьеры, стремительно развиваются новые технологии, возникают новые профессии, а бизнес готов инвестировать в собственные образовательные платформы. Все это ставит под вопрос актуальность высшего образования в его классическом виде. Смогут ли университеты адаптироваться к кардинальным изменениям, и что ждет высшее образование через пять-десять лет?

Новая глобальная архитектура образования предполагает сращивание академической и технологической среды, возможность смешанных моделей обучения и появление новых форм, влияющих на рынок образования. Через образование как вложение в социальный капитал можно и нужно строить новую экономику. Мы живем в мире VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity) [1] — нестабильном, неопределенном, сложном и неоднозначном. Здесь много возможностей — и огромная конкуренция. Это в полной мере

касается и образования. По данным за 2017–2018 годы, топ-5 рейтинга конкурентоспособности 140 стран по категории «Высшее образование и повышение квалификации» занимают следующие страны: Сингапур, Финляндия, США, Нидерланды и Швейцария. Эти страны знают формулу развития экономического и инновационного потенциала: «Образование = экономическое развитие». Российская Федерация в этом списке расположилась на 32 месте [2].

Эти данные дают основание полагать, что по формальным признакам (количество дипломов, сертификатов и пр.) система высшего образования Российской Федерации занимает достойное место в мировом рейтинге. Однако основное отставание России прослеживается по такому показателю, как повышение производительности труда, т.е. существующая система высшего образования не гарантирует рост производительности труда в национальной экономике. Наша гипотеза заключается в том, что российские вузы не в полной мере учитывают потребности и запросы современного рынка труда. Для проверки гипотезы были проанализированы мегатренды как на глобальном, так и на национальном и региональном уровнях.

ГЛОБАЛЬНЫЕ МЕГАТРЕНДЫ

Основными мегатрендами, влияющими на развитие рынков труда Европы и США, являются следующие [3, 4]:

1. *Технологический прорыв.* Автоматизация, робототехника и искусственный интеллект быстро развиваются, кардинально меняя характер и количество доступных рабочих мест. Технологии могут существенно улучшить нашу жизнь, повысить производительность труда, уровень и продолжительность жизни. Технологии создают возможности

для самореализации личности. Они меняют человеческое представление о некоторых профессиях и порождают совершенно новые отрасли и профессии. С другой стороны, если экономические выгоды использования современных инноваций разделены в обществе не справедливо, то технологии могут привести угрозу социальной и политической нестабильности.

2. *Глобализация.* Происходит перераспределение сил и сфер влияния между экономически развитыми и развивающимися странами. Больше всего выигрывают быстро развивающиеся страны, в частности, страны с большим количеством трудоспособного населения, которые привлекают инвестиции и развивают систему образования. Вместе с тем, развивающиеся страны сталкиваются с серьезными проблемами, так как глобальное внедрение современных технологий ведет к их отставанию от экономически развитых стран. Безработица и миграционные процессы будут продолжаться. Снижение численности среднего класса, имущественное неравенство и сокращение рабочих мест в результате широкомасштабной автоматизации будут способствовать повышению степени риска возникновения социальных беспорядков в экономически развитых странах.

3. *Демографические изменения.* Тот факт, что население мира стареет, не может не влиять на растущее давление на сферу бизнеса, социальные институты и экономику. Рост продолжительности жизни оказывает влияние на бизнес-модели, амбиции высококвалифицированных специалистов и расходы на пенсионное обеспечение. «Возрастные» кадры будут вынуждены осваивать новые умения и навыки и позже выходить на пенсию. Техническое перевооружение станет нормой. Нехватка рабочей силы в ряде «быстро ста-

реющих» экономик создаст необходимость автоматизации производственных процессов и повышения производительности труда. Более того, рост «поколения тысячелетия» приведет к созданию новых поведенческих и потребительских моделей.

4. *Высокие темпы урбанизации.* В настоящее время более половины населения мира проживает в городах. К 2050 году эта цифра составит 72%. Города привлекают ценные, наукоемкие отрасли, предлагая населению более разнообразные возможности занятости и потребления. Уже сейчас многие из крупнейших городов мира имеют ВВП больше, чем ВВП страны среднего размера. В этом новом мире города станут важными агентами создания рабочих мест.

Цель статьи — проанализировать, как вышеупомянутые мегатренды влияют на перспективы развития рынка труда и функционирование системы высшего образования на международном и национальном уровнях.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА

Анализируя особенности взаимодействия российских вузов и бизнеса, необходимо отметить, что российские университеты не так чутко реагируют на потребности рынка труда, как зарубежные вузы, которые не только оперативно и своевременно разрабатывают новые актуальные курсы и программы, но и осуществляют постоянный мониторинг новых траекторий развития этого рынка. Так, согласно проведенным исследованиям, до 2030 года на рынке труда Великобритании и США наиболее востребованными будут специалисты в следующих отраслях [4]: общественное питание и сфера гостеприимства; образование всех уровней (дошкольное, начальное, среднее, специальное и высшее);

спорт и фитнес; естественные и социальные науки; здравоохранение и социальное обеспечение; медийная сфера; оказание государственных услуг.

Каких специалистов ждет российский рынок труда, и как он относится к вузовским выпускникам? Согласно данным Росстата, в 2016 году 89% выпускников (9,5 млн человек) нашли работу после окончания университетов. Рейтинг успешных регионов возглавил Санкт-Петербург: в 2016 году здесь трудоустроились 96,2% студентов, покинувших альма-матер. Второе место — у Москвы: 95,6%. Замыкает тройку лидеров Свердловская область: 95% выпускников, обучавшихся в университетах в 2010–2015 годах, нашли работу после получения диплома [5].

По данным пресс-службы Superjob.ru, на большое количество вакансий и внимание работодателей на рынке могут рассчитывать ИТ-специалисты (создание и поддержание интернет-сайтов, аналитика, внедрение ПО, реинжиниринг бизнес-процессов, разработка мобильных приложений); инженеры (добыча нефти и газа, машиностроение, энергетика, контроль качества); специалисты финансовой сферы (бюджетирование, финансовая аналитика, аудит, риск-менеджмент в банках, проблемная задолженность).

Вместе с тем, у выпускников нет полной информации о том, какие специальности будут наиболее востребованы на рынке труда, их предпочтения формируются в социальном контексте и зачастую даже не осознаны на момент выбора. По статистике Росстата, сегодня у 43% людей с высшим образованием работа не соответствует специальности. Иными словами, государство тратит огромные деньги на вузы, и только треть этого ресурса потрачена не впустую. Кроме того, 24% выпускников вузов продолжают обучаться онлайн.

Вузы не дают студентам нужного уровня реальной подготовки, поэтому крупные компании вынуждены сами разрабатывать обучающие курсы и создавать корпоративные университеты.

Кроме того, важное влияние на отдачу от образования оказывают состояние рынка труда и экономики на момент выхода выпускника на рынок труда, тип сектора занятости, пол, материальное благополучие семьи. Для эффективно трудоустроенного современного выпускника вуза должен быть гибким: уметь работать на стыке профессий, выполнять задания удаленно с помощью различных ИТ-решений, общаться с людьми, быстро искать и обрабатывать информацию, обладать высоким уровнем мобильности и обучаемости, включая навыки самообразования. И это касается практически всех профессий.

Вклад региональной системы высшего образования в развитие свердловской области

Университеты начинают позиционироваться в качестве двигателей регионального развития. Внимание к университетам как драйверам развития территорий вызвано тем, что с середины XX века в государственной политике делается ставка на развитие человеческого капитала как основы долгосрочного экономического успеха. В последние десятилетия как развитые, так и развивающиеся страны постоянно увеличивают расходы на высшее образование. Так, за последние двадцать лет общий объем расходов на высшее образование, в процентах от ВВП, в странах ОЭСР вырос более чем на 23%.

Россия продемонстрировала впечатляющую динамику в 2005–2010 годы, когда расходы на высшее образование,

в процентах от ВВП, удвоились [6]. Пик бюджетного финансирования пришелся на 2013 год, когда образование получило из бюджетов всех уровней около 3,9 трлн руб. (в ценах 2016 года), или 4,3% ВВП. Однако в 2016 году доля расходов на образование сократилась уже до 3,7% ВВП, к 2019 году она упадет до 3,5% ВВП. Неуклонное снижение расходов на образование объясняется как снижением стоимости нефти, так и все большей приоритетностью расходов на оборону и пенсионное обеспечение. Расходы федерального бюджета по разделу «Образование» в 2018 году составят 663 млрд руб. (из них более 500 млрд руб. выделяют на высшее образование), в 2019 году — 653 млрд руб. и в 2020 году — 668 млрд руб. [7].

На протяжении нескольких последних десятилетий большое внимание уделяется вопросу оценки вклада университетов в развитие общества в целом и вклада региональных систем высшего образования в развитие отдельных территорий по трем ключевым направлениям: а) экономическое развитие, б) развитие человеческого капитала, в) инновационное развитие [6].

По результатам анализа степени вклада университетов по этим трем ключевым направлениям были выделены четыре типа систем высшего образования:

Тип 1. Региональные системы высшего образования как *«драйверы регионального развития»*: показатели по каждому из трех блоков вкладов имеют значения выше средних.

Тип 2. Региональные системы высшего образования с **высоким уровнем влияния**: два из трех показателей блоков имеют значения выше средних.

Тип 3. Региональные системы высшего образования с **умеренным уровнем влияния**: два показателя имеют значения ниже средних

Тип 4. Региональные системы высшего образования с **низким уровнем влияния**: все показатели имеют значения ниже средних.

В соответствии с данной типологией Свердловская область оказалась во второй группе региональных систем высшего образования с *высоким уровнем влияния*, куда вошли 18 регионов, имеющих два показателя со значениями выше среднего. Для Свердловской области этими показателями стали вклад в экономическое развитие и вклад в развитие человеческого капитала региона. Вместе с тем, область продемонстрировала показатели ниже среднего по вкладу в инновационное развитие региона.

Свердловская область оказалась одним из лидеров в рамках блока влияния на экономическое развитие наряду с такими регионами, как Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Томская область и Новосибирская область. В этих регионах относительно высоки показатели доходов вуза, что обусловлено наличием здесь крупных ведущих университетов. Эти регионы привлекают студентов из других регионов России, что также увеличивает вливания в экономику этих субъектов РФ.

По данным за 2015/2016 учебный год, показатель востребованности вузов Свердловской области составил выше 1 (1,17), т.е. регион является востребованным среди выпускников школ других регионов. Для сравнения: показатели лидеров — Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Томской области, Москвы и Московской области — составляют 2,31, 1,95 и 1,52 соответственно.

По данным Мониторинга трудоустройства, общая численность выпускников, трудоустроенных в течение года

после окончания университета, составила 56,9% всех выпускников бакалавриата, специалитета и магистратуры в 2014 году [8]. Практически треть всех трудоустроенных выпускников приходится на вузы двух регионов — Москвы с Московской областью и Санкт-Петербурга с Ленинградской областью. Кроме того, два региона — Свердловская область и Республика Татарстан — имеют относительно развитые системы высшего образования, где выпуск составляет более 25 000 и более 22 000 человек соответственно.

В соответствии с типологией регионов по степени востребованности системы высшего образования среди выпускников школ и послевузовской миграции выпускников университетов регионы Российской Федерации можно разделить на 5 типов [8]:

1. **Регионы-магниты** — вузы региона востребованы среди выпускников школ и работают на локальный рынок труда (показатель востребованности >1 ; показатель послевузовской миграции $<0,33$).

2. **Регионы-транзиты** — вузы региона востребованы среди выпускников школ и работают на внешний и локальный рынки труда (показатель востребованности >1 ; показатель послевузовской миграции $>0,33$).

3. **«Замкнутые» регионы** — вузы региона не востребованы среди выпускников школ и работают на локальный рынок труда (показатель востребованности <1 ; показатель послевузовской миграции $<0,33$).

4. **Регионы-экспортеры** — вузы региона не востребованы среди выпускников школ и работают на внешний и локальный рынки труда (показатель востребованности <1 ; показатель послевузовской миграции $>0,33$).

5. **Регионы, требующие дополнительного анализа**, значения показателей которых находятся в промежутках от 0,9 до 1,1 для показателя востребованности или от 0,305 до 0,355 для показателя послевузовской миграции.

Свердловская область оказалась в составе первой группы — **Регионы-магниты**, которая является самой немногочисленной и включает еще три региона: Санкт-Петербург с Ленинградской областью, Москву с Московской областью, и Республику Татарстан. Здесь располагается большое количество вузов, в том числе участвующих в программе повышения международной конкурентоспособности вузов (проект «5 — 100»). Для этих регионов также характерен высокий ВРП на душу населения, и в целом они являются одними из лидеров в рейтингах регионального развития. Тем не менее, несмотря на положительные тенденции занятости и востребованности выпускников вузов Свердловской области, работодатели все чаще высказывают свою неудовлетворенность степенью готовности выпускников к выполнению профессиональных задач. При этом важно отметить, что данные проблемы носят универсальный характер и находят свое отражение как в российских регионах, так и в мировом масштабе.

ОЖИДАНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

National Network of Business and Industry Association выделяет четыре категории навыков, способствующих успешному трудоустройству [9]: (1) навыки общения с людьми (работа в команде, общение, уважение); (2) личностные качества (надежность и порядочность, инициативность, адаптивность, профессионализм); (3) прикладные знания (чтение, письмо, научность, владение информационными техноло-

гиями, критическое мышление); и (4) навыки, необходимые на рабочем месте (планирование, организация, решение проблем, принятие решений, клиентоориентированность, выбор инструментов и технологических подходов для решения профессиональных задач). Таким образом, на рынке труда есть заинтересованность в сочетании узкопрофессиональных навыков и тех навыков, которые применимы вне зависимости от сферы деятельности.

Проблема в том, что многие университеты живут прошлым: учат современных студентов по программам XX века в аудиториях XIX столетия. Такое образование не способно решать поставленные перед ним задачи. Мы переживаем четвертую техническую революцию, где люди и машины активно взаимодействуют. Специалисты, которые нужны сегодня и будут нужны завтра, уже не те, что были нужны вчера. Процесс обновления профессий ускорился, уже сейчас и в ближайшем будущем будут востребованы гибридные профессии, навыки *soft skills*. Для их формирования нужны принципиально другие технологии обучения и соответствующая вузовская среда, а также наличие за пределами учебного плана времени у обучающегося заниматься собственными проектами, участвовать в мастер-классах, креативных сессиях, тренингах работодателей.

Так, согласно проведенным исследованиям [4], в США наиболее востребованными навыками XX века будут межличностные навыки, такие как активное обучение и владение образовательными стратегиями, клиентоориентированный подход и умение убеждать, а также когнитивные умения и навыки высшего порядка, такие, как комплексное решение проблем, оригинальность и способность генерировать идеи. В Великобритании предпочтение отдается умениями

и навыкам, связанным с системно ориентированным мышлением (т.е. способностью распознавать, понимать и работать со сложной информацией), таким, как оценка, принятие решений, системный анализ и системная оценка.

В России, согласно данным опроса работодателей в рамках МЭО (2015 г.) (рис. 1), наиболее востребованными качествами являются интерес к работе (64%), готовность брать на себя ответственность (55%) и умение работать в команде (54%). Именно на развитие этих навыков должны обращать внимание вузовские преподаватели. Этот результат может быть достигнут при внедрения разнообразных активных форм обучения, включая проектные задания, которые способствуют значительному росту заинтересованности студентов процессом обучения, учат их умению брать на себя ответственность за свой участок работы и развивают навыки работы в команде.

Рис. 1. Личностные качества и навыки, необходимые для успешного трудоустройства и карьеры (% от численности опрошенных работодателей)

Источник: данные опроса работодателей в рамках МЭО, 2015 год.

В целом мнение работодателей о том, какие требования должны предъявляться к начинающим специалистам, совпадают с представлением выпускников вузов. Это подтверждают данные онлайн-опроса компании *Headhunter* среди 1501 молодого специалиста в России и 312 представителей российских компаний. Исключение составляет лишь наличие практических навыков: 69% выпускников и 19% работодателей отмечают необходимость их наличия в начале карьеры. Обращает на себя внимание и тот факт, что значительная часть выпускников вузов Уральского федерального округа (74%) считает, что инициативность и нацеленность на результат являются гарантией приема на работу. В то же время на необходимость хорошей теоретической базы и представления о будущей работе указали только 22 и 17% выпускников вузов соответственно. Работодатели при оценке востребованных личностных качеств выпускников отдали приоритет ответственности (28,1%), стрессоустойчивости (24,9%) и целеустремленности (24,8%), в то время как значимость инициативности подчеркнули только 4% опрошенных работодателей. Высокая востребованность такого качества, как ответственность, продиктована тем, что на рынке труда растет спрос либо на очень высококвалифицированных специалистов, либо просто на ответственных исполнителей. Немаловажно, что эта тенденция наблюдается на фоне развития информатизации и использования технологий [10].

В этой связи интересными представляются результаты сравнения удовлетворенности работодателей молодыми специалистами и требований компаний к подготовке специалистов в рамках системы высшего образования в России и Великобритании. В ходе многолетних замеров удовлетво-

ренность руководителей компаний качеством подготовки выпускников вузов, недавно получивших диплом о высшем образовании и устроившихся на работу в компаниях, практически не меняется и не превышает 4 баллов.

Руководители компаний, как правило, в целом удовлетворены профессиональными знаниями недавних выпускников. Однако у работодателей много вопросов по поводу профессиональных навыков выпускников вузов, без которых нельзя говорить об успешной карьере в современном мире. По словам экспертов, система образования не соответствует запросам рынка труда — ни по количеству выпускников, ни по качеству их подготовки. По данным ВЦИОМ (2016) [11], навыками выпускников вузов недовольны 91% работодателей. Одним из ключевых недостатков российской системы высшего образования, согласно докладу Всемирного банка 2012 г., является преимущественное внимание к усвоению «академических» теоретических знаний, заучиванию фактов и недостаточное развитие навыков использования теоретических знаний для решения прикладных задач, а также критического мышления и приемов поиска решения проблем [12]. В результате самыми дефицитными оказываются навыки самостоятельности в работе, коммуникативные навыки (умение работать в группе, эффективно общаться с клиентами, офисное администрирование), исполнительские навыки (дисциплинированность, профессиональная ответственность и обязательность). Нельзя не согласиться с утверждением Н. Бондаренко о том, что в списке наиболее дефицитных профессиональных навыков обнаруживаются чаще не базовые профессиональные умения, а поведенческие компетенции [12, с. 167].

Выводы

Проведенный анализ глобальных мегатрендов и их влияния на функционирование современной системы высшего образования, а также ее способности эффективно реагировать на запросы современного рынка, позволяет сделать ряд выводов.

Принимая во внимание стремительно меняющиеся технологии и нарастающие процессы роботизации и автоматизации, вузы должны проводить постоянный мониторинг рынка труда с тем, чтобы своевременно корректировать учебные планы и программы и вводить новые направления подготовки студентов. Система высшего образования должна сделать особый упор на такие виды деятельности, которые будут гарантом успешной занятости в течение последующих 20–30 лет и которые связаны с умением работать неrutинно, творчески и «коммуникационно» [13].

Развертывание глобализационных процессов на фоне стремительной технологической революции также остро ставит перед университетами проблему разработки программ непрерывного обновления знаний и навыков населения (“lifelong learning”). Такие программы, наряду с широким спектром курсов повышения квалификации, будут способствовать решению задач, связанных с сокращением рабочих мест и безработицей. На данный момент Россия имеет один из самых низких в развитых странах показатель охвата взрослого населения программами непрерывного образования — около 17% (в странах ЕС — в среднем 40%) [13].

Университетам также предстоит расширять и углублять взаимодействие с бизнес-сообществом для формирования пула рабочей силы, обладающего необходимыми социальными навыками, которые могут быть востребованы

в различных сферах деятельности, независимо от специализации работника. Особую роль в росте производительности труда играют такие универсальные навыки и позитивные социальные установки, как коммуникация, кооперация, креативность, аналитическое мышление, а также предприимчивость и самоорганизация. Эти навыки и умения также способствуют профессиональной мобильности работников и расширяют их возможности быть востребованным на современном рынке труда. Следовательно, при составлении учебных программ важно в равной степени учитывать как значимость формирования этих навыков и умений у студентов, так и новые поведенческие модели, характерные для современного студенчества.

Высокие темпы урбанизации бросают вызов существующим крупным образовательным центрам, как, например, Свердловская область, в плане использования их образовательного потенциала для решения задач социально-экономического развития региона. По данным Росстата, уровень урбанизации Свердловской области — один из самых высоких в стране: в 2017 году в городах области проживало 84,7% (в РФ в целом — 74,27 %).

Как уже было сказано выше, вузы области вносят неоспоримый вклад в формирование и развитие человеческого капитала региона, однако показатели области по вкладу в инновационное развитие — ниже среднего. В целом, подавляющее количество вузов России играет сегодня незначительную роль в инновационном развитии регионов и отраслей. В России финансирование исследований и разработок в расчете на одного студента в 10 раз меньше, чем в вузах стран ОЭСР [13]. На наш взгляд, для решения этой проблемы сами вузы должны проникнуться духом иннова-

ционности, который должен транслироваться в фундаментальной содержательной подготовке студентов, применении инновационных методов и технологий обучения, а также в инновационности самих преподавателей и студентов (способности генерировать и осваивать инновации).

Таким образом, образование должно не только готовить людей к жизни в неопределенном и меняющемся мире, но и быть их постоянным спутником и помощником.

Библиографический список

1. Bennett, N., Lemoine, G. J. What VUCA Really Means for You. Harvard Business Review, January–February 2014.
2. Schwab, K. (ed.) The Global Competitiveness Report 2017–2018. World Economic Forum: Geneva, 2017.
3. Workforce of the future. The competing forces shaping 2030. PwC: 2017
4. Future of skills. Employment in 2030. Pearson.
5. Коваленко А. Порою нужен сбой в системе... [Электронный ресурс]: Эксперт ONLINE: <https://expert.ru/ural/2017/39/poroynuzhen-sboj-v-sisteme/> (дата обращения: 15.04.2018).
6. Лешуков О.В., Евсева Д.Г., Громов А.Д., Платонова Д.П. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 30 с. — (Современная аналитика образования. № 3(11)).
7. Моисеев И., Зейман А., Шишков В., Дергачев В. Исследование РБК: сколько Россия на самом деле тратит на своих граждан [Электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/economics/14/12/2016/584fd32e9a7947c251265ede> (дата обращения: 10.04.2018).
8. Козлов Д.В., Платонова Д.П., Лешуков О.В. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников универ-

- ситетов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 32 с. — (Современная аналитика образования. № 4 (12)).
9. National Network of Business and Industry Associations. Common EmployabilitySkills[Электронный ресурс]:http://businessroundtable.org/sites/default/files/Common%20Employability_asingle_fm.pdf (дата обращения: 10.04.2018).
  10. Тимошенко Т. Россия: Почему миллионы выпускников работают не по специальности? [Электронный ресурс]: <https://russian.eurasianet.org/node/65166> (дата обращения: 10.04.2018).
  11. ВЦИОМ. Пресс-выпуск. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать. № 3152, 13.07.2016 [Электронный ресурс]: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775> (дата обращения: 10.04.2018).
  12. Бондаренко Н. Характер взаимодействия российских компаний и системы высшего образования глазами работодателей. Итоги опроса 2013 г., по данным Левада-Центра. // Вопросы образования. — 2014. — № 1. — С. 162–175.
  13. Двенадцать решений для нового образования. Доклад Центра Стратегических Разработок и Высшей Школы Экономики. М., апрель 2018. — 106 с.

References

1. Bennett, N., Lemoine, G. J. What VUCA Really Means for You. *Harvard Business Review*, January–February 2014.
2. Schwab, K. (ed.) *The Global Competitiveness Report 2017–2018*. World Economic Forum: Geneva, 2017.
3. *Workforce of the future. The competing forces shaping 2030*. PwC: 2017
4. *Future of skills. Employment in 2030*. Pearson.
5. Kovalenko A. Poroyu nuzhen sboi v sisteme... Expert ONLINE <https://expert.ru/ural/2017/39/poroyu-nuzhen-sboj-v-sisteme/> (retrieved: April 15, 2018).

6. Leshukov O. V., Evseeva D. G., Gromov A. D., Platonova D. P. Otsenka vkladu regional'nykh sistem vysshego obrazovaniya v sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii // Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. — M.: NIU VShE, 2017. — 30 p. — (Sovremennaya analitika obrazovaniya. № 3(11)).
7. Moiseev I., Zeiman A., Shishkov V., Dergachev V. Issledovanie RBK: skol'ko Rossiya na samom dele tratit na svoikh grazhdan <https://www.rbc.ru/economics/14/12/2016/584fd32e9a7947c251265ede> (retrieved: April 10, 2018).
8. Kozlov D. V., Platonova D. P., Leshukov O. V. Gde uchit'sya i gde rabotat': mezhregional'naya mobil'nost' studentovi vypusnikov universitetov // Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. — M.: NIU VShE, 2017. — 32 p. — (Sovremennaya analitika obrazovaniya. № 4 (12)).
9. National Network of Business and Industry Associations. Common Employability Skills July 22, 2014 http://businessroundtable.org/sites/default/files/Common%20Employability_asingle_fm.pdf (retrieved: April 10, 2018).
10. Timoshenko T. Rossiya: Pochemu milliony vypusnikov rabotayut ne po spetsial'nosti? <https://russian.eurasianet.org/node/65166> (retrieved April 10, 2018).
11. VCIOM Press-vypusk. Vysshee obrazovanie: kontrol' ne oslablyat', kachestvo povyshat' № 3152, July 13, 2016 <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775> (retrieved: April 10, 2018).
12. Bondarenko N. Kharakter vzaimodeistviyarossiiskikh kompanii sistemy vysshego obrazovaniya glazami rabotodatelei/ Itogi oprosa 2013: Levada-Centre. // Voprosy obrazovaniya. — 2014. — № 1. — pp. 162–175.
13. Dvenadtsat' reshenii dlya novogo obrazovaniya. Doklad tsentra strategicheskikh razrabotok i vysshei shkoly ekonomiki. M., April 2018. — 106 p.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ), ул.
8 Марта/Народной Воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144
Маркова Татьяна Леонидовна, tmark@mail.ru
Первухина Ирина Витальевна, ivp@usue.ru
Пьянкова Светлана Григорьевна, silen_06@list.ru

Contact Information:

Ural State University of Economics (USUE), 62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli
Str., Ekaterinburg, 620144
Markova Tatyana Leonidovna, tmark@mail.ru
Pervukhina Irina Vitalievna, ivp@usue.ru
Pyankova Svetlana Grigorievna, silen_06@list.ru

**КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГА
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ
«ИНДУСТРИЯ 4.0»**
**MAIN MARKETING
DEVELOPMENT
TENDENCIES OF INDUSTRY
IN THE "INDUSTRY 4.0"
PARADIGM**

Р.С. ГОЛОВ

Заведующий кафедрой «Производственный менеджмент» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», д.э.н., профессор

R.S. GOLOV

Acting Head of the Department «Production Management», FGBOU VO «Moscow Aviation Institute (National Research University)», Doctor of Economics, Professor

А.В. МЫЛЬНИК

Доцент кафедры «Энергетический сервис и управление энергосбережением»

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», кандидат экономических наук

A.V. MYLNIK

Associate Professor of the Department «Energy Service and Energy Conservation Management» FGBOU VO «Moscow Aviation Institute (National Research University)», Candidate of Economic Sciences

АННОТАЦИЯ

Исследование авторов посвящено тем ключевым тенденциям и направлениям развития маркетинга, которые уже сегодня приобретают все больший вес с развитием инновационных технологий в рамках парадигмы «Индустрия 4.0». В рамках проведенного исследования авторами рассмотрены такие актуальные тенденции современного маркетинга, как веб-аналитика, персонализация коммерческих предложений предприятия, кастомизация производства, Интернет вещей, а также использование систем искусственного интеллекта для организации директ-коммуникаций между производителями и потребителями продукции.

ABSTRACT

The authors' research is devoted to those key trends and directions of marketing development, which already today are gaining more weight with the development of innovative technologies within the framework of the «Industry 4.0» paradigm. As part of the study, the authors considered such current trends in modern marketing as web analytics, personalization of the company's commercial offers, customization of production, Internet of things, and the use of artificial intelligence systems for organizing direct communications between producers and consumers of products.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Маркетинг, «Индустрия 4.0», автоматизация, кастомизация производства, искусственный интеллект, директ-маркетинг.

KEY WORDS

Marketing, «Industry 4.0», automation, production customization, artificial intelligence, direct marketing.

Одним из наиболее значимых этапов в развитии экономики за последние десятилетия стало формирование парадигмы «Индустрия 4.0», которая стала аттрактором для большинства прорывных технологий автоматизации и интеллектуализации промышленных систем. Создание данной парадигмы стало закономерным итогом интенсификации прикладных исследований ученых из технологически развитых стран, направленных на совершенствование систем автоматизации и роботизации производства, развитие и практическое внедрение на предприятиях систем искусственного интеллекта, формирование киберфизических систем. В этих условиях ученые все больше обращаются к появившейся в русле кибернетики в 70-х годах прошлого века идее интеграции человека и машины. И если до этого этапа подобная интеграция носила весьма упрощенный характер — взаимодействие пользователя с компьютером или работа по настройке станков с ЧПУ и обрабатывающих центров, то в условиях «Индустрии 4.0» она перешла на совершенно новый уровень.

Интеллектуализация производства открыла совершенно новые и ранее недостижимые возможности человеко-машинной интеграции, в рамках которой человек и машина становятся партнерами в рамках реализуемого ими технологического процесса. Существовавший до этого разрыв между

ними позволил преодолеть внедряемый сегодня в промышленности искусственный интеллект. За счет его интеграции в производственные системы предприятия у машинного оборудования появился потенциал как для более высокоуровневого взаимодействия с человеком, так и для межмашинного взаимодействия в рамках революционной на сегодняшний день концепции Интернета вещей. В рамках Интернета вещей аппаратное оборудование и технические устройства способны коммуницировать между собой, самостоятельно анализируя и регулируя состояние производственных процессов в соответствии с заложенной в них программой и критериями эффективности. Еще одной важной тенденцией современной промышленности является кастомизация производства, одним из инструментов которой выступает 3D-печать, реализуемая при помощи 3D-принтеров, создающих штучную продукцию по заранее определенным схемам с использованием композитных материалов. В части обработки данных ключевой технологией стали системы Big Data, позволяющие на высоком качественном уровне анализировать глубинные взаимозависимости в крупных и очень крупных базах данных, выявляя ценные и до того момента неизвестные факторы, влияющие на поведение и образ мышления различных экономических агентов.

Рассмотренные выше аспекты носят преимущественно технический характер и отражают те изменения во внутренней среде предприятия, которые позволили повысить его технологическую и экономическую эффективность в рамках его внутренней среды. Но не менее значимой является та деятельность промышленной структуры, которая направлена на взаимодействие со внешней средой. Одним из основных видов такой деятельности выступает маркетинг как

системный подход к взаимодействию с рынком, потребителями, конкурентами и государством.

Анализ эволюции маркетинга в последние десятилетия позволяет сделать вывод о том, что он развивается не автономно в качестве замкнутой методологии, а стремится к тесной интеграции как с производственными системами, так и с актуальными экономическими тенденциями во внешней среде предприятий. Постоянно развивая данную сферу, маркетологи стремятся не просто развивать ее методологию, но также тесно синхронизировать ее с современными техническими методами, программным и аппаратным обеспечением, что позволяет им использовать в работе наиболее современные технологии.

В рамках данного исследования авторы рассматривают ряд ключевых тенденций, которые напрямую связаны с технологиями, созданными в структуре «Индустрии 4.0». Анализ данных тенденций позволяет сформировать ландшафт области современного маркетинга, обеспечив тем самым четкое видение его перспективных направлений как для ученых, так и для профессионалов.

Одной из значимых тенденций маркетинга в последние годы стала концепция «Аналитика 2.0». Данная концепция предполагает организацию эффективной веб-аналитики, основанной на всестороннем анализе сетевой активности пользователей сайта предприятия или компании с использованием современных алгоритмов анализа данных, включая их базовую активность на сайте (клики, переходы на конкретные страницы), так и более сложные подходы — эксперименты, опросы, интерактивный контент, элементы конкурентной разведки. Конечной целью такого подхода является персонализация и максимальная детализация профи-

лей пользователей для формирования целевых предложений для их отдельных категорий. В конечном счете собранная информация формируется в крупные массивы данных, анализ которых проводится на основе методологии Big Data, позволяя маркетологам определить как основные, так и не очевидные до этого аспекты пользовательских профилей.

Применение «Аналитики 2.0» создает платформу для реализации следующей важной тенденции — персонализации коммерческих предложений для пользователей, максимально учитывающих их личностные характеристики. Подобный подход значительно повышает эффективность подобных предложений, поскольку в них учитываются значимые для потребителей характеристики продукта, становящиеся в итоге триггерами, побуждающим к его приобретению. Он позволяет значительно повысить эффективность предприятия с учетом высокой конкуренции — на практике пользователь получает десятки универсальных предложений рекламного характера. Будучи, по сути, обезличенными, они не вызывают у него реального внутреннего отклика. Персонализация в данном случае служит тем ключом к вниманию потребителя, который напрямую затрагивает сферу его личных интересов и предпочтений, существенно повышая тем самым вероятность покупки данного вида продукции.

Еще одной ключевой тенденцией маркетинга в контексте парадигмы «Индустрия 4.0» является Интернет вещей. Изначально рассматривавшийся в рамках применения на предприятиях, в последние годы он охватывает все большее число сегментов пользовательской техники, включая оборудование для кухни, телевизоры, модули компьютера и т.д. Фактически он создает вокруг пользователя эффективную информационную инфраструктуру, которая способ-

на не только к самоорганизации в рамках взаимодействия между самими устройствами, но также и к учету массы параметров, отражающих повседневное поведение человека: подключенный к нему холодильник способен передавать сведения о потребляемой пользователем пище, стиральная машина — о частоте стирки и типах стираемой одежды, телевизор — о просматриваемых телеканалах и действиях пользователя при просмотре рекламы и т.д. Фактически все эти устройства анализируют поведение и предпочтения пользователя в режиме реального времени, а консолидируемые на основе этого данные становятся тем бесценным источником информации, который позволяет составить максимально точный профиль потребителя для разработки персонализированных рекламных предложений.

Идея персонализации рекламных предложений приводит к следующей тенденции — кастомизированному производству, которое в настоящее время считается учеными и специалистами предприятий тем следующим этапом развития промышленности, который уже сегодня признается диалектически предопределенным шагом к развитию производства будущего. Кастомизированное производство предполагает создание не типовой, а персонализированной продукции, отвечающей индивидуальным запросам отдельных групп и подгрупп пользователей. На сегодняшний день кастомизация — один из ключевых трендов. Она отвечает развитию в экономике все большей степени самоорганизации, когда маркетологи и производители переходят от традиционной модели концентрации потребителей вокруг жестко сформированной производственной системы с четко фиксированными типами, функциями и качествами производимой продукции к гибкой модели самоорга-

низации производства вокруг отдельных групп и сегментов пользователей.

Реализация этого шага потребует существенной перестройки имеющихся производственных систем. Требования к гибкости производства предполагают изменение фундаментальных принципов организации как самих производственных процессов, так и отвечающих за их реализацию подсистем предприятия. Требования к гибкости подобных подсистем предполагают организацию производственных участков и линий, которые будут способны к самоорганизации в минимальные сроки. Достижение этого возможно только при переходе от жестких систем долгосрочного размещения оборудования к совершенно новой для большинства предприятий сетевой организации производства. В такой сетевой структуре отдельные ячейки сети, отвечающие за отдельные производственные операции и технологические циклы, должны обладать возможностью к перестройке, изменению положения и целевых функций в течение ограниченного промежутка времени.

С точки зрения информационных коммуникаций между предприятиями и потребителями на первый план выходит применение искусственного интеллекта с возможностью самообучения. На практике он применяется при создании нового вида информационных программ — чат-ботов, способных самостоятельно вести диалог с потребителями как на сайте предприятия или компании, так и в социальных сетях. Разумеется, пока что подобный диалог имеет четко предметный характер и касается преимущественно продукции предприятия, но современный уровень развития такого рода программ позволяет судить о том, что уже в ближайшие годы чат-боты смогут вести все более осмысленный

диалог с пользователями, реагировать на нестандартные реакции вроде иронии, сложных вопросов, смены тем со стороны последних. Само появление подобного рода программ позволяет увидеть куда более важную тенденцию — искусственный интеллект обретает все большую самостоятельность и в скором времени станет одной из полноценных сторон в общении между производителями продукции и потребителями. А это открывает весьма большие возможности для маркетологов: усложнение его алгоритмов, логики, способностей к убеждению и мотивации потенциальных потребителей к покупке позволят автоматизировать одну из важнейших функций маркетинга — директ-маркетинг, специализирующийся на создании прямых коммуникаций между производителями и потребителями продукции.

В рамках представленного исследования авторами рассмотрены те новые тенденции в маркетинге, которые уже сегодня становятся реальностью в условиях развития парадигмы «Индустрия 4.0». Как было отмечено выше, это диалектически предопределенный процесс, который уже происходит в настоящее время. И задачей маркетологов в промышленности является максимально быстрая адаптация к новым методам и технологиям маркетинга с тем, чтобы в полной мере использовать их потенциал в рамках продвижения российской продукции на внутреннем и мировых рынках.

Библиографический список

1. Агарков А.П., Голов Р.С. Проектирование и формирование инновационных промышленных кластеров. — М.: ИТК «Дашков и К». 2016. 288 с.
2. Агарков А.П., Голов Р.С. Управление инновационной деятельностью — М.: ИТК «Дашков и К». 2015. 208 с.

3. Голов Р.С., Мыльник А.В. Инновационно-синергетическое развитие промышленных организаций (теория и методология). М.: ИТК «Дашков и К», 2011. 420 с.
4. Голов Р.С., Мыльник А.В. Теоретические основы формирования инновационно-синергетических промышленных кластеров // «Экономика и управление в машиностроении». 2012. № 3. С. 26–29. Голов Р.С., Мыльник А.В. Концептуальные основы формирования инновационно-инвестиционных кластерных сред в условиях модернизации экономики // Экономика и управление в машиностроении. 2014. № 1. С. 32–38.
5. Голов Р.С., Мыльник А.В. Системная реиндустриализация экономики: существующие предпосылки и оптимальные пути ее реализации // Экономика и управление в машиностроении. 2017. № 1. С. 5–11.
6. Голов Р.С., Мыльник А.В. Теоретические основы формирования инновационно-синергетических промышленных кластеров // Экономика и управление в машиностроении. 2014. № 1. С. 32–38. 2012. № 3. С. 26–29.
7. Голов Р.С., Мыльник А.В. Инновационно-синергетический подход как одна из основных научных теорий для модернизации машиностроения // Экономика и управление в машиностроении. 2011. № 2. С. 15–19.
8. Жузе В.Б., Голов Р.С., Теплышев В.Ю. Концептуальные основы инновационного развития и модернизации системы муниципального теплоснабжения (на примере Рязанской области). — Ухта: Ухтинский государственный технический университет. 2007. 256 с.
9. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики. — М.: Университетская книга; Логос. 2008.
10. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. — М.: Альпина Бизнес Букс. 2007.
11. Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. — М.: Поколение, 2007. 336 с.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭНЕРГОПОСТАВОК ИЗ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ С ПОМОЩЬЮ SMART-GRID¹

INCREASE EFFICIENCY OF ENERGY SUPPLIES FROM RENEWABLE ENERGY SOURCES WITH SMART-GRID

В.П. БАУЭР,

Доктор экономических наук, директор Центра стратегического прогнозирования и планирования Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

V.P. BAUER,

Doctor of economic Sciences, Director of the Center for strategic forecasting and planning Institute for economic policy and issues of economic security, Financial University under the Government of the Russian Federation

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Фининиверситету.

Г.Л. ПОДВОЙСКИЙ,

Кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра
макроэкономических исследований
Департамента экономической теории,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

G.L. PODVOYSKIY,

PhD, leading researcher of the Center for
macroeconomic research of the Department of
economic theory, Financial University under the
Government of the Russian Federation. Moscow,
Russia

Н.А. НИКИТИН,

Студент Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации

N.A. NIKITIN,

Student of the Financial University under the
Government of the Russian Federation

В.Ю. ЧАЙКИН,

Студент Финансового университета
при Правительстве Российской
Федерации

V.Yu. CHAIKIN,

Student of the Financial University under the
Government of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Проблема современной энергетики активно обсуждается в научных и предпринимательских кругах, так как она является основой для любого производства. Возникает необходимость

в трансформации топливно-энергетического комплекса за счет внедрения новых технологий. Авторы данной статьи анализируют актуальное состояние технологий возобновляемых источников энергии, а также проблемы их применения. В качестве способа их решения было предложено внедрение Smart-GRID, которая подразумевает создание цифровой инфраструктуры для каждого этапа производства и потребления энергии. Предложен вариант по использованию GRID-системы в России на примере Республики Крым.

ABSTRACT

The problem of modern power industry is actively discussed in a scientific and entrepreneurial community as it is a basis for any production. There is a necessity of transformation of fuel and energy complex due to implementation of new technologies. The authors of this article analyze the current state of renewable energy technologies and the problems of their usage. As a way to solve them, it was proposed to implement Smart-GRID, which implies the creation of a digital infrastructure for each stage of production and consumption of energy. A variant of the usage the GRID-system in Russia was proposed on the example of the Crimea Republic.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Возобновляемые источники энергии, Smart-GRID, цифровые технологии, Республика Крым, инфраструктура, инновации.

KEYWORDS

Renewable resources, Smart-GRID, digital technologies, the Crimea Republic, infrastructure, innovations.

Сегодня возобновляемые источники энергии являются предметом дискуссии как среди исследователей, так и среди политиков. Особенно широко

данная проблема обсуждается в сопряжении с экологическими программами в рамках Парижского соглашения по климату и в рамках одной из целей тысячелетия ООН по обеспечению устойчивого развития окружающей среды. Данное соглашение было подписано Российской Федерацией, но не ратифицировано. Принятие положений Парижского договора может негативно отразиться на росте экономики страны, так как увеличит издержки предприятий. Здесь возникает необходимость в модернизации энергетической системы России посредством внедрения новых технологий для интеграции возобновляемых источников энергии в структуру производства энергии.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИЭ

По состоянию на 2017 год из возобновляемых источников вырабатывается около 480 млн т н.э., то есть 6% от мирового первичного энергопотребления, но доля новых видов ВИЭ, таких, как энергия воды, солнца, приливов и отливов, геотермальных источников, составляет всего 2%. [1] В промышленно развитых странах многие компании не стремятся самостоятельно переходить на использование электроэнергии из ВИЭ и предпочитают использовать традиционные источники. Переход на альтернативную энергию во многом определяется политикой государства и мерами, которое оно принимает. Зачастую они не отвечают интересам бизнеса по многим причинам. Одна из них — несовершенство энергопоставок из возобновляемых источников энергии.

Противники ВИЭ делают акцент на том, что невозможно осуществлять бесперебойные поставки электроэнергии, так как природные условия достаточно изменчивы, а механиз-

мы, извлекающие из них энергию, — несовершенны. Так, World Nuclear Association указывает на невысокий уровень КПД ветровых станций, который, по закону Бетца, в лучшем случае может достигнуть предельного значения в 59,5%, что значительно ниже, чем, например, при использовании газа, мазута или угля. Это значение может колебаться в зависимости от погодных условий, что не может обеспечить равенство спроса и предложения. [2]

Следующая слабая сторона альтернативных источников — высокий уровень децентрализации. В отличие от атомных и угольных станций, которые способны вырабатывать большие объемы энергии при малой концентрации, производство ВИЭ представляют из себя систему множества самостоятельно функционирующих объектов, что создает дополнительные препятствия в их размещении и управлении ими [3]. По способу решения данных проблем исследователи и изобретатели разделились на два лагеря: одни предлагают совершенствование в виде создания системы централизованного хранения электроэнергии в батареях, вторые — использование Smart-технологий в обслуживании всех технологических цепочек производства энергии из альтернативных источников [4]. Одной из таких Smart-технологий является система GRID.

РЕАЛИЗАЦИЯ GRID-СИСТЕМ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Целью использования GRID-систем является решение трудоемких задач, где требуется привлечение большого количества исполнителей (ресурсов хранения, передачи данных и вычислительных ресурсов) и совместная, одновременная работа над различными частями задачи для быстрой обработки массивных данных. GRID-система предназначена в том числе

и для скоординированного, гибкого и оптимального разделения ресурсов, что делает ее востребованной во многих сферах деятельности, благодаря ее согласованности и открытости.

«GRID» в переводе с английского языка на русский означает «решетка» и имеет этому обоснование как система, изначально созданная для контроля множества единичных разнородных объектов с огромным количеством информационных потоков и узлов пересечения, связанных одной сферой деятельности. Таким образом, GRID-система и возобновляемые источники энергии являются уникальным симбиозом двух сложных технологий с точки зрения соответствия и взаимодополнения особенностей систем.

С точки зрения потребителя, при использовании GRID в ВИЭ можно оставить заботы о том, какая система, генератор или канал поставки были использованы, что способствовало удовлетворению потребностей в энергоресурсах. Необходимо регулярно производить оплату услуги, а сама система рассчитает самый эффективный и наиболее экономный способ предоставления энергии, что значительно уменьшит как ваши затраты, так и издержки компании «зеленой» энергии.

Важнейшими рассматриваемыми аспектами каждой системы, созданной на основе инфраструктуры, являются используемые технологии, сама инфраструктура как фундаментальная составляющая системы и стандарты в технической и правовой сферах.

Под технологиями в контексте ВИЭ понимается механизм распределения и передачи электроэнергии на колоссальные расстояния. Материально-техническая организация данных технологий осуществляется с помощью инфраструктуры — аппаратных средств (повышающие/

понижающие подстанции, линии электропередач, другое электрооборудование, позволяющее электростанциям предоставлять энергию потребителям) и соответствующих служб (ремонта, контроля и т.д.). Качество их работы сопоставляется со стандартами, которые представляют из себя определенные параметры электрического тока (напряжение в сети, частота), типы и размеры вилок/розеток, позволяющие без проблем подключать любой электроприбор к единой сети [5].

Потребителям как группам людей необходим определенный свод правил, согласованных с обладателями GRID-ресурсов, где устанавливаются обязательства и правила сотрудничества. Это необходимо для создания единой энергетическо-правовой сферы.

Создание GRID-среды подразумевает локальное распределение энергетических ресурсов альтернативных источников по энергетически разделенным между собой областям. Важно заметить, что создание GRID-системы является не попыткой централизации энергетического сектора государства с единым главным распределительным центром, а только налаживанием согласованности разделенных элементов этой системы для упрощения контроля и увеличения эффективности ее составляющих. Механизм распределяет сложнейшие задачи сферы, необходимые для срочного выполнения, сосредоточивает информацию, занимается мониторингом ресурсов и осуществляет контроль прав на их пользование.

Президент и основатель ассоциации развития возобновляемой энергии (АРВЭ) Патрик Виллемс видит проблему в ненадежности и качестве сбережения электроэнергии в удаленных районах России [6]. Однако основная цель воз-

обновляемой электроэнергетической системы состоит в том, чтобы поставлять энергию надежным способом от пунктов ее производства до потребителей. Традиционная архитектура электрической системы характеризуется однонаправленным потоком энергии от немногих мест производства до многих пользователей.

Многие крупные электростанции являются главными производителями электроэнергии из различных источников, таких, как уголь, нефть, ядерные и возобновляемые источники энергии. Они обычно располагаются далеко от городских районов, чтобы избежать воздействия на окружающую среду в определенных местах по различным техническим причинам (например, топливная поставка, доступность природных ресурсов и т.д.).

Связь между пунктами выработки электроэнергии и пользователями существует благодаря энергетической инфраструктуре GRID, выполняющей соединительную (связующую) функцию.

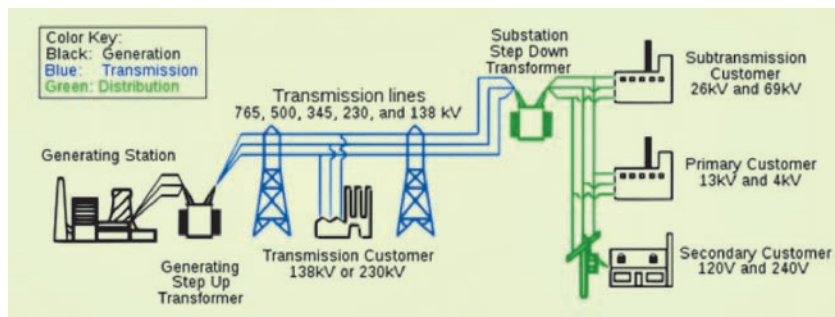
АРХИТЕКТУРА GRID-СИСТЕМ

Инфраструктура GRID включает в себя три основные системы: трансмиссионная GRID-система, субтрансмиссионная GRID-система и распределительная GRID-система.

Трансмиссионная GRID-система поставляет (распространяет) высоковольтную электроэнергию по огромным областям. Это сеть, которая связывает электростанции и главные потребительские зоны, чтобы рассчитывать наиболее подходящие, стабильные и дешевые возможности удовлетворения энергетических потребностей потребителей, используя при этом энергетические пути (энергопотоки), соединяющие производителей электроэнергии и крупных потреби-

телей, учитывая ее эффективное распределение и на другие территории. Данные линии передачи также используются на международном уровне.

Под субтрансмиссионной GRID-системой подразумевается высоковольтная инфраструктура, которая распределяет электричество от трансмиссионной GRID-системы до распределительной GRID-системы или самих потребителей. В то же время через распределительную GRID-систему протекает средне- и низковольтное электричество в небольшие потребительские центры. Иногда субтрансмиссионные сети включены в распределительные сети. Их главными задачами являются преобразования среди уровней напряжения и топологической конфигурации GRID, а также защита электрической системы в случае неполадок или ошибок (рис. 1).

Рис. 1. Модель традиционной электрической GRID-системы

Источник: «Boosting energy efficiency through Smart GRIDs»

[https://www.itu.int/dms_pub/itu-t/oth/4B/01/T4B010000050001PDFE.pdf]

Благодаря разделению системы, представленному выше, на основные частные, можно сделать вывод о том,

что она способна учитывать все необходимые особенности ВИЭ. Последующее активное использование возобновляемых источников энергии повлечет за собой внедрение нового расширенного контроля и функций управления системой. Эта цель будет достигнута путем улучшения существующей системы передачи и трансмиссионной GRID-системы посредством введения интеллектуальных устройств и точечной коммуникационной сети, созданной над энергетической инфраструктурой. Данный подход усилит взаимодействие в реальном времени среди устройств, систем и операторов.

Вице-президент Национального института энергетической безопасности, доктор экономических наук Е.Л. Логинов в своих трудах отмечает, что данная система является весьма эффективным инструментом геополитического и геоэкономического управления страной, где ее внедрение будет способствовать формированию единства регионов и экономических комплексов России. [6]

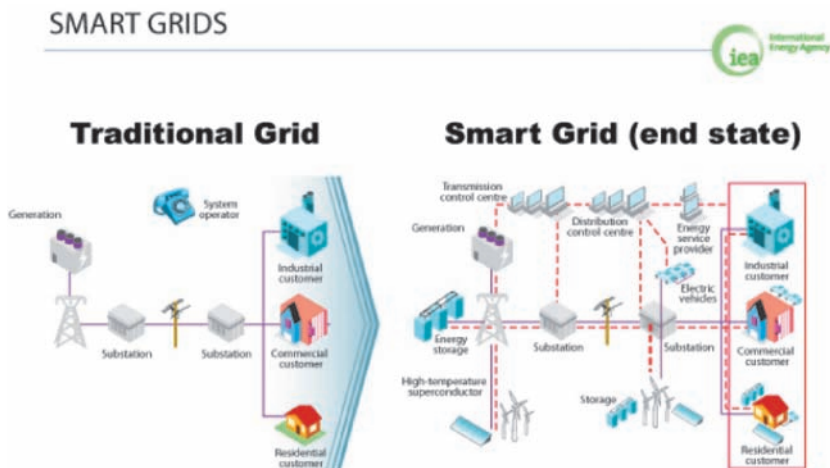
Таким образом, правильно разработанная и качественно реализованная GRID-среда характеризуется следующими основными возможностями:

- доступ к вычислительным ресурсам, данным, устройствам, измерительным инструментам должен быть простым, прозрачным, удаленным, и безопасным;
- доступ должен быть удаленным (нужен доступ к сервисам, поставляющим данные или вычислительные ресурсы — причем без необходимости знания аппаратной структуры, обеспечивающей эти сервисы);
- доступ должен осуществляться по требованию (с заданным качеством), а ресурсы должны предоставляться тогда, когда в них возникает нужда;

- доступ должен быть распределенным, обеспечивая возможность совместной коллективной работы виртуальных команд;
- доступ должен быть устойчив к сбоям, а при выходе из строя серверов приложения должны автоматически мигрировать на резервные серверы;
- доступ должен обеспечивать возможность работы в гетерогенной среде — с различными платформами [7].

Важно заметить, что не все из этих требований в должном качестве реализованы в настоящее время.

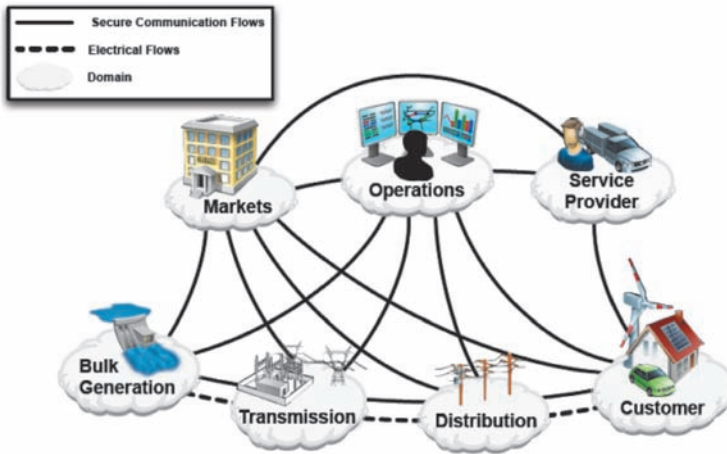
Примером сказанному может служить концептуальная модель Smart GRID (рис. 2), которая создает представление о высоком уровне связанных сетей и оборудования, что составляет Smart GRID.

Рис. 2. GRID энергетические системы (классическая и SMART)

Источник: IEA «Renewables GRID Integration and Variability»

Представим модель, состоящую из семи основных блоков. Она отражает электроинфраструктуру и подчеркивает сложное информационное взаимодействие среди различных областей, внедренных в новое управление электрической системой (рис. 3).

Рис. 3. Взаимодействие объектов в различных областях интеллектуальной GRID-сети через безопасные информационные и электрические потоки

Источник: «NIST Framework and Roadmap for Smart GRID Interoperability Standards, Release 1.0»

Электрические связи представлены пунктирными линиями. Сплошные линии представляют потоки информации между всеми областями, привлеченными к управлению электрической системой.

При разработке и реализации системы необходимо учитывать основные ее особенности, которые и выделяют систему среди других.

Пользователь при подключении к GRID-системе с ее вычислительными ресурсами становится пользователем колоссальных процессорных мощностей. В свою очередь, вычислительные ресурсы могут подразумевать как отдельные рабочие системы (станции), так и кластеры.

Одно из обязательных условий GRID-системы при значительном разнообразии подобных систем состоит в том, что ППО (прикладное программное обеспечение) должно выполнять функции обеспечения, реализующего стандартный внешний интерфейс с ресурсом и позволяющего сделать ресурс доступным для GRID-технологий. Как другую отличительную черту выделяют высокую производительность вычислительных систем, скорость передачи данных и использование ресурсов хранения информации (объем; измеряется в терабайтах — Тб). Ресурсы хранения также используют ППО, реализующее унифицированный интерфейс управления и передачи данных.

Важно выделить следующие особенности хранения данных. Физическая архитектура ресурса памяти не принципиальна для GRID-системы. Информационные ресурсы и каталоги являются особым видом ресурсов хранения данных. Они служат для хранения и предоставления метаданных и информации о других ресурсах GRID-системы.

Также информационные ресурсы позволяют структурировано хранить огромный объем информации о текущем состоянии GRID-системы и эффективно выполнять задачи поиска ресурсов. Сетевой ресурс является связующим звеном между распределенными ресурсами GRID-системы.

GRID-технологии не являются технологиями параллельных вычислений. Следовательно, при решении технологией громоздкой задачи, разделенной на множество небольших,

независимых частей, система проявит себя наилучшим образом. Так, в данном контексте при детальном рассмотрении энергетических преобразовательных технологий, распределенных территориально как отдельных независимых объектов, GRID-технологии являются относительно дешевым и высокоэффективным решением проблем данной сферы.

Выводы: ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ GRID-СИСТЕМ в России

В рамках программы социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года планируется создать эффективную систему электроэнергетики, под которой понимается совокупность генерирующих, транспортирующих и распределяющих элементов. Концепция «умной энергетики» оформлена рядом государственных программ развития [8]. В них основной акцент сделан на использовании интеллектуальных систем, которые могли бы рационализировать использование генерируемой и поставляемой энергии. Также коллектив авторов считает, что Республика Крым имеет благоприятное географическое расположение, что делает ее привлекательной для создания энергосистем ВИЭ. Важнейшей частью осуществления данной программы должно стать внедрение GRID-систем.

Таким образом, «умные технологии» являются необходимым элементом интеграции ВИЭ в топливно-энергетический комплекс. Популярная российская общественно-политическая газета «Независимая газета» обращает внимание читателя на то, что политическое руководство и бизнес проявляют интерес к экологическим проблемам, где более 40% россиян оценивают экологическую ситуацию как неблагоприятную [9]. Однако реализация

GRID-систем в рамках «зеленой энергетики» является самым удачным решением для улучшения экологии страны, а также делает возможными высокоточные расчеты и связь между всеми частями энергосистемы Smart-GRID, что позволяет решить проблемы бесперебойных и эффективных энергопоставок потребителям.

Библиографический список

1. BP Statistical Review of World Energy. June 2017. URL: <https://www.bp.com>
2. Renewable Energy and Electricity // World nuclear association, 2017. Режим доступа: URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/energy-and-the-environment/renewable-energy-and-electricity.aspx>
3. Barriers to renewable energy technologies // Union of concerned scientists, 2017 Режим доступа: URL: <https://www.ucsusa.org/clean-energy/renewable-energy/barriers-to-renewable-energy#.WpvTiejFLIU>
4. Kuhn P., Huber M., Dorfner J. Hamacher T. Challenges and opportunities of power systems from smart homes to super-GRIDs // *Ambio*. 2016. № 45.
5. Демичев А. П., Ильин В. А., Крюков А. П. Введение в грид-технологии // Предпринт НИИЯФ МГУ, 2007. Способ доступа: URL: <http://egee.pnpi.nw.ru/doc/pp-832.pdf>
6. Логинов Е.Л., Деркач Н.Л., Логинов А.Е. «Интеллектуальные сети» (Smart grid) в электроэнергетике: проблемы управления и безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 20. URL:
7. Черняк Л. Web-сервисы, GRID-сервисы и другие Способ доступа: URL: <https://www.osp.ru/os/2004/12/184882/>
8. Дячук В.С. Анализ программ развития «умной энергетики» в Республике Крым // Материалы научно-практической конференции «Молодая наука». 2017.
9. Нехлебова Н. Поворот к солнцу // *Огонек*. 2018. № 12.

References

1. BP Statistical Review of World Energy June 2017 URL: <https://www.bp.com>
2. Renewable Energy and Electricity // World nuclear association, 2017
Способ доступа: URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/energy-and-the-environment/renewable-energy-and-electricity.aspx>
3. Barriers to renewable energy technologies // Union of concerned scientists, 2017
Способ доступа: URL: <https://www.ucsusa.org/clean-energy/renewable-energy/barriers-to-renewable-energy#.WpvTiejFLIU>
4. Kuhn P., Huber M., Dorfner J., Hamacher T. Challenges and opportunities of power systems from smart homes to super-GRIDs // *Ambio*. 2016 №45
5. Demichev A. P., Ilin V. A., Kryukov A. P. Vvedenie v grid-tehnologii // *Predprint NIIYaF MSU*, 2007. - URL: <http://egee.pnpi.nw.ru/doc/pp-832.pdf>
6. Loginov E.L., Derkach N.L., Loginov A.E. «Intellectualnyie seti» (Smart grid) v elektroenergetike: problemyi upravleniya i bezopasnosti // *Natsionalnyie interesyi: prioritetyi i bezopasnost*. 2011. № 20.
7. Chernyak L. Web-servisyy, GRID-servisyy i drugie - URL: <https://www.osp.ru/os/2004/12/184882/>
8. Dyachuk V.S. Analiz programm razvitiya «umnoy energetiki» v Respublike Kryim // *materialyi nauchno-prakticheskoy konferentsii «Molodaya nauka»*, 2017
9. Nehlebova N. Povорот k solntsu // *OgonYok*. 2018. №12.

Контактная информация:

Бауэр В.П.; Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: bpv09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6612-3797>

Подвойский Г.Л.; Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: GLPodvoyskiy@fa.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8698-7496>

Никитин Н.А.; Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: nikitinrus@mail.ru

Чайкин В.Ю.; Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: Valerij.tchaikin@yandex.ru

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ВОЛГГТУ
С ПРЕДПРИЯТИЯМИ
РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА
ЭКОНОМИКИ В СФЕРЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**INTERACTION
OF VOLGOGRAD STATE
TECHNICAL UNIVERSITY
WITH ENTERPRISES
OF THE REAL SECTOR OF
THE ECONOMY IN THE
SPHERE OF ADDITIONAL
VOCATIONAL EDUCATION**

В.В. ШЕХОВЦОВ

Директор Института переподготовки
и повышения квалификации Волгоградского
государственного технического университета,
доктор технических наук, профессор

V.V. SHEKHOVTSOV

Director of the Institute of Retraining and Professional Development of Volgograd State Technical University, Doctor of Technical Sciences, Professor

А.С. ПЛОТНИКОВ

Заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации Волгоградского государственного технического университета, кандидат экономических наук

A.S. PLOTNIKOV

Deputy Director of the Institute for Retraining and Professional Development of Volgograd State Technical University, Candidate of Economic Sciences

О.В. ФЕТИСОВА

Доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Южного федерального университета, кандидат философских наук

O.V. FETISOVA

Associate Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University, Candidate of Philosophy.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы, с которыми столкнулась российская система дополнительного профессионального образования в постперестроечный период, указывается на важное значение этой системы для развития экономики, также и на зарубежном опыте, описываются меры, направленные правительством на повышение качества кадрового потенциала специалистов, в том числе внедрение «Регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста», приводятся

итоги глобального мониторинга потребности Волгоградской области в специалистах и анализируются итоги деятельности системы дополнительного профессионального образования ВолгГТУ в 2017 году.

ABSTRACT

The article analyzes the problems faced by the Russian system of additional vocational education in the post-perestroika period, points out the importance of this system for the development of the economy, as well as on foreign experience, describes measures taken by the government to improve the quality of the human resources of specialists, «Regional Standard of Staffing for Industrial Growth», the results of the global monitoring of the needs of the Volgograd Region in specialists and the results of the system of additional vocational education of VSTU in 2017 are presented.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Дополнительное профессиональное образование, технические специалисты, анализ востребованности, повышение квалификации, взаимодействие вузов с предприятиями.

KEYWORDS

Additional vocational education, technical specialists, analysis of demand, advanced training, interaction of universities with enterprises.

1. ПРОБЛЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

В экономике каждой страны, а в особенности в экономиках развитых стран, дополнительному профессиональному образованию (ДПО) уделяется серьезное внимание. Причин тому несколько.

Во-первых, ежегодно в ряды специалистов предприятий реального сектора экономики вливается многотысячная армия выпускников вузов и колледжей, большинство из кото-

рых за время обучения получает достаточно современную теоретическую подготовку для работы по избранной специальности, но либо не имеет опыта практического приложения своих знаний и умений, либо этот опыт, полученный во время краткосрочных практик на предприятиях, чрезвычайно ограничен. Поэтому предприятия вынуждены организовывать доучивание, «доводку» молодых специалистов под специфику своего производства, что связано с потерей времени и средств.

Во-вторых, во всех отраслях машиностроения — в авиастроении, автостроении, судостроении, приборостроении и т.д. — постоянно возрастает сложность вновь создаваемых технических объектов. Механические системы заменяются мехатронными; в производственных процессах преобладают роботизированные комплексы. Та начальная подготовка, которую получили рабочие и специалисты этих компаний, с течением времени все более быстро оказывается недостаточной. Необходимо постоянное повышение уровня их квалификации для приобретения современных знаний, умений и навыков, и это становится все более и более актуальным. Во всем мире задачи «доводки» молодых специалистов и доведения до современного уровня квалификации действующего персонала решаются через систему дополнительного профессионального образования. Отсюда постоянное внимание к этой сфере со стороны передовых компаний. Современный бизнес делает ставку на творческий потенциал и совершенствование кадров, так как (по опыту американских фирм) каждые 35 тысяч долларов, вложенные в образование, приносят прибыль в 1 миллион долларов [1, с. 33]. Американские компании расходуют на образование и профессиональную подготовку своего пер-

сонала не менее 60 миллиардов долларов в год [2, 3]. Общие расходы США в этой области сравнимы лишь с затратами на оборонную промышленность. Не меньшие в процентном отношении расходы на эти цели предусматривают также бюджеты Японии и Китая.

В СССР существовала развитая сеть специальных учреждений ДПО, которая в соответствии с утвержденными отраслевыми планами осуществляла периодическое повышение квалификации и профессиональную переподготовку кадров. Значительная часть этого дополнительного профессионального образования реализовывалась через специальные структурные подразделения вузов и ссузов. В целом система нормально функционировала и обеспечивала потребности народного хозяйства. Но распад отраслевой системы управления народным хозяйством в начале 90-х годов привел к «спонтанному разрушению» отраслевой системы дополнительного профессионального образования. При этом обозначились следующие проблемы:

- недостаточное государственное и региональное финансирование в сфере дополнительного образования (либо даже его полное отсутствие) для обучения персонала государственных корпораций или учреждений; отсутствие этого финансирования для обучения персонала частных компаний;
- сокращение вследствие этого прямых заказов на повышение квалификации или профессиональную переподготовку кадров руководителей и специалистов со стороны крупных и средних предприятий и отраслевых министерств;
- низкая оплата труда преподавательского состава институтов повышения квалификации, вынуждающая

- их подрабатывать в нескольких учебных заведениях в ущерб росту профессиональной квалификации;
- недостаток средств на обновление материально-технической базы учебных заведений дополнительного профессионального образования и специальных подразделений вузов, вследствие этого — все меньшее соответствие имеющейся базы современным требованиям;
  - переход от дополнительных профессиональных программ продолжительностью от 12 до 24 месяцев, в течение которых можно было по-настоящему довести квалификацию слушателей до современного мирового уровня, к краткосрочным программам из-за недостатка средств на обучение у предприятий и низкой платежеспособности населения.

Появилось множество негосударственных вузов, которые готовили специалистов главным образом экономических и гуманитарных направлений. Оплата труда технических специалистов на предприятиях снизилась. Технические специальности перешли в разряд непрестижных.

Как следствие, на работающих предприятиях стал резко ощущаться недостаток специалистов с современным уровнем подготовки, в особенности специалистов технического профиля.

2. МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СПЕЦИАЛИСТОВ

Нельзя сказать, чтобы правительство не видело этих проблем и не занималось ими. Так, в 2012 году утверждена Указом Президента РФ от 7 мая 2012 года № 594 Президентская программа повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 годы. Ее целью было повышение

качества кадрового потенциала специалистов инженерно-технического профиля отраслей промышленности, имеющих стратегическое значение для экономического развития России, — развитие индустрии наносистем, перспективных видов вооружения, военной и специальной техники, стратегических информационных технологий, ядерных технологий, транспортных и космических систем, повышение энергоэффективности и ресурсосбережения на предприятиях реального сектора экономики. Программа предусматривала совместную разработку программ обучения учеными вузов и специалистами предприятий и представление их на конкурс. По программам, успешно прошедшим конкурс, предусматривалось покрытие половины расходов на обучение из госбюджета. В России обучение по программе прошло 15 тысяч специалистов, по 5 тысяч в 2012–2014 годах, далее ее действие продлевалось еще на несколько лет. К сожалению, все наши попытки участия в этой программе закончились неудачей из-за того, что предприятия, вначале проявлявшие интерес к участию, в результате не находили даже половину средств на обучение персонала.

В настоящее время большую надежду на помощь в формировании в эффективной системы ДПО мы возлагаем на внедрение в регионе созданного Агентством стратегических инициатив «Регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста» (разработан в соответствии с п. 16 протокола заседания Правительственной комиссии по импортозамещению от 3 октября 2015 г. № 2). Активное внедрение этого стандарта осуществляется в наиболее промышленно развитых регионах России. Стандарт предполагает:

- разработку стратегии кадрового развития региона (обеспечивают Координационный совет при главе субъекта РФ и Департамент внутренней кадровой политики);
- глобальный мониторинг экономики региона, определение перечня и количественной потребности в необходимых профессиях для каждого предприятия, фирмы, компании на ближайшие 5–7 лет;
- разработку «Дорожной карты» по содействию в обеспечении промышленных предприятий региона кадрами (разрабатывает Комитет промышленности регионального правительства);
- заключение Соглашений о сотрудничестве между предприятиями и учебными организациями о повышении квалификации и профессиональной переподготовке персонала (особую роль здесь призваны сыграть опорные региональные университеты);
- разработку совместно с предприятиями в соответствии с их потребностями необходимых программ дополнительного образования и их реализацию.

3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ ДПО ВОЛГГТУ

С БИЗНЕСОМ И ВЛАСТНЫМИ СТРУКТУРАМИ РЕГИОНА

Для реализации этих задач в ВолгГТУ ведется работа по выстраиванию системы взаимодействия с бизнесом и властными структурами области [4, 5]. Создание такой системы предусматривается программой стратегического развития региона.

Комитетом промышленности и торговли Волгоградской областной администрации, возглавляемым Р.С. Бековым, в 2016 году проведен глобальный мониторинг экономики ре-

гиона, в результате чего определен перечень и количественная потребность в необходимых профессиях для каждого предприятия, фирмы, компании на ближайшие 6 лет. Обследованию было подвергнуто 96 наиболее значимых предприятий области. Наиболее общие результаты мониторинга отражены в табл. 1.

Таблица 1

Потребность Волгоградской области в рабочих и специалистах в 2016–2021 гг.

Отрасль	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Σ
1. Добыча полезных ископаемых	60	48	50	51	53	52	314
2. Пищевые производства	70	68	86	67	62	63	416
3. Текстильное и швейное производства	165	131	120	119	134	140	809
4. Производство кокса и нефтепродуктов	9	10	4	8	8	10	49
5. Химическое производство	304	328	361	376	353	367	2089
6. Производство резиновых и пластмассовых изделий							
7. Metallургическое производство	630	892	97	90	93	92	1894
8. Производство неметаллических минеральных продуктов	90	85	80	79	78	79	491
9. Производство машин и оборудования	437	581	599	595	599	605	3416
10. Производство электрического, электронного и оптического оборудования	25	44	46	53	45	44	257
11. Прочие производства	148	152	159	131	139	137	866
12. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	235	166	198	158	133	99	989
Итого по отраслям:	2173	2505	1800	1727	1697	1688	11590

Таким образом выявлено, что ежегодная потребность области в подготовке, повышении квалификации и профессиональной переподготовке составляет от 1700 до 2500 специалистов, а всего за 6 ближайших лет должно быть обучено 11590 работников.

На основе анализа этого материала сделаны выборки для учебных центров Института переподготовки и повышения квалификации (ИПиПК) по количеству необходимых специалистов в соответствии с профилем их программ и подготовлены письма на предприятия с предложениями по обучению.

Начиная с 2016 года активно ведется работа по заключению с компаниями региона соглашений о сотрудничестве в области подготовки кадров, повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов. На настоящий момент заключено 16 соглашений с крупными компаниями, среди которых — ООО «ЛУКОЙЛ–Нижневолжскнефтепродукт», ОАО «Сады Придонья», АО «РИТЭК», ООО «Волгограднефтемаш», ООО «ЕвроХим-ВолгаКалий», ОАО «Себряковцемент», АО «Волжский трубный завод», АО СУАЛ, «Волгоградский алюминиевый завод», ПАО «МРСК Юга» — «Волгоградэнерго», ОАО «ВолгайрПром», ООО «Концессии водоснабжения», ООО «Концессии теплоснабжения». На основе этих соглашений в 2017 году заключены договоры и обучено по дополнительным профессиональным программам 377 специалистов и руководящих работников.

Однако следует отметить, что эта цифра далека от ежегодной потребности региона, которая, в соответствии с данными таблицы 1, составляет не менее 1700 специалистов в год. Таким образом, процесс взаимодействия с предприятиями развивается медленно. Только часть из перечисленных компаний достаточно активно проводит

переобучение своих сотрудников. Это ОАО «Себряковцемент», ООО «ЛУКОЙЛ–Нижневолжскнефтепродукт». Рядом компаний — ООО «ЕвроХим-ВолгаКалий», АО «Волжский трубный завод», АО СУАЛ, «Волгоградский алюминиевый завод», ПАО «МРСК Юга» — «Волгоградэнерго» — обучено ограниченное число специалистов. Достаточно сложно налаживается сотрудничество с одним из самых крупных в Европе химических комбинатов, с ООО «ЕвроХим-ВолгаКалий», на котором, в соответствии с мониторингом, должны пройти переобучение свыше 1000 рабочих и специалистов, однако производственные проблемы постоянно отодвигают вопросы переобучения на второй план. С рядом компаний, которые проявили интерес к сотрудничеству и с которыми заключены соглашения, в 2017 году заключить договора не удалось, хотя осуществлять повышение квалификации специалистов необходимо на каждом предприятии.

4. Итоги деятельности системы ДПО ВолгГТУ в 2017 году

Итоги деятельности в 2017 году по предоставлению структурами ВолгГТУ населению и работникам предприятий Волгоградской области и других регионов России услуг дополнительного образования можно охарактеризовать как удовлетворительные. Общий объем поступлений по всему вузу с филиалами достиг рекордной за все годы суммы в 65,76 миллиона рублей, что на 3% превышает сумму поступлений в 2016 году.

Положение представляется удовлетворительным потому, что хотя и минимальный прирост в 3%, но все же имеется. В действительности для вуза желательна цифра не менее 10%. Однако современная сложная финансо-

вая ситуация, затянувшийся выход из демографической ямы способствовали тому, что финансовые результаты деятельности вуза по основным образовательным программам оказались ниже прошлогодних, причем в ряде случаев — существенно ниже. Практически прекращает существование вечерняя форма обучения. Все меньше обучается студентов, получивших среднее профессиональное образование и продолжающих в нашем вузе обучение по ускоренной форме. Число студентов, желающих получить одновременно с первым второе высшее образование, упало вдвое. Серьезно упала численность контрактников. Таким образом, контингент студентов на основных образовательных программах постоянно уменьшается. Причиной тому — продолжительная многолетняя демографическая яма и многолетнее же падение уровня подготовки в средней школе в связи с использованием ЕГЭ. Как итог, в вузе ежегодно осуществляется процедура «оптимизации» численности преподавательского состава, от чего тает кадровый потенциал вуза.

Как один из возможных выходов из этой ситуации усилия преподавателей возможно было бы перенаправить на повышение квалификации и профессиональную переподготовку работников предприятий и фирм региона, зарабатывать таким образом средства для вуза и повышать средний уровень зарплаты, но заключение договоров на обучение с предприятиями все более и более затрудняется. Предприятия объясняют это сложной собственной финансовой ситуацией.

Промышленность Волгоградского региона в настоящее время преодолевает последствия депрессии. Во времена Советского Союза в Волгоградской области был сосредоточен

целый ряд промышленных гигантов в области машиностроения и производства химической продукции — крупнейший в Европе завод по производству гусеничных сельскохозяйственных тракторов (ВГТЗ), крупный моторный завод (ВМЗ), один из крупнейших в Европе металлургических комбинатов («Красный Октябрь»), крупнейший алюминиевый завод, для которого и была возведена Волжская ГЭС, производственное объединение «Химпром» и многие другие предприятия. Все они или полностью прекратили существование, или работают на мизерную часть своих былых мощностей. В области был развит агропромышленный комплекс — большие территории отводились под орошаемое земледелие, в Заволжье большие площади занимали плантации помидоров, огурцов, цветной капусты и других овощей. На полную мощность работало судостроение. Волгоградский аэропорт был крупным транспортным узлом, осуществлявшим авиасообщение со многими городами страны. В настоящее время эти отрасли экономики перестраиваются и преодолевают последствия депрессии.

Вследствие того, что на протяжении длительного времени многие предприятия машиностроительной и других отраслей не работали, кадровый потенциал опытных производственных специалистов региона существенно упал. Ввиду отсутствия работы по специальности они переключились на другие виды деятельности либо стали работать в других регионах. Поэтому теперь, когда экономика области пытается возрождаться, ощущается существенный недостаток специалистов, в особенности специалистов технического профиля. В стране и в области наблюдается переизбыток выпускников вузов экономических и гуманитарных направлений, но недостаток технических специалистов. За годы

депрессии и в технических вузах Волгограда их выпуск сократился. Техническим специалистам стало негде работать. На оставшихся предприятиях существовала острая потребность в таких специалистах, но они, как правило, могли предложить выпускникам работу по специальности с уровнем зарплаты, который тех не устраивал. Экономическая ситуация до сих пор не способствует повышению престижности труда технических специалистов и нивелирует усилия вузов по их подготовке.

Тем не менее, ведется постоянная работа руководства системы дополнительного образования вуза и руководителей отдельных учебных центров, направленная на установление контактов с директорами предприятий и фирм региона и заключение договоров на повышение уровня профессиональных знаний и компетентности их специалистов и руководящих работников. Так, в 2017 году были заключены договора и выполнены повышение квалификации и профессиональная переподготовка сотрудников 193 фирм, среди которых — 3 ПАО («РусГидро», «Волжский Оргсинтез» и «Международный аэропорт Волгоград»), 11 АО (среди них — «РИТЭК», «Лукойл-Энергосети», «Транснефть-Приволга», «Каустик», «Завод Метеор», ВМК «Красный Октябрь», «Волгоградниигипрозем», «Волжский трубный завод», «ВолгоградНИПИнефть»), 126 ООО, 32 госучреждения и фирмы с другим юридическим статусом. В таблице 2 приведены данные, показывающие, какое количество программ реализовано по каждой из укрупненных групп специальностей, и отражающие распределение слушателей по этим программам, а также показывающие, сколько слушателей обучено по договорам с физическими лицами и сколько — с юридическими.

Таблица 2

Направление	Количество программ	Количество обученных	
		Физические лица	Юридические лица
Физико-математические науки	3	419	0
Гуманитарные науки (изучение иностранных языков)	38	421	0
Гуманитарные науки (юриспруденция и правоведение)	10	43	59
Социальные науки	10	153	0
Экономика и управление	18	241	222
Безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды	30	231	920
Информатика и вычислительная техника	29	424	143
Транспортные средства	12	159	118
Информационная безопасность	1	0	36
Геология, разведка и разработка полезных ископаемых	6	3	49
Металлургия, машиностроение и материалобработка	5	885	0
Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	1	228	0
Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	1	82	0
Химическая и биологическая технологии	2	19	0
Здравоохранение (физическая культура и спорт)	1	450	0
Архитектура и строительство	10	130	78

Представленные данные свидетельствуют о том, что обучение по физико-математическим, социальным и гуманитарным наукам с изучением иностранных языков

оплачивают сами слушатели. В постперестроечные времена многие фирмы оплачивали обучение своих сотрудников иностранным языкам. Теперь обстановка изменилась. Желающие освоить или подтянуть иностранный язык для продвижения по карьерной лестнице должны сами заботиться об оплате обучения. Тем не менее интерес к этому направлению сохраняется, так как проведено обучение по 38 программам, свыше 400 слушателей по своей инициативе повысили уровень своих знаний и разговорных навыков. Эти 38 программ предусматривают обучение слушателей с разным уровнем владения языком, от нулевого до профессионального. Соответственно, и объем программ может быть и 20 часов, и 1500. Слушатели проявляют интерес главным образом к английскому языку, но постоянно реализуются также программы по обучению немецкому, французскому, испанскому и даже китайскому языкам.

По направлению «Юриспруденция и правоведение» обучение оплачивают как сами слушатели, так и заинтересованные фирмы. За год по 10 программам обучено чуть больше 100 слушателей. Слушатели проявляют интерес в основном к программам по прикладному правоведению, таким, например, как юриспруденция в сфере здравоохранения, в сфере ЖКХ, в аграрной и других сферах.

Направление «Экономика и управление» также продолжает вызывать интерес у слушателей, причем многие фирмы оплачивают обучение своих сотрудников. За прошедший год реализовано 18 программ и обучено около 500 слушателей. Следует отметить, что в постперестроечные времена интерес к этому направлению был существенно бóльшим.

Традиционно существенный интерес проявляют и физические, и (в большей степени) юридические лица к обучению

по направлению «Безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды». Это не удивительно. Действующие машиностроительные, строительные предприятия и другие фирмы реального сектора экономики должны иметь в своем составе специалистов этого направления, причем они в соответствии с законодательством обязаны периодически проходить повышение квалификации. Этим объясняется тот факт, что обучение большинства слушателей оплачивают юридические лица. По 30 программам этого направления обучено свыше 1000 слушателей.

По «Информатике и вычислительной технике» количество слушателей в прежние годы также было значительно бóльшим. По данным таблицы, только 143 человека обучено за корпоративные средства, а 424 человека сами оплатили свое обучение. По этому направлению существует несколько сотен разработанных программ, а обучение прошло по 29 программам. Направление на протяжении многих лет остается одним из самых перспективных; количество слушателей по его программам должно быть существенно бóльшим. По видимости, недостаточную активность проявляют руководители соответствующих учебных центров вуза.

Такое же заключение можно сделать и по транспортному направлению. С большими перебоями работают вузовские автошколы — ранее объем предоставляемых ими услуг был в 2–3 раза больше. Совсем прекратилось обучение по транспортной логистике. Новые, перспективные для рынка образовательных услуг программы по этому направлению предлагаются крайне редко. В итоге по всем программам за год прошло обучение всего 277 человек, что очень мало для вуза, в котором транспортное направление присутствует на 3 факультетах и в 1 филиале.

По «Информационной безопасности» обучение ведется только по одной программе, что недопустимо мало. Во многих ведущих вузах по этому направлению реализуется множество программ, имеются лаборатории, оснащенные современным оборудованием, и поток слушателей насчитывает где сотни, а где даже и более тысячи человек. Законодательством определен круг лиц, которые на предприятиях должны с заданной периодичностью проходить обучение по программам этого направления. Однако среди них большую долю составляют госучреждения, а они крайне редко получают средства на обучение. Закон требует, а средства не выделяются. Поэтому пока результаты по этому направлению более чем скромные. Для развития нужны вложения на оборудование, нужно создание и утверждение новых программ.

Направление «Геология, разведка и разработка полезных ископаемых» не является профильным для нашего вуза, поэтому не удивительно, что обученных не много.

По 5 программам направления «Металлургия, машиностроение и материалобработка» прошло обучение 885 слушателей. Этот контингент составляют студенты, которые по этим программам получают дополнительные знания.

По программам, тематика которых касается технологий пищевых производств, многие годы обучения по дополнительным программам организовать не удавалось. Фактически это первая удачная проба.

Неудачно обстоят дела с обучением слушателей по программам энергетического машиностроения и электротехники. В регионе достаточно предприятий и фирм, деятельность которых связана с этим направлением. Главным препятствием неэффективной деятельности по этому направлению является отсутствие инициативы у препода-

вателей и руководителя соответствующего центра, которые должны быть в постоянном контакте с руководством энергетических компаний и предлагать современные программы для повышения квалификации их сотрудников.

Довольно плохо выглядит ситуация с обучением по химическому направлению. В вузе имеется современное химическое оборудование, кадровый потенциал кафедр очень высокий, имеется как минимум несколько учебных центров с готовыми программами. Причина — в дефиците инициативных сотрудников, которые могли бы организовать повышение квалификации специалистов-химиков.

По программам физической культуры прошло обучение 450 слушателей — это в основном студенты, которые изъявили желание получить дополнительные спортивные умения и навыки.

Направление «Архитектура и строительство» — одно из важных направлений обучения по дополнительным профессиональным программам. Как видно из таблицы, наряду с физическими лицами по 10 программам прошли обучение также специалисты, направленные строительными предприятиями и фирмами. В городе все больше строительных объектов, возводятся сложные здания и сооружения. Ожидается, что это направление будет постоянно развиваться.

Анализ совокупности представленных в таблице 2 данных позволяет судить об эффективности действий отдельных подразделений ИПиПК и намечать перспективные направления их развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Дополнительное профессиональное образование является в настоящее время и останется на длительную перспективу

одним из важнейших звеньев подготовки специалистов, обеспечивающим «доводку» молодых специалистов под специфику производства и необходимое периодическое повышение профессионального уровня работающих кадров.

2. Для планомерного обеспечения профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов и руководящих работников региона до современного мирового уровня необходимо внедрение созданного Агентством стратегических инициатив «Регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста», в соответствии с которым осуществляется мониторинг потребности предприятий в специалистах и их своевременное качественное обучение по согласованным с предприятиями программам.

Опорный региональный Волгоградский государственный технический университет ведет активную работу по сотрудничеству с предприятиями реального сектора экономики области в сфере повышения профессионального уровня их работников. Желательно более пристальное внимание руководства предприятий к этому сотрудничеству и внедрение плановой системы систематического переобучения специалистов.

Библиографический список

1. Гордеева М. Учусь как хочу/ М. Гордеева // Экономика и жизнь. — 2008. — № 37. — С. 33.
2. Шеховцов В.В. Дополнительное профессиональное образование в ВолгГТУ / В.В. Шеховцов // Актуальные вопросы профессионального образования. — 2015. — № 1 (декабрь). — С. 46–56.
3. Фетисова О.В. Специфика дополнительного профессионального образования в современной России / Фетисова О.В., Шеховцов В.В. // Гуманитарий Юга России. — 2017. — Т. 6, № 5. — С. 288–297.

4. Попкова Е.Г. Дополнительное образование в вузах России (на примере Волгоградского государственного технического университета) / Попкова Е.Г., Шеховцов В.В., Новакова Е.И. // Интернационализация современного российского образования: матер. междунар. науч.-практ. конф. (7–9 окт. 2010 г.) / ГОУ ВПО ВГТА [и др.]. — Воронеж, 2010. — С. 150–155.
5. Шеховцов В.В. Проблемы и тенденции развития дополнительного профессионального образования / Шеховцов В.В., Гоник И.Л. // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Образование. Педагогические науки». — 2017. — Т. 9, № 3. — С. 102–108.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБНОВЛЕНИЯ¹

INDUSTRIAL POLICY: THE PROBLEM OF TECHNOLOGICAL UPDATE

О.С. СУХАРЕВ

Д.э.н., проф., зав лаб. ИПР РАН,
гл.н.с. ИЭ РАН

O.S. SUKHAREV

Doctor of economic sciences, prof.
Head of laboratory, Institute for Market
Problems, RAS

АННОТАЦИЯ

Промышленная политика представляет собой набор методов, инструментов, институтов, подчиненных задаче развития конкретных производственных видов деятельности, секторов, подчиняя этому имеющиеся ресурсные возможности. Неоклассическая экономика полагала, что рынок призван регулировать распределение ресурсов и предоставлять их на развитие в том числе производств. Однако по-

¹ Работа выполнена в рамках темы государственного задания ФАНО России «Макроэкономическая и промышленная политика роста: институциональные, структурные и технологические изменения» (№ 0163-2018-0002) Института проблем рынка РАН, а также темы государственного задания Центра институтов социально-экономического развития ИЭ РАН.

добная фетишизация рыночного регулирования абсолютно противоречит «нерыночному» функционированию наукоемких производств, где интерспецифический трудовой ресурс предопределяет возможности развития и программирует перспективу рынка создаваемого продукта. Рынки образуются таким видом труда и созданного продукта, потребность в котором не возникает априорно. Она возникает позже, когда такое изделие создано и, более того, программирует потребности в сопряженных производствах. Возникает технологический мультипликатор развития, развертывающийся по линии «ядро-периферия» производственной технологии. Структурная политика тесно связана с промышленной политикой, так как имеет целью создать иные направления в переливе ресурсов, чтобы обеспечить иное соотношение рентабельностей по секторам — и самих секторов. Технологическое развитие предполагает появление новых технологий, однако этот процесс детерминируется многими условиями, включая проводимую макроэкономическую и другие виды политики. Экономический рост в смысле его темпа не обязательно может осуществляться на базе новых технологий, особенно если определяющим условием выступает состояние текущего технологического базиса хозяйства (старых технологий). Обычно именно состояние старых технологий не учитывается при решении вопроса о технологическом обновлении в экономике и проведении соответствующей политики. Более того, подобное технологическое обновление зависимо и от состояния системы науки и образования, подготовки кадров. Следовательно, меры промышленной и структурной политики приобретают сразу взаимосвязанное и системное значение. Релевантное значение при реализации промышленной политики имеют не столько институты развития, сколько осуществляемые правительством институциональные коррекции, проводимые перманентно. При увеличении частоты этих коррекций возможен рост числа дисфункций по различным подсистемам экономики, что тормозит рост и развитие обрабатывающих производств.

ABSTRACT

Industrial policy is a set of methods, tools, institutions subordinated to the task of developing specific production activities, sectors, subordinating the available resource opportunities. Neoclassical economics believed that the market is designed to regulate the allocation of resources and provide them for development including production. However, such a fetishization of market regulation absolutely contradicts the «non-market» functioning of science-intensive productions, where the interspecific labor resource predetermines development opportunities and programs the prospect of the market for the product being created. Markets are formed by this kind of labor and created product, the need for which does not arise a priori. It occurs later, when such a product is created and, moreover, programs the requirements in the conjugate industries. There is a technological multiplier of development, developing along the line «core-periphery» of production technology. Structural policy is closely related to industrial policy, as it aims to create other directions in the flow of resources to ensure a different ratio of profitability across sectors – and the sectors themselves. Technological development involves the emergence of new technologies, but this process is determined by many conditions, including the ongoing macroeconomic and other types of policies. Economic growth in terms of its pace may not necessarily be based on new technologies, especially if the condition of the current technological basis of the economy (old technologies) is the determining condition. Usually it is the state of old technologies that is not taken into account when deciding on the issue of technological renewal in the economy and the conduct of appropriate policies. Moreover, such a technological update depends on the state of the system of science and education, training of personnel. Consequently, the measures of industrial and structural policy acquire immediately interrelated and systemic significance. Relevant importance in the implementation of industrial policy is not so much the development institutions, as the government-implemented institu-

tional corrections that are carried out permanently. With an increase in the frequency of these corrections, an increase in the number of dysfunctions across various subsystems of the economy is possible, which inhibits the growth and development of manufacturing industries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Промышленность, структурная и промышленная политика, технологии, технологичность, индустриализация, институциональные коррекции, развитие, дисфункция.

KEYWORDS

Industry, structural and industrial policy, technology, manufacturability, industrialization, institutional correction, development, dysfunction.

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА — МАКРОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Макроэкономическая политика, как известно, имеет целью обеспечение экономического роста, увеличение занятости, поддержание стабильной динамики цен. Эти условия отвечают и промышленному росту. Однако если экономика находилась в рецессии, то требуется стабилизировать состояние и затем осуществить подъем экономики. Если рецессия вызвана структурными неэффективностями либо уже давно представляет собой затяжную депрессию, в терминах П. Кругмана, справедливо сводимую к развитию на уровне ниже имеющихся возможностей², то требуется организовать новый рост экономики за счет структурных изменений, складывающихся новые пропорции, стимулирующие, а не блокирующие повышательную динамику. Сбалансированный бюджет и ценовая стабильность при депрессии

² Кругман П. Депрессии — это нечто иное // Экономика для любознательных. О чем размышляют нобелевские лауреаты — М.: Институт Гайдара — 2017 — С.26–27.

становятся методами удержания именно такого состояния. Причем это справедливо не только для низкого процента — ситуации, которую и рассматривает П. Кругман, приближая анализ к несостоятельности денежной политики в условиях ловушки ликвидности Дж. М. Кейнса (когда процент настолько низок, что денежная политика становится бессильной на кризисное развитие), но и для относительно высокого процента, что отвечает функционированию российской экономики весь период времени. Однако относительно высокий процент делает все-таки возможным не только его снижение, но и дифференциацию процентной ставки в зависимости от решаемых задач распределения денежного ресурса в экономике. Нужно отметить, что в России такой подход не практикуется. Наоборот, действует клише сохранения депрессивного состояния, то есть, функционирования экономики на уровне, когда не все возможности задействованы, а вывод капитала обедняет развитие и сужает эти возможности в дальнейшем.

Задача запуска экономического роста в России на новых факторах может быть решена исключительно в аспектах структурной и промышленной политики, обеспечивающих компоненты «индустриального роста». Это и может стать новым фактором динамики. Любые изменения в политике роста требуют точной оценки того, каким был предшествующий рост, за счет каких факторов он происходил. Это полезно знать, чтобы не обеспечить возврат к прежней, уже неадекватной политике и запустить экономический рост опять в рамках прежних факторов, как и существующей (сложившейся) экономической структуры.

В основе роста 2017 года были опять конъюнктурные факторы, в частности, прирост чистого экспорта, рост цены на

нефть и другие сырьевые компоненты, причем рост цены на нефть превысил бюджетный норматив. Инвестиции возросли на 4,1% (по данным Росстата) и внесли важный вклад в динамику 2017 года. Однако этот вклад не был основным, к тому же важно учитывать, как распределяются инвестиции по секторам и какая их доля идет на технологическое обновление, создавая основу для будущего роста производства.

Если рассмотреть валовые инвестиции — компоненту валового продукта, то она занимает примерно 18% ВВП. Если эта компонента будет расти, скажем, на 2,3% в год, то это будет вклад в общий темп ВВП примерно 0,45%. Допустим, ВВП по итогам года возрастет на 1% или на 1,2%, значит, вклад около 0,8% в темп дают другие компоненты ВВП, а именно, валовое потребление, правительственные расходы и чистый экспорт (вклад в рост распределен между этими компонентами). Поэтому важно как можно точнее учитывать вклад в общий темп роста соответствующих компонент ВВП, в частности, инвестиций, причем оценивать и их структуру распределения в экономике.

Системная проблема — отсутствие стимулов для инвестиций и технологического обновления производителя у собственников этих производств. Эта проблема имеет сложное институциональное измерение, но решаться должна сочетанием различных методов, противодействующих оттоку капитала, стимулированию инвестиций из полученной прибыли, а также кредитованию производства банковской системой, имеющей активы около 80 трлн рублей, а кредитующих — на величину менее 2 трлн рублей. Таким образом, ресурсы развития имеются, но точками и траекториями их распределения никто не управляет, что и формирует новые требования к промышленной политике.

При сокращении реальных располагаемых доходов населения, совокупного спроса, роста числа бедных возникают объективные ограничения на промышленное развитие и меры промышленной политики. Они должны быть подчинены, в том числе, восстановлению ситуации по указанным позициям, что будет создавать базу внутреннего спроса, следовательно, порождать стимулы для дальнейших инвестиций и развития производства.

Динамика промышленного производства и инвестиций в основной капитал в России показана в табл. 1.

Таблица 1

Динамика промышленного производства и инвестиций в основной капитал в России 2010–2017 гг., % к предыдущему году

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Промышленное производство	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	102,1
Инвестиции в основной капитал	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,1	104,1

Источник: по данным Росстата.

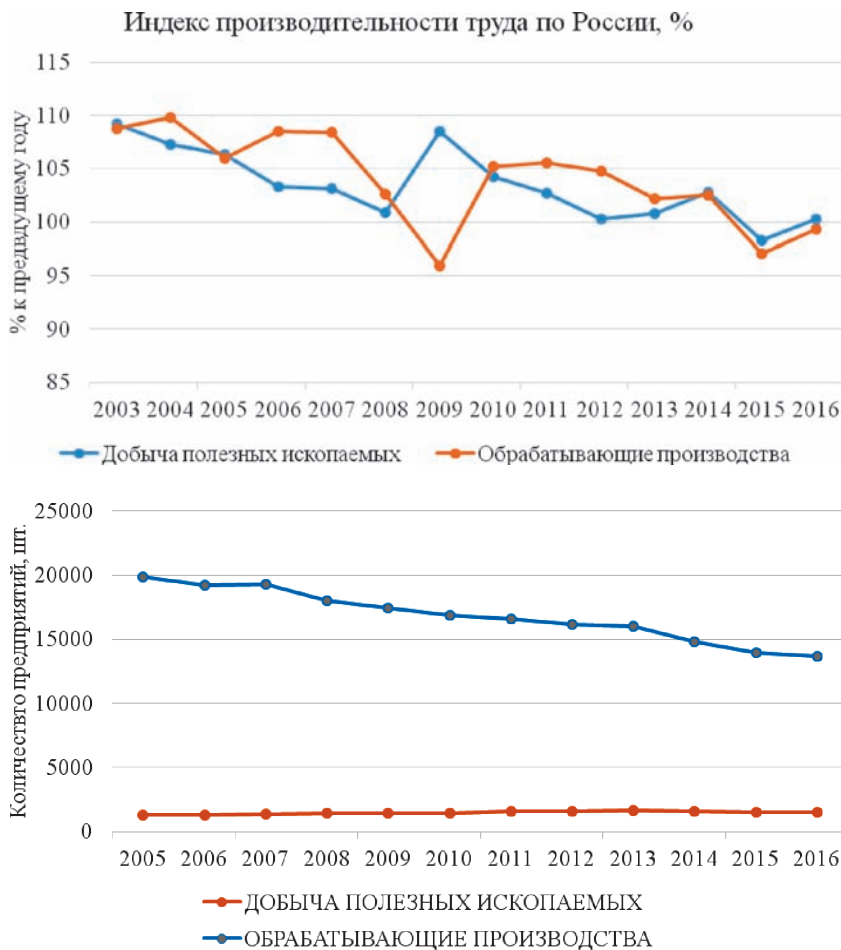
Как видим, 2013–2016 гг. можно считать периодом инвестиционного кризиса, усугубляющего дефицит инвестиций в промышленности. Причем он наблюдался при некотором росте промышленного производства. Следовательно, рост происходил при сокращении фондовой базы промышленности, производственно-технологического аппарата. Этот эффект обнаруживался еще в 2010–2011 гг., хотя инвестиции в основной капитал и возрастали, по сути, сводился к росту убывающей промышленности. То есть, промышленность

росла по объему производства, но это наращение объема происходило при оттоке кадров и потере капитала (увеличивающемся износе), сокращении доли промышленности в ВВП страны и, главное, — технологической деградации производств (упрощении труда, применяемых механизмов, снижении сложности изделий).

Нужно отметить снижение производительности труда при сокращении числа занятых в промышленности за рассматриваемый период (рисунок 1), а также сокращение числа предприятий в обработке. Если число предприятий в 2005 году принять за 100%, то в 2016 году их было 75% от 2005 года. Происходят утяжеление и монополизация промышленной структуры и рынков при снижающихся или не растущих показателях эффективности. Это приводит к необходимости решения задач развития промышленности даже не в области труда, а в области обеспечения фондами и технологического перевооружения. Однако институциональное препятствие для решения такой задачи следующее: подавляющее число предприятий — это частные предприятия, причем многие из них имеют иностранных собственников. Поэтому без институциональных коррекций при формировании мер промышленной политики не обойтись.

К сожалению, долгое время проблемы промышленности и структуры российской экономики уходили на второй план относительно текущей макроэкономической политики, сводимой к стабилизации макроэкономической ситуации по основным агрегатам и балансам. Дискуссии о структурном маневре велись еще в 1990 и начале 2000 годов (первые — еще с советских времен, и не один раз), однако текущие инструментальные установки макроэкономической политики и институциональные коррекции национального хозяйства

оказывались сильнее, нежели стратегические планы промышленного развития.

Рис. 1. Производительность труда (слева) и сокращение числа предприятий (справа). Источник: данные Росстата.

Например, неошумпетерианская теория отвергалась только потому, что она якобы не говорит о том, какой должна быть текущая макроэкономическая политика, приводящая к полезным структурным изменениям. Ее последователи жестко критиковались монетаристами, однако совсем не значит, что этот теоретический подход к экономическому развитию несправедлив и не предъявляет своих требований и ограничений к макроэкономической политике. Российская экономическая школа внесла большой вклад в развитие теории экономического развития шумпетеровского типа, которая рассматривает развитие как появление новых комбинаций совместно с созданием под них нового ресурса, не только порождает эффект совместной эволюции новых и старых комбинаций, но может приводить к некоторой реанимации влияния старой комбинации. На какой-то фазе развития доминирует сначала старая комбинация, затем растет значение новой комбинации, не создавшей себе сразу доминантного положения. Однако бывает, что сразу начинает доминировать новая комбинация, но по истечении некоторого времени старая комбинация возвращает свое положение. Экономическая динамика зависит от инвестиций, в частности, в новые и старые комбинации (технологии), причем структура распределения инвестиций между различными типами технологий, секторами, трудом и капиталом будет сильно влиять на темп роста, в частности, промышленности. По оценке скорости отвлечения ресурсов и создания нового ресурса формируются режимы развития данной системы.

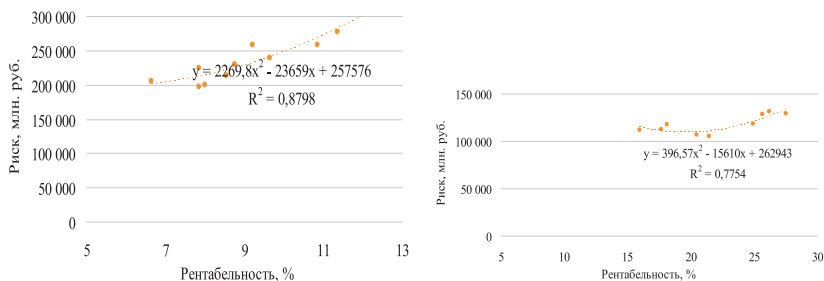
Структурные диспропорции, не только связанные с неоднородностью капитала, но и возникающие в экономике в силу различных причин, могут на весьма длительный

срок predetermined характер их эволюции, иногда даже фиксировать модель развития (отсталость). Эти диспропорции выражаются по линии «рентабельность-доходность», характеризуются различным риском ведения (реализации инвестиционных проектов) хозяйственной деятельности в рассматриваемых секторах экономики. Диспропорции могут распространяться в обе стороны. В одном случае, когда рентабельность одних секторов выше, заработная плата занятого персонала тоже выше, инвестиционные проекты эффективнее, но и цена продуктов этого сектора высока относительно других секторов. В другом случае, когда рентабельность ниже с вытекающей динамикой названных параметров этого сектора. Первому случаю рельефно соответствует ситуация с сырьевым сектором России в настоящее время, но дорогие ресурсы сдерживают развитие экономики, а ресурсы перетекают в сторону сырьевых и спекулятивных секторов, где выше рентабельность.

На рисунке 2 отражено соотношение риска (оценивался по стандартному квадратичному отклонению) и доходности для обработки и транзакционно-сырьевого сектора России³.

Как видим, риск в обработке мало того, что значителен по величине, примерно в 2–2,7 раза выше риска в транзакционно-сырьевом секторе, но и увеличивается весьма ощутимо при возрастании рентабельности с 7% до 11% или с 9% до 11% (на 4 и 2 процентных пункта соответственно). В то время, как риск в транзакционно-сырьевом секторе значительно меньше по величине и возрастает незначительно при куда большем росте рентабельности от 17 до 27% (на 10 процентных пунктов) — см. рис. 2.

³ Благодарю за помощь в построении графиков аспирантку ПГНИУ Е.Н. Ворончихину.

Рис. 2. Доходность и риск в обработке (слева) и транзакционно-сырьевом секторе (справа) России (рассчитано автором по данным Росстата).

Эти соотношения говорят о различиях данных видов деятельности, причем наиболее комфортные условия для развития — в транзакционно-сырьевом секторе, а отнюдь не в области обрабатывающего производства. Данное соотношение предопределяет и перелив ресурсов, и увеличение размера того сектора, который имеет лучшие условия для этого. Причем в транзакционно-сырьевом секторе имеется участок (для диапазона рентабельности 15–20%), когда изменение рентабельности в этом диапазоне вообще не приводит к росту риска. Таким образом, чувствительность доходности к риску в обработке много выше, чем в транзакционном и сырьевом секторах. Это не может не сказаться на решении задачи технологического обновления, требующего инвестиций, которые также связаны с рисками.

Избыточное капиталобразование в советской экономике снижало эффективность использования капитала. Однако это делало его относительно дешевым и не блокировало создание продукции конечного потребления, как наблюдается в настоящее время, когда капитал относительно дорогой и имеется его явный дефицит. Аналогичная ситуация, кста-

ти, наблюдалась в царской России, когда еще М.И. Туган-Барановский на съезде промышленников в 1910 году отмечал, что Россия бедна капиталом. Эта проблема остается острой в России в настоящее время, причем без структурных изменений ее решить обычными методами макроэкономической политики весьма проблематично.

Отсутствие структурного понимания экономики затрудняет проведение адекватной промышленной политики. В частности, следует ли решать структурную проблему повышения стоимости труда и удешевление капитала? Как это сделать в экономике в целом и в промышленности в частности? Ведь, видимо, нельзя решить эту задачу в отдельно взятом секторе, так как это задача формирования макроэкономических пропорций. Сегодня в структуре затрат примерно 70% — материальные затраты, и до 30%, по отдельным секторам всего 20–25% — это заработная плата, затраты на труд. Это соотношение символизирует место «человеческого капитала» в экономической структуре. Изменение соотношения станет возможным только при изобильности капитала и его удешевлении: на внутреннем рынке ресурсы не должны продаваться по мировой или близкой к ней цене. Движение к такой цели расширит возможность инвестировать, оно позволит технологически обновлять производство и повышать производительность труда. Причем повышение производительности сегодня возможно исключительно за счет технологических факторов и замены основного капитала, а не за счет фактора «труд». Труд в России недооценен, поэтому привязывать повышение заработной платы к производительности труда — это значит увеличивать бремя труда, оплачиваемого низко. Значительно и число работающих бедных. Это обстоятельство также становится ограничением для такой привязки — сдерживания ро-

ста заработной платы. Получается, что, согласно некоторым правительственным экспертам, нельзя повышать заработную плату в силу того, что производительность труда низкая. Однако затраты на труд крайне низки в общей структуре затрат, притом что собственник производства и так весьма неохотно повышает заработную плату (при слабой позиции здесь и профсоюзов), но зато очень охотно наращивает прибыль. Итог такой: прибыль может расти при снижающейся производительности труда, а заработная плата, как видно, нет? Этот «политический парадокс» должен разрешаться на стороне капитала, но не труда. К тому же, налоговая система устроена так, что основной сбор берется именно с начислений на заработную плату (доход низко оплачиваемых групп населения). Промышленная политика должна дать простор развитию труда и способностей людей, занятых на производстве, именно это отвечает экономике знаний и наращению человеческого капитала, задаче развития современной индустрии. Финансовый, спекулятивный капитал, транзакционная деятельность (посредники) должны быть ограничены и подпадать под более высокое налогообложение. Труд переливается из сектора в сектор, поэтому оценку структурных модификаций экономики можно осуществлять именно по этой динамике, дифференцируя и методы промышленной политики соразмерно с возникновением новых производств и видов деятельности (труда). При этом владельцев капитала необходимо стимулировать в части технологического обновления производства, а в государственном секторе промышленности инициировать этот процесс, запуская своеобразный «технологический мультипликатор», генерирующий процесс технологического обновления для экономики в целом. Конечно, для этого нужны не только институты развития, но и вся система правил, по-

ощряющих именно такую модель поведения, а не затрудняющих ее. Речь не об отдельных полезных законах — а обо всей системе правил, имеющих секторальную специфику, так как существуют технологические особенности и неравномерность технологического развития по различным секторам промышленности и экономики в целом, что необходимо учитывать.

2. ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Технологическое обновление производства в отрыве от иных системных мер промышленной политики также не может быть панацеей в индустриальном развитии, как и отдельно рассматриваемые иные инструменты. Хотя, безусловно, без технологического обновления дальнейшее развитие индустрии станет проблематичным. Тем самым новые технологии выступают основным перспективным условием индустриального развития. Однако их появление, внедрение, апробация и дальнейшее развитие полностью определяются сложившимся к настоящему моменту технологическим базисом, а также имеющимися заделами в области нереализованных технологий (включая патентную базу), потребностью в их применении. Она, в свою очередь, детерминируется, с одной стороны, параметрами эффективности (снижение материалоемкости и энергоемкости, а также при дорогом труде — трудозатрат⁴), с другой стороны, увеличением производительности и наращиванием объема производства в единицу времени. Эти два обстоятельства создают конкурентные преимущества, но сам мотив «технологического внедрения» в таком случае может быть связан с повторением технологии, то есть, представлять собой тиражирование технологии (распространение по аген-

⁴ Могут быть высоки начисления на труд (налоговые сборы), что также может быть мотивом для замещения труда.

там). Со временем указанный режим технологического развития приводит к выравниванию конкурентных преимуществ (рост прибыли замедляется, затем может прекратиться, прибыль начинает снижаться⁵). Возникает опять необходимость улучшений, поиска таких усовершенствований, которые бы дали новые преимущества. Однако отдельные технологии генерируются не в силу потребности, связанной с рынком и ресурсами (экономией), а в силу достижений фундаментальной и прикладной науки, дающих новые способы, новые изделия, приборы, оборудование, которые не могут быть встроены в прежние технико-технологические цепи. По этой причине они заставляют их изменяться, совершенствоваться либо, в конечном счете, формируют абсолютно новые технологические цепочки (конечно, отдельные цепочки сохраняются, особенно для тех технологий, которые достигли пика в своем совершенстве и по физическим принципам на обозримом периоде времени измениться не могут).

Технологию и технологическую цепочку можно представить в рамках модели «ядро-периферия». Изменение ядра приводит к смене технологии, периферии — к ее усовершенствованию. Примеры развития технологии в рамках модели «ядро-периферия» представлены в таблице 2. Ядро включает основное содержание физики процесса, а периферия — различные варианты обеспечения этой физики. В общем смысле, периферия включает и систему инфраструктурных правил, вспомогательных средств, позволяющих реализовать данную технологию.

⁵ Именно до этого момента выгодно развернуть поиск иных возможностей, в том числе, по используемой технологии — кардинально — либо в части усовершенствования уже имеющейся стандартной технологии. Многие технологии не изменяются годами и десятилетиями, отдельные — веками, но они проходят свой период адаптации, интериоризации в новую «технологическую ткань» развития производства.

Таблица 2

«Ядро-периферия» технологии — примеры

№ п/п	Назначение технологии	Примеры технологий	Ядро	Периферия
1	Получение трехмерных изделий (деталей) из металлов	Литье металлов Мехобработка металлов резанием Обработка металлов давлением Спекание порошка (порошковая металлургия)	Нагрев металла и его заливка в форму Снятие слоя металла с заготовки с помощью режущего инструмента Придание формы металлу путем силовых воздействий на заготовку Придание необходимой формы порошкам металлов	— литье в кокиль; — литье в землю; — литье по выплавляемым моделям — токарная обработка; — фрезерная обработка; — шлифование — ковка; — штамповка; — гибка; — высадка — селективное спекание (3D-принтер); — термические методы под давлением; — термохимические и др.

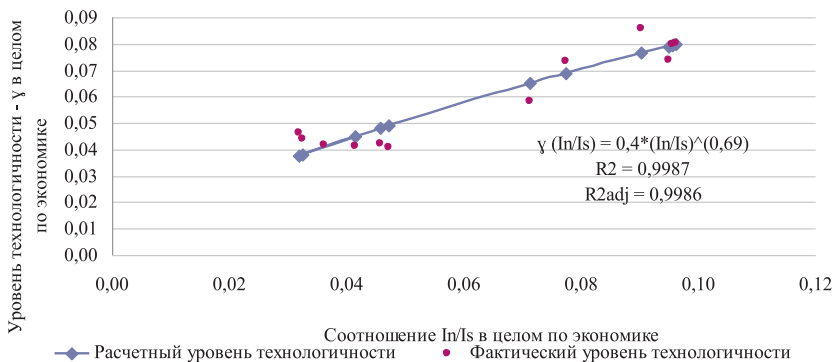
№ п/п	Назначение технологии	Примеры технологий	Ядро	Периферия
2	Получение электрической энергии	<p>Преобразованием тепловой энергии</p> <p>Преобразование энергии природы</p> <p>Прямое преобразование энергии физических-химических явлений в электрическую энергию</p>	<p>Превращение тепловой энергии в механическую</p> <p>Превращение энергии природы в механическую, а затем и в электрическую энергию</p> <p>Использование движения заряженных частиц</p>	<p>— тепловые электростанции;</p> <p>— атомные электростанции;</p> <p>— дизель-генераторы</p> <p>— гидроэлектростанции;</p> <p>— приливные;</p> <p>— ветровые;</p> <p>— батареи и АКБ;</p> <p>— МГД-генераторы;</p> <p>— солнечная энергетика</p>

№ п/п	Назначение технологии	Примеры технологий	Ядро	Периферия
3	Получение (изготовление) искусственных монокристаллов	Выращивание из расплава Материала в тигле; Бестигельное выращивание из расплава материала; Получение монокристаллов путем критических воздействий	Местное охлаждение расплава на границе сред в тигле с расплавом; Местное охлаждение расплава в индукторе; Создание условий сверхвысоких температур и давлений	<p>Методы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Чохральского; – Бриджмена; – Степанова и др. <p>Методы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – бестигельной зонной плавки; – вертикального и горизонтального наращивания кристаллов <p>Получение искусственных алмазов</p>

Как следует из таблицы 2, развитие многих технологий идет по периферии, что вызывает разнообразие методов воздействия и технико-технологических возможностей исходя из условий и необходимости получения требуемых изделий. При создании новых средств производства управление данным процессом посредством влияния на структуру распределения инвестиций между новыми и старыми технологическими возможностями представляется важным направлением промышленной политики, по крайней мере, в части решения задачи технологического обновления производств. Разнообразие продуктов и объем потребления определяют выбор методов и целесообразность их применения в каждом случае, то есть, изменение по периферии. Ядро изменяется, когда изменяется физика получения результата, хотя отдельные методы предполагают разные способы физического воздействия.

Под технологичностью экономической системы можно понимать отношение объема производства на новых технологиях к объему производства на старых технологиях. Технологичность российской экономики от структуры инвестиции в новые и старые технологии определяется графиком на рис. 3. То есть, повышение инвестиций в новые технологии повысит технологичность. Однако эта задача по секторам промышленности будет иметь свои тонкости в решении, поскольку чувствительность технологичности к отношению инвестиций в новые и старые технологии будет своя (угол наклона кривой к оси абсцисс — на рис. 3). Наклон кривой и исходный уровень технологичности может быть такой, что повышение затрат на новые технологии не будет повышать общий технологический уровень сектора (системы). А рост расходов на старые технологии

может как понижать, так и повышать технологический уровень сектора.

Рис. 3. Уровень технологичности и отношение инвестиций в новые и старые технологии (In/Is), Россия, 2004–2016 гг.

Иными словами, расположение кривой на рисунке 3 может быть различным для разных секторов и экономических систем. Для российской экономики на повестке дня стоит задача индустриализации. Оценка уровня индустриализации дается по разработанным автором общему и специальному (технологическому) критериям индустриализации⁶. Математически критерии выглядят так (условие процесса индустриализации)⁷:

1) общий: $K > s/(\lambda + s)$, с выработкой по секторам: $K > s/(\lambda + s + g_\phi)$;

2) специальный:
$$K > \frac{s}{\frac{1}{\alpha} \frac{d\alpha}{dt} + \mu + s}$$

⁶ Сухарев О.С. Теория реструктуризации экономики. — М.: Ленанд, 2016 — С. 59–66, 69–84.

⁷ Сухарев О.С. Теория реструктуризации экономики. — М.: Ленанд, 2016 — С.61–62

где: s — относительное приращение доли сырьевого сектора;
 λ — разница относительных приращений масштабированной выработки обрабатывающего и добывающего секторов;
 $g_\phi = (1/\phi) d\phi/dt$, $\phi = N1/N2$, $N1$, $N2$ — число занятых в секторе машиностроения и сырьевом секторе.

$\mu(t)$ — разница взвешенных изменений долей производства на новых технологиях в объеме производства на старых технологиях в секторах;

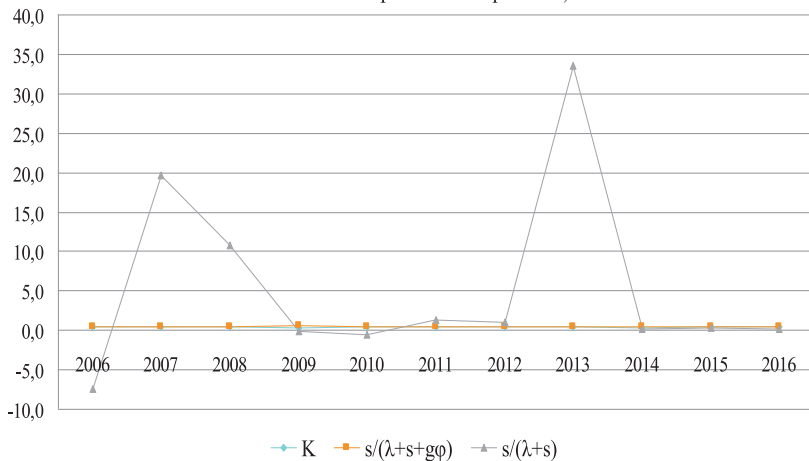
α — отношение производства на старых технологиях в машиностроении и сырьевом секторе.

Тогда графически критерии можно представить так, как показано на рис. 4–5, причем рис. 5 отражает влияние технологической структуры. На рисунке 4 справа, где выработка дана по секторам, результат в этом случае несколько лучше, хотя график демонстрирует наличие деиндустриализации экономической системы как и по общему критерию в общем виде (рис. 4, слева). По специальному (технологическому) критерию имеется такой же результат (рис. 5).

Следовательно, проблема технологического обновления является центральной при планировании промышленной политики, и ее разрешение следует искать, подбирая инструменты воздействия, изменяющие параметры приведенных критериев как по отдельным секторам, так и для промышленности в целом. Особая тема представляется институциональными коррекциями, которые также должны быть направлены на изменение параметров критериев, чтобы сделать систему более индустриализованной. Далее нужны факторный анализ и оценка чувствительности мер промышленной политики, включая и отдельную оценку вводимых институтов развития и коррекций, воздействующих на стимулы к технологическому обновлению.

Общий критерий индустриализации России: сектор машиностроения и сырьевой сектор (масштабированная и немасштабированная выработка)

Общий критерий индустриализации России: сектор машиностроения и сырьевой сектор (выработка по секторам)

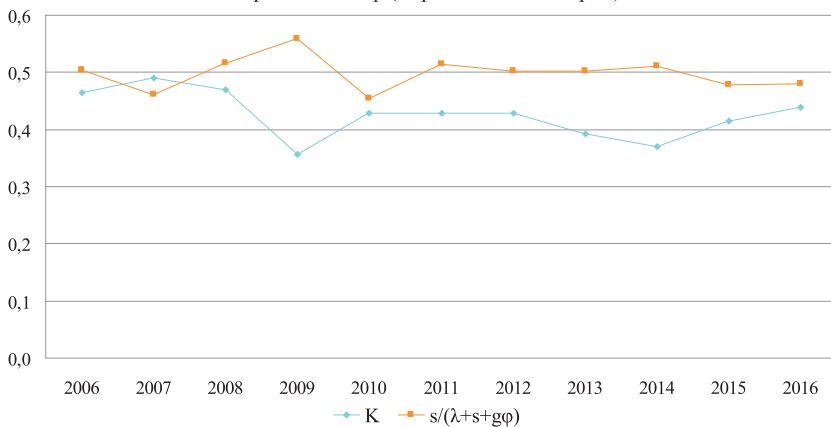

Рис. 4. Общий критерий индустриализации, Россия, 2006–2016 гг.

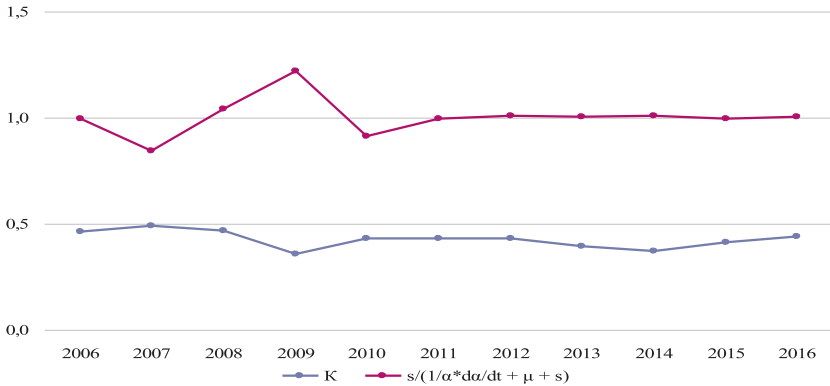

Рис. 5. Специальный (технологический) критерий индустриализации России.

3. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОРРЕКЦИИ

Секторальная структура экономики и промышленности формирует макроправило функционирования экономики. Можно говорить о портфеле секторов или видов деятельности и распределении различных ресурсов в рамках этого портфеля. При этом вполне вероятны ситуации, когда различные структуры распределения ресурсов дают примерно одно и то же сочетание дохода и риска от данного набора видов деятельности. Тогда актуален вопрос: какую структуру выбрать, либо, если риск разный для одного и того же дохода, стоит ли выбирать структуру, где риск меньше? А для одного и того же риска — где доход больше? Все эти задачи составляют набор задач нетривиального выбора, который может осуществляться только в макростановке, в том числе и применительно к промышленной политике, затрагивающей развитие структуры промышленных секторов.

Для экономики страны можно выделить, как минимум, три больших сектора — услуги (включая торговлю и банков-

ско-финансовый сектор), добывающий сектор (осуществляющий добычу полезных ископаемых различного вида и их первичную обработку) и обрабатывающий сектор, который включает все производственные секторы, создающие тот или иной тип продуктов, включая и аграрный сектор, создающий продукты питания. В общем случае для отдельных экономических систем, имеющих сельскохозяйственную специализацию, аграрный сектор⁸ необходимо рассматривать отдельно, то есть выделять четыре базовых подсистемы. Информационную систему можно относить к сектору услуг, либо, при существенном влиянии на динамику национального дохода этого сектора, выделять его отдельно. Тем самым, в самом «трудном» случае необходимо будет рассматривать экономическую динамику системы, состоящей из пяти крупных секторов⁹. Каждый сектор характеризуется доходностью, риском, величиной капитала и труда, переливом ресурсов, включая инвестиции. Именно управление таким переливом составляет содержание структурной и промышленной политики, а меры стандартной макроэкономической политики стабилизации требуется тестировать на предмет их пригодности к достижению таких стратегических целей. Если основным направлением промышленной политики в России считать индустриализацию, что абсолютно обоснованно, тогда именно эта задача вряд ли может быть решена без управления межсекторальным переливом ресурсов. Основную в стратегическом смысле проблему составляет сложившаяся в России структурная вилка, в рамках

⁸ Иногда употребляют термин «агропромышленный сектор». Здесь можно считать это эквивалентным.

⁹ Однако, если в каждом секторе возникают хотя бы пять шумпетеровских типов новых комбинаций, то имеем как минимум двадцать пять типов новых комбинаций, так как в каждом секторе новая комбинация имеет свою «технологическую окраску».

которой наиболее доходные виды деятельности (секторы), а именно — транзакционные и сырьевые, — относительно низко рискованные, а наименее доходные — высокотехнологичные производства, обработка, НИОКР — наиболее рискованные. Чем больше этот разрыв, тем труднее развивать производства и технологии, тем более сжаты и недоразвиты рынки высоких технологий и такой же интеллектуалоемкой продукции. Нужно отметить, что такая вилка может стать довольно стабильным «институтом развития», то есть, определять перелив ресурсов между секторами, убыль труда и капитала из одних секторов и перелив их в другие секторы, где доходность выше, а риск ниже. Причем этот процесс может происходить перманентно и довольно долго, вплоть до исчерпания функционирования указанных секторов, из которых уходит ресурс. В научном и аналитическом плане важна такая задача: во-первых, стоит ли прервать этот перелив ресурсов, оставив их в промышленных секторах, какими методами это возможно; во-вторых, нужен ли обратный перелив ресурсов в область промышленного производства — в каком объеме, какого качества, с какой скоростью он должен поступать и какой период времени, нужны ли понуждающие для такого перелива механизмы. Все перечисленные аспекты и составляют не только содержание подлинной промышленной политики, но и суть оценки эффективности отдельных инструментов, которые требуется задействовать для решения указанной задачи. Эти два ракурса поставленной задачи предопределяют модели индустриализации. При этом под новой индустриализацией стоит считать создание абсолютно новых секторов или производств, а под реиндустриализацией — технологическое совершенствование существующих производств. Причем оба процесса могут соразмерно с име-

ющимися возможностями по ресурсам осуществляться одновременно. Остается неясной одна проблема — оценка чувствительности (силы) применяемых мер промышленной политики, а также взаимодействие этих мер с другими видами политики, в частности, макроэкономической (денежно-кредитной и бюджетной). Этот вопрос крайне важный, так как демонетизация российской экономики не позволяла в полную силу работать институтам развития, даже тем, которые создавались и были весьма полезны с точки зрения стимулирования промышленного развития. Но не смогли исполнить свою функцию (возникла дисфункция — в силу несоразмерного задаче монетарного и другого ресурсного обеспечения) в необходимом объеме именно в силу макроэкономических и структурно-институциональных ограничений, которые не были преодолены.

В связи со сказанным, полагаю, что целью стратегического планирования в рамках закона о стратегическом планировании в РФ, а также закона о промышленной политике должна быть задача формирования структуры экономики как долгосрочно ориентированная и составляющая исключительно область стратегических решений.

Однако если осуществляются постоянные институциональные коррекции различных подсистем (изменения законов, правил, нормативов и иных регламентов функционирования), это снижает эффективность текущего функционирования, повышает транзакционные издержки. Это вызывает сдерживание роста или прямое сокращение требуемого на развитие ресурса. Деформации рынка труда, вследствие сложившейся неэффективной секторальной экономической структуры, напрямую отражаются на процессе распределения кадров. Из сферы обработки на-

блюдается перманентный отток кадров в область транзакционных (услуги, торговля, банковско-финансовый сектор) и добывающих секторов. Тем самым складывается устойчивый дефицит не только инвестиций в промышленности, но и кадров. Таким образом, отдельные технические задачи не могут быть реализованы в силу потери носителей исполнительского знания в промышленности. Это составляет одну из центральных проблем технологического обновления производства, обучения кадров, следовательно, и промышленной политики на современном ее этапе реализации в России.

Существует неверная стратегическая установка, будто система высшего образования должна дать промышленности и реальному сектору экономики, частному собственнику, сразу готовые кадры, имеющие возможность трудиться. Тем самым не учитывается необходимость получения фундаментальных знаний, возникает эффект «опрактичивания подготовки в высшей школе», причем по «субъективным» программам обучения и подходам в этой области. Одновременно возрастает бремя подготовки кадров для промышленности, то есть, нагружаются владельцы производства, которые должны искать себе кадры и готовить их. Здесь возникает два варианта развития: либо делать это, либо свертывать производство или упрощать его. По второй траектории большую часть времени, начиная с 1990-х гг., и развивалась российская промышленность. В итоге, общность образования, его основополагающий характер размываются и привязываются не к требованиям по квалификации, включая квалификацию и уровень знаний будущего специалиста, что должна программировать наука, а к текущим предпочтениям собственника, который еще и слагает с себя обязанность обучения человека на рабочем месте. Возникает аморфный процесс перекалывания задачи,

в итоге она не решается ни на одном уровне. Проблема в том, что владелец производства часто сам не в состоянии это распознать именно потому, что не обладает фундаментальной подготовкой и неизвестно когда повышал свой собственный уровень образования и понимания современного управления системой. Подобные стратегические просчеты закладывают будущий пласт неэффективного развития экономики и промышленности, затрудняют процесс технологического обновления производства. Идея омоложения кадров сама по себе не плоха, однако если недостаточен слой специалистов среднего возраста и если легко будут ущемляться интересы пожилого возраста, который и составляет основу «технологического знания» на сегодня, которое должно передаваться, а процесс передачи оплачиваться, то технологическая модернизация будет крайне затруднена в системном измерении.

В рамках промышленной политики замена целей, области приложения инструментов, функций, процедур, методик управления, нормативных документов повышает издержки функционирования и адаптации агентов, порождая дисфункцию как ответную реакцию на меры промышленной политики. Кроме того, изменение ресурсного обеспечения основных институтов также провоцирует увеличение дисфункции (в том числе по программам развития, а также новым институтам — Фонд развития промышленности, где финансовые назначения привязаны к собственным возможностям бизнеса, причем доля собственных средств на развитие на довольно длительном интервале времени в России была выше в обрабатывающей промышленности, нежели привлеченных средств). В этом же направлении действует ввод добавочных правил либо усиление существующих, в связи с необходимостью эффекта стимулирования развития и т.д. Поэтому увеличение институтов развития, а также интенсификация организационных пре-

образований (изменений) символизируют отнюдь не активность государства, хотя этот аспект также присутствует, но, в основном, низкую эффективность функционирования уже введенных институтов, которые не смогли решить те задачи развития, которые предполагались. С ростом дисфункции качество отбора может снижаться и стабилизироваться с течением времени на более низком уровне. Институциональные коррекции сегодня уже стали самостоятельным методом, определяющим функционирование многих рынков и, значит, имеющим макроэкономические следствия. Они в сильной степени влияют на промышленность (бывают основных четырех видов: «неудачная», «фиксирующая», «эффективная», «сверхожиданий»¹⁰). Последний случай в современной зарегулированной экономике наблюдается не часто, он связан с упорядочением функций, точным их исполнением и стабильностью на относительно длительном периоде времени, то есть, частота изменений не так высока. Именно частота институциональных коррекций (изменений) приводит к росту дисфункции и снижает потенциал дальнейших институциональных изменений (коррекций). Поэтому при формировании мер промышленной политики важно учитывать силу применяемого инструмента воздействия, а также то, насколько согласованы различные меры экономической политики. Обоснование изменения промышленной политики, использование всего имеющегося набора инструментов, который ограничен, так же, как и объем ресурсов для данного интервала времени, с учетом определения силы применяемых инструментов и их последовательности — вот эти позиции должны, по идее, составить суть аналитического подхода в области формирования и реализации промышленной и других видов хозяйственной политики.

¹⁰ Сухарев О.С. Институты развития: необходимость и эффективность.// Госаудит, Экономика. Право, 2017. № 2.

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Статья представляется в электронном виде в формате Word с расширением doc или docx 1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы:

- верхнее и нижнее поля — 20 мм,
- боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

2. Структура статьи:

- название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;
- название статьи в переводе на английский язык;
- автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;
- информация об авторе(ах) на английском языке: ФИО (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

- краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать

наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);

— развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написанной грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

— на русском языке (до 10);

— на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

— таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;

— иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации — BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их

первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языке приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов).

— полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), и e-mail автора(ов).

5. При направлении статьи в электронном виде необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте). Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией первого автора.

6. В первоочередном порядке к публикации принимаются статьи авторов, являющихся членами ВЭО России.

7. Статьи принимаются вместе с оригиналом квитанции о подписке автора на Научные труды ВЭО России на ближайшее полугодие (для иногородних квитанция отправляется заказным письмом в Правление ВЭО России, по адресу: Москва, ул. Тверская, д. 22а).

* * *

По вопросам публикации статей следует обращаться в ВЭО России по телефону:

+7 (495) 609-07-60, e-mail: info@veorus.ru

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
2018

Том двести одиннадцатый

Информационно-аналитическое издание
для членов Вольного экономического общества России

Москва, 2018

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России —
125009, Москва, ул. Тверская, 22а

Над выпуском работала:
А.В. Бобина

Допечатная подготовка:
АНО «Академия менеджмента и бизнес-администрирования»

Подписано в печать 09.06.2018. Заказ № 240531. Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность — ИД № 01775 от 11.05.2000.

Подписной индекс — 10920
в Каталоге российской прессы «Почта России»

© Вольное экономическое общество России, 2018

ISBN 978-5-94160-209-4
ISSN 2072-2060

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
2018

Volume two hundred eleventh

Information and analytical edition for members
of the Free economic society of Russia

Moscow, 2018

Published by the Free economic society of Russia
#22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Responsible for edition:
A.V. Bobina

Prepress:
ANO “Academia menedzhmenta i bizness-administrirvaniya”

Passed for printing 09.06.2018. Order № 240531. Circulation: 1000 copies.

The certificate of Mass-media registration — PI № 77-3786 20.06.2000.
License for publishing activities — ID № 01775 11.05.2000.
Subscription code 10920 in the Catalogue of Russian press by Russian Post.

© The Free economic society of Russia, 2018

ISBN 978-5-94160-209-4
ISSN 2072-2060

